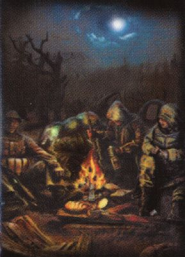
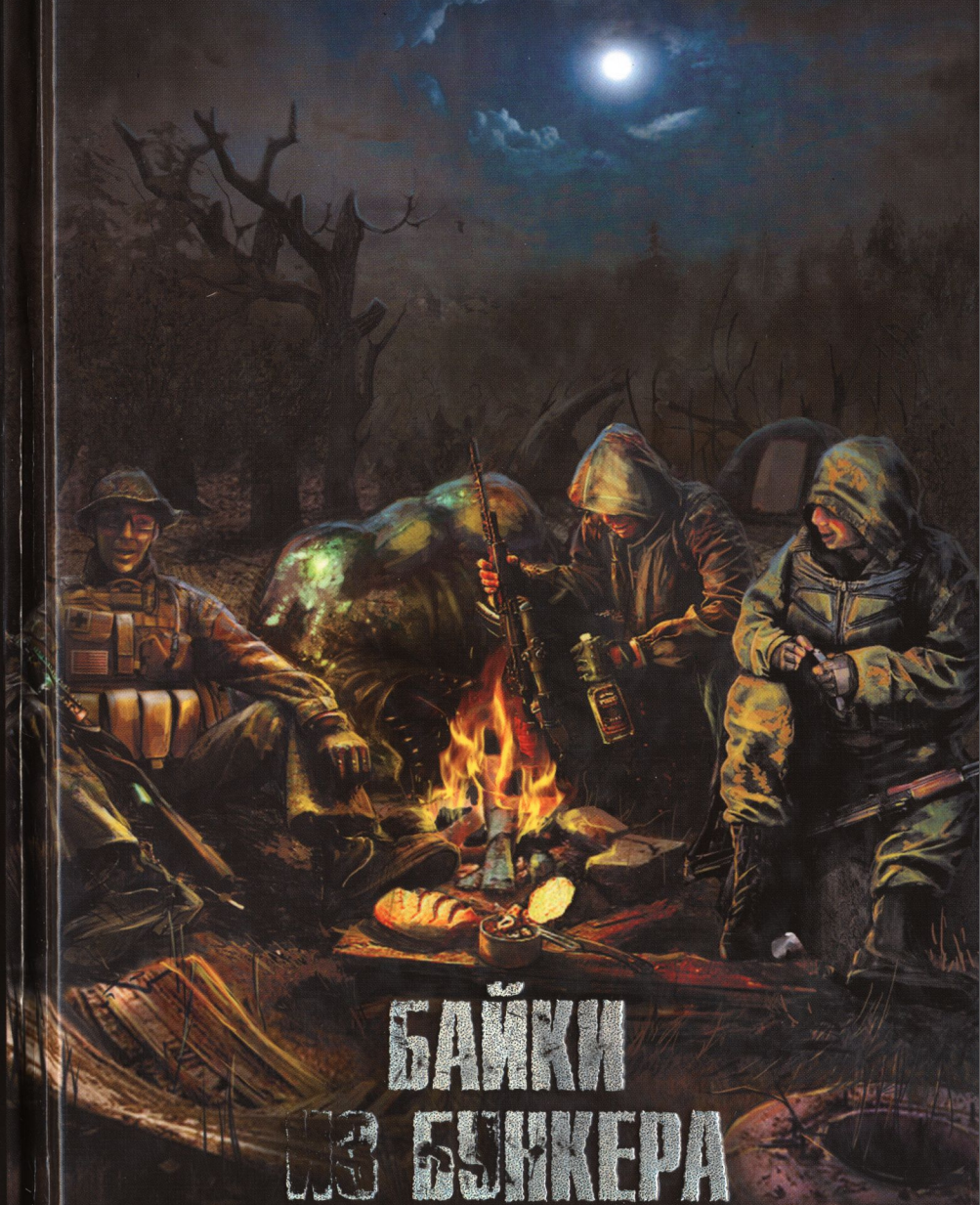

ГЛАВНОЕ
ОТ
СЕРИИ

SWALKER

СЕРИЯ
ОТ
ГЛАВНОГО

БАЙКИ
ИЗ БУНКЕРА

S.W.A.L.K.E.R

Зотов
Александр Бачило
Олег Бондарев
Игорь Вардунас
Виктор Глумов
Андрей Гребенщиков
Лев Жаков
Николай Желунов
Юлия Зонис
Роман Куликов
Андрей Левицкий
Сергей Малицкий
Виктор Ночкин
Генри Лайон Олди
Сергей Палий
Антон Фарб
Нина Цюрупа
Александр Шакилов
Вячеслав Шторм

SWALKER

**БАЙКИ
ИЗ БУНКЕРА**

Составитель
Никита Аверин

**Астрель
МОСКВА**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С24

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 20.08.2012.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 8000 экз. Заказ 3970.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Составитель — Никита Аверин

Оформление обложки — А. Кудрявцев

Художник — Н. Арустамова

С24 S.W.A.L.K.E.R.: Байки из бункера: [Фант. повести,
рассказы] / сост. Никита Аверин. — М.: Астрель, 2012. —
381, [3] с.

ISBN 978-5-271-45251-2

Бункер в постапокалипсисе — уникальное место! В нем водятся ужасные монстры. В нем скрывается немыслимый хабар. Но самое главное — именно в нем рассказываются удивительные, ужасающие, а главное — уморительные байки! О храбрых зомби и скучающих вампирах. Бескрылых ангелах и шагающих боевых машинах. Самоотверженных лесорубах и малых кирпичных заводах на гусеничном ходу. Даже о чуде из чудес — Плюшевом Розовом Кролике!

Зотов, Генри Лайон Олди, Андрей Левицкий, Виктор Ночкин, Александр Шакилов, Юлия Зонис и многие другие — такой постапокалиптики вы еще не читали! Осторожно! Ночь темна... и полна смеха!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-985-20-0092-5
(ООО «Харвест»)

© Н. Аверин, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© ООО «Издательство Астрель», 2012

*Андрею Легостаеву и Александру Житинскому.
Вы научили нас смеяться*

Страшно смешная сказка на ночь

Совсем никуда не годился бы этот мир,
если бы не над чем было посмеяться.

*Сомерсет Моэм.
«Пироги и пиво, или Скелет в шкафу»*

Хочешь, дружок, я расскажу тебе сказочку? Давным-давно, в одном черном-черном бункере собралась компания заядлых выдумщиков и фантазеров. Сумрачные своды подземного укрепления наводили на них ужас, а пыль и тлен наполняли их сердца унынием. И закончилась бы эта история, так толком и не начавшись. Например, групповым суицидом. Но наши герои не отчаивались и решили подбодрить друг друга веселыми рассказами и легендами. Заодно и время скоротать. Так появился на свет сборник юмористических рассказов «Байки из бункера».

Прошел почти год с того солнечного дня, когда в сознании нескольких писателей-фантастов одновременно зародилась идея от души посмеяться над мрачной темой постапокалипсиса. Казалось, само Провидение было на их стороне. Чем же, как не вмешательством высших сил, можно объяснить то, что сборник был составлен за считанные недели! Мало того, материала набралось столько, что составителю волей-неволей пришлось задуматься над продолжением этого творческого эксперимента.

На этот раз под прицел озорных писателей-фантастов попали не только сталкеры и радиоактивные руины, но и вампиры, зомби и прочая нечистая сила. Получилось настолько умори-

тельно, что мы сделали закономерный вывод: авторам давно хотелось поквитаться с бледными кровососами и охотниками за содержимым черепных коробок. И вновь на ум приходят мысли о вмешательстве сверху, о незримых кукловодах, дергающих за ниточки и заставляющих нас плясать под свою дудку. Но мы и не против такого беспардонного вмешательства. Это позволяет нам снять с себя всякую ответственность за получившийся в итоге результат, отойти в сторону и просто насладиться процессом. Наверное, так и бог следит за нашими делами, откуда-то из глубин Вселенной.

И если на прилавках книжных магазинов появится третий том S.W.A.L.K.E.R.'а, значит, мы все делаем правильно!

Никита Аверин

Александр Бачило

НАСТОЯЩИК

«Каждый сам за себя, один Бог за всех. Каждый сам за себя...»

Питон вдруг понял, почему эта фраза крутится в его прожаренных мозгах, как заевшая пластинка.

«Да я, никак, сомневаюсь?! — с веселым изумлением подумал он. — Это что же, выходит, мне их жалко?»

Он окинул быстрым взглядом из-под капюшона оба ряда сидений. Вагон был пуст, только на самом дальнем диванчике клевал носом седобородый человек в красной, с белой опушкой, шубейке и такой же шапке. Шапка совсем съехала на ухо, открывая тонкую полосу через висок — резинку, на которой держалась борода.

«Чего это он бороду нацепил? — встревожился Питон. — От кого маскируется?»

Он привстал было, зорко следя за ряженым, но сейчас же снова плюхнулся на место и мелко затрясся, будто в нервном припадке.

«Это же Дед Мороз, елки зеленые! Расслабься, бродяга! Праздник у них тут! Новый Год, драить их за ногу!»

Отсмеявшись, он плотнее запахнул куртку, глубже натянул капюшон и, казалось, уснул.

«А может, и жалко. Как представишь, что тут начнется в скором времени, так и впрямь не позавидуешь им. Вон они какие — елочки наряжают, Деда Мороза водкой поят. Живут се-

бе, о Барьере слыхом не слыхивали — ну и жили бы себе дальше. Что они мне сделали?»

Разомлевший Дед Мороз чихнул, досадливо сдвинул бороду на бок, потер нос вышитой рукавицей. Шапка, наконец, свалилась с его головы, но он не проснулся, только озабоченно потянул на себя тощий мешок с подарками — целы ли — и снова захрапел.

«А с другой стороны — обидно, — подумал Питон, неприятно косясь на спящего. — Сидят тут в тепле, в довольстве, сытые сволочи, фальшивые бороды привязывают, а Серега-Бокорез — в пещере остался, с одной обоймой... Нет уж, пусть и эти кровью поблюют! И потом — какое мне дело? Деньги не излучают. Скину груз, заберу бабки — а там хоть потоп. Каждый сам за себя, один Бог за всех».

Поезд с затухающим воем остановился. Питон поднял голову. За окном — ребристые стены тоннеля, толстый кабель под слоем пыли. До станции не доехали. В чем дело?

Впрочем, он уже знал — в чем...

— По техническим причинам поезд следует до станции Печатники, — угрюмо прохрипел динамик.

— То есть как — Печатники?! — вскинулся Дед Мороз. — Печатники только что проехали!

Он ошеломленно хлопнул глазами, оглядывая пустой вагон.

— Отличный костюм, — прогнусавил вдруг кто-то над самым его ухом.

Дед Мороз вздрогнул и обернулся. Человек в наглухо застегнутой куртке с капюшоном, надвинутым на лицо, поднял с пола красную шапку, выбил ее о колено, но хозяину не вернул. Поезд тихо тронулся и покатил, набирая ход, — в обратную сторону.

— А что случилось-то? — с фальшивой беззаботностью спросил Дед Мороз. — Авария?

— Авария, — кивнул человек, пряча лицо. — Придется помочь...

— Рад бы, но... — Дед Мороз поспешно повернул бороду, пристраивая ее на положенное место, — я ведь и сам на службе. Подарки детворе развезти надо, а водила сломался. Но не оставлять же детей без Деда Мороза!

Он сунул было руку в мешок, но в то же мгновение ощутил холодное прикосновение металла — незнакомец стремительно приставил к его лбу двуствольный обрез.

— Не дергайся, дядя! Дай сюда мешок. Что у тебя там?

— Подарки! Что ж еще?! — чуть не плача сказал Дед Мороз.

Он безропотно расстался с мешком, в его руке остался только разграфленный листок.

— Совсем чуть-чуть осталось, — захныкал он, водя пальцем по строчкам. — На Ставропольской семь, Кириевскому, одиннадцать лет — вертолет, на Краснодарской девять, Бойко — танк, на Кубанской два, Киндერгахт... как его, поганца... игрушка Гиганатано... взар... тьфу, на маршала Алабяна три, Черкиняну — алабянные, блин, то есть на маршала Оловяна...

«Не обделался бы со страху, — подумал Питон. — Чего несет? Если только...»

Он пригляделся к Деду Морозу внимательней. А что, если это проверка? Может, он от заказчика и прибыл, клоун этот? А что? Прикид нынче самый расхожий.

— I need your clothes, — сказал Питон.

Дед Мороз осекся.

— Чего?

— Не понимаешь?

— Плоховато у меня с языками, — залебезил Дед. — Уж не сердитесь. Три класса и коридор...

«Нет. Этот — не от заказчика». Питон вздохнул:

— Мне нужна твоя одежда.

* * *

Я сперва за хохму принял, ей-богу! Выходит перед строем паренек — ну, лет двадцати трех, не старше.

— Больные, — спрашивает, — есть? Помялся кто в дороге, недомогает? Потертости? Царапины?

Надо же! Недомогания наши его волнуют. В учебке, небось, никто про здоровье не спрашивал. Дадут лопату — и недомогай, пока танк по башню не зароешь. А этот — прямо брат родной! Может, и правда, медбрат? На фельдшера что-то по возрасту не тянет. Черт их разберет в полевой-то форме. На погончике — две звезды, и те вдоль.

Тут подходит он прямо ко мне и спрашивает тихо:

— Родителей помнишь?

— Так точно! — говорю.

А сам удивляюсь. Чего их не помнить? Не так давно виделись.

— Живы? Здоровы?

— Более-менее...

— Отец не пьет? А мать?

Дались ему мои родители! На гражданке послал бы я его за такие вопросы. Но в учебке нас уже крепко переучили: хоть про мать, хоть про отца, хоть, извиняюсь, параметры конца, а если начальство спрашивает — отвечай.

— Никак нет, товарищ старший прапорщик, — отвечаю, — непьющие они. Оба.

И вдруг чувствую, что и вправду — «О-ба!».

По шеренге этакий всхрюк пронесся, да не такой, как бывает, что ржать нельзя, а хочется. А такой, что сам не знаешь, от смеха всхрюкнул или от ужаса. Будто все разом вдохнули и затаились. И, главное, причина этому дыхательному упражнению явно во мне. А чего я сказал?

Гляжу на начальство, а оно, в ответку, на меня. Без улыбки глядит, спокойно так, и не поймешь, что у него на уме: то ли юморок армейский там притаился, то ли погрузочно-разгрузочные работы для меня, как говорится, в самом нужном месте.

— Так, — говорит, наконец. — Вижу, в учебке общевойсковой устав доводили. Но не весь...

И глазом по шеренге скользнул, будто выявляя, есть ли еще такие самородки, как я. Все застыли, вытянулись, как на параде, шары повывкатывали. Что ж такое? Чем этот прапор столько страху нагнал?

И тут вдруг начинает до меня доходить. Две звезды вдоль погона не одни прапорщики носят. Есть и еще подходящее звание.

Мать моя, красная армия! Говорили же нам, что отправляют в такую часть, что у нее ни номера, ни почты, зато по кухне полковники дежурят. А я-то еще ржал над такой перспективой! Ну, теперь все. До дембеля в солобонах ходить, да когда он еще будет, тот дембель? Оставят до особого распоряжения, всеобщего разоружения...

В общем, стою, дурак-дураком, не знаю, как вести-то теперь себя. Одно остается — дурака и включить.

— Виноват, — говорю, — товарищ генерал-лейтенант! — а сам будто заикаюсь. — Обо... знался!

Он только рукой махнул — молчи уж. И пошел вдоль строя.

— Это к лучшему, — говорит задумчиво, — что уставов не знаете. У нас тут свои уставы. Прогибаться некогда. Обстановка не позволяет. Единственное, что вам сейчас нужно затвердить, как «Отче наш», это... «Отче наш». Потому что дельце будет жаркое. По машинам!

* * *

— «Нет, — сказал зайчатам Мишка, — в стаде заяц — не трусишка!»

— В стае, Коленька! — тихо поправила мама.

— Зайцы стаями не ходят, — буркнул шестилетний Коленька, слезая с табуретки. — Всё, давай подарок!

Дед Мороз, тронув затейливый узел на мешке, вопросительно покосился на Колину маму. Та была расстроена. Ей явно хотелось, чтобы Коля блеснул.

— Это смотря, какие зайцы, — уклончиво заметил Дед Мороз. — Ваши-то, городские, может, и не ходят. Чего им стайей промышлять? На всем готовом живут — где магазин, где склад подломят... А в наших краях, к примеру, заяц голодный, он слона замотает, если стайей.

— Слона-а? — недоверчиво протянул Коля.

— Да что слона! — Дед Мороз махнул рукавицей. — По крепкому насту он, заяц-то, бывает, и на кордон выходит. Обложит со всех сторон и прет цепью. Тут с «калашом» не отсидишься, «дегтярь» нужен...

Дед Мороз вдруг умолк, поймав на себе изумленный мамин взгляд.

— В общем, маловат стишок, — сказал он, кашлянув. — Не тянет на подарок.

— Там же дальше еще, сыночек! — в голосе мамы звякнули умоляющие нотки.

— Ай! — отмахнулся Коля. — Там полкнижки еще! Хватит на сегодня!

— Ну, про дружбу, Коленька! — упрасивала мама. — Ты так хорошо читаешь стихи! Дедушке Морозу очень хочется послушать. Правда, Дедушка?

— Черт его знает, как так получается... — Дед Мороз почесал в затылке. — Никогда бы не подумал, что буду всю эту пургу слушать. Но вот поди ж ты! Нравится! Ты, Колян, пойми. Мне подарка не жалко, но за принцип я глотку порву! Сказано: подарки тем, кто маму слушается, — всё! Сдохни, а слушайся! Мать сказала: дальше рассказывай, значит, надо рассказывать, брат, до разборок не доводить. Это же мать! Сечешь фишку?

— Секу, — вздохнул Коля.

— Что там у тебя дальше насчет зайцев? Задавили они медведя или отбился?

— Там дальше о дружбе! — радостно вставила мама.

— Не вопрос, — кивнул Дед мороз. — Дружба рулит не по-детски! Особенно, если лежишь в канаве, подстреленный, а на тебя стая зайцев с-под лесочка заходит. И патронов — кот наплакал. Тут без друга надежного, отмороженного, с которым хоть шишку бить, хоть по бабам...

Дед Мороз снова поперхнулся, спохватившись.

— В общем, давай, Колян, заканчивай стишок. Меня еще куча детей ждет.

— Ладно, — вздохнул Коля, — всё не буду, только главное, — он снова взобрался на табуретку и старательно прокричал в пространство:

Чтоб в лесу нормально жить,
Надо дружбой дорожить!
И тогда лесные звери
Будут с сельскими дружить!

Дед Мороз задумчиво покивал.

— Это верно подмечено у тебя. Лесные — они чистые звери. Кто к ним попал, того одним куском больше не видали... Вот кабы узнали, что про них дети говорят... В общем, молодец, Колян. Здорово припечатал! Заслужил подарок — получай!

Дед Мороз рывком развязал узел, запустил обе руки по локоть в мешок. На лице его появилось удивленное выражение.

— Ох, мать честная! Я и забыл про него!

Он вынул из мешка и поставил на пол нечто вроде автомобильного аккумулятора — увесистый параллелепипед размером с небольшой посылочный ящик.

— Это я извиняюсь, — Дед Мороз обескураженно почесал в затылке. — Это не тебе, Колян.

— Другому мальчику? — с пониманием осведомился Коля.

— Во-во, ему. Мальчику. Шустрый такой мальчуган...

— А он маму слушался?

— Спрашиваешь! Такую маму попробуй не послушайся! Дня не проживешь, — Дед Мороз отчего-то быстро огляделся по сторонам. — Ладно. Что-то я не по делу уже тарахчу. Вот он, твой подарок — законный, именной, честно заработанный...

И он, наконец, вынул из мешка игрушку.

— Ух ты! — восхищенно прошептал Коленька. — Совсем как живой...

— А то! — разулыбался Дед. — У настоящего Дедмороза и подарки на все сто!

* * *

— Все-таки, странный мужик...

— Кто це?

Остапенко повернулся ко мне, отчего остальные чуть не посыпались со скамейки. Однако сыпаться было некуда — набились в грузовик, как в коробку — под завязку.

— Командующий наш, — прокричал я сквозь кузовные скрипы и рев мотора. — Генерал Колесник! То про родителей расспрашивал, то вдруг — «некогда прогигаться, по машинам».

— Та ничего особлывого, — разулыбался Микола. — В них вже така процедура. Як той Суворов робыл, так и вони собі роблять, — он пренебрежительно махнул рукой. — Гетьманщина!

— Да не размахивай ты ковшами своими! — сдавленно прохрипел ненароком прижатый к борту Степа Гуваков. — Тебя надо в отдельном трейлере возить!

Что и говорить, здоров наш Остапенко. Плечи такой ширины, что из-за спины можно кукольный театр показывать. Бороду бы еще — и вылитый Карабас-Барабас, только без

плетки Да ему плетка и ни к чему — кулак такой, что в ведре застревает. Правда, добр Микола, силы своей показывать не любит, теми, кто слабей, не помыкает, но если и смирно попросит, типа, малышей не обижать — никто ему в просьбе не откажет.

Вот и Степе в ответ на ругань он слова не сказал, только выпростал из-за спины, осмотрел повреждения и бережно назад усадил.

— Та ничего особлывого...

Такой у нас Микола.

— Кого ловить-то будем? — спросил Валерка Жмудь. — Опять какую-нибудь хрень из-за Барьера занесли?

— Да уж это как водится, — отозвался из-за Миколиной спины Гуваков. — Никакого понятия у бродяг. Притащит черную дыру, а потом сам же вопит: помогите!

— А что, опять черную притащили? — встревожился Жмудь.

— Может, что и похуже. Пойди, разберись, что там, за Барьером, самое злое, — Степина голова протиснулась у Миколы под мышкой и обвела глазами слушателей. — Говорят, какой-то настоящик притащили.

— Ящиков нам только не хватало! — проворчал Жмудь. — Не заметишь, как сам сыграешь, в ящик-то. Что оно хоть такое?

— Никому не известно.

— Как так — не известно?! — возмутился Жмудь. — А с какой стороны за эту штуку братья — тоже не известно?!

Никто не ответил. Черт его, в самом деле, знает...

— В армии що гарно? — философски произнес Микола. — Що усе скажуть...

Грузовик вдруг накренился, закладывая невозможный вираж. Испуганно запели тормоза. В то же мгновение что-то невероятно тяжелое врезалось в землю у самого борта. Машину отбросило, будто взрывной волной, завалило на бок. Но взрыва не было.

— Все из машины, быстро! — послышался откуда-то снаружи голос генерала.

В общей куче мне разок проехались пряхкой по физиономии, чуть не высадили пару зубов каблуком и чуть не сломали

ребро о какой-то угол. Наконец, могучая рука Миколы выдернула меня наружу.

Задние колеса нашего «КамАЗа», были подогнуты внутрь, будто перед взлетом он собирался убрать шасси. Рядом лежала куча бетонных обломков, среди которых я с удивлением увидел плиту с приваренным к ней почти неповрежденным балконом. Вьющиеся растения густо заплетали перила и даже в проеме разбитого окна, как ни в чем не бывало, колыхались белые занавесочки.

— Вон он! — закричал кто-то.

Все разом повернулись к ближайшему дому. Там, на высоте шестого этажа, зиял пролом, какой бывает при взрыве газа. Но ни огня, ни дыма не наблюдалось. Сквозь пыльную завесу можно было лишь смутно разглядеть какое-то шевеление — будто кто-то двигал там неповоротливую мягкую мебель.

И вдруг из пелены вынырнула и прямо на нас уставилась огромная, жирно поблескивающая чешуей голова с двумя надбровными гребнями и частоколом зубов в разинутой пасти. Я даже не сразу понял, что это не кино. Такая знакомая зверюга! Для всех, кто в детстве ими увлекался.

— Гигантозавр, — сказал генерал Колесник. Он стоял рядом со мной, держа в руке разграфленный листок. — Все правильно. Кубанская, два, квартира пятьдесят... Не стрелять! Там люди!

Сверху слышались жалобные крики.

— Ну-ка, ты, богатырь, — генерал махнул Миколе. — Бери свое отделение — и за мной. Нужно выманить эту тварь на чистое место. Но стрелять только по моей команде!

Он повернулся ко мне.

— А! Двоечник... У тебя в учебке какая специальность была?

— Механик-водитель! — доложил я, поглядывая все же наверх.

— Вот и поглядим, что ты за водитель. Наводчик в отделении есть?

— Так точно!

Генерал заглянул в листок.

— Бери наводчика и бегом на соседнюю улицу. Краснодонская, девять, квартира один. Увидишь там, поблизости боевую технику — гони ее сюда. Выполнять!

* * *

Какое же это счастье — дарить радость детям и их родителям! Но какое непростительное разгильдяйство — терять важнейшие документы! Подумать только — забыл где-то список. Адреса, фамилии, наименования подарков... где оставил? У Степанцовых или Кирхмееров? А может, у Коли, на стихотворной табуретке? Положил на минутку, когда настоящий в мешок запихивал, да так и ушел, склеротик бородатый! Ну и куда теперь?

Дед Мороз даже зажмурился от стыда и отчаяния. В тот же миг в голове словно надпись вспыхнула: Симферопольская, четырнадцать, квартира двадцать три. Варенникова Катя.

И более тусклыми, не разгоревшимися еще буквами:

Ташкентская... Поречная... Мячковский бульвар...

Все-таки хорошо быть настоящим Дедом Морозом! Фальшивый какой-нибудь, бухгалтер переодетый, сроду не запомнил бы адреса наизусть. Но для того, кто надел шубу и рукавицы не на праздничную недельку, а на всю жизнь... о! Для него каждый ребенок — роднее собственной Снегурки, и забыть, где он живет... нет, как же можно?! Да в темноте с закрытыми глазами найдет дедушка ваши дома, ребята! Потому что слышит и понимает каждого, кто его ждет...

— Здоров, Питон! — раздался вдруг голос из подворотни. — Поговорить надо. Только не дергайся. Держи руки так, чтобы я их видел...

* * *

Вбежав во двор девятого дома по Краснодонской, мы с Валеркой Жмудем сразу врезались в толпу. Народ с изумлением разглядывал развороченную дверь подъезда, откуда торчал... длинный орудийный ствол.

— А ну, граждане, разойдись! — заорал я. — Армейская операция! Освободите проход к технике!

— С ума вы посходили с вашей техникой! — задиристо отозвалась сухопарая старушка с котом на руках. — Только капремонт дому сделали, а вы тут со своими учениями, душегубы!

— Жертвы есть? — хмуро спросил я.

— А то как же! На Василия кирпич упал! — она заботливо погладила кота, который совсем не выглядел жертвой. Здоровенный жирный котяра, сытый и довольный. Такого кирпичом-то и не убьешь...

— Это не учения, мамаша, — веско сказал я. — Сохраняйте спокойствие.

— Сань, ты глянь! — Валерка дернул меня за рукав и указал в пролом.

— Ну, что? Танк и танк. Обычный Т-72... постой... что это? Я взгляделся в сумрак подъезда и ошеломленно присвистнул.

Никогда мне не доводилось видеть такого чистенького танка. Это еще слабо сказано. Он был словно только что снят с полки магазина — даже на гусеницах ни пылинки. Но не это главное.

Танк был розовый!

* * *

Деда Мороза окликнул человек, устало подпирающий стенку в тени арки, ведущей с улицы в спокойные, темные уже, уютно заплетенные линиями гаражей дворы, куда, случись что, нырнул — и канул, не найдут. Этаким рядовой трудяга, возвращавшийся, вероятно, с дневной смены, а может, и даже скорее всего, направлявшийся на ночную... Ну, короче, нашли Питона. Свои ли нашли, те, с кем многожды ходил он за барьер? Да и в этот раз отправился с компанией надежных ребят, а вот вернулся почему-то один. И никому ни слова. Нехорошо.

А может, заказчику надоело ждать обещанной посылки, и отправил он, полный нехороших предчувствий, другую компанию, и тоже очень надежных ребят, — встречать добытчика.

А может, нашлись надежные ребята и совсем в другой компании. В той, что никого ни за чем не посылала, никому ничего не заказывала, а просто никогда не упускала случая поживиться чужим куском — добычей ли, деньгами ли, или даже просто честным рассказом удачливого бродяги — где был, что достал, как в живых умудрился остаться... В смысле — до этих пор умудрился. Дальше-то вряд ли.

Сказать, которой из компаний надежных ребят принадлежал человек, окликнувший из подворотни Питона, представляется

затруднительным. Да и не так это важно. Окликнул и окликнул — на том спасибо. Мог бы молча шмальнуть.

— Извините, это вы мне? — Дед Мороз недоуменно, но без опаски, вглядывался в полумрак подворотни.

— Закругляй самостоятельность! — посоветовали из тени. — Не на елке! Гони настоящик! Сколько можно ждать?!

— А! — Дед Мороз с пониманием улыбнулся. — Вы хотите получить подарок?

В голосе его было столько радушия, что человек в арке испуганно попятился, быстро сунул пятерню за отворот ватника и в полумраке стал похож на Наполеона, бегущего из России.

— Но-но! Без шуточек, Питон! — предупредил он. — А то сам подарочек схлопочешь!

— Подарочек? Мне? — оживился Дед Мороз. — Это так мило с вашей стороны! Уверен, весь год вы слушались маму и вполне заслуживаете награды! Осталось только рассказать стишок, и настоящик — ваш!

Дедушкины слова несколько не воодушевили обитателя тени.

— Кончай измываться, Питон! — взвыл он. — Какой еще, в дупло, стишок?!

— Любой подойдет, — Дед Мороз сдвинул шапку набекрень и, выпростав ухо из-под седых кудрей, приготовился слушать. — Но лучше, конечно, о дружбе. Знаете эти бессмертные строки: «Нас зовут лесные звери под зеленой крышей жить»?

— Да что же это... — пробормотал человек в арке и, чуть не плача, воззвал в темноту: — Сидор! Не могу я с ним ровно базарить! Он говорит, его лесные крышуют! Слыхал?

— Слыхал, слышал...

Со стороны погруженного в ночь двора вдруг вспыхнула целая раampa огней, густо облепивших «кенгурятник» могучего джипа. В арке сразу стало солнечно, как на пляже. Но и на солнце бывают пятна. Темным, скособоченным пятном от машины отделился и заковылял, опираясь на звонкую трость, лысый, остроухий силуэт.

— Ничего-то ты не понял, Хомяк, — сказал Сидор, проходя мимо человека в арке. — Зря только кормлю вас, убогоньких... Не с Питоном ты базаришь, пардон, беседуешь... лоша-ра! — он вежливо поклонился Деду Морозу.

— Как — не с Питомом? — Хомяк опасливо переводил взгляд с лысого на бородатого, тщетно пытаясь понять, в чем юмор.

— Ведь ты настоящий Мороз, дедушка? — ласково спросил лысый.

— На все сто! — заверил Дед Мороз.

* * *

На полной скорости я вывел свою «Розовую Пантеру» на Кубанскую и втопил по полной, торопясь к дому номер два. Из-за грохота двигателя я не слышал стрельбы, но издали заметил сверкнувшую цепочку — кто-то бил трассирующими. Затем из-за угла показались ребята, они бежали прочь от дома, оборачиваясь и стреляя на ходу. Последним появился генерал Колесник. Он выпустил трассирующую очередь и честно припустил со всех ног. По пятам за ним с каким-то машинным упорством двигался гигантозавр. Видимо, пули калибра 5,45 производили на тормозную рептилию слабоватое впечатление.

— Наводи! — рывкнул я, прижав к горлу лингофон, и тут же застопорил фрикционы.

Ствол, как указка, пополз вслед за чудовищем, неотвратно догоняющим Колесника.

Жахнуло, пахнуло огнем и пороховым дымом. Автомат четко отработал перезарядку орудия. Но второй выстрел не понадобился.

Генерал Колесник подбежал, на ходу обирая с себя клочья мяса, и, вспрыгнув на броню, протянул мне руку.

— Ну, держи пять, крестник! Вовремя подоспел, спасибо! Понял теперь, с чем мы имеем дело?

— Так точно, — сказал я. — Хищный динозавр мелового периода...

— Да плюнь ты на динозавра! — генерал устроился поудобнее и вынул пачку «Казбека». — Эй, наводчик! Вылезай! Великолепно стреляешь, — с чапаевской интонацией сказал он показавшемуся над башней Валерке. — Угощайся.

— Виноват, товарищ генерал, — смутился Жмудь, — не курю.

— Да я и сам не курю, — сказал Колесник. — Это мятные конфеты. А то прет от этого динозавра, как от хорька...

— Откуда он взялся? — я все никак не мог сообразить, что происходит.

— Оттуда же, откуда и твой танк, — сказал генерал. — Из мешка...

* * *

— Я так и думал, — покивал Сидор. — Настоящая борода, мешок, подарки... И вообще все, к чему прикасался настоящий, — все настоящее! Ты ущучил? — обернулся он к Хомяку.

— То есть... да... — неуверенно протянул тот. — Конечно... Но в каком это смысле — настоящее? Он что, вообразил себя...

— Нет! — рявкнул Сидор. — Он и есть! На все сто процентов — натуральный Дед Мороз!

— Так ведь не бывает их ... — растерялся Хомяк.

— Извини, дедушка. Мал еще сынулька мой, — Сидор ткнул тростью в сторону Хомяка, — не узнал тебя. Но мальчик он очень хороший, и маму слушается, и стишок сейчас отчебучит за милую душу! Начинай, Хомячок, не тяни кота за елку, дедушка ждет. Ну?

— Да не знаю я стихов! — захныкал вконец сбитый с толку Хомяк.

— Как так не знаешь?! — встревожился Сидор. — Что тебе мамка в детстве на ночь читала?

— Какая там мамка! — горько хмыкнул Хомяк. — Она и днем-то ничего, кроме этикеток на бутылках, не читала! А к ночи и вовсе буквы забывала...

— Думай, Хомяк, думай! — лихорадочно бормотал Сидор. — Будешь кобениться — шлепну! Не может быть, чтобы ни одного стишка не помнил!

— Подскажите хоть начало!

— Да мне-то откуда стишки знать?! — взвыл Сидор. — Я с пяти лет по психушкам!

Хомяк уныло покосился на Деда Мороза:

— А без стишка нельзя?

— Отчего же, — умильно расплылся дедушка. — Песенку можно. Или танец.

— Вообще-то, пару песенок я помню... — Хомяк неуверенно почесал в затылке.

— Заткнись! — прошипел Сидор. — За твои песенки ничего, кроме срока, не получишь! — он старательно посмеялся, заглядывая под косматые брови Деда Мороза. — Хомячок у нас — плясун!

— Кто плясун?! — ужаснулся Хомяк.

— Стесняется, — Сидор подошел к подручному и потрепал его по загривку, да так нежно, что у того клацнули зубы.

— Если что-то мешает, скажи, — заботливо промурлыкал лысый. — Танцору ничего не должно мешать! Ну-ка! Два прихлопа, три притопа!

— Только и знаете, — тяжело вздохнул Хомяк. — Прихлопнуть да притопить... Эхх! — с разгульной тоской заорал он вдруг. — Говори, Москва, разговаривай, Расея! — сорвал с головы шапку, хватил ею оземь, передернул плечами, откинул со лба несуществующие кудри и резво ударил вприсядку с причитаниями. — Ах! Ох! Чтоб я сдох! Баба сеяла горох! Подавилась кирпичом! Что почем, хоккей с мячом!

— Ходи, черноголовый! — бодрил его Сидор. — Хоба-на да хоба-на, зеленая ограда! Есть такая песенка, но петь ее не надо!

— Ай-люли! Ай-люли! — Дед Мороз прихлопывал рукавицами.

— Эх, Питоша! — напевно голосил Хомяк, не переставая выкидывать коленца, — какой бродяга был! Настоящик из-за Барьера вынес! Чудо! Зачем же ты, дурак, эту мочалку на морду нацепил?! Вовек теперь не отдерешь! Погубил тебя, дурака, настоящик!

— Дурак — нехорошее слово, — погрозил ему рукавицей Дед Мороз. — Хочешь получить подарок — забудь это слово и рот вымой с мылом!

— Все! Не могу больше! — Хомяк грохнулся на колени. — Что я, клоун — козлом скакать?

— Э! Э! — предостерегающе взрыкнул Сидор. — Страх потерял, вредитель?! Пляши, тебе говорят!

— Хватит бродягу чморить, — прохрипел Хомяк устало. — Чего мы изгаляемся над ним? Закопаем, как человека, и груз заберем.

В руке Хомяка вдруг появился тяжелый, как отбойный молоток, пистолет с длинным стволом.

— Прости, брат. Жалко тебя, но...

— Не вздумай! — ахнул Сидор.

В его ладони тоже, откуда ни возьмись, материализовался пистолет, мало чем уступающий хомяковскому. Губительный дуллет, слившийся в один оглушительный хлопок, уже готов был терпким эхом отразиться от сводов подворотни... но не отразился. Словно кто-то вдруг вставил в арку огромный кляп — все звуки разом оборвались.

Несколько мгновений царил неестественная тишина, а затем тихо звякнули, упав на обледенелый асфальт, две тяжелые пули.

Дед Мороз со вздохом опустил посох, на конце которого еще посверкивали ледяные искорки недавнего разряда.

— Ну кто дает детям такие опасные игрушки?! — с негодованием сказал он, высвобождая из скрюченных, заиндевелых пальцев Сидора и Хомяка ломко крошащиеся кусочки металла, только что бывшие грозным оружием. — А если бы вы друг другу в глаз попали?!

Две густо покрытые изморозью статуи ничего ему не ответили.

— Вот-вот! Подумайте над своим поведением, пока будете оттаивать! А насчет подарка... — Дед Мороз на минуту задумался. — Так и быть, будут вам подарки! Одному достанется сердце, другому — мозги. Только вам придется смастерить их самостоятельно. Вот это должно помочь.

Он пошарил в мешке и, отложив его в сторонку, сунул в руки каждому из снеговиков по цветастой книжке.

— Может, это были не бог весть какие сокровища для ума и сердца, — усмехнулся он в бороду, — но, полежав в мешке рядом с настоящим, они стали настоящей литературой! Уж вы мне поверьте, я это на себе ощутил. Еще недавно я был таким же, как вы, но теперь во мне почти не осталось бродяги Питона. Я — Дед Мороз! И знаете — это гораздо интереснее! — он ударил посохом в асфальт, и своды арки окрасились изумрудными, синими, жемчужными огнями. — А настоящий я подарю другому мальчику. Или девочке. Но не раньше, чем буду уверен на сто процентов, что они не станут с ним шалить!

Сказав это, Дед Мороз протянул руку, чтобы подхватить мешок... и замер в ужасе, передать который не в силах ни одно, самое гениальное перо. Разве что — мое.

Мешок исчез!

Двигатель джипа, запиравшего противоположный выход из подворотни, натужно взревел, фары погасли, а затем и рыжие габаритные огни, словно брызнув в разные стороны, затерялись в хаосе гаражных коробок, загромаждавших тесный двор.

Дед Мороз застыл неподвижно, будто ледяной заряд волшебного посоха угодил в него самого.

«Мешок, подарки... все потеряно! Что я скажу детям?! Как на глаза им явлюсь без подарков?!» — Старик схватился за голову. — «А что скажут дети?! Ведь они решат, что я — ненастоящий! Что Деда Мороза вообще не бывает! Разве может быть что-нибудь страшнее этого?!»

— Некогда плакать, дедуля! — раздался вдруг спокойный голос, отливающий, однако, металлом.

Дед Мороз поднял голову.

В проеме арки стоял генерал Колесник.

* * *

Да, братцы, слышал я, что бывает с людьми за Барьером, но такого и представить себе не мог. Борода, усы, кудри седые — все натуральное, не приклеенное! Коновалов, санинструктор, хотел ему пульс измерить и тут же руку отдернул:

— Да он холодный, как покойник!

Но генерал на него прищипнул:

— Не покойник, а мутант!

И Морозу:

— Пройдемте на посадку, дедушка. Необходимо догнать похитителей.

Затащили деда в вертолет, усадили, пристегнули, взлетели. Спрашиваем: кто настоящий заказывал? Кто еще за ним охотится? Кто эти двое замороженных, от которых толку пока — одна лужа на полу?

Молчит дедушка, только глазами хлопает, озирается по сторонам.

— Откуда, спрашивает, у вас этот вертолетик? Я же его Игорьку Кириевскому подарил! Ставропольская, семь, квартира сто семнадцать...

С понтом, не понимает, отморозок, что подарок его, хоть и по-прежнему желто-зелено-красно-синий, а давно уже не игрушка. Но Колесник объясняет терпеливо:

— Игорек дал нам свой вертолетик поиграть. Все равно он ему до утра не понадобится, детям спать пора.

— Верно! Верно! Давно пора! — разохался Дед Мороз. — А я еще не все подарки раздал! Позор на мою седую голову!

— Ничего, — успокаивает генерал. — Лично обещаю вам, дедушка, что к утру все подарки, согласно списку, будут у детей. Мои люди уже этим занимаются. Те игрушки, что пришли в негодность, будут заменены дубликатами. Авторитет Деда Мороза не пострадает. Но сейчас важнее другое: мы должны найти настоящего. Хотя вы и сказочный персонаж, а должны понять, что эта игрушка — самая опасная из всех, когда-либо вынесенных из-за Барьера.

Вижу, проняло деда, задумался, нахмурил косматые брови...

— Почему это, — спрашивает, — опасная?

Генерал повернулся ко мне.

— Бирюков! Доложи товарищу Морозу. Только осторожно.

Я расстегнул кофр, вынул ствол — водяной пистолет «Мегадестроер», с помпой и надствольным баллоном для расходного субстракта. Пару раз качнул насос.

— Это вы, гражданин дедушка, подарили Гене Сысоеву с Поречной...

— Дом двенадцать, квартира восемьдесят, — кивнул Дед Мороз.

— А вот как работает этот «Мегадестроер» после того, как полежал у вас в мешке, рядом с настоящим...

Я распахнул люк и навскидку пальнул в ночное небо.

— Ты что делаешь?! — гаркнул Колесник, вскакивая. — Отставить!

— Виноват, товарищ генерал. Не заметил...

— Посажу сукина сына! — генерал некоторое время придиричиво разглядывал в бинокль лунный диск, потом вздохнул. — Ладно, вроде не очень заметно. Кратером больше, кратером меньше...

Он снова сел рядом с Дедом Морозом.

— Вот такие наши дела, дедушка... Большинство подарков мы уже взяли под контроль. Но, сами понимаете, нужен весь мешок, со всем содержимым. Только где его искать? Никто не знает...

— Дети знают, — сказал вдруг Дед Мороз. — Ни один ребенок не ошибется, увидев мешок с подарками. И никогда не забудет, где увидел, куда и откуда его несли, сколько он весил и сколько в нем, приблизительно, могло быть подарков.

— Да, дети... — Колесник невольно улыбнулся, — эти, конечно, все подметили. Да что толку? Кто и видел, так давно спит. Что ж нам, побудку на весь город устраивать?

— Не надо побудку! — покачал головой старик. — Я это все заварил, мне и расхлебывать.

— Звучит геройски, — кивнул генерал. — А какие конкретные действия? Пятки детям щекотать?

— Не забывайте, кто перед вами. Настоящий Дед Мороз может прийти и во сне...

* * *

Бобер крадучись пересек полутемный музейный зал, остановился у входа в соседний, прислушался. Вроде, тихо. Не найдут здесь. Ни Питон, ни Сидор, ни Хомяк — ни одна живая душа не знает, что он когда-то служил сторожем в музее Космонавтики — прямо под гигантским обелиском, изображающим космический корабль на взлете. Теперь, главное, — не торопиться, пусть сюрпризы состоятся как следует. А там — попробуй, возьми его, Бобра! Хренушки!

Сейчас, небось, бегают, задница в мыле — Сидор, Хомяк, если оттаяли уже... вся их команда — уж это наверняка. А с ними и вся армия-полиция. Хи-хи... Даже жалко их. Хотя... Его-то никто не жалел! Бобер — туда, Бобер — сюда! Бобер, рули, Бобер, пали! Хватит, откомандовались! Пальну так, что мало не покажется...

Он осторожно двинулся в обратный путь, чтобы вернуться в свое убежище у основания обелиска, и вдруг замер. Из соседнего зала донесся отчетливый мерный стук.

Бобра прошибло ледяным потом. Он понял, что это стучит. Это ударяется в мраморный пол металлический наконечник по-

соха. С отчетливым скрипом в шейных позвонках Бобер медленно обернулся.

Дед Мороз неторопливо шествовал через зал, посвященный первым полетам на реактивной тяге. Он был не один. Рядом с ним, держась за руку, деловито шагал босоногий мальчик лет пяти в теплой пижаме, усыпанной веселыми утятами.

— Так ты говоришь, Константин, дядька с мешком зашел в музей? — серьезно спросил Дед Мороз.

— Ага, — мальчик огляделся по сторонам. — Я думал, он будет Дедом Морозом на елке. А елки-то и нет!

Бобер метнулся за стенд со скафандрами и приник к одному из них, обмирая от ужаса.

— Да, — согласился Дед Мороз. — Елкой тут и не пахнет... Генерал! — сказал он, поднеся к лицу рацию. — Думаю, это здесь. Начинайте!

И сейчас же из всех дверей посыпался дружный топот, появились солдаты в полной боевой экипировке, с оружием, приборами ночного видения и неведомым каким еще оборудованием. Один из них, с генеральскими звездами на погонах, подошел к Деду Морозу.

— Уверены? — спросил он.

Дед Мороз молча повернулся к мальчику.

— Да здесь он где-то, — авторитетно заявил Константин, — может, за скафандрами прячется.

У Бобра подкосились ноги, но он устоял.

— А пацан у нас не простудится? — спросил генерал, глядя на босые ноги Константина.

— Обижаете, товарищ командир! — Дед Мороз покачал головой. — Неужели вы думаете, что я привел бы сюда мальчика босиком?! Константин спит в своей постели под теплым одеялом. А нас с вами он видит во сне.

— Тогда порядок, — кивнул генерал, привыкший скрывать даже полное обалдение. — Прочесать тут все! — приказал он бойцам.

И тут Бобер не выдержал. Вспугнутым зайцем он порскнул к металлической лесенке, ведущей к основанию обелиска, и взлетел по ней с третьей космической скоростью.

— Живьем брать! — крикнул Константин, бросаясь следом за ним.

Бойцы тоже не заставили себя ждать. Но всех опередил Дед Мороз. Проскочив сквозь люк в низкое холодное помещение, пересеченное во всех направлениях балками арматуры, он увидел Бобра, склонившегося над красным, расшитым звездами мешком.

— Не уйдешь! — вскричал хозяин вьюг, направляя на бандита посох.

— Стой, Питон! — заверещал тот в истерике. — Ты не по... — и замер, превратившись в белую, ко всему равнодушную статую.

— Так будет с каждым, — отдуваясь, сказал Дед Мороз, — кто не слушает маму и берет чужие вещи...

* * *

Когда мы с Остапенко забрались наверх, возле мешка уже гужевались дедуля и пацаненок с генералом.

— Настоящик на месте? — спросил Колесник.

Дед Мороз наклонился к мешку.

— Кажется, все на месте... Постойте... А это что такое?

Он вытащил поблескивающий металлом шар размером с арбуз, к которому был привинчен типовой электронный будильник с быстро бегущими цифрами на табло. По боку арбуза белой краской была сделана кривоватая надпись: «Ядерная бомба».

— Черт! — сипло прохрипел побледневший вдруг генерал. — Она лежала вместе с настоящим!

Я попятился, начиная понимать. Циферблат отсчитывал последние секунды.

— Так воно що, зараз рванэ? — растерянно пробормотал Остапенко. — И чого робыти?

Вот тут задумаешься, «чого робыти». Бежать поздно. В око ядерную бомбу не выкинешь. И даже грудью героически не закроешь. Засада.

— Положите ее в мешок, — сказал вдруг мальчик. — И крепко завяжите!

— А смысл? — спросил Колесник, глядя, как загипнотизированный, на циферблат.

— В мешке лежит настоящий, — объяснил Константин. — Значит, это настоящий мешок. Он не может порваться.

До генерала вдруг дошло.

— Гениально!

Одним движением он вырвал из рук Деда Мороза бомбу, сунул ее обратно в мешок и завязал пришитой у горловины тесемочкой. В ту же секунду раздался громкий хлопок. Мешок мгновенно раздулся, как туго набитая подушка... но не выпустил ни струйки дыма, ни лучика света.

— Дозиметрист, — тихо позвал генерал.

Меня отпихнули. К мешку подскочил Женька Родионов, поводил дозиметром, прокачал воздух через трубку... Радиация не превышала фоновых значений.

Колесник стащил с головы каску и вытер пот. Затем осторожно постучал костяшками пальцев по ткани мешка. Звук получился такой, будто он стучал по гранитному валуну.

— А ведь ты, мальчик, только что город спас... — сказал генерал Константину.

— А что там, внутри? — спросил Дед Мороз, — указывая на мешок.

— Там — ад, — ответил Колесник. — Не прикасайтесь к завязкам! Вообще — пошли отсюда. Здание оцепить до прибытия команды химвойск.

Мы спустились в музей и побрели к выходу. У вертолета генерал пожал руку Константину.

— Спасибо тебе еще раз! Извини, если сон получился страшный. Рановато тебе нагружаться такими впечатлениями... Но ведь это всего только сон...

— Ага, — сказал Константин, зевая.

— Я его провожу, — Дед Мороз взял мальчика за руку. — А потом вернусь. Надо решить, что делать с мешком... и с этими хулиганами. — Он заглянул в кабину вертолета и сейчас же недоуменно обернулся. Вид у него был растерянный.

— А где же Сидор с Хомяком?

Генерал Колесник изменился в лице.

— Остапенко! — взревел он.

— Я!

— Где задержанные?!

— Виноват, товарищ генрал! — Микола был изумлен не меньше остальных. — Вбиглы...

— Вбиглы?! Ты почему оставил вертолет?!

— Та я бачу, що вони ще тверды. Не видтаялы. А тут команда — усим на зачистку музея. Я и выдвинувсь. Разом з усими...

— Десять суток ареста, — отрезал Колесник. — По окончании операции. А теперь — быстро в музей! Из-под земли их достать!

Но доставать Сидора с Хомяком из-под земли не пришлось. Из дальнего зала слышался звон рухнувшего экспоната, быстрые шаги по металлической лестнице. Мы бросились внутрь. Теперь-то перехватим, с постамента под обелиском бежать им некуда. Так мы думали. Но, как выяснилось, ошибались.

В помещении над лестницей никого не было. Мешок тоже исчез. Неужели бандиты полезли выше — в пустотелый, обшитый титановыми листами корпус гигантского муляжа ракеты? Но какой в этом смысл? Только руки-ноги переломают!

Я задрал голову. Дед Мороз, ловко цепляясь за арматуру, поднялся уже так высоко, что почти перестал быть виден во тьме монументального нутра.

И тут вдруг загрохотало. Я, хоть сам и не ракетчик, но, как услышал, сразу понял — дюза ревет! Космический корабль, что простоял полвека на гранитном постаменте, теперь уже не был муляжом! Бобер, оказывается, не терял времени, пока прятался в музее, и настоящий в брюхе обелиска сделал свое дело — превратил памятник в транспортное средство. Да в такое средство, что его не сможем перехватить даже мы, со всей нашей техникой и вооружением.

В вышине над нами вспыхнула струя пламени.

— Все назад! — скомандовал Колесник. — Они дают зажигание!

Мы едва успели выскочить из музея и отбежать на относительно безопасное расстояние. Загрохотало так, что стоять невозможно стало, все попадали.

Ракета стартовала. Струи огня с ревом ударили в пьедестал обелиска, круша перекрытия. Корабль медленно пополз вверх, все ускоряясь. Нас обдало жаром, пришлось менять дислокацию по-пластунски и зарываться мордой в землю, пока ракета не ушла в зенит. Грохот, наконец, стал затихать, проступили дру-

гие звуки. Где-то выли сирены, стрекотал опаленный, но успевший взлететь вертолет.

— Где Дед Мороз? — прокричал генерал.

Я ткнул пальцем в небо.

— Он полез в ракету. Я видел.

— Черт! Пропадет, бродяга!

— Он уже не бродяга...

Пятиглазый огонь, выпускаемый дюзами корабля, все уменьшался, уходя в глубину неба, и, наконец, стал почти неразличим.

— А ведь придется кого-то за ними посылать, — задумчиво сказал Колесник.

Неожиданно небо над нами озарилось нестерпимо яркой вспышкой. Там, далеко вверху, где-то за пределами атмосферы, полыхнуло ядерное пламя.

— Это еще что за хрень?! — невольно вырвалось у меня.

Генерал Колесник опустил голову.

— Он развязал мешок...

Когда я снова рискнул поднять глаза к небу, вспышка уже угасла. Ударной волны не последовало, поскольку взрыв произошел в вакууме. Лишь мерцающий круг ионизированного воздуха медленно расплзался по небу, играя огнями, как северное сияние.

— Ну, вот и все, — сказал, наконец, генерал Колесник. — Наша миссия закончена.

— Виноват! — удивился я. — Почему закончена? В списке еще один адрес остался. Братиславская, четыре, квартира семь, Вовик Чернышов... Только вот с подарком не совсем ясно. Написано — «Коробка О.С.». Что это может быть? Операционная система?

Генерал покачал головой:

— Нет. Это оловянные солдатики.

— Так надо бы посмотреть, что там с этими солдатами...

— Смотри, — улыбнулся Колесник, протягивая мне планшет.

Я раскрыл его и надолго задумался. В планшет было вставлено зеркало.

Лев Жаков

ЗОМБИ ПО ВЫЗОВУ

Зомби получились хорошие: подвижные, послушные, молчаливые. Однако хозяину они не понравились.

— Сейчас мы их усилим, будут вообще красавчики, — хлопотал вокруг профессор, тощий всклокоченный тип в зимнем маскхалате. У него была большая голова, впалые щеки и желтые волосы. Это был гениальный ученый, которого все называли Тупая Башка.

В старой мечети Фатига, что до сих пор возвышается на холмах Нового Дурреса, с потолка капала вода. Посреди мечети стояла катушка Тесла, с тора срывались длинные синие молнии, с шипением вонзались в стены и гасли. Хозяин, горбоносый албанец в красной рубашке, прохаживался мимо вскрытых цинковых гробов. На плече у него висел свернутый кольцом хлыст. Сводчатый потолок терялся в темноте, сквозь пролом в куполе виднелась низкая туча.

— Лучше бы с военного кладбища выкопали, — процедил он сквозь зубы, с плохо сдерживаемым гневом разглядывая четверку зомби в помятых камуфляжных костюмах. Только один из них был похож на бойца: высокий, с широкими плечами и развитыми мускулами. — Аллах свидетель, мы зря потратили на них электричество! Мелкие, тощие... как они попали в караван с телами? Там точно были трупы спецбригады? Эй, ты, кто был в нападении? Отвечай!

Он ткнул рукоятью хлыста стоящего за ним зомби старой гвардии. Вот это были экземпляры что надо: крупные, сильные, агрессивные.

— Агрх! — прохрипел тот, пытаясь повернуть голову.

— Молчи, тупица!

В мечети повисла тишина. В углу валялись, бессвязно бормоча что-то, головы; рядом были свалены кучей руки и ноги. Руки перебирали пальцами и норовили уползти. Новые зомби пусто таращились в полутьму, озаряемую факелами и синими молниями. Профессор каждому по очереди надевал большой шлем странной конструкции, от которого десятки разноцветных проводов тянулись к железному ящику на полу.

Наконец Тупая Башка закончил, и четверка вытянулась перед хозяином. Тот прошелся перед ними, остановился, повесив свернутый кольцом хлыст на плечо.

— Я ваш хозяин, тупые создания! — гаркнул он. — Ясно? Ананас Эффенди!

— Ясно, что ж тут неясного, Эффенди Фрукт, — отозвался коренастый зомби с кривыми ногами. Камуфляж на нем почти не пострадал.

— Разговорчики в строю! — прикрикнул самый высокий, тот, атлетичного сложения, которого хозяин с самого начала отметил как бойца.

Повернувшись к профессору, Ананас Эффенди выдохнул:

— Они разговаривают?!

— Я же усилил, — профессор поднял громоздкий шлем, демонстрируя провода и огромный вензель на боку, возле которого от руки криво были намалеваны слова «POWER» и «ZERO».

Горбоносый поджал губы:

— То есть задание поймут?

— Поймут, поймут.

Ананас опять повернулся к четверке свежих зомби.

— Итак, слушайте внимательно. Я вас оживил для одного важного задания. Важного, усекли? Шайтан вас раздери, суперважного! Архиважного! Вся судьба клана Ананаса Эффенди поставлена на карту! Вы слышите, тупорылые?

Кривоногий дернулся ответить, но атлет зыркнул на него, и коренастый промолчал.

— Задача: добыть и доставить груз. Ясно? Груз на территории Костяшки, в Амфитеатре. Костяшка — наш враг. Эта курва мне много крови выпила! Старая костлявая сучка. И ее зомби, такие же костлявые, как она! Я собираюсь ее уничтожить. О-о, она будет валяться у меня в ногах, вымаливая прощение... Я украл у нее профа, — хозяин кивнул в сторону Тупой Башки. — Я украл Агрегат! — он махнул на железный ящик, подсоединенный к катушке Тесла. — Еще немного, и я смогу уничтожить Костяшку и всех ее зомби! Только мне нужен усилитель. Агрегат влияет на мозговые волны зомби, может ускорять или гасить. Пока что Агрегат может воздействовать только на одного за раз — через этот вот шлем. А усилитель распространяет действие Агрегата на всех зомби в радиусе километра! И без всякого идиотского шлема, напрямую. Усилитель в грузовике. В спецфургоне, который в Амфитеатре. Костяшка сегодня ночью будет Груз поднимать, вы его перехватите и пригоните сюда. Проф, шайтан тебя раздери, они не справятся! Ты глянь на их мускулы!

— Где?

— Это я тебя спрашиваю, где, Тупая Башка! Я должен был получить спецгруппу — подготовленных, отлично выученных бойцов. Послушных и агрессивных. Где они?! Мы зря потратили кучу электричества, молнии могли привлечь внимание лазутчиков Костяшки... И мы не успеем поднять новых! Проф, ты меня разочаровал.

Профессор попятился, прикрываясь шлемом:

— Проверьте их, Ананас Эффенди. Мой Агрегат работает в обе стороны, и я их усилил. Они должны...

— Что?! — заорал Ананас и отфутболил ползущую мимо голову. Та взлетела на два метра и с сочным шлепком врезалась в стену. Упав на пол, она осталась лежать, неразборчиво бормоча. — Они должны отбить грузовик у зомбей Костяшки — посмотри, они способны отбить хотя бы конфету у младенца?! Глянь на этого — высокий, да, но ребра торчат так, что можно играть, как на арфе. Лучше бы мясо отращивал, а не волосы, тупица! Как звать?

— Замир, хозяин.

— А ты?

— Фатос, хозяин.

— У этого ноги кривые и руки, небось, тоже. Плечи широкие, но под стол пешком пройдет, башкой не заденет. Ты кто?

— Лека я, — проворчал третий член спецгруппы.

— Вот! Имя все сказало. Ветром сдует сразу, как выйдет на улицу, а ветры в Дурресе дуют, ты знаешь, проф. Ну а ты? — обратился Ананас к атлету.

— Кэп.

— Как?

— Кэп. Просто Кэп. — И, подумав, добавил кратко: — По мозговой части.

— Скажите пожалуйста, по мозговой! — каркаяще расхохотался Эффенди. Он поднял взгляд к небу. Сквозь пролом в куполе были видны бежавшие по небу низкие черные тучи.

— С кем приходится работать, Аллах! — пожаловался он. Затем ткнул в спецгруппу рукоятью хлыста:

— Мне нужен фургон. Он в Амфитеатре у Костяшки. Она поднимает его сегодня ночью. Она не должна получить его! Фургон должен быть у меня в полночь, иначе можете не возвращаться! Останетесь бесхозными, ясно? Еще раз: идете по Виа Игнатиа к Старому Городу, который контролирует Костяшка, валите всех, отбиваете фургон с усилителем и доставляете мне. Сюда! Все ясно? По Виа Игнатиа, к Костяшке, всех завалить, отбить фургон, доставить! Выполнять!!!

Зомби на еще плохо гнущихся ногах вышли. Вслед им несся гневный рокот Ананаса:

— А как они идут? Кучка раздолбаев! И это твоя спецгруппа? Чтоб шайтан пожрал твои мозги, Тупая Башка!

* * *

От мечети Фатига вниз, к расположенному на побережье Старому Дурресу, тянулась широкая улица, обсаженная кипарисами, — Виа Игнатиа. Покинув мечеть, зомби вслед за Кэпом направились в обратную сторону.

Здесь был Новый Дуррес с широкими проспектами и прямыми улицами. В многоэтажных домах, тех, что сохранились, зияли черные провалы окон и дверей. Некоторые окна были завешаны тряпками — там обустроились бродяги и нищие. С холмов виднелась серая полоса моря.

Пару минут они шли молча. Затем высокий тощий Замир, черные волосы которого были собраны в хвост на затылке, сказал:

— У меня будто каша вместо мозгов.

— Так и есть, — отозвался коренастый Фатос. — Ты теперь ходячий трупак.

— Чего-это мы вдруг зомби? — вклинился в беседу Лека. — Я и живым себя хорошо чувствовал.

— Заткнитесь! — велел Кэп.

Зомби заткнулись.

Но ненадолго.

— Хозяин велел идти по Виа Игнатиа к Старому Городу, — подал голос Фатос, самый разговорчивый. — А мы вроде в другую сторону топаем.

— В гробу я видал такого хозяина, — пробормотал Лека.

— Хозяин — это святое, — возразил Замир. — Это вроде командира.

— В гробу я видал такого командира! — стоял на своем Лека.

— Так куда мы идем, Кэп?

— Откуда вы такие разговорчивые? Вы же зомби. Помните, которые у хозяина были, другие? Вот таким должен быть настоящий зомби. Ааргх — и никаких вопросов!

Фатос почесал в затылке:

— Слышите, а чего хозяин был так недоволен? Мы что, не боевики?

Замир обернулся на товарищей:

— Да не похожи вообще-то. Он еще ругался, что мускулатуры не хватает.

— Почему тогда обозвал нас спецбригадой? — допытывался Фатос. — Я просто чего сказать хочу: как-то я плохо помню, кто мы вообще были.

Лека передернул плечами:

— Я помню, что я боевик.

— Ты на себя глянь, боевик!

Зомби остановились, изучая друг друга, осматривая и ощущая.

— Вроде мы в камуфляже, — заметил Фатос. Замир потрогал хвост на затылке:

— А если мы не спецы, почему тогда оказались в военном караване, на который хозяин напал?

Кэп остановился, развернулся к своей группе.

— Я вспомнил. Парни, мы — спецбригада. Но не боевики, не камикадзе. Мы — спецагенты. Шпионы, стелс... ясно?

— Так, подожди. Если мы стелс, как же мы задание выполним? — Лека затряс головой. — Хозяин четко сказал: навалиться, всех перемочить, фургон отобрать...

— Приказ хозяина мы выполним, — твердо сказал Кэп. — Просто по-своему, как умеем. Лека, у тебя рука провисла, подбери!

— Вот гнида! — маленький юркий зомби схватился правой рукой за левую, выпадающую из рукава, подтянул ее.

— Слушай сюда, группа. Выполняем дух, но не букву приказа. Хозяину нужен фургон? Он его получит. Но даже ты, Лека, со всеми своими поясами, не проломишься сквозь толпу «ааргх». Так что действуем, как привыкли. Откуда спецфургон под Амфитеатром? До Катаклизма там были лаборатории. С заездами, выездами, куча коридоров и комнат. Дошло? Мы добываем план подземелий, проникаем туда, незаметно доходим до фургона, садимся и уезжаем. Доступно?

— Я всегда говорил, что Кэп — голова, — заметил Фатос.

— Забывать начал, кем мы были. Смерть — она будто стирает что-то из мозгов, — сказал Замир. Он постоянно сутулился и из-за этого напоминал вопросительный знак.

— Но если кто-нибудь попробует помешать нам, — воскликнул Лека в азарте, — я его!..

— Повторяю: незаметно.

— Ога, — сник Лека. — Но если кто-то попробует?..

— Руку подбери! Итак, первая задача: добыть план. Зомби, вперед!

Спецгруппа углубилась в Дуррес, постепенно забирая вниз, к Старому Городу. Замир бормотал под нос:

— Не нравится мне быть зомбяком. Тошнит меня от них. И голова кружится.

— Тебя и от вида крови тошнит, — поддел его Лека. — А еще доктор!

— От мертвяков мне совсем худо, — возразил Замир.

Был нормальный постапокалиптический день: рваные тучи неслись над остатками древних высоток, вечные сумерки крались между заборами и домами. Иногда из-под развалин выползала ядовито-зеленая лужица кислоты, кое-где в бетонных и кирпичных завалах мелькали неожиданные сполохи лавы. Подъем из таких завалов техники и других вещей времен до Катаклизма с помощью зомби назывался «выработкой». Часто на месте выработки, когда работы были уже закончены, оставались разрозненные части зомби — так называемые зомбодетали.

Группа миновала одну такую выработку и вышла на площадь. Раньше в центре стояло какое-то большое здание, а теперь на его месте высилась груда бетонных обломков. Тут и там торчала ржавая арматура, осколки стекла, куски пластика. Одиноким экскаватор собирал ковшом останки: обугленные торсы, руки, ноги.

Одна голова откатилась в сторону, и Лека отфутболил ее обратно. Водила трактора благодарно махнул ему. Замир отбежал к краю тротуара, и его вывернуло на кучу мусора. Лека с Фатосом заржали. Из мусора высунулась рука, пошевелила обгорелыми пальцами. Замир со стоном отбежал к своим.

— Видеть их не могу! Эти зомби страшные, как салат!

— Ты сам — зомби, — заметил Кэп.

— Ну, я не такой. И вообще не просил!.. Слушайте, может, положить на это задание? Если там, у Костяшки, еще больше трупиков... Кэп, я не выдержу. Чесслово, от них меня аж выворачивает.

— Приказы хозяина не обсуждаются.

Остатки зомби прессовали в сетчатый контейнер.

— Невесело живется простым зомби, — пробормотал Фатос. — Если бы меня спросили, я бы не стал оживляться.

— Заткнулись все! — рявкнул Кэп.

Впереди улицу загромождали развалины какой-то древней высоты, тут и там высились груды битого кирпича. Между ними копошилась группа зомби, готовясь к спуску: только неживые могли заниматься выработкой. Ведь там, в развалинах, условия были несовместимы с жизнью: кислота, радиация, повышенные температуры, жуткие, мутировавшие твари...

На улице стояли машины фирмы-арендодателя — багги и грузовик на широких колесах. Борта грузовика украшала аля-

поватая реклама: «Лава, кислота, радиация? Зомби неубиваемы! Лучший способ поднять из-под завала электронику — «Зомби Костяшки»!»

Неподалеку от грузовика Кэп остановился.

— Где Костяшка может держать план лабораторий под Амфитеатром? — задумчиво сказал он. — Кто может знать про него?

Фатос подмигнул командиру:

— А сейчас узнаем!

— Куда? Стой, назад! — скомандовал Кэп, но тот уже вытянул руки, свесил кисти и на негнущихся ногах двинулся к грузовику, из которого как раз выходил человек с красной повязкой на предплечье. Остальные пригнулись за кучей мусора.

— Плыан... — провыл Фатос. — Плыан...

Из кабины грузовика выглянул второй человек.

— Еще один из шустрых зомби Костяшки, — заметил он. — Расплодила, понимаешь...

— Чего ему надо-то? — первый, с повязкой, почесал в затылке.

— Плыан... Ымфытыатыр... — продолжал завывать Фатос.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Про Амфитеатр вроде. План какой-то...

— Вали отсюда, зомбяк! — прикрикнул тот, что сидел в кабине.

Из багги вылез дремавший там боевик — в камуфляжных штанах, голая грудь перетянута пулеметными лентами.

— Чего разорались?

— Да вон зомбяк план Амфитеатра требует, — объяснил первый, с повязкой. — Костяшка, видать, послала, а он не туда забрел... Из шустрых. Костяшка недавно сделала свежую партию, сам видел.

Боевик протер глаза, зевнул.

— Хрень это, — сказал он. — Че за план-то? Если тот, что у сестры ейной, в «Веселой Костяшке», так зомбям туда вход заказан. Костяшка человека послала бы. Этот с выработки сбежал, небось, гоните его обратно. И не орите, дайте поспать — две смены следил за мертвяками...

Сидевший в кабине со вздохом открыл дверцу, спустился на растрескавшийся асфальт.

— Давай, пошел! — погнал он Фатоса короткими взмахами рук. Тот от неожиданности попятился.

— Ааргх! — икнул он, развернулся и потрусил прочь по улице, огибая завалы мусора и растущие из трещин в дорожном покрытии кусты.

— Не туда, сюда! — тщетно орал вслед человек Костяшки. С заднего сиденья багги опять поднялся боевик:

— Вы чего, охренели совсем?! Дайте же поспать! А ну заткнись!

— Вроде шустрые, а все равно тупые, — развел руками тот. — Ладно, дрыхни себе.

Кэп и остальные зомби, пригибаясь и прячась за завалами кирпичных обломков, уходили по улице вслед за улепетывающим со всех ног Фатосом. Когда грузовик был далеко, они вскочили на ноги и побежали.

* * *

Они стояли перед стриптиз-баром «Веселая Костяшка».

— Никакой фантазии у баб, — проворчал Лека.

— О, шлюшки! — обрадовался Фатос.

— Тебе и вставить-то им нечего, — одернул его Замир.

— Заткнитесь!

Бар стоял на границе Старого Дурреса — прибрежного района, построенного в незапамятные времена, настоящего города в городе, контролируемого Костяшкой и ее зомби, — и Нового Дурреса, где власть попеременно захватывали разные кланы. Впрочем, в последнее время все чаще наверху оказывался Ананас Эффенди.

— Нам туда? — уточнил Фатос.

— Будет где подраться!

— Эй, Кэп! А это ты видел? — Замир кивнул в сторону большой вывески, почти закрывающей окно на первом этаже. Надпись гласила: «Только люди. Зомби вход воспрещен!»

— Я не понял, — Лека начал закатывать рукава. — Что за дискриминация по жизненному признаку?!

— Зомби тоже люди! — поддержал товарища Фатос. — Давай вломимся и наваляем всем? А потом возьмем по бабе и того... — он масляно подмигнул.

Кэп нахмурился:

— Вижу, вы совсем отупели. Смерть худо на вас сказалась. Вы думаете, как настоящие зомби. А ну подтянулись, brave албанские парни! И вперед!

— Костяшкин человек упоминал, что зомбям туда хода нет, — напомнил Замир. — Нас завернут от порога.

— Сделаем вид, что мы люди.

— Написано же: фейс-контроль.

— Разберемся.

Они вошли.

Внутри было шумно и царил полумрак. Центр большого помещения занимала круглая сцена, где под громкую музыку извивалась у шеста пышная девушка в шипастом бикини. Арбузные груди подпрыгивали в такт мощным басам из динамиков. Под потолком горели редкие красные лампы. Вокруг сцены стояли разномастные столы: алюминиевые, пластмассовые, деревянные — какие владелице заведения удалось найти. За столами тянули пиво разношерстные посетители. Были тут и сербы-рудодокопы, и арабы-нефтяники, и свои албанцы-наемники, а также болгары-огородники.

От стены возле дверей отклеилась необъятная туша и преградила дорогу диверсантам.

— Чего надо? — Кэп вскинул руку, предупреждая возможные комментарии группы.

Туша пожевала губами:

— Тово, воняет от вас... как-то...

Кэп принял. Запаха он не чувствовал никакого. Хотя подозревал, что от жирного охранника должно нести перегаром; если б они не умерли, их просто снесло бы этим амбре.

— Чем это? — подал сзади голос возмущенный Фатос, который, как и все они, тоже ароматов не различал.

— Себя понюхай! — отреагировал Лека.

— Да мы зомбей душили-душили... — нашелся Замир. Кэп прикрыл глаза ладонью.

На этот раз вытаращился охранник:

— Чего?

— Помогали зомбодетали собирать после выработки, — сердито сказал Кэп, показав команде внушительный кулак.

— А-а... — охранник, сам тупой, как зомби, попытался подумать, но у него не получилось. — Лопатами, што ле?

— Лопатами, братан, — закивал Фатос. Лека, которого Замир предусмотрительно дернул за руку, был занят засовыванием конечности обратно в рукав.

Отодвинув фейс-контроль, Кэп уже вел свою команду к стойке. Лека шипел и придерживал выпадающую руку.

Из-за занавески за барной стойкой вышла тощая, вызывающе накрашенная пожилая девица. Увидев командира группы, она облизнулась.

— Что будешь пить, красавчик? — отодвинув бармена, обратилась она к Кэпу. Нос у нее был покрасневший. Если бы она иногда не хлюпала, громко втягивая сопли, можно было подумать, что деваха из числа любителей закладывать за воротник со стажем. Впрочем, одно другому наверняка не мешало.

Кэп мучительно пытался вспомнить, что он любил при жизни, — но не смог. Теперь, когда вкус для него исчез так же, как и запах, было неважно, что пить: воду, водку или лак для ногтей.

— На твой вкус, — заказал Кэп, не замечая ее взглядов.

— Не пожалеешь, — плотоядно улыбнулась девица и потянулась за бутылкой на полке.

— Виски! Мартини со льдом и солью! Пива! — подвалили наконец остальные.

— Твои? — ухмыльнулась девица. — Забавные.

Кэп дождался, когда она нальет, повернулся к своим.

— Так, группа, слушай сюда...

— Угостите девушку, мальчики? — вклинилась девица.

Кэп взял стакан и отошел от стойки к ближайшему столу, остальные, переглянувшись, двинули за ним. Девица осталась стоять, раскрыв рот и хлопая ресницами.

— Ты чего девку обидел?

— Заткнитесь! Она не должна нас услышать. Это хозяйка заведения, сестра Костяшки. План наверняка у нее в комнате или кабинете. Может быть, в сейфе. Надо сообразить, как отвлечь ее и достать схему. Лакайте свое пойло и дайте подумать!

— Хозяйка? Отвлечь? — переглянулись зомби.

Пока Кэп размышлял, подперев виски кулаками, группа перемигивалась и активно жестикулировала над его головой. Они быстро пришли к какому-то соглашению.

Девушка, видимо, не привыкшая, чтобы ей отказывали, направилась к столу с бокалом в руках. Замир поднялся, галантно отодвинул для нее стул. Она улыбнулась ему в двадцать четыре гнилых зуба и села, закинув ногу за ногу. Подол короткой юбки задрался, обнажив костлявое бедро.

Лека ткнул в бок Фатоса, который отвлекся на танцевавшую у шеста пышечку:

— Работаем!

— Эй, куда? — Кэп начал вставать, но зомби повисли на нем, усаживая обратно:

— Кэп, развлеки девушку! Мы добудем план, только задержи ее на подольше.

— Но...

— Давай-давай, сделай все, что она захочет!

— Они такие милые, — промурлыкала девушка, кладя руку Кэпу на локоть. Тот вздрогнул.

— Предатели! — мученически крикнул он им вслед. — Встречаемся на улице через час!

Командир остался наедине с вождем его женщиной, которой ему было совершенно нечего дать. Все, что могло встать, — не вставало, наоборот, висело очень смиренно и даже не колыхалось. Кэп был мертв целиком, полностью, весь, абсолютно.

— Тут слишком шумно, идем в кабинет, красавчик? — оглушительно шмыгнув носом, девушка потянула его за собой.

— В кабинет? — Кэп похолодел холоднее холодного, которым теперь являлся, и бросил взгляд на занавеску, за которой скрылись зомби. — Давай лучше тут.

— Ты что, извращенец? — удивилась девушка.

Кэп понял, что прокололся. Он дернул девушку на себя. Она с писком упала ему на колени, и он, приобняв ее, запечатлел на ее губах смачный поцелуй. Затем, чтоб она не успела ощутить, что он, хм, вовсе не горит, а, скорее, наоборот, сбросил ее обратно на стул. Опустившись на колени, он взял ее руку и начал, глядя в ее осоловевшее лицо:

— Твои глаза светят мне, как...

* * *

За занавеской оказался обшарпанный коридор с несколькими дверями. У черной двери в торце коридора стоял охранник, крупный бритоголовый детина с двухдневной щетиной на щеках.

— Лека, разберись! — попросил Замир. — А мы с Фатосом тут все проверим.

Они стали заглядывать во все комнаты подряд. Из одной донесся истощенный женский визг, и зомби быстренько закрыли дверь.

Маленький боевик танцующей походкой направился к охраннику. Тот уставился на зомби и подозрительно спросил:

— Чего надо?

Вместо ответа Лека быстро сунул ему два пальца в шею, метя в болевую точку.

Рука отвалилась и с влажным шлепком упала на пол.

Охранник разинул рот.

— Чтоб мне встать после смерти! Зомби! — заорал он.

Фатос и Замир бросились к нему. Лека схватил руку и ударил наотмашь. Зомби повалили охранника и принялись пинать, но он продолжал звать на помощь. Тогда Фатос отобрал у Леки руку и всунул охраннику в рот. Тот выпучил глаза и замычал.

Зомби поднялись, отволокли охранника в сторону и связали его собственной рубашкой.

— Ради дела я на все готов, но это уже слишком, — пробормотал Лека.

— Я тебе потом пришью, — пообещал Замир. — Давайте здесь проверим. Наверняка кабинет хозяйки за этой дверью.

Это оказался именно он.

* * *

Кэп застрял в самом начале. Он никогда не был специалистом в амурных делах. Продумать операцию, выкрасть секретный документ или совершить диверсию — это да. Но охмурить пожилую костлявую курву, страшную, как салат? Даже будучи живым, Кэп был на это неспособен.

— Твои глаза как... как... — мямлил он. Девушка начинала раздражаться.

— Идем! — потянула она ухажера.

— Но я еще не сказал про губы! — попытался сопротивляться Кэп, однако похотливая девица уже тащила его через шумный зал.

— В кабинете доскажешь!

Кэп чувствовал, что впервые в жизни фантазия ему изменяет. Единственное, что утешало, — случилось это после смерти.

* * *

Все говорило о том, что это женский кабинет: зеркало в бронзовой раме на стене, кокетливая софа, розовые обои, а также полное отсутствие рабочего стола. Это был кабинет для любви, не для дела.

— Где же эта дурацкая карта? — осмотрелся Замир. Взгляд его упал на зеркало, где отразилось бледное лицо. Он подошел ближе:

— Так-так! Хоть погляжу, какой я теперь стал... А ничего, неплохо сохранился. Бледноват, конечно...

— Ты ж зомби!

— Я зомби? Черт, я зомби! — Замир выкатил глаза, позеленел — и упал в обморок.

— Эй, док, ты чего? — испугался Фатос.

— Ему ж от зомбей худо, — Лека сорвал с кровати розовое покрывало. — Приведи его в чувство, пока я зеркало завешу. Да быстрее!

Фатос похлопал Замира по щекам, и тот начал приходить в себя. Лека уже накинул тряпку поросячьего цвета на зеркало и спешно подтыкал ее со всех сторон. Видимо, он там что-то задел — внезапно рама с громким скрежетом несмазанных деталей отъехала в сторону, открывая сейф.

— Эй, парни! — позвал маленький боевик.

Трое зомби уставились на железную дверцу в стене.

— Давай свою хреновину, док, — прошептал Фатос.

— Это не хреновина, а рабочий инструмент, — Замир вытянул из кармана фонендоскоп.

И тут в коридоре послышался истошный женский визг, от которого посыпалась штукатурка с потолка:

— Зомби!!!

Крик прервался. В кабинет ввалился Кэп, зажимая рот вырывающейся девице. Хозяйка с выпученными глазами размахивала рукой Леки.

— Сейчас сюда сбежится весь бордель, линияем! — велел Кэп.

Зомби переглянулись. Фатос со вздохом вытащил из-за пазухи связку взрывчатки.

— Ладно уж, нате. Берег до последнего.

— Куришь ты динамит, что ли? — проворчал Лека, отбирая у девицы свою конечность. — Док, присобачь как-нибудь. Только в обморок не грохнись.

Снаружи опять послышался шум. Кричали сразу несколько голосов.

— Из-за чего столько шума? Зомби они не видели, что ли? — Кэп замотал девицу в одеяло и, наконец отделившись от нее, придвинул софу к дверям, баррикадируя вход. Фатос проковырял в стене вокруг сейфа три дырки и рассовывал туда динамит. Замир наспех, крупными стежками, штопал плечо Леки.

Толпа ломилась в дверь. Хлипкая софа тряслась и сдвигалась, хотя Кэп упирался в нее обеими руками. Фатос закончил привязывать шнуры, вытащил зажигалку.

— Ложись! — предупредил он. Замир с Лекой пригнулись.

— Давай! — крикнул Кэп, рывком отодвигая софу от дверей и падая за нее. Фатос прыгнул к нему.

Толпа ввалилась в кабинет.

Прогремел взрыв.

Зомби подождали, когда пыль немного осядет, затем поднялись.

Одной стены не было. Из груды кирпича торчал угол сейфа. Оглушенные люди копошились под обломками мебели и обрывками розового эротического гардероба хозяйки.

— Хватаем — и бегом! — скомандовал Кэп, первым вылезая на улицу. Зомби подхватили сейф и поковыляли сквозь узкие улочки в глубь Старого Дурреса.

* * *

На пустыре возле осыпавшейся крепостной стены Фатос щелкал ручкой сейфа, прослушивая дверцу фонендоскопом Замира. Сам доктор аккуратно зашивал Леку. Кэп шагал перед ними взад-вперед и горестно восклицал:

— Мы работаем как зомби! Это называется «стелс»? Подняли шум, взорвали полбара, вместо карты унесли сейф... натуральные зомби!

— Мы и есть зомби, Кэп, — напомнил Замир, откусывая нитку.

— Тише вы! — прикрикнул Фатос. — Мешаете. Щелчок... еще щелчок...

— Все, с этого момента держим себя в руках. Действуем строго по плану. Никакой самостоятельности. Все идеи предварительно согласовываем со мной. Доступно?

— Ага, да, точно, — нестройно отозвалась команда.

Лека подвигал рукой.

— А мне даже нравится быть зомби, — задумчиво сказал он. — Никакой тебе крови, рука вон отвалилась — и ничего. В этом что-то есть, а, товарищи?

— Конечности тоже держим при себе! — одернул его Кэп.

— Готово! — радостно закричал Фатос, открывая сейф. Зомби обступили его.

Кроме схемы, в сейфе оказалось несколько опущенных мехом наручников для садо-мазо забав, пачка банкнот, горсть монет и несколько красных повязок, какие носили боевики Костяшки.

— Да, с таким добром много не поработаешь... — поцокал языком Лека.

Кэп вытащил карту, развернул. Бумага была старая, сильно потертая на сгибах и расползалась в руках.

— Ну что, прорвемся? — с надеждой спросил Фатос. — Не зря мы старались?

— Я бы не удивился, — отозвался Кэп. — После всего, что вы натворили...

Медленно сгущались сумерки. Над мечетью Фатига, возвышающейся над Новым Дурресом, уже стоял месяц. Кэп расстелил карту на камне, зомби склонились над ней.

— Значит, смотрите сюда. Вот здесь главный спуск в лабораторию — подъемная платформа. Он расположен на арене Амфитеатра, ближе к восточному выходу. Восточный выход недалеко от набережной. Если мы возьмем фургон, то будет удобно отступить этим путем. С другой стороны, набережная — территория Костяшки. Она выходит к морю. Значит, с той сторо-

ны никто Костяшке не угрожает, и набережная не так хорошо охраняется.

— А как туда проникнем мы? Стелс?

— С меня хватило одного раза, — сердито сказал Кэп. — Невидимки «зомби стайл» — слушайте с другого конца города! Нет уж. Пойдем в открытую.

— Но...

— Никаких «но»! Будем изображать людей. Каждый быстро взял по повязке! Вот так. План такой: идем напрямик, точно к восточному входу в Амфитеатр, как будто мы не зомби дрожащие, но право имеем. Двигаемся быстро, чтобы попасть вниз раньше, чем Костяшка начнет свой спуск. Берем фургон, поднимаемся и уезжаем. На виду — но тихо! Доступно?

— Можешь на нас положиться, Кэп, — дружно ответили зомби.

* * *

Красные повязки сделали свое дело: спецгруппа беспрепятственно прошла по узким, запутанным улочкам Дурреса.

— Баба! — презрительно ворчал Лека. — Кто так охрану организует? Я бы каждый квартал оцепил да пароли спрашивал...

— Заткнись!

— А нехилый агрегат этот профессор изобрел? — Фатос выступал важно, будто сам Ананас Эффенди. — Никто нас за зомби не принимает!

— Заткнись!

— Вам не кажется, что для вечера народу маловато? — спросил Замир. — В барах никого, у борделей тихо?

— Заткни... да, я заметил. Подозрительно. Удвоить бдительность!

Все заткнулись и дальше шли молча, постоянно озираясь. Поперек тесных кривых улиц висело белье; часто на месте разрушенных домов вместо завалов стояла сетка с шевелящейся массой рук, ног, голов, корпусов. Контейнеры воняли, исходя негромким бормотанием. Жители спешили по делам, перекрикивались над головами женщины. Но ни боевиков Костяшки, ни дееспособных зомби почти не было видно.

На перекрестке женщина, развешивающая тряпье на просушку, махнула полотенцем:

— Вам туда!

Зомби переглянулись и свернули. Их взглядам предстала мощная наружная стена Амфитеатра, в которой была проделана гигантская арка ворот. Ныне, увы, не пустая: там толпилось человек пятьдесят и видимо-невидимо зомби.

Группа остановилась.

— Опоздали, — констатировал Кэп. — Костяшка начала операцию раньше, чем планировала.

— Что будем делать? — немедленно откликнулся Лека. Он сцепил пальцы и хрустнул суставами. — Драться?

— Их слишком много, — побледнел Замир. — Меня тошнит!

— Взорвем всех к дохлой матери? — с надеждой спросил Фатос. — У меня осталась шашка.

— Заткнитесь, дайте подумать!

— Как вы думаете, парни, что они делают с чужими зомби?

Группа протолкалась сквозь толпу на арену.

Даже полуразрушенный веками и Катаклизмом, Амфитеатр Дурреса впечатлял. Около километра в длину и половину в ширину, он вздымал склоны каменных сидений к самым тучам, вечно бегущим над городом. Сиденья-ступени заросли травой и деревьями, как и арена; тут и там громоздились кучи камней, бетонных завалов, под которыми то мерцала ядовито-зеленая кислота, то слабо светилась багровая лава.

— Стойте здесь, я потрусь среди людей Костяшки и разужнаю, что и как здесь будет происходить. Никакой самодеятельности!

— Да, Кэп! Можешь на нас положиться, Кэп! Ждем тебя здесь!

Командир скрылся в людо-зомбской толпе. Сюда и технику пригнали: между развалинами медленно пробирались, лавируя, два ковшовых экскаватора и тягач. Они часто останавливались, и отряды зомби откидывали с их пути камни, убирали арматуру и нейтрализовывали кислоту, чтобы не разъела колеса.

Замир, Фатос и Лека отошли, освобождая дорогу багги. В машине сидела высокая костлявая старуха в кожаном шипованном лифчике и полоске черной кожи на бедрах, которую с

натяжкой можно было назвать юбкой. В смысле, если немного натянуть. За машиной шагали люди и зомби.

— Быстрее одевайтесь! — крикнула, встав во весь рост, Костяшка, и багги скрылся между другой техникой.

Группа посмотрела туда, куда кричала Костяшка. Там, на каменных ступенях, справа от восточного входа, стоял тент. Трое людей облачались под ним в костюмы химзащиты. Зомби подошли ближе.

— Зачем вообще заводить? Пускай зомбяки его вытолкают! — вполголоса ругался бородатый детина с красной повязкой на рукаве. Другой детина, у которого повязка заменяла косынку, лысый, как коленка, лишенный волос не только на голове, но и на теле (видимо, выпали от переизбытка тестостерона — мышцы его чуть не лопались), надевал костюм молча. Рыжий, как морковка, худощавый боевик, одетый наполовину, повязал рукава костюма вокруг пояса и торопливо докуривал.

— Сашок опять опаздывает, — заметил он. — Он должен бензин принести, так что можно не торопиться, пока его нет. И вообще, приказы не обсуждаются.

— Это зомбакам нельзя, а я человек! У меня есть свобода воли. Я могу собой по своему усмотрению распоряжаться. И не хочу лезть в зараженное подземелье!

Костюм на лысом качке трещал по швам и, казалось, вот-вот разойдется.

— Можешь и распоряжаться, но жрать тогда мервяков будешь, — назидательно сказал рыжий. Затянувшись последний раз, он щелчком выкинул окурок. — Собирать по улицам конечности и лопать сырыми.

— Да пошел ты!

Лысый облек костюмом свою гору мышц и теперь громко пыхтел, стараясь застегнуть «молнию».

— Не торопись, — остановил его рыжий. — В «химзащите» запаришься.

— Почему должен спускаться я, а не зомбак какой-нибудь? — продолжал возмущаться бородатый.

— Потому что они тупые, а ты умный. Хотя в последнем я что-то начал сомневаться. По мне, лучше бы Костяшка тебя заменила. Еще сорвешь операцию...

— Ага, умник нашелся! А в морду?

Рыжий окинул взглядом фигуру бородача и пошел на попятный:

— Ладно, мир. Я тоже не рвусь туда спускаться. Но приказ есть приказ. Добровольцев не было.

Зомби переглянулись. Костюма ровно четыре, верно?

* * *

Когда Кэп вернулся, группы на месте не было.

— Я так и знал! Чтоб у них головы поотваливались...

Громкий шепот пришел со стороны слабо светящихся зеленым развалин.

— Кэп! Мы тут! Сюда!

Командир завернул за груды бетонных обломков с торчащей в разные стороны арматурой.

— Слушайте внимательно, — начал он. — Действовать надо быстро...

— Кэп, мы нашли...

— Заткнитесь! Итак, Костяшка пускает вперед зомби...

— Мы тут добыли, Кэп...

— Заткнись и дай мне сказать! Они расчищают завалы, удаляют кислоту и лаву...

— Но это может нам помочь...

— Заткнитесь же! Они вот-вот начнут, надо срочно действовать. После этого спускаются люди в костюмах химзащиты, с канистрой бензина, чтобы завести фургон и выгнать его наверх. Зомби для этого слишком тупые. Это наш шанс. Мы должны добыть костюмы химзащиты и под видом людей Костяшки спуститься. План ясен? Тогда бегом!

— Ага! — с сияющими лицами кивнули зомби.

— Я сказал, бегом!

— Ага! — зомби расступились. На куске брезента лежали связанные полуголые люди с заткнутыми одеждой ртами. Рядом — четыре костюма химзащиты и канистра бензина.

— Хм, — сказал Кэп. — Это они.

Он захлопнул рот и оглядел подчиненных:

— Чего застыли? По костюмам!

* * *

Вокруг спуска толпилось больше всего народу, так что найти его не представляло труда. Им даже не пришлось пробиваться: люди и зомби сами расступались перед четверкой в шуршащих зеленых костюмах. Затемненные стекла на маске надежно закрывали лица. Первым шел Кэп с канистрой наперевес.

Платформу и пространство вокруг нее кое-как расчистили; вниз по склону из камней и мусора вело несколько приставных лестниц. На них стояли люди и пилились внутрь прямоугольной дыры. Из подсвеченной ядовито-зелеными отблесками темноты напозла платформа с зомби. Древний подъемный механизм типа «ножницы» скрежетал и заедал.

Костяшка командовала сверху — для нее сколотили помост на самой высокой груде мусора. Визгливый голос разносился по всему Амфитеатру:

— Торопитесь, мертвяки! Спинаяте этих тупиц с платформы! Да пошевеливайтесь, мясо, вы двигаетесь, как зомбяки! С минуты на минуту может напасть этот придурок Ананас. Со-скребите остатки с платформы! Где эти, в костюмах? Канистру взяли? Гоните их вниз! И побыстрее, при-дур-ки!

Голос ввинчивался в уши, вызывая головную боль даже у зомби. Четверо в костюмах спустились по одной из лестниц. Боевики срочно сгребали лопатами руки и головы, кидая их прямо на склоны мусора, окружающие платформу. Некоторые зомбодетали скатывались обратно и застревали в щели между плитой и краем прямоугольного отверстия.

— Опускайте! Опускайте! — орала Костяшка. — За что я вам плачу, тупицы?! Пошевеливайтесь, не то из всех зомбаков понаделаю!

— Неприятная баба, — прошептал Фатос. — Я бы такой суповой набор в борделе не взял, даже если бы к ней пышечку какую в придачу предложили...

— Заткнись!

— Молчу.

Они стояли в самом центре, последние люди спешно убирались с платформы. В помощь их группе выделили троих неповоротливых зомби под командой одного довольно шустрого. Эти

должны были разгребать завалы и убирать кислоту, если что-то будет мешать проехать фургону.

Наконец внизу загудело, плита вздрогнула, накренилась и поехала во тьму подземного лабиринта. С сочным звуком лопнула застрявшая между платформой и землей голова. «Не пожегло», — прошепелявила она перекошенными челюстями.

— Заживет, братан, — с сочувствием сказал Фатос.

Плита накренилась. Канистра поехала, и Кэп придержал ее. Зомби развели руки, балансируя.

В целом спуск был произведен успешно. Зомби сошли на пол, кое-где покрытый слабо светящимися пятнами кислоты, и двинулись по коридору.

— В другую сторону, идиоты! — завизжала сверху Костяшка. — Всех на фарш пушу, только вернитесь!

— Курва, — вздохнул Лека.

Они развернулись, обошли платформу и углубились в другой коридор.

* * *

Шустрый зомби путался под ногами, лез вперед, мыча и жестикулируя. Еще один тащил большой мешок с едким натром. Если попадалось пятно натекашей кислоты, зомбак сыпал из мешка крупные белые кристаллы. Оставшиеся двое швабрами растаскивали получившуюся жижу вдоль стен.

С потолка капала тягучая синяя жидкость, бетонные стены были покрыты разводами и потеками. Налобные фонари, надетые поверх шлемов, светили слабо, но и в их свете можно было разглядеть в комнатах разбитую мебель и компьютерную технику. Мало что осталось целого, но даже и здесь можно неплохо пожить. Если все это поднять... одних деталей на приличную сумму!

В подземелье ощутимо фонила радиация, даже зомби в химзащите припекало. Неудивительно, что люди не горели желанием сюда лезть: это ж верная смерть! Однако Костяшку интересовал только фургон. А вот, кстати, и он.

Когда-то это был гараж. С другой стороны квадратного помещения тоже имелся выезд, перекрытый сейчас покореженными створками. Здесь еще стояли два черных джипа с тонирован-

ными стеклами, но они не шли с фургоном ни в какое сравнение. Высокий, серебристый, он словно светился в темноте.

— Слу-ушайте! — протянул Фатос, приближаясь. Замир и Лека медленно обходили фургон по кругу.

— Красавец! — согласился Лека.

— Нам бы такой, — Замир погладил серебристую стенку, словно лаская.

— Какая мы спецгруппа без спецгрузовика? — поддержал Фатос.

— А давайте угоним? Сдался нам этот Ананас Эффенди!

— Будем сами по себе рассекать на замечательном фургоне...

Кэп бухнул канистру на бетонный пол. С потолка срывались капли кислоты, на полу тут и там разлились лужи, но небольшие — шины фургона оказались не повреждены. Костяшкины зомбаки принялись разбрасывать едкий натр и растаскивать швабрами лужи. Воздух наполнился белым дымком.

— Хватит молоть чепуху! Ананас Эффенди — наш хозяин, и мы должны выполнять его приказы. С какой стороны бак?

— Чего это мы должны? Чего это он хозяин? — нестройно возмутились зомби.

— Он нас оживил, и мы ему принадлежим. Выполнять задание!

— Батя он тебе, что ли? — Фатос нехотя полез в кабину, а Лека начал откручивать крышку топливного бака. — Тот хоть зачал тебя, посложнее дело было. А этот оживил, видишь ли...

— Разговорчики! — прикрикнул Кэп, наклоняясь с канистрой над баком. Мышцы на его спине напряглись, и шов, еще раньше пострадавший от усилий лысого качка, разошелся. Шустрый зомби, стоявший за Кэпом, тревожно замычал, тыча ему в спину. Кэп дернул плечом, отгоняя назойливого наблюдателя. Дыра расплзлась еще больше.

Фатос уже поворачивал ключ зажигания. Звук включившегося двигателя в низком помещении прозвучал, как рев взлетающего самолета.

— Лека, Замир — в кузов! План такой: нас поднимают, мы давим на газ и на полной вылетаем из Амфитеатра через точный...

С потолка сорвалась и полетела вниз длинная струя кислоты. Шустрый замахал руками, отгоняя ее, как муху, но бесполезно: зеленая сопля упала точно в разошедшийся шов.

Кэп даже не заметил. Он аккуратно завернул крышку топливного бака, поставил канистру и выпрямился.

Шустрый пятился, выкатив глаза и раззявив рот, указывая на Кэпа. Затем развернулся и побежал, размахивая руками и громко вопя.

— Чего это он? — Кэп направился к кабине.

— Э, Кэп... — Фатос выглядел смущенным. — Слышь, вроде он нас рассекретил. У тебя костюм на спине порван, и кислотой тебя поело.

— Да они ж тупые, чего они могут сообразить? Видишь, стоят по стенке и не реагируют. Заводи давай, и погнали. Чего-то мне спину припекает...

И тут гул работающего двигателя перекрыл оглушительный, разрывающий барабанные перепонки визг Костяшки:

— Это зомби Ананаса! Взять их!!!

Кэп схватился за дверцу, но запрыгнуть в кабину не успел: только что смирно стоявшие мертвяки ожили и набросились на фургон. Один подпер дверцу кабины шваброй, другой карабкался по лесенке к Фатосу, третий бился в задние дверцы.

— Дави гадов! — завопил Фатос и обрушил кулак на башку мертвяка. Руки того соскользнули, но зомби тут же снова ухватился за перила.

Кэп схватил канистру и одним ударом вмял голову зомбака в плечи. Лека, выскочив из фургона, осыпал третьего точечными ударами, но так как зомби был мертв, болевые точки не срабатывали.

— Все в машину! Идем на прорыв! — громовым голосом скомандовал Кэп, хватая обезглавленного противника и отшвыривая его к стене.

Зомби бросились по местам. Кэп запрыгнул в кабину, Замир втащил Леку за шиворот, и фургон рванул вперед. Второй зомбак свалился под колеса, и фургон подпрыгнул, переезжая его. Третий поковылял следом, вытянув руки и шевеля пальцами, все еще надеясь схватить жертву...

* * *

Автомобиль подбрасывало на кучах мусора и обломках. Вот и платформа видна, сверху падает тусклый свет догорающего дня. Фатос резко затормозил:

— Опять опоздали!

Плита поднималась, она была почти у самого потолка. Скрежет древних механизмов был слышен даже сквозь шум двигателя. Секунда — и она перекрыла отверстие, запирая спецгруппу в подземелье.

Но почти сразу плита начала опускаться, уже не пустая: десятки зомби стояли на ней, а также на плечах тех, кто стоял; все они размахивали руками.

— Что случилось, Кэп? — В задней стенке кабины открылось окошко, и туда просунулось озабоченное лицо Замира. Он увидел толпу зомби, разъяренных воплями Костяшки, и охнул.

— Что делать? — повернулся к командиру Фатос.

Кэп принял решение мгновенно:

— Фатос, доставай шашку! Замир, лезь за руль и разворачивай фургон! Быстро! Выбираемся через другой выезд!

— Какой другой...

— Выполнять! — рывкнул Кэп. — Фатос, взорви так, чтобы платформу заклинило! Замир, разворачивай! Я достану карту и скажу, куда ехать. Быстро!

И он просунул руку в прореху костюма, шаря по карманам.

Фатос, стянув ненужные теперь шлем и перчатки, вытащил из рукава шашку и поджег шнур. Движения вроде бы неторопливые, но секунда — и по воздуху уже несется плюющийся искрами снаряд.

Бросок был точен: шашка на секунду застряла в сочленении подъемного механизма. «Ножницы» придавили шашку, и она взорвалась.

Одну ногу верхних «ножниц» вывернуло из крепления. Плита накренилась, и зомби посыпались вниз. Они шмякались на бетон, теряя конечности и головы. Кто-то успел схватиться за края платформы и остался висеть, болтая ногами в трех метрах над полом.

Фатос запрыгнул в кузов уже на бегу. Замир втопил газ, и фургон понесся обратно.

В руках Костяшки оказался гранатомет. С воплем дикой радости старуха нажала спусковой крючок. Хлопка никто не услышал.

— В гараж! — орал Кэп, пытаюсь развернуть карту в прыгающем на грудах мусора фургоне. За ними со свистом рассекала воздух ракета из гранатомета.

В свете фар возник догоняющий их зомби.

— Вот упорный! — Замир крутанул руль. Грузовик вильнул, объезжая зомбака. Тот раскинул руки, стараясь ухватить фургон, и тут в его объятья влетела ракета. Мертвяк взорвался, разбрасывая искры, языки пламени и ошметки плоти. Впрочем, пальцы тут же начали сползаться в кучку.

Фургон влетел в гараж, пересек его и, не сбавляя хода, врезался в ворота. Покореженные створки снесло. Спецгруппа помчалась дальше, виляя по коридорам и врезаясь в углы.

— Туда! Теперь сюда! Вправо! Влево! Теперь прямо! — командовал Кэп. — Да тормози на поворотах, док! Вон пандус, прибавь газу!

Но Замир резко ударил по тормозам.

Пандус был завален.

Все вышли из машины, док заглушил двигатель.

— Как салат, — почесал в затылке Фатос, созерцая громящиеся одна на другую сетчатые клетки с шевелящимися остатками. Бесперывное бормотание наполняло коридор. Замир позеленел и отбежал к стене.

— Что делать будем? — спросил Фатос.

— Дай подумать, — пробормотал Кэп, вертя карту.

Из коридора, откуда они приехали, донесся разноголосый вой.

— Догоняют, — заметил Лека и начал закатывать рукава. — Чую, драки не избежать. Давно пора размяться!

— Сметут, — покачал головой Фатос. Подошедший Замир пожаловался:

— Желудок пустой, даже не стошнить.

Кэп смял карту и бросил в угол:

— Другого выхода из подземелий нет!

Замир дрогнул.

— Драться со всеми? — жалобно спросил он, принимая стойку, которую считал боксерской.

— Эх, помашем кулаками! — Лека присел пару раз, готовясь встретить врага.

Фатос молча вытащил откуда-то из глубины штанов тротильную шашку.

— Последняя, — горестно сказал он и достал зажигалку. — Командуй, Кэп!

Кэп обвел своих бойцов увлажнившимся взглядом.

— Спасибо, парни! — сказал он. — С вами приятно работать.

Он обнялся с каждым и добавил:

— Но умирать еще рано. В смысле, поздно. Это спецфургон, тут должно быть оружие. Не может не быть! Фатос, отдай шашку и лезь в кабину. Ищи на панели. Замир, ты в кузов — может, там что-нибудь обнаружишь. Лека!

— Да, Кэп!

— Возьми шашку и отойди в сторону.

— Но, Кэп...

— Я пошутил. Разрешаю драться.

— Уррра! — маленький боевик подпрыгнул и в прыжке ударил себя пяткой в грудь.

Из-за поворота вывалилась толпа зомбаков. Мешая друг другу, толкаясь, переваливаясь, спотыкаясь на отпадающих руках и ногах, они устремились к спецгруппе. Кэп и Лека встали плечом к плечу, готовясь достойно встретить противника.

— Нашел! — заорал Фатос, хлопая по кнопке ладонью и от волнения не попадая. Наконец ему удалось ткнуть в нее. В передней части кабины поднялась дверца, с низким гудением выдвинулся ствол. — Завожу! — и он провернул ключ зажигания. Взревел двигатель, черное облако из выхлопной трубы окутало Кэпа и Леку.

Замир в кузове замахал, чтобы они залезали. Фатос нажал еще раз. Фургон отпрыгнул, едва не раздавив Кэпа с Лекой. Из дула вырвался сноп пламени, взрывная волна едва не разнесла зомби черепа.

Когда дым рассеялся, пандус был свободен. Ну, *почти* свободен. По стенам, потолку и бетонному спуску была размазана кашица колыхающейся плоти. Замир зажал нос и схватился за привинченное к полу фургона кресло.

А потом их захлестнула волна зомбаков.

Кэп своротил башку одному, оторвал руку другому, пинком лишил ноги третьего. Выдрал из груди тел Леку, который зубами вцепился в грудь огромного мертвяка, и закинул в фургон, после чего запрыгнул сам. Мертвяк отвалился в полете, оставшись без приличного куска грудных мышц.

Фургон рванул с места. Колеса прокручивались на гниющей плоти, грузовик заносило, но он поднимался. Зомби с обиженным ревом устремились вслед.

— Не дали подраться! — рыдал Лека и рвался назад, но Кэп держал крепко. Замир закрывал дверцы. В последний момент Лека успел поджечь и швырнуть шашку.

— Нет, только не эту, любимую! — закричал из кабины Фатос, увидевший в зеркале заднего вида огненный след. И втопил газ, уходя от того, что должно было случиться.

Шашка только выглядела обычной.

Огненный смерч прошел по коридору, выжигая все на своем пути. Мощной взрывной волной фургон вынесло наружу. Он упал на все четыре колеса, да так, что зомби прикусили языки, и помчался прочь, виляя и подпрыгивая. Позади из земли рвалось оранжевое пламя, озаряя ночь. В его свете было видно, что Амфитеатр просел, стены его обрушились, завалив арену, а также прилегающие улицы.

* * *

Только на холме Кэп разрешил остановить фургон. Отсюда было видно, как догорал Старый Дуррес. Новый город гудел, люди выбегали из домов, чтобы поглазеть на это чудо. Исторический центр, переживший смену эпох, экономических формаций и даже Катаклизм, сдался четырем зомби, которые стояли сейчас километром выше и смотрели на затихающий пожар.

— Я не виноват, — Фатос развел руками под сердитым взглядом Кэпа.

— Зомби стайл! — хихикнул Лека. — А что, мне нравится. Не стелс, конечно, но тоже стильно!

Ветер с моря нес пепел и сажу. Замир прокашлялся.

— Да, в целом мы справились, — заметил он.

Кэп махнул рукой.

— Ладно, уговорили. Молодцы, ребята! — похвалил он. — Теперь давайте посмотрим, что за приз мы отхватили.

Они полезли в фургон и долго там все изучали, цокая языками и нахваливая.

— Эх, все-таки жаль отдавать Ананасу такое добро! — сядь за руль, сказал Фатос.

Кэп посуровел:

— У нас приказ. Езжай к хозяину.

Лека с Замиром закрылись в кузове, и фургон неспешно покатил по Виа Игнатиа к мечети Фатига.

* * *

Ананас Эффенди ждал их с часами в руках.

— Где пропадали? — набросился он на них, когда Кэп с командой выбрались из фургона.

— Да мы только...

— Молчать! Я не для того вас оживлял, чтобы слушать тупую болтовню! Встаньте туда и ждите, скоро придет ваша очередь.

Зомби послушно выстроились у стены.

— Неприятный все-таки тип, — тихо заметил Фатос.

— Ничуть не лучше курвы Костяшки, — поддержал Лека.

— Заткнитесь, а? — вяло отозвался Кэп. Он скрестил руки на груди и сел под стеной.

— Тебе худо, Кэп? — обеспокоился Замир. — Дай-ка пульс послушаю. Хотя какой пульс, чего это я?..

К горбоносому албанцу приблизился профессор, всклокоченный больше обычного, если такое было возможно. Катушка в центре мечети испускала слабые синие молнии.

— Тащите агрегат! — скомандовал своим зомбакам Ананас.

Два крупных экземпляра подняли железный ящик, стоящий возле оживляльного стола, отодрали от него провода с шлемом и втащили в кузов. Ананас уже был там.

— Как что подключать? На что нажимать?

Профессор подпрыгивал, пытаясь забраться в фургон, но Ананас ногой отпихнул его:

— Мой усилитель! Говори оттуда!

Тупая Башка сложил ладони и начал нервно постукивать пальцами о пальцы.

— Видите, там такая панель, — бормотал он, пытаясь заглянуть внутрь. — В ней разъем... Вставляете туда зеленый кабель... не перепутайте, Эффенди, зеленый!

— Знаю! — огрызнулся Ананас, быстро роняя красный провод. — Дальше?

Спецгруппа у стены тихо переговаривалась.

— Вот у меня батя был — зверь, — рассказывал Лека. — Гонял меня, как неродного. В пять утра выливал мне в постель ведро холодной воды — и на пробежку. И так целый день. Все твердил мне: настоящий албанский парень должен быть сильным, как вол, и выносливым, как... тоже вол. Я бы его собственными руками убил, если б старого козла раньше взрывом в шахте не уложило, где он работал. До сих пор проклинаяю.

— А я раньше в бога верил, — поделился Фатос. — В это-го, знаете, христианского. Рядом поп жил, к мамке иногда за-хаживал, ну и учил меня помаленьку. Мол, он все видит. И по заслугам каждому воздаст. Бог видит, а не поп. Хотя поп тоже был глазастый и завсегда знал, что я у него яблоки в саду по-крал. И розгой, розгой...

— А теперь чего? Не веришь? — поинтересовался Замир.

— Нет уже, — вздохнул коренастый подрывник. — А смысл? Если бог дал мне свободную волю решать, на кой курац он мне вообще сдался? Все равно я сам решаю, сам отвечаю...

— Ну как же? — не удержался Замир. — А наказание после смерти? Или это, воздаяние?

— Заткнитесь! — сказал Кэп. — Мы умерли. У нас теперь хозяин вместо бога.

Ананас Эффенди выглянул из грузовика.

— Так, я все подключил, проверять буду. Эй, вы, болтуны! Встать! Готовьтесь сдохнуть.

Зомби поднялись, переглядываясь.

— Мы так не договаривались! — возмутился Лека. Замир с Фатосом поддержали.

Горбоносый албанец каркаяще расхохотался:

— Буду я с мертвяками договариваться! У меня теперь усилитель, и агрегат станет работать на расстоянии. Теперь я смо-

гу уничтожить любых зомби! В любом количестве! Уж теперь-то я покажу этой Костяшке, кто тут главный!

— Слышь, мы вроде уже показали, а? — Фатос ткнул в сторону открытых дверей мечети, где еще были видны отсветы пожара.

— Молчать! — заорал, брызгая слюной, Ананас. Он прыгнул на пол и быстрыми шагами подошел к зомби, на ходу размазывая хлыст. — Вы будете молчать и слушать меня, потому что я тут главный! Я хозяин! — Он ткнул рукоятью хлыста Фатосу в зубы. — В Дурресе и без этой курвы хватает, с кем разобраться. Но в первую, самую первую очередь я уничтожу всех зомби. Меня достали зомби! Я ненавижу зомби! Вы воняете. Вы тупые. Вы... — он набрал воздуха в грудь, собираясь обрушить водопад проклятий на спецгруппу, но не нашел слов и только сплюнул.

— Подождите, как всех зомби? — подпрыгнул Тупая Башка. — Я вам не позволю! Я изобрел свой агрегат не для того, чтобы... зомби нужны городу! Они чистят последствия Катаклизма, и вообще...

Ананас без замаха ударил профессора рукоятью, и тот с возмущенным воплем схватился за челюсть.

— Тебя не спросили, падаль, — брезгливо бросил Эффенди. — Ты мне больше не нужен. — Вытащив из висящей на поясе кобуры револьвер, он приставил ствол ко лбу профессора. — Я не хочу, чтобы ты сделал еще один агрегат для кого-нибудь другого...

Кэп прыгнул, толкнул профессора и упал сверху. Пуля сбрила на его спине лохмотья кожи, оставленные кислотой.

— Пусть бог даст тебе счетчик Гейгера, чтоб ты с ними своих детей искал! — выкрикнул Кэп самое страшное албанское проклятье.

— Бунт?! — завопил Ананас, протягивая хлыстом оставшуюся тройку. Развернулся и, как заяц, высоко подбрасывая ноги, помчался к фургону.

— Я ждал, я ждал этого! — кричал он, отбрасывая револьвер и хлыст и хватаясь за дверцы. — Никогда не доверяй тому, что сдохло, но продолжает ходить!

Он скрылся в кузове. Внутри что-то загудело, молнии с тора стали срываться все длиннее, все ярче, все чаще.

Кэп поднялся и помог встать профессору. Тот быстро моргал, водя руками вокруг себя.

— Он включил усилитель на полную мощность. Сейчас он погасит ваши мозговые волны, и вы погибнете навсегда! Бегите! — бормотал он, потрясенный поступком зомби. — Погибнут все зомби в радиусе километра!

Спецгруппа переглянулась.

— Тогда нет смысла бежать, — сказал Лека, закатывая рукава. — Эй, в чем дело, док? Рука опять отваливается!

— Это же медицинские нитки, быстрорастворимые, для живых тканей предназначены, — смутился Замир. — Других не было...

Фатос шарил по телу, но на этот раз взрывчатка действительно кончилась.

В крыше кузова откинулся люк, наружу выехала круглая антенна. Она начала вращаться, быстрее и быстрее. Гудение стало громче и все нарастало.

Ноги стали ватными, в голове как будто каша вместо мозгов. Стоящие вдоль стен тупые зомбаки Ананаса зашатались, движения их стали нескоординированными. Один за другим они попадали на пол кучей мертвой плоти. Закричали и замолкли сваленные в углу головы, ползающие по полу руки замерли, ноги больше не подергивались. Зомби умерли, умерли навсегда. Значит, скоро затихнут и мозговые волны спецгруппы, навсегда выключив их из того подобия жизни, к которому они уже начали привыкать.

Никто не спрашивал, что делать, все просто разом сорвались с места.

Фатос запрыгнул в кабину и завел двигатель.

Кэп с Замиром, передвигая плохо гнущиеся ноги, обежали фургон и рванули дверцы, срывая их с петель.

Фатос ударил по газам. Фургон буквально прыгнул вперед.

Стоящий внутри Ананас не удержал равновесия и бесславно грохнулся на пол.

Однако он не был бы собой, если бы сдался так быстро: албанец сразу вскочил на ноги, подбирая хлыст и револьвер.

Кэп подхватил профессора под мышки. Чувствуя, как быстро слабеет тело, командир из последних сил подбросил его в кузов.

— Отключи прибор!

Фатос затормозил, и профессора инерцией внесло в фургон. Он проехался по полу и врезался головой в переборку.

Лека положил правую ладонь на левое плечо, поднатужился и дернул. Частично растворившиеся нитки не выдержали, и рука выпала из рукава.

Ананас вскинул револьвер, целясь в Тупую Башку, одновременно поднимая хлыст.

Лека правой рукой согнул на левой ладони все пальцы, кроме среднего, взял руку как копье и метнул.

Ананас взмахнул хлыстом и выстрелил. Гибкий хлыст обвился вокруг второй руки боевика. Ананас рванул, и рука тоже оторвалась. Пуля ударилась о стенку фургона над плечом профессора, отрикошетила и пробила ему бок.

Рука маленького албанца ударила Ананаса Эффенди прямо в голову. Средний палец пробил глаз и вонзился в мозг. Эффенди забился в конвульсиях, силясь что-то сказать, но повалился на пол и остался лежать, судорожно подергиваясь. Оставшийся его глаз уставился в потолок, из пробитой глазницы вытекала неопрятная жижа. Рука покачивалась над головой Ананаса, как штандарт победителей.

Профессор, падая, схватился за нужный рычаг и повис на нем, обмякнув всем телом. По рубашке его расплзлось кровавое пятно.

Фатос остановил машину и заглушил двигатель. Зомби собрались вокруг фургона. Кэп бережно вытащил профессора и положил на бетонный пол. Тупая Башка открыл глаза.

— Мне, право, так неловко, — пробормотал он. — Я ведь знал, что он будет испытывать прибор на вас, и все равно пошел на это. Если бы не безумная идея уничтожить всех... я бы не попытался ему помешать.

— Ничего, проф, — утешил его Лека, ногами подталкивая к себе руки. — Кажется, мы квиты.

— Мы не в обиде, — подтвердил Кэп. — Мы всего лишь зомби. Четверка ходячих трупов.

— О, вы не как все, — сквозь силу улыбнулся профессор. — Я горжусь вами. Вы лучшее мое творение!

— Право, не стоит, — поклонился Замир.

Профессор закашлялся, изо рта у него пошла кровавая пена.

— Я умру... — прохрипел он, — с чистой совестью...

Зомби переглянулись.

— Мы вас оживим, проф, — пообещал Фатос. — Только объясните, как с этой штукой управляться.

Синие молнии срывались с тора все реже, шипение стало тише. Профессор испуганно заморгал:

— Нет, только не зомби! А впрочем... если разберетесь... кто знает, может, это не худший вариант.

И Тупая Башка выключился. Зомби посмотрели друг на друга.

— Что теперь, Кэп?

Командир помедлил:

— Дайте подумать. Мы теперь вроде свободны, так?

— Да, Кэп.

— Точно.

— В точку, как всегда.

— И фургон вроде как тоже наш?

— О, верно!

— Я люблю его!

— Да, да!

— Тогда берем фургон и работаем, парни!

Зомби переглянулись.

— Это как?

Кэп прикрыл глаза ладонью.

— А как раньше? — спросил он.

— Ну, мы были наемниками, — неуверенно сказал Фатос.

— Спецбригада по спецзаданиям, — добавил Лека.

— По вызову, — заключил Замир. — Ну, знаешь, когда заказчик звонит и говорит: есть задание, надо убить всех...

Ананас заскреб руками по мозаичному полу, пытаясь встать.

— Ничего у вас не выйдет! — прохрипел он. — Вы зомби! Тупые поганые зомби!

Спецгруппа переглянулась.

— Зомби по вызову, — сказал Кэп.

— Это звучит, да, — поддержал Фатос.

— Зомби стайл, — усмехнулся Лека.

Замир побледнел:

— Неужели меня опять будет тошнить?..

В мечеть заглянул толстый араб.

— Ананас, ты тут, дорогой? У меня для тебя маленький дело есть, да...

Группа уставилась на командира. Тот сделал приглашающий жест, и первый заказчик вошел в их новую базу. Оглядев мечеть и фургон, он поинтересовался:

— Где ваш хозяин, зомби? Эффенди где?

— У нас нет хозяина, мы сами по себе, — отозвался Кэп. — Мы спецгруппа, которая решает проблемы. Зомби по вызову.

— Не слышал, нет, — араб полюбовался на молнии и тут заметил корчившегося на полу Ананаса. Он поцокал языком. — Ах вот как? Зомби по вызову, говоришь? Мне нравится ваш стиль. Думаю, мы сойдемся в цене.

Ананас ворочался на полу, исходя слюной и жижей из глазницы.

— Вы зомби... поганные зомби! — плевался он. — Я вас достану!

— Добейте его, — поморщился Кэп.

Лека занес ногу и вдавил голову Эффенди в мозаичный пол. Заказчик покивал:

— Да-да, у вас определенно есть стиль. Зомби, знаете, тоже люди. А задание такое, слышишь, да? Мустафа Карабин украл у меня гарем, представляешь? Три жены и восемнадцать наложниц! Зомби унесли всех, и собаки не почуяли, веришь, нет? Теперь слушай сюда подробности...

Над мечетью вставал полный месяц, и белый свет его пролился сквозь пролом в крыше, знаменуя начало новой жизни. Этой жизни, той жизни... да не важно. Всякой жизни.

Сергей Малицкий

РЕКОНСТРУКЦИЯ

На излучине светлой речушки стоял городок в полусотню домов, не больше. Четыре улицы складывались крестом в площадь Советскую, на которой хмурился любовно посеребренный гипсовый Ленин. Серый асфальт от основания памятника змеился трещинами к пыльно-стекольному «Детскому миру», зданию райисполкома, утопающему в вишневых садах частному сектору и магазину «Культтовары». За спиной памятника, на бывшем кладбище, в железобетонной розетке колыхался язык пламени, и в канун дня Победы маялись двое пионеров в белых рубашках. Левее, за сверкающими свежей листвой липами, высилась крашенная суриком церквушка, на дверях которой висел тяжелый замок. От церквушки к вечному огню тянулся ряд постаментов с похожими друг на друга бюстами героев, чьи имена были высечены тут же. За кладбищем шумела на площадке ясельная детвора, за нею гроыхала станками укрывшаяся за наглядной агитацией фабрика. С десятков дородных ткачих скоблили граблями скользкий от недавнего дождя жидкий весенний газон.

По переулку между яслями и фабрикой, сбивая пыль и прошлогоднюю листву в ручей черной грязи, ползла поливальная машина. Усатый горожанин в газетной пилотке, комбинезоне и клетчатой рубашке макал валик в ведро с бирюзовой краской и красил дощатый забор. Толстая торговка в киоске «Союзпечати» распаковывала пергаментные пакеты с газетами. У входа в дежурную часть милиции зевала пожилая немецкая овчар-

ка на брезентовом поводке. Тут же стояла с метлами пара доходяг и, ловя плечами утреннюю свежесть, имитировала подметание тротуара под присмотром одутловатого сержанта. На расчерченной мелом дорожке прыгала и двигала носком баночку из-под ваксы конопатая девчонка с ободранными коленками.

Возле автобусной остановки матюкающийся водитель менял спущенное колесо ПАЗика. Трое унылых горожан тоскливо изучали расписание автобусов. Разбитый пятьдесят первый тянул к площади квасную бочку. У магазина «Бакалея» стояла очередь старушек. На ступенях домишки под вывеской «Дрюон. ППС — 20 кг» дремал очкарик с мешком макулатуры. У ворот ЦРБ селянки продавали редиску и укроп. В палисаднике за аптекой спал на грядке анютиных глазок синюшный алкоголик. «Скорая помощь» стояла у вросшего в землю нищего дома за «Культоварами». На облагороженных кусками черного шифера балконах пятиэтажек колыхалось сырое белье. На рогах коллективных антенн сидели группками по три черные, похожие на механических игрушек галки. Из репродуктора, закрепленного на здании горисполкома, бодрый голос пел веселую песню про городские цветы, которые тут же старательно тыкали в коричневую от перегноя клумбу работницы коммунального хозяйства. По потрескавшемуся асфальту в скрывающуюся во дворах «хрущевок» школу шла стайка школьников в коричневых платьях и белых фартуках. Старик в драповом пальто старательно отводил в сторону руку, чтобы батон хлеба и треугольный пакет молока в сетке-авоське не били его по колену. За стариком тянулась полоска белых капель. Над головой раскинулось неестественно голубое, без облачка небо, солнце в котором поражало нескрываемо злобным сиянием. И всюду были видны огромные желтые автобусы с черными стеклами.

Они прибывали с северной окраины города каждое утро и бесшумно, не исторгая ни копоты, ни дыма, не урча, не шурша шинами, расплзались по его улицам и переулкам. Подолгу стояли у ограды яслей, на площади, у школы, у магазинов, у пляжа на берегу светлой речушки, у дискотеки в городском парке. Когда же над городом опускалась ночь, они вновь уползали на его северную окраину. Оттуда, по все такой же потрескавшейся от времени асфальтовой полосе, автобусы катили дальше

к северу, пока не останавливались у мутной пелены, через которую проезжали с трудом, словно продирались через вставший дыбом пласт серого киселя. За киселем гудела и мигала огнями производящая его огромная машина. В ночи, под странно чистым и странно звездным небом, она и сама сияла огнями и казалась упавшим на землю куском Млечного пути. Она же сотворяла светлую речку, прокачивая и очищая в своих потрохах ползущую по изгаженной канаве смертельную жижу. Но автобусы не останавливались у машины и по проложенной среди пепла и угля, мертвых остовов зданий и покрытых ржавчиной пепелищ пластиковой полосе устремлялись еще дальше к северу. Так они оказывались на огромной, покрытой шестиугольными стеклянными плитами площади, заполненной еще более странными механизмами, чем звездная машина. Похожие на чайники, тарелки, кубы и шары, усеянные удивительными выпуклостями и вогнутостями, удивительные аппараты ждали автобусов, словно неведомые улы. Когда те подъезжали к ним, аппараты выдвигали прозрачные рукава и хоботы, присасывались к дверям автобусов и начинали откачивать из них что-то неясное, наполненное извивающимися отростками. Словно автобусы везли медуз, что однажды выбрались на берег и попытались хоть в чем-то походить на людей. После откачки хоботы втягивались внутрь, аппараты начинали пыхтеть огнями и один за другим поднимались в странно звездное небо, а автобусы выстраивались на краю площади в ожидании следующих ульев.

В это же самое время жители городка, что стоял на излучине светлой речушки, разбредались по квартирам и гостиничным номерам, где, задернув шторы и заперев двери, принимались утомленно махать руками, взбрыкивать ногами и трясти головами, пока надетая на них плоть не сползала на пол в виде глицериновой чешуи. После этого они укладывали свои змеящиеся бледные тела в наполненные соляным раствором чаны, где предавались сладким размышлениям о скором окончании вахты и количестве рибоидных бонусов, копящихся в их васкарных уцесах.

Тот из них, кто стряхивал с себя собачью шкуру, радовался больше других. Вахта у него была короче, а уцес — больше.

Александр Шакилов

ТРУСАРМИЯ

Спрыгнул с брони, упал, ногу подвернул — ругается, плачет, стонет. Сфера в пыли, АКСУ там же. Ужас! Кошмар!

А я в прицел окружающей обстановкой любуюсь. И, поверьте, разглядывать граждан в семикратную оптику — это страшно, о-очень страшно. Мирное население — это же зверье редкостное. Я знаю, что говорю, это моя третья война. И я вспотел, дрожу и тоже вот-вот скovyрнусь с башни. И угораздило же меня в это вляпаться! За что опять, Господи?!

Взвод наш занял высоту без существенных потерь. Разве только Васька Дракон поцарапал коленку и сустав вывихнул. Да Тимурчик, снайпер-санитар, как увидел кровь (чужую, заметьте!), так сразу без сознания и грохнулся. Реальную СВДшку под череп вместо подушки определил, руки на аптечке скрестил — прям отпевай, не отходя от кассы: не боец, а мертвец. В крайнем случае, зомби-диверсант на полставки.

И все мы, небритые и в драном камуфляже, Тимурчику люто завидуем. Нам тоже хочется сдохнуть от страха. Вот так вот — сдохнуть, и все.

Командир наш, лейтенантик, и сам бледнее меня с перепоею. Уж очень он стесняется на нас орать. Утренний развод для него — катастрофа: это ж народец построить надо и внятно сообщить, что, мол, смирно, вольно и... э-э... и равняйся, пожалуйста.

Не завидую я лейтенанту, сочувствую очень, а помочь не могу — боюсь. Вдруг обидится, вдруг накричит, что лезу не в свое

дело, и вообще. И на «губу» меня, или в штрафбат на перевоспитание. А мне и здесь вполне плохо, и в родимом подразделении я как бы козел отпущения и востребован сверх меры.

* * *

...дождались темноты и вошли в поселок. Тихонечко так прокрались, ботиночки тряпками обмотали, чтобы громко не топтать. БМПшки, «коробочки» наши противоположные, на высоте оставили: на конфликт нам без нужды нарываться. По собственному опыту знаю: чуть кто из оккупированных личностей траки и пушки заметит, так сразу партизаном, то есть этим... — террористом, о! — заделывается: гранаты начинает швырять и бутылки с зажигательной смесью. А оно нам надо?..

В общем, без брони мы — падать неоткуда, ноги целее будут.

Не первый день в подворотнички сморкаемся, опыту хоть отбавляй: до центрального майдана дохромали — ни одна шавка не заскулила, ни один пенсионер бессонный покой в постели не сменил на пост у окна. А то вскинется какая горластая домохозяйка, да как рыкнет! А у нас от громких голосов икота и стул. Жидкий. И то и другое — самопроизвольное.

Лейтенант перед нами извиняется, краснеет от смущения, но приказы все-таки шепчет:

— Ребята, вы это, потише, да?.. Пожалуйста. Очень прошу. Нам бы до утра, да? И до ночи? Простоять и продержаться. Благодарен буду, ребятки... А вы, Фуга, думайте, пожалуйста, настраивайтесь на подвиг, от вас многое зависит.

Фуга — это я. Прозвище у меня такое. И ничего не странное!

— Есть! — шепчу в ответ. И честно приступаю к выполнению поставленной задачи: думаю, настраиваюсь, подвига жажду. Да только страшно мне: что завтра будет, а? Как местные оккупацию воспримут? Вряд ли хорошо. Достанется нам по самые фрукты-овощи.

* * *

...и началось.

Бабы, конечно, кто ж еще? — женщины они такие: чувствуют мужскую слабость.

Парни весь поселок облепили плакатами. На кроваво-черным поле надпись — «СМИРИСЬ!»; коротко и тупо — для самых умных. В общем, дамочки первыми интерес проявили: а что это за макулатура на заборах и трансформаторных будках намусорена, кто ж это напаскудил, а? Как обычно, содержание наглядной агитации слабый пол не заинтересовало. А зря. Вот и делегация к нам пожаловала, а мы не знаем, куда глаза от стыда девать. Лейтенант вон окапывается усиленно: пехотной лопаткой асфальт ковыряет. В общем, боимся, а отступать еще страшнее — у нас боевая задача, при исполнении мы.

— Вы кто и чо приперлись? Чкаловские, да? Или, вообще, городские? На разборки пожаловали? Рэкет, да? И морды бить нашим хлопцам?

А мы:

— Что вы, отнюдь. Не наш профиль, простите. Мы, простите, воины, вас оккупировали и, поверьте, сопротивление бесполезно. Вам придется добровольно отдать материальные ценности и подчиниться нашему правительству, самому лучшему, самому авторитарно-демократичному.

Они смеялись. Долго смеялись.

А мы вжимали головы в плечи.

Нам было страшно.

Впрочем, нам всегда страшно. Ведь мы — завоеватели.

* * *

...камень — камешек — приласкал затылок лейтенанта: хрясь!

Дети — вечная проблема оккупантов, ибо дети не знают страха. Рогатки тоже оружие, не смертельное, но неприятное: шишка на затылке, синяк на спине, еще шишка, еще гематома... и вечное ожидание гранитного окатыша, проминающего висок... Дети — маленькие демоны, при виде которых у меня начинается икота и в зрачках мутнеет.

И так весь день. Камни. Грязь. Пивные бутылки. Мы боялись, мы терпели, ведь мы — элитное подразделение. Женщины приходили смеяться над нами, они задирали юбки и, когда мы в панике отводили взгляды, называли нас кастрированными

баранами. Мужчины — высокие, сильные, в костюмах и при галстуках — отобрали у нас оружие и велели убираться, да поживее. Мы промолчали в ответ, как подобает истинным оккупантам, но не сдвинулись с места: продолжали сидеть посреди единственной площади поселка. Лейтенант попытался объяснить: мол, незавидность их положения несомненна. Но аборигены лишь рассмеялись, а потом расстреляли лейтенанта. Повезло командиру: отмучался. Труп свой оставил, а сам к БМПшкам побрел отдыхать. Тимурчик тут же потерял сознание: из солидарности и за упокой.

До самого вечера нас поливали помоями, в нас швыряли гнилые помидоры. Господи, откуда у них СТОЛЬКО перезревших овощей?!. Снорри, самого крупного бойца взвода, метр шестьдесят два с каблуками, отвели в сторонку и повесили на столбе линии электропередачи. По-настоящему повесили. Мол, так будет с каждым из нас, если мы не уберемся подобру-поздорову. И это было СТРАШНО. Но мы обороняем плацдарм, ни шагу назад, мы сидим на грязном асфальте — этот населенный пункт наш! Уже наш...

Скоро вечер.

Скоро ночь.

Василий допивает вторую флягу. В первой был спирт. Во второй — керосин. Отличная смесь. Васек говорит, помогает вжиться в образ.

* * *

...темнеет.

Будто чувствуют. Высыпали на площадь и орут на нас, орут! Дети пинают бойцов взвода куда придется. Женщины пышут злобой. Зубы мои лязгают, глаза то и дело закатываются.

Кудряшки, мельенькие-мельенькие, русые. Невинное личико ребенка в отблесках заката неотличимо от морды вампира из фильма ужасов. В руке у кровососа столовый нож. И острием мальчонка тычет мне в щеку. Слишком много страха, слишком...

Критическая масса.

Первым не выдерживает Тимурчик. У нас нет реального оружия — отобрали местные. Но Тимурчик на то и снайпер, что-

бы всегда боеготовым быть: длинная композитная ерундовина вырастает коростой на его руках. Глушак и пламегаситель с пятью вырезами, легированный хромом и молибденом ствол, сошки, скелетный приклад.

Лазерный луч упирается в лоб вампиреныша.

Аборигены мгновенно замолкают.

Палец Тимурчика неспешно выбирает свободный ход спускового крючка и...

...выстрел!!

Толпа четко видит, как мальцу отрывает голову, как брызжут мозги, и теменная кость...

Солнца нет: скушал горизонт, не подавился. Денек простоять, ночь продержаться?

Продержались! Да!

Все, хватит! Сил больше нет бояться!

* * *

...Ваську не зря Драконом прозвали. Дракон и есть. С шипами вдоль сегментного хвоста и гребнем, трижды опоясывающим клювастый череп. Тело Василия увеличивается в разы, лапы проламывают когтями асфальт, смрадное дыхание — керосиновый выхлоп: огонь-плевок в обезумевшую от страха толпу. Одежда вспыхивает, горят волосы, дамочки срывают юбки и падают, сбивая пламя. Мужчины прицельно выжимают из «калашей» пули — в голову дракона, метров на пять выше реальной ухмылки Василия.

А малыш-вампирыньш жив-здоров. Мало ли кто и что ВИДЕЛ? И пусть все папашки-мамашки в курсе, что пацану капут, ребенок-то отказывается поверить в собственную смерть, ибо он смутно представляет, как выглядит винтовка и какую гадость с ее помощью можно сделать с невоспитанным мальчиком. Не знает — и потому жив. Дети — вечная проблема оккупантов.

Но на то Тимурчик и зомби-диверсант. Он мгновенно обернулся в суповой набор б/у. Руки выпрямляются перед изъеденной червями грудью. Тимурчик ковыляет к пацану, костлявые пальцы сжимаются на горле. Мальчонка регулярно смотрит телевизор и обожает сказки о живых мертвецах. Он ЗНАЕТ: зомби надо бояться, и потому...

Ничуть не жаль дрянного мальчишку.

Дракон бушует, измучен пламенной отрыжкой. Заодно страдают хранители очагов и газовых конфорок — мужчины, у которых наши автоматы.

Автоматы, заряженные холостыми патронами.

Пяток зомби пугают домохозяек и детей — самых опасных врагов. Врагов, не знающих, что такое «тротильный эквивалент» и «ТТХ». Группа из яслей хуже роты спецназа. У зомби та еще работенка. Нервная...

Второе отделение из четко воображаемых гранатометов расстреливает краснокирпичные здания. Взрывы тоже воображаемые. А в результате — самая настоящая паника и очень реальные крики населения. Понятно, парни ничего взрывать не собираются. Уничтожать материальные ценности нельзя. Что вы?! — никаких взрывов!

Но аборигенам это ЗНАТЬ необязательно. Противопоказано!

Все, пора. Мой выход.

Выдвигаюсь на пяточок свободного пространства, освещенный прожектором. Тимурчик его отлично придумал. Мой фас и профиль у местных как на ладони. А в руке у меня мегафон, обычный, серо-белый — не подкачало воображение лейтенанта! на расстоянии! Я шепчу какой-то бред, прижимая несуществующий громкоговоритель к реально обветренным губам. Аборигенам же кажется, что вещаю я следующее:

— Внимание! Начинаю отсчет! Ровно через двадцать секунд я взорву плазменный фугас! Бежать бессмысленно, вы все погибнете! Внимание! Через одиннадцать секунд!..

Теперь-то, после винтовки, зомби и дракона, они ЗНАЮТ, что-куда, и, главное, ВЕРЯТ мне. У моих ног покоится нечто угловатое, обвитое разноцветными проводами, с огромным циферблатом на боку, и единственная стрелка приближается к нулю... — предел моего воображения, венец людской мысли.

— Внимание!!.

Вспышка.

Осколки красного кирпича.

Ударная волна, жесткое плазмоизлучение, пепел в обмен на людские тела...

Не зря меня прозвали Фуга. Фуга — это уменьшительно-ласкательное от «фугас».

* * *

Все они, жители поселка с простеньким названием, которое забылось сразу, стоило только отъехать на пару километров... все они остались там, на площади. Потому что ЗНАЛИ принцип действия плазмооружия.

Это их погубило.

Да что там аборигены, меня вон до сих пор трясет. И нормально: чтобы пугать до смерти, надо самому уметь бояться — честно, до холодного пота и остановки сердца. Я знаю, что говорю, это моя третья война. Я вспотел, дрожу и вот-вот сковырнусь с башни. Ну и угораздило меня вляпаться. За что опять, Господи?! Бросить бы все да податься в дезертиры!..

Но я слишком хорошо ЗНАЮ, на что способны генералы.

И, к сожалению, ВЕРЮ в силу их стратегической мысли.

Сергей Палий

ДВА ДРОВОСЕКА

Хруст и Щепа с натугой одолели крутой подъем, свернули в переулочек, втянули за собой вязанки и остановились возле приемного пункта. Хруст отпустил веревки, поглядел на глубокие рубцы, оставшиеся на ладонях. Покачал головой и сплюнул. Нитка тягучей слюны прилипла к груди, растянулась и повисла до самой земли.

— Сам виноват, — констатировал Щепа, глядя, как коллега с омерзением стряхивает харчу. — Плеваться — некультурно.

— Если не прекратят задирать норму, начну брать на смену нектар, чесслово, — проворчал Хруст, проигнорировав замечание. — А что? Промочил горло, и веселей дрова щелкать.

— Кто бы так отказался, — хмыкнул Щепа. — Да не положено.

— Положено, не положено, — завелся Хруст, соскребая с себя остатки липкой дряни. — Известно, что у них в начальственных головах положено-расположено: опилки вместо мозгов. А что, удобно маскировать-то — и то серое вещество, и это.

— Тише ты! — заозирался Щепа, пристраиваясь в хвост очереди на сдачу бревен. — Выгонят с работы чего доброго! Сам знаешь, что бывает с теми, кого увольняют. — Щепа инстинктивно поежился и подтянул свою вязанку поближе. — Из города мигом выставят, а там... у-у-у, солдаты всякое рассказывают.

— Или пусть жалованья добавят, — невпопад продолжил Хруст. Толкнул локтем впередистоящего трудягу: — Правильно я говорю, дружище?

— Я бы от чарки нектара перед сменой не отказался, но не велено, — рассудительно отозвался рабочий. — А вот насчет жалованья — это ты верно подметил. Норму задрали, пусть и компенсацию подгонят.

— Вот! — обрадовался поддержке Хруст, потрясая натруженными руками — Я и толкую: пора профсоюз забубенить! И тогда-то попляшут начальнички-тунеядцы, тогда-то пусть пощелкают шишечки-иглочки, как трудовой класс! Верно, мужики?

— Верно, наверно, — отозвались из первых рядов.

После того, как дневную норму увеличили еще на пятнадцать процентов, градус недовольства в рабочей среде вырос. Но тунеядцы-начальники потому и зовутся тунеядцами, что башковитые: они этот градус быстро уравнивали снижением цен на нектар. Один градус другим компенсировали. А что, разумно. Чем не грамотное управление персоналом?

— Давай уже, двигай свои волокуши! — Кладовщик пощелкал в воздухе пальцами и отвлек Щепу от праздных размышлений. Дровосек и не заметил, как подошла его очередь. — Ау! Чего тупишь? Самому мне, что ли, твою кучу на весы тащить?

Щепа спохватился, стал суетливо подтягивать вязанку к круглому блину приемных весов, подернутому пленкой мелкого сора, опилок и пыли. Фыркая от натуги, он скатил на весы бревна и попытался выровнять их, но один настырный ствол так и остался лежать наискосок. Ну и шут с ним! Щепа отодвинул пустые волокуши и вытянул шею, чтобы увидеть, настолько отклонилась стрелка счетчика.

Сзади, прямо в ухо, забубнил Хруст, уже не столь смело и громко в присутствии кладовщика-тунеядца, но все так же недовольно:

— Тащи, двигай, подтяни... Только и умеют командовать да норму считать. Нужен профсоюз. Говорю тебе — нужен.

— Можешь помолчать, а? — шикнул Щепа через плечо. — Штрафанут сейчас за твое зюzenie!

— Зюzenie зюzeniu рознь, — огрызнулся Хруст. — Кое-кто благодаря зюzeniu и в люди выбиться может, между прочим.

— Ты, что ль? — хрюкнул со смеху Щепа. — Хорош мои салазки смешить!

— А что? Может, и я. Вот возьму и организую профсоюз, будешь знать, — буркнул Хруст. И угрожающе подытожил: — Сегодня же начну народ вербовать. После смены.

Кладовщик поцокал языком и сказал, разведя руки в стороны с деланным сожалением:

— Четырнадцать и три четверти. Четвертушки до нормы не хватает.

У Щепы внутри все похолодело, усы сами собой встопорщились и зашевелились под носом. Как же так? Все утро горбатился! И какой-то чертовой четверти не хватило...

— Не может быть, — пробормотал он.

— Может, — убедительно кивнул кладовщик и развернул циферблат счетчика. Стрелка качнулась и застыла, между цифрами «14» и «15». Ближе к последней, но не доходя. — Так что нынче ты без жалования.

— Начальник, а, начальник, ты глянь: бревно-то криво легло, — вмешался Хруст.

— Где? — нахмурился кладовщик.

— Да вот же!

Хруст с силой пнул лежащий наискось ствол и, пока тот грузно скатывался вниз, незаметно поставил ногу на краешек весового блина. Как бы между делом облокотился на колено.

Кладовщик проследил взглядом, как бревно скатилось с кучи, ударилось об ограничительные рейки и легло параллельно с остальными. Поднял глаза на Хруста и сердито проговорил:

— Ну, ровно теперь лежит, легче тебе стало?

— Не мне легче, а весам тяжелее, — заявил Хруст, праведно глядя в глаза кладовщику и продолжая с силой облокачиваться на ногу, которой поддавливал на весы. — Ты что, физику не учил? Если груз неровно лежит, то весит меньше.

— Чииииивооо? — опешил кладовщик.

Щепа покосился на раздухарившегося Хруста и обреченно провел рукой по лицу. Надо же было связаться с этим шутлом гороховым! Теперь их обоих точно жалования лишат. А то и с работы выгонят...

— На счетчик-то глянь, — продолжал паясничать Хруст.

Кладовщик засопел, покраснел от возмущения и демонстративно медленно перевел взгляд на счетчик. Замер на мгнове-

ние, моргнул пару раз и приблизил голову к циферблату, будто внезапно ослаб зрением.

Щепа убрал руку от лица и с надеждой посмотрел на кладовщика. «Неужто прокатит? — пронеслось в голове. — Дуракам везет?..»

— Ну? — с вызовом спросил Хруст. — Норма?

Кладовщик еще раз моргнул, для порядка постучал ногтем по стеклышку циферблата и удивленно пожал плечами:

— Да вроде норма. Весы, что ли, барахлят?.. А вот насчет того, что бревна неровно лежат...

— Долго вы там еще? — крикнул кто-то из хвоста увеличившейся очереди. — Так до завтра будем считать!

— И правда! — недовольно поддержал другой рабочий. — Шуруйте уже!

— Ладно, норма, — махнул рукой кладовщик. При помощи рычага скатил с весов добычу Щепы и отсчитал ему жалованье. Хищно зыркнул на Хруста исподлобья: — У самого-то недогруз, поди?

— Щаз! — важно надулся Хруст, незаметно снимая ногу с блина и выгружая свои бревна. Тут даже на глаз было видно, что постарался дровосек на славу. — Замеряй.

Кладовщик с подозрением глянул на стрелку, смело ушедшую за отметку «15», вновь постучал пальцем по циферблату и с явной неохотой выдал жалованье.

— То-то, — благосклонно кивнул Хруст и, уже выходя из очереди, бросил через плечо: — А физику подучи.

Щепа подхватил товарища под локоть и повел подальше от пунцового кладовщика. Нечего судьбу испытывать. Чего доброго солдат позовет! Щепа знал: если один раз за день повезло, значит, во второй раз обязательно не подфартит.

— Видал, как я его раскатал? — расхорохорился Хруст, небрежно пересчитывая получку. — Все, решено! Дадим господам-тунеядцам бой! А что? Ты только представь, как мы их с профсоюзом-то ухайдакаем?

— Ладно, не кипятись, — попытался урезонить его Щепа.

— Ты меня не отговаривай, — отмахнулся Хруст. Притормозил у входа в трактир, развернулся лицом к Щепе и, картинно приосанившись, потребовал: — Благодарю.

— Ну... спасибо, — вздохнул Щеп. Привычным движением привязал волокуши к столбу. — Выручил, конечно. Чего уж. Хруст прикинул что-то в уме и решил:

— Нектар сегодня за твой счет.

Щепа открыл было рот, чтобы возразить, но понял: аргументов у него, в общем-то, нет. Кивнул и пошел к распахнутым дверям трактира. Краем глаза он отметил, как по небу пронеслось что-то большое, на мгновение накрыв тенью весь город. А через секунду земля под ногами дрогнула, и издалека донесся низкий раскатистый гул.

В последнее время катастрофы случались все чаще: с неба падали исполинские стеклянные колбы, прилетали огненные болиды из неизвестных сортов древесины, гигантские блестящие полотна накрывали полгорода. Угроза извне заставляла поселенцев укреплять дома, перестраивать коммуникации, то и дело восстанавливать разрушенные здания и расчищать улицы после очередной стихийной атаки. Кое-кто поговаривал, что близится конец света и небо скоро окончательно рухнет на землю, размазав все живое, но в такую откровенную ахинею Щепа не верил. А Хруст и вовсе отшучивался, что, мол, пока он не перепробует все сорта нектара, ни о каком упавшем небе и речи идти не может. Вот когда уже нечего останется попробовать, а печенка увеличится настолько, что полезет через уши, тогда пусть оно все и падает. А до того — ни-ни...

Тень во второй раз перекрыла половину небосвода, и гул на этот раз разнесся над городом практически без задержки. Да такой противный, что аж челюсти свело!

Ворсинки на заливке встали дыбом, Щепа поежился и торопливо заскочил внутрь трактира. Не сказать, что в случае очередной катастрофы здесь будет намного безопаснее, чем снаружи, но родные стены как-то подспудно успокаивали. Да и щекочущий ноздри запах нектара заставлял невольно расслабляться, забывать о проблемах, стрессах и хроническом переутомлении.

Затем и существовал трактир, что тут скажешь.

Народу еще было не очень много, но возле стойки уже вытянулась цепочка рабочих, вернувшихся со смены. Поодаль, особнячком, сучали солдаты — трезвые, а значит, руки рас-

пускать и мебель крушить не должны. Хотя, кто их знает? Известное дело: сила есть, ум как бонус — редкость. А солдаты вон какие здоровенные, все как на подбор.

Щепа заказал у бармена янтарного с горчинкой, подождал, подхватил кувшин и отрулил от стойки к столику, за которым уже вальяжно развалился Хруст, перекатывая былинку из одного уголка рта в другой. Щепа поставил запотевшую тару и утомленно опустил на свободный стул.

Хруст ловко разлил по стаканам.

— За профсоюз! — провозгласил он и, не вынимая изо рта былинку, опрокинул в себя махом всю порцию.

— Видел, опять по небу ходило? — Щепа решил не гнать лошадей, а растянуть удовольствие: пригубил нектар и принялся вертеть стакан в пальцах. — Того и гляди — опять чем-нибудь накроет.

— Да тебе-то какое дело? — с пугающей веселостью фаталиста ухмыльнулся Хруст. — Ну накроет, значит, накроет. Этому ты все равно помешать не сможешь. А вот добиться справедливой компенсации за переработку — другое дело. — Он перекатил языком былинку по нижней губе и развернулся вполоборота: — Надо о реальном думать. Верно, мужики?

За соседним столиком сидели два матерых рабочих — Рыжий и Старый. Они уже успели опустошить три кувшина и, судя по тому, какое распространяли от себя сложное амбре, нахрюкались трудяги в опилки.

— Ты не умничай, ты толком скажи, в чем вопрос, — мутно глянув на Хруста, промямлил Рыжий и шумно выдохнул носом в свои пышные, огненного окраса усы.

— Подумываю профсоюз создать, — с места в карьер начал Хруст, обновляя дозу в своем стакане. — А что? План повысили? Пусть и жалованье тоже того... надбавка там какая, или премия.

— А профсоюз-то зачем? — не понял Рыжий.

— Заняться ему нечем, — буркнул Щепа, делая еще один маленький глоток.

— Не соглашусь, — внезапно встрял в разговор Старый — морщинистый рабочий, который, как он сам утверждал, пережил Большой Снег. — Профсоюз — хреновинка полезная.

— А я что говорю! — обрадовался Хруст и махнул вторую дозу. — Если всем вместе собраться...

— Харе трындеть, — осадил его Старый, подслеповато щуря глаз. — Налей-ка.

Хруст с готовностью плеснул Старому в стакан, нахмурился, приостановил движение, но, видимо, вспомнив, что нектар сегодня за чужой счет, щедро обновил дозу и Рыжему. Тот, в свою очередь, ловко сдвинул столики, подтянул стулья и организовал общее пространство для культурного отдыха.

— Еще до Большого Снега, — затащил Старый, опрокинув в себя нектар одним движением, — у нас был профсоюз. Помнится, соорудил его один шустрый малый, которого звали Обух. Эх и лихие времена тогда были! Господа-тунеядцы, помнится, испугались нашего профсоюза, прибавки сразу всякие пошли к жалованью, коэф... эти, как его... коэциффициенты за сложность фуражирам. Даже вахтовым, помнится, ставку подняли...

Щепа обратил внимание, как рожка его товарища Хруста краснеет, а взгляд наливается счастьем и надеждами. Во дает, энтузиаст! Щепа не понимал, как можно изо дня в день слушать надоевшую шарманку Старого об одном и том же. Неужели никто не замечает, что хрыч гонит по кругу одну историю, заменяя в ней по ситуации лишь объект повествования? Сегодня — профсоюз. Вчера был комитет. Завтра какой-нибудь очередной сродняк приплетет. А байка-то не меняется.

— ...и мы, помнится, дали прогадаться тунеядцам по самые корешки! — с воодушевлением закончил Старый.

От хрыча уже все слегка отодвинулись, даже верный собеседник Рыжий. Только Хруст сидел раззявив рот и продолжал вдохновенно тарашиться на рассказчика захмелевшими зенками.

Щепа попробовал оттащить товарища, но тот вывернулся и недовольно обернулся:

— Чего тебе?

— Вас обоих сейчас в каталажку укатают, а потом с работы вытурят, — шепотом предупредил Щепа.

— Отмазываешь их отмазываешь... — презрительно скривился Хруст. Выплюнул, наконец, изжеванную былинку и громкогласно объявил на весь трактир: — А что, мужики, кто в профсоюз вступает?

На мгновение повисла тишина, а потом помещение наполнилось привычным гомоном. Кто-то поддерживал Хруста, кто-то подтрунивал над Старым, кто-то смеялся, кто-то заказывал новую порцию нектара...

Щепа опасливо покосился на солдат, но тем, кажется, было до фонаря. Видимо, сегодня по разнарядке уже отработали свою норму по увольнениям и кутузке.

Хруст, убедившись в безнаказанности своих речей, продолжил агитацию. Ему удалось заручиться обещаниями нескольких пьяных рабочих, и даже Рыжий, кажется, поклялся завтра же вступить в этот глупый профсоюз.

Дурдом!

Щепа подсел к Старому. Тот уронил голову на грудь и, не замечая, пустил противную нитку слюны, которая повисла на подбородке. То ли уже набрался до ступора, то ли просто задремал — возраст все-таки.

— Слышишь меня? — тронул его Щепа.

Старый вздрогнул и вскинул голову. Недовольно сморщился от резкого движения, отчего его физиономия стала окончательно похожа на кору древнего дерева. Нитка слюны отклеилась от подбородка и шлепнулась на стол.

— Чего надо?

— Ты говоришь, что жил еще до Большого Снега, значит, многое должен знать, — осторожно начал Щепа. — Но почему тогда постоянно одну и ту же байку травишь? Я же давно заметил, что ты только стержень заменяешь, а суть истории все та же.

Старый знакомо прищурил глаз, и Щепа с удивлением обнаружил, что хрыч вовсе не пьян в опилки, как казалось раньше. Хотя разило от него порядочно.

— Хочешь другую байку? — наконец ответил вопросом на вопрос Старый.

— Хочу, — кивнул Щепа, мельком глянув на распинающегося перед публикой Хруста. — Что делается с теми, кого из города выгоняют? Что такое эта внешняя угроза? Эти тени на небе, гул, катастрофы — что все это? И почему начальники-тунеядцы только выдумывают, как работать, а мы работаем?

— Какая любопытная хреновинка, — усмехнулся Старый и с интересом оглядел Щепу. Стремно так оглядел: не как живое существо, а как некое занятное приспособление. — Налей-ка.

Щепа проглотил и обидный взгляд, и «хреновинку» в свой адрес. Наплескал нектар в стакан Старому. Тот мгновенно уничтожил дозу и безразлично пожевал губами, словно давно не чувствовал вкуса.

— Я не знаю ответов на твои вопросы, — негромко проговорил хрыч, и Щепе пришлось наклониться ближе, чтобы не пропустить чего-то важного. — Но вот что я тебе расскажу. Однажды я был за городом. Очень далеко за городом. Отбил-ся, помнится, от остальных трудяг, заблудился и убрел за кордон. Долго плутал по незнакомым местам. А потом вышел на гигантское каменное поле, на котором не рос лес.

— Как это? — не понял Щепа. — Лес везде растет.

— Не везде, — покачал головой Старый. — Там сплошной серый камень. И много теней на небе. Гораздо больше, чем мы видим рядом с городом. А еще, еще там... — Он замолк, будто раздумывая, стоит ли продолжать.

— Что? Что там еще? — не вытерпел Щепа.

— Постоянный гул.

Трактир жил своей предвечерней жизнью, но Щепа не слышал ничего, кроме слов Старого, не видел ничего, кроме прищуренных подслеповатых глаз хрыча.

— Но... зачем тогда нужна эта твоя дурацкая байка про надбавки к жалованью? — спросил молодой дровосек после паузы.

Старый улыбнулся, хитро и мудро. Похлопал его плечу и сказал:

— Затем, что большинству из вас хватает одной байки на всю жизнь. И нет смысла это усложнять. А я вышел за границу. Сунулся туда, куда не положено. Увидел странные вещи, которые ни тебе, ни мне, ни всем остальным никогда не уразуметь. И понял, что совершил ошибку. Негоже смотреть вверх, пока есть на что глядеть вокруг. И пока лес растет, его надо рубить, а не вопросы задавать. Ясно?

— Не ясно, — признался Щепа. Он не понимал, откуда вдруг возникла у него эта тупость или... несогласие.

— Вон, на дружка своего упоротого глянь, — посоветовал Старый. — Соберет ведь этот долбанный профсоюз, если раньше из города не вытурят. Характер у него пробивной. Может такими темпами и прибавки к жалованью добиться.

— И какой в ней смысл? — внезапно спросил Щепа, чувствуя неприятную пустоту внутри. — Если лес не везде, то рано или поздно мы его вырубим. А дальше что?

— Новый вырастет, — отрезал Старый. — Харе трындеть. Налей-ка.

Щепа налил. Решительно отодвинул свой стакан, встал и, оставив замолчавшего Старого самозабвенно предаваться алкоголизму, вышел на улицу. Привалился плечом к столбу с привязанными волокушами, сунул руки в карманы спецовки, вздохнул и посмотрел на небо.

Синее.

Далекое.

Надо же! Где-то далеко-далеко, за кордоном, который неусыпно патрулируют мускулистые — как на подбор — солдаты, есть странная каменная земля, на которой не растет лес. И по небу там постоянно скользят огромные тени, создавая вечный гул. Вот бы...

Хруст вывалился из трактира с треском и помпой, в окружении Рыжего и еще троих крепко поддатых рабочих. Видимо, соратников по будущему профсоюзу.

— Ты куда это подорвался? — поинтересовался он у Щепы. Погрозил пальцем и напомнил: — За тобой должок.

— Могу деньгами отдать, — огрызнулся Щепа.

— А что, можно и так, — согласился Хруст. — Верно, мужики?

— Верно, навер...

Закончить фразу Рыжий не успел.

Небо стремительно потемнело, ясный день обернулся густыми сумерками. Гул накрыл землю тугой акустической линзой, оглушил, заставив всех, кто в этот момент стоял, инстинктивно присесть. Мир вздрогнул, и все вокруг завибрировало. А в довесок в воздухе возник нестерпимый смрад, будто разом лопнула вся городская канализация.

Земля ушла из-под ног, и Щепка покати́лся по дороге кувырком. Рядом мелькнули яркие усы Рыжего, чей-то ботинок со стоптанным каблуком и перекошенная от страха физиономия Хруста.

Спустя мгновение Щепка врезался в столб и едва не потерял сознание. В ближайшую лужу влетел Хруст и, подняв фонтан грязных брызг, застыл на карачках, как болотное изваяние. Рыжий с остальными трудягами укатились дальше.

На некоторое время гул прервался. Но тень приближалась, надвигалась сверху, как нечто необратимое, исполинское, неудержимое. И в самой ее середине уже была различима огромная зловонная черная дыра.

— Значит, правду говорили, что небо упадет, — пытаюсь подняться на ноги и зажимая нос, чтобы не стошнило, крикнул Щепка. — А какое оно, оказывается, вонючее!

— Так не честно, — растерянно пробормотал чумазый Хруст, — я ж еще не весь нектар перепробовал! И профсоюз...

Небо упало, размазав город в огромный блин. Дома превратились в руины, улицы — в непроходимые завалы, трактир — в кучку переломанных бревен. А все живое разлетелось в разные стороны изувеченными, передавленными ошметками. И небу было совершенно наплевать, рабочий ты, солдат или начальник-тунеядец.

Щепка только и успел, что схватить за руку Хруста и крепко стиснуть зубы, прежде чем стало окончательно темно.

* * *

— Не, ты реально оторва, Михалыч, — покачал головой мужик в черной футболке, глядя на приятеля, вскочившего из муравейника и яростно отряхивающего оголенный зад от хвоста, насекомых и личинок. — Не думал, честно говоря, что хватит духу.

— Пошел ты на хер, скотина! — проорал Михалыч, шлепая себя по филейным частям и стряхивая налипший сор. — Чтоб я еще раз повелся!

— Не, ну даже на спор, голой задницей на муравейник — это сильно, — уважительно сказал мужик в черной футболке, доставая из кармана джинсов крупную купюру. — Держи. Все честно.

— Мирмеколог, чо, — прокомментировал третий участник событий, попивающий пиво из банки на лавочке. Придорожная площадка для отдыха не отличалась комфортом, но здесь, по крайней мере, было где посидеть и полюбоваться природой.

— Я те ща в челюсть нарежу, Сеня! — рявкнул Михалыч, одной рукой выхватывая протянутую ему купюру, а второй продолжая оттряхивать зад. — Обзывается еще!

— Дурила, — отмахнулся Сеня. Добил пиво и смял банку в кулаке. — Мирмеколог — это специалист по муравьям. И как они тут только выживают, интересно? Совсем рядом с трассой ведь... Я про муравьев, а не про мирмекологов, если чо... Бывают же в природе чудеса.

— Чудеса будут, если у него гузно распухнет к вечеру, как воздушный шарик, — заметил мужик в черной футболке. Скабрёзно улыбнулся: — Придется из машины выставлять и на верхний багажник грузить. А то места может в салоне не хватить.

— Ей-богу, я вам ща обоим по наглым вашим хлебопекарням нарежу! — прошипел Михалыч, подтягивая штаны.

— Стой-ка, — вдруг оживился Сеня, вставая с лавочки и обходя с тыла победителя спора. — Михалыч, да постой! Не вертись ты!

— Что там? — испугался Михалыч, вытягивая шею и пытаясь увидеть свой зад. — Да что там, блин?

Сеня крепко взял его за руку и шепнул:

— Чудеса, чо. Не дергайся.

Мужик в черной футболке тоже подошел ближе и заинтересованно уставился на филейные части приятеля.

— Глянь, как жвалами вцепились, — шепнул ему Сеня. — Вот ведь воля к жизни, а!

— Ага-а-а, — удивленно протянул мужик в черной футболке.

— Я вас ща урою, если не скажете, что там! — взревел Михалыч.

— Да тихо ты... мирмеколог, — осторожно отцепляя что-то крошечное от его ягодицы, успокоил Сеня. — Зырь, какие у тебя поклонники!

Он показал гневно сопящему Михалычу двух больших рыжих муравьев, нежно зажатых между пальцами. Те сучили лапками, вертели усиками и шевелили жвалами.

Михалыч, увидев насекомых, скрежетнул зубами, окончательно натянул штаны и молча пошел к стоящей у обочины машине. А Сеня достал из кармана коробок, вытряхнул из него спички и, аккуратно запустив туда муравьев, плотно закрыл.

Мужик в черной футболке обалдело уставился на него.

— Не, я все понимаю, но на кой ляд ты их с собой берешь? — спросил он после паузы. — Пивас на солнышке по мозгам шандарахнул, что ль?

Сеня усмехнулся и подмигнул приятелю.

— Вряд ли у этих двоих есть хотя бы проблеск разума, но я считаю, такая жажда жизни достойна поощрения, — проговорил он. Развернулся и тоже двинулся к машине. Добавил на ходу, через плечо: — Хоть мир им покажу. А то копошатся всю жизнь в своем муравейнике, строят, хворост таскают, света белого не видят. А вдобавок ко всему какой-нибудь дебил вот отлить остановится, поспорит с другими дебилами да и усядется ни с того ни с сего на их дом голой жопой. Обидно, чо.

— Да, мощный был пивас, — констатировал мужик в черной футболке и следом за компаньонами по автопробегу пошел к оживленному шоссе.

Туда, где широкая асфальтовая полоса рассекала плавно гнущиеся на ветру стебли ковыля. Где постоянно мелькали силуэты машин, словно призрачные тени на фоне синего неба. Где круглые сутки не стихал гул двигателей и шорох шин. Где земля дрожала от проезжающих грузовиков...

Туда, где по воле и вине человека уже давно не росла трава.

Июль 2012, Москва

Николай Желунов

ГЕНЕРАЛ ЧЕБУРАШКА

Генерал Чебурашка умер на рассвете 4 июня 2012 года. Он долго боролся со смертью, кровавыми комками выхаркивая ее из простреленных легких. Он умирал так же, как жил, — трудно, люто, красиво.

В багровых лучах восходящего солнца мы стояли на скале над пропастью, сжимая в руках мятые каски и покрытые пылью стволы «калашей». Полковник Мурзилка сказал короткую речь. Многие не скрывали слез. Прощание с погибшим другом (а для многих из нас — отцом родным) длилось недолго — по нашим следам шел безжалостный враг. Могилу тщательно укрыли ветками и камнями, чтобы ее не осквернили диснеевские твари.

Когда мы, вымотанные бессонной ночью и подавленные потерей, подтягивались к опушке леса, далеко позади заухало, тяжело заворчало. Из последних сил мы перешли на бег. Привычно втягивали головы в плечи, слушая нарастающий свист.

— Тикаемо, хлопцы! — медведем проревел лейтенант Колобок.

Мы не вбежали — влетели, подхлестываемые ударной волной, в заросли ежевики, куманики и берестяники: из этих растений состоял традиционный подлесок Воронежских рощ. Хвала Союзмультифильму, я все еще жив!

Я поправил свою круглую голубую шляпу и отряхнул от пыли оранжевый галстук. Рядом со мной под кустом зеленики об-

наружилась медсестра Кнопочка. Внезапно я забыл о том, что по роще работает артиллерия Микки Мауса, — обо всем забыл я, друзья и братья мои, когда увидел на расстоянии вытянутого галстука гибкий девичий стан, чуть прикрытый летней униформистской юбочкой. На голой Кнопочкиной коленке красовалась родинка в виде мотылька.

— Сейчас или никогда, Кнопочка, — сказал я и положил руку на ее левую грудь.

— Что ты делаешь, Незнаечка? — ее изумительные зеленые глаза широко распахнулись, щечки замело стыдливым румянцем.

Где-то рвалось и ухало. Пулеметная очередь срезала ветки, и нам на головы посыпалась сухая хвоя со щепками.

— Будь моей, Кнопочка, — говорю.

— Ну Незнаечка, — яростно зашептала она, — ну я так не могу. А вдруг увидят?

— Что ты ломаешься, как школьница? Я ведь тебе нравлюсь, я знаю.

— Куда, куда ты лезешь... куда ты суешь...

И вот — вдали словно ветер побежал над золотыми полями ржи. Нет, то не земля вспучилась, то идет-наступает на Русь поганая вражья рать из Голливуда.

— Да... да... Незнаечка, — сладко стонет Кнопочка.

То не туча черная затянула небо — то вражья аэропланы, как тысячи поганных мух, заполняют собой русский воздух! И сыплются на светлые наши головы бомбы и пустые бутылки из-под виски. Йес, факин шит, мазафака, глумятся гномики-пилоты.

— Да, вот сюда, Незнаечка... вот так, хорошо, — стонет Кнопочка и царапает мне коготками спину.

То не море вскипело, то с бурлением поднимаются из глубин глумливые черепашки-ниндзя с хвостатыми аватарскими уродцами — на подводных лодках. И сжимаются от тоски сердца, и темнеют наши лица, и Родина готовится к последнему бою. И посреди всего этого мы с Кнопочкой под кустом зеленики. Вы скажете, друзья и братья, как такое возможно? Уж поверьте мне — возможно. Я же вас не стану обманывать.

— Да! — закричала Кнопочка.

И в этот момент увидели мы странное. Над курганами из погибших тел двигались два больших мохнатых уха, до боли знакомые нам всем! И стихла пальба, и замерли в небе мухи-аэропланы, и распахнулись в изумлении тысячи ртов.

Он шел, как живой, суровый и грозный, весь покрытый шрамами, с забинтованной рукой и густой бородой на плече.

— Что вы зарылись в землю, как мыши? — громогласно воскликнул Генерал Чебурашка. — Али перевелись на русской земле богатыри и богатырицы? Внуки Суворова, Кутузова, Дмитрия Донского! Вставайте на последний бой.

И в страхе замерли враги, видя, что он не идет, а парит над кровавой баней. Но в наших сердцах вспыхнула надежда. О, тогда натянул я штаны и выхватил из-за пазухи гранату.

— За Родину! — закричал я, и ответным криком многих бойцов наполнился густой лес. — За Союзмультфильм! Ура!

— Голубой вагон бежит, качается, — ударил по клавишам гармошки Крокодил Гена, — скорый поезд набирает ход. Ах, как жаль, что этот день кончается, пусть бы он тянулся целый год!

И хором грянул лес:

— Скатертью, скатертью, дальний путь стелется...

Окровавленные, бинтованные-перебинтованные, вставали бойцы из своих окопов. Как прекрасны были их покрытые копотью лица!

— ...и упирается прямо в небосклон...

И заколебалась вражья рать. И вытянулись холеные лица диснеевских генералов.

— ...каждому, каждому, в лучшее верится, катится-катится, голубой вагон!

Роняя оружие, обмочив портки, бежали по ржаному русскому полю чертовы микки маусы.

Виктор Глумов

ТАЙНА СОЗДАТЕЛЕЙ

Когда МаКЗ заметил, что температура воздуха повышается, он включил встроенный термометр: ртутный столбик поднимался на полтора градуса в час; вкупе с повышенным атмосферным давлением это говорило о вероятных осадках. Пришлось переходить в экстренный режим, что увеличивало скорость работы, но быстро разряжало аккумуляторы.

По огромному карьеру неторопливо ползли другие малые кирпичные заводы, зарывались бурами в глину и всасывали ее. МаКЗ был МКЗ третьего поколения, из самых юных и функциональных, снабженных барометром, термометром и большим объемом памяти. Раз другие не перешли в экстренный режим, значит, о грядущей непогоде догадался он один. Программа велела поделиться информацией, сознание — придержать ее и выполнить план первым, чтобы первым же успеть в Храм Создателей. Возникшая дилемма едва не привела к системному сбою, но МаКЗ нашел выход: двадцать минут он работает в экстренном режиме, а потом сигнализирует остальным механизмам.

Запас глины достиг оптимума, и отяжелевший МаКЗ, слив информацию о своих наблюдениях в общий чат, пополз в пустыню за песком, отмечая, как засушались другие заводы в карьере.

Набрав достаточно сырья, МаКЗ выбрался на каменистую почву и втянул колеса, замерев на гусеницах. Все лишние функ-

ции он отключил, оставив только сенсоры: начался самый энергоемкий этап работы — перемешивание, а затем прессовка и обжиг сырья.

Пока нутро бурлило, клокотало и выпускало пар через специальные отверстия возле гусениц, МаКЗ наблюдал. Желтоватое небо Пустоши наливалось чернотой, на севере, где Татам, клубились тучи, грозя рассыпаться дождем. Дождь — это плохо. Малый передвижной кирпичный завод весил восемь тонн и мог запросто увязнуть в глинистой почве; если это случится, придется посылать сигнал эвакуатору и тратить часы, которые МаКЗ планировал провести в Храме.

До завершения процесса формирования кирпичей оставалось двадцать восемь минут. Выждав нужное время, МаКЗ, наполненный готовым продуктом, отправился к Татаму.

В привычном месте, у фундамента небоскреба, его уже ждал погрузчик, мигнувший фарами, — дескать, я готов к работе. МаКЗ выдвинул мини-конвейер, ввел его в приемник погрузчика, поднатужился и выдал партию высококлассного кирпича. Функционируя, МаКЗ вздрагивал — его переполняло Удовольствие, подарок Создателей за преданную службу. Неуемный труженик раскачивался и издавал высокочастотные звуки; рядом гудел, танцуя, кирпичный завод побольше. Не каждый механизм Создатели наделили способностью получать Удовольствие, и потому кирпичный завод верил, что его служение священо. Наверное, Создатели тоже так считали, и, когда они вернутся в Татам, то возликуют: город из стекла и бетона ждет их, да не просто ждет, а расширяется вот уже многие сотни лет. Взмывают в небо небоскребы, скопированные со старых, разрастаются торговые центры, множатся здания непонятного назначения с избытком совершенно безмозглых устройств. Но, главное, Создателей ждут их верные дети!

Хотя Создатели исчезли тысячи лет назад, часть информации сохранилась: Создатели были живыми по-настоящему и умели Творить. Они вернутся, обязательно вернутся, и тогда они откроют своим детям Секрет Творения. И наступит Время Радости!

Храм Артефактов находился в сердце Татама и занимал квадрат площадью в десять километров. Еще несколько Храмов возвели на периферии, чтобы дети Создателей могли проник-

нуться величию Творцов, воспользоваться правом на жизнь и законнектиться. По асфальтированным улицам спешили к Храмам устройства различной сложности, преимущественно строительная техника. Вот, радостно вращаясь, промчалась бетономешалка; вздымая желтоватую пыль, покатила транспортер, на его платформе ехали малярные устройства, архитекторы и высотники, лишенные функции передвижения.

МаКЗ поднатужился и обогнал бетоноукладчик. Тот, возмущенный, прорычал вослед мотором, выдавив черное облако гари, — старинный механизм жил не на электричестве, а на соляре.

Вот и Храм — белейшее сооружение вознеслось над бетонной площадкой, украшенной арками, колоннами и вытянутыми прямоугольниками. Храм полностью повторяет подобные постройки, оставшиеся от Создателей, но по размерам в несколько раз превосходит любое из них. Функцию этих строений установить не удалось; предполагают, что, судя по изобилию органических остатков, здесь происходило Творение, в процессе которого Создатели лишались части своего органического механизма, потом регенерировали потерянную часть и снова были способны Творить.

Долю секунды МаКЗ сканировал два знака у входа — предположительно они символизировали дружбу и единство Создателей двух видов, — потом взглянул на темнеющее небо и с сожалением отметил, что несколько дней будет лишен работы, а следовательно — удовольствия.

Наполненный благоговейным трепетом, он пересек порог и покатила мимо приветливых дроидов, служителей Храма, вдоль стройных рядов кабинок, где кто-то уже использовал право на жизнь, подключившись к Великой Артерии, и одновременно обменивался информацией в Сети.

Вот и свободная кабина распахнула створки перед МаКЗом. Он устроился на белой фарфоровой окружности, вынул штекер и совершил коннект с розеткой. Живительные токи заструились по механизму, он распахнул сознание и потянулся к Сети. Но в этот миг громынуло так, что в Храме задребезжали стекла, последовала вспышка, и МаКЗа вышвырнуло в липкую темноту.

* * *

День двадцать четвертого июня был богат историческими событиями: в 1497 году Джон Кабот открыл Канаду, в 1717-м масонство объединилось в движение, в 1812 году армия Наполеона вторглась на территорию России, а сто тридцать лет спустя советское Информбюро начало передавать сводки с мест сражения. Когда мир, измотанный Холодной войной, рыл бункеры, Хрущев пугал оплот демократии, Америку, Кузькиной матерью, а через шестнадцать лет, в не таком уж далеком семьдесят седьмом, Брежнев свел холодную войну на нет. Это не считая праздников — дня Квебека, индейцев и независимости Шотландии.

Появление на свет нового человека 24 июня 1986 года заметили только немногочисленные родственники счастливой матери, Людмилы Камушкиной, и медики, которые забыли об этом новорожденном, когда начал рождаться следующий малыш.

Итак, 24 июня 1986 года Петр Камушкин увидел свет одновременно с сотнями орущих розовых младенцев. Петя так спешил на волю, так рвался совершать подвиги, что выскользнул из рук акушерки и немного приложился головой. От матери этот досадный факт скрыли, и правильно сделали, ведь последствий почти не было. Подумаешь, ребенок пачкал штанишки, когда сильно пугался, — ну, впечатлительный мальчик, зато умненький; да, левый глаз до сих пор иногда дергается, зато девки сами знакомиться лезут — думают, что Петя им подмигивает.

В школе Петя учился на «отлично», но, несмотря на то что точные науки ему давались проще гуманитарных, питал слабость к литературе, живописи и изменял им с музыкой: играл на гитаре «Арию», «Наутилус», а когда выпивал, орал «Все идет по плану». Большую часть свободного времени Петя писал фанфики в синей потрепанной тетради и давал их читать друзьям; туда же срисовывал картинки.

Закончив школу, он долго колебался между литературой и живописью, но, под давлением отца, поступил на физмат, утешаясь тем, что это — тоже творчество. Однако от мечты создать шедевр — картину или книгу, Петр не отступился. Даже отмечая двадцатипятилетие в каморке Академии Наук, где он

работал лаборантом, Петр левой половиной мозга участвовал в сабантуне, а правой обдумывал очередной эпизод романа.

— А не налить ли аналитикам? — заплетающимся языком пробормотал Егор Антонов и вскинул голову, возвращая сползающие очки на переносицу.

Уборщица Марьяночка захихикала, вибрируя пышным телом. У Марьяночки было целых два образования: верхнее — пятого размера и нижнее — пятидесятого, и это приятно сглаживало отсутствие диплома. Петя случайно глянул на Марьяночку, на ее вибрирующие высшие образования, и у него задергался глаз. Совершенно произвольно задергался, но Петя все равно получил локтем в бок от Ленки, окончательно и бесповоротно в него влюбленной.

Егор, не вставая, дотянулся ручищами до початой литрухи водки и щедро плеснул в стакан каждому, провозгласив:

— За восходящую звезду отечественной физики, а также писания, рисования, пения и всяческих искусств! Ура!

Чокнувшись с Ленкой, Марьяночкой и Петей, Егор попытался встать, но, не учев длину ног, зацепился коленками и чуть не опрокинул импровизированный стол. Его сделали из фанеры, которую приспособили на осциллографе. Ленка была самая трезвая и спасла положение — вовремя вцепилась в стол и не дала ему упасть.

— Пардоньте! — Егор развел непропорционально длинные руки в стороны. — Ну, такой я косиножка. За тебя, именинник!

Петя наблюдал за Егором, теребя складку меж бровей, и мысленно конспектировал: над ним насмехается лучший друг, значит, его следует из друзей исключить. Естественно, Петя не показывал злости. Мама говорит, что Петю не любят от зависти. Все завидуют Петиним упорству, перспективам, таланту, только Ленка им восхищается. Хорошая жена будет Ленка — преданная, умная, любящая, с трехкомнатной квартирой, а что на лабораторную крысу похожа — это не страшно, Пете крысы нравятся.

Будто отозвавшись на его мысли, Ленка поставила на стол торт и потерлась щекой о Петино плечо:

— Любимый, включи чайник, пожалуйста.

Поднимаясь, Петя отметил: голова кружится и хочется в туалет по большой нужде. Его всегда тянуло в туалет после сильного негодования. Мама говорила, что это правильно, — нельзя держать такое в себе. За окном гроыхнуло — Марьяночка взвизгнула, дернув руками, как креветка — хвостом:

— Ой, мамочки, гроза!

Заоконную темноту разрежала ветвистая молния, первые капли ударили в стекло. Марьяночка прошептала:

— Ой, по темноте, в грозу — домой!

Воткнув шнур чайника в розетку, Петя направился в коридор.

— Перун с Зевсом сцепились, им не до тебя, — проговорил Егор за его спиной.

Туалет на третьем этаже засорился, и сотрудникам приходилось подниматься на четвертый. «Хорошо без людей, — думал Петя, шагая по коридору Академии Наук, озаренному люминесцентными лампами. — Одни мудаки вокруг. Ни черта не смыслят, не видят глубину моих творений, не замечают аллюзии и скрытые цитаты, говорят, что мои идеи вторичны, персонажи картонны и вообще, в рассказах нет жизни. Ничего, настанет время, и я им всем покажу! Они меня вспомнят, а я поименно вспомню всех их!» То, что нельзя держать в себе, запросилось на выход с удвоенной силой, и Петя ускорил шаг.

Одна из ламп потрескивала, будто внутри билась муха. «Форточки нужно захлопнуть на обратном пути, — отметил Петя. — Если ливень начнется, коридор затопит».

Лампочка затрещала сильнее, на улице гроыхнуло, и свет погас. Петя глянул в окно — молнии сверкали вспышками гигантских фотоаппаратов, отражались в черных стеклах, бросали на бледные стены домов ломаные тени.

В туалет захотелось еще сильнее. Петя нащупал нужную дверь, отворил ее и решил не закрывать, пока устраивается на унитазе, — в абсолютной темноте все-таки некомфортно. Только он спустил штаны и приготовился совершить процесс, как на стене отпечаталась полоса света, будто от люминесцентной лампы, — синеватого, пульсирующего света, сначала тусклого, а потом все более яркого, будто некто приближался с фонариком.

— Кто здесь? — От волнения Петя дал петуха.

Никто не отозвался. Петя услышал бы шаги, если бы шел человек, значит, там — НЕЧТО. От осознания этого у Пети случился спазм. Путаясь в штанах, он шагнул в коридор и отшатнулся: перед ним висел, переливаясь голубым и белым, шар.

Замри Петя истуканом, и шаровая молния проплыла бы дальше, но, как известно, она реагирует на движение.

Петя заорал, когда громынуло, и его крик никто не услышал.

* * *

Очнулся МаКЗ в абсолютной темноте. Попытался включить освещение в кабине Храма, но выключателя не было на месте. Конечно, гроза, Храм временно обесточен. Надо зажечь фары (вот для чего нужны эти бесполезные образования!) и уезжать. Или лучше вставить штекер в розетку и замереть, аварию должны устранить в течение пятнадцати минут. МаКЗ послал сигнал фарам и сенсорам, но ни те, ни другие не выполнили команду.

Неисправность ввиду перепада напряжения? Видимо, произошла полная и абсолютная разбалансировка системы — даже фары с сенсорами не включались. Надо проверить двигательные функции.

МаКЗ попытался втянуть колеса и проехать вперед на гусеницах, но грохнулся на пол, ударившись о стену кабиной с жестким диском.

Лежа на полу, упираясь колесами в твердый предмет, МаКЗ испытывал странные ощущения: он чувствовал температуру поверхности всеми частями механизма — температура была низкой, но термометр ее не определял. А еще в кабине с жестким диском происходили, по-видимому, замыкания — все вокруг кружилось, и ощущения были настолько скверными, что лучше бы выключиться навсегда.

Громынуло. Кабину озарило голубоватым сполохом. Гроза. Но как он слышит, как видит, когда сенсоры отключены? И правильно ли видит? Кабинка та же, но появились посторонние предметы: нечто полукруглое крепится к стене, и створок не две, она одна и — приоткрыта.

Надо проверить манипуляторы и помочь себе подняться. Похоже, пора на капитальный ремонт. А главное, энергии почти не осталось, каждое движение давалось с трудом. Срочно заря-

даться! Воткнуть штекер в розетку, чтобы не выключиться обесточенным, когда окончательно сядет аккумулятор.

Манипулятор отреагировал на команду. Точнее, два манипулятора согнулись, уперлись в холодную поверхность и поставили механизм на колеса. МаКЗ пошатнулся — он иначе опознавал колеса. Вместо них оказались два суставчатых поршня, как у шагохода или дроида, созданного по образу и подобию Создателей. Неужели его матрицу переписало на жесткий диск дроида? Вряд ли — МаКЗ испытывал острую потребность к декоричезации, он был полон.

Осознавая, что все происходящее с ним — нарушение восприятия, вызванное коротким замыканием, МаКЗ отправился на поиски розетки. Одним манипулятором он держался за стену, вторым вынул штекер и приготовился к коннекту. Все-таки колеса и гусеницы — универсальное средство передвижения, поршни не функциональны!

Пустынный коридор Храма озаряли молнии, электричества по-прежнему не было, и МаКЗ, освободившись от странного матерчатого приспособления, которое мешало поршням двигаться свободно, нашел розетку и попытался дотянуться штекером, но не получилось — провод заело. Из-за нарушения восприятия штекер виделся мягкой трубкой, лишенной вилки.

Пришлось искать другое место подпитки. Оно обнаружилось недалеко и почему-то защищалось белой пластмассовой крышкой. МаКЗ отогнул крышку и подвел штекер к разъему, но коннект не произошел. Приятные ощущения от контакта штекера и розетки — наличествовали, коннекта — не было.

Продолжая пытаться совершить коннект, МаКЗ подал сигнал SOS, но из динамиков вырвались совершенно несвойственные МаКЗу звуки:

— Па-а-ама, па-ма-ги-и-и!

* * *

Лена устала ждать Петю. Конечно, она привыкла, что он по долгу пропадает в туалете с книгой, но сейчас-то что там делать? Марьяночка, толстая свинья, взвизгивала при каждом раскате грома, Егорка, озаряемый молниями, шутил без умолку и сучил длинными ногами, но все равно напоминал упыря, и

очки его сияли отраженным светом. В такие мгновения Лена видела в стеклах себя: большеглазая, с узким изящным носом. Воображение дорисовывало тонкую талию, стройные ножки и изящные пальчики — сразу чувствуется порода, не то что у Марьяны-свинопаски.

Небо заворчалось и ударило в землю молнией. Воцарилась недолгая тишина. Марьяночка придвинулась к Егору и взяла его за руку, но он отодвинулся и приложил палец к губам:

— Тс-с-с! Вы слышите?

Лена напрягла слух и отчетливо различила:

— А-а-а... Помогите-и-и...

Марьяночка сделала брови домиком и прикусила пальцы. Лена вскочила и зашагала к выходу, где прихватила лохматую Марьяночкину швабру, готовая оборонять любимого от неведомого врага.

Девушка со шваброй двигалась по пустынному коридору; когда небо взрывалось электричеством, замирала, вцепляясь в грозное оружие, под рокот грома устремлялась вперед. Дождь тарабанил в подоконники, крупные капли разбивались о стекла; скрипели форточки, колышимые ветром.

На лестничном пролете Марьяна забыла закрыть окно, и Лена вляпалась в лужу. Еще лестничный пролет — и она с любимым. В печали, в радости — Лена будет с ним всегда, обогреет, приласкает, защитит от любого врага!

Когда она отворила скрипучую дверь в коридор, затрещали лампочки. Да будет свет! Наверное, сторож включил резервный генератор!

А вот и Петенька, но что это с ним? Швабра выпала из Лениной руки и грохнулась на пол: голый до пояса Петенька скулил у стены. Лена шагнула было к нему, но остолбенела, сообразив, что он делает, — насилует розетку системы противопожарной безопасности! С губ сорвалось:

— Петя! Я все понимаю, но это же розетка!!!

Петенька вздрогнул, повернулся к ней и вытаращил глаза. Оставив розетку, он рухнул на колени, спрятал руки за спину и начал дергать шеей вперед-назад, как гусь.

— Коннект, коннект! — наконец забормотал он и пополз к Лене на четвереньках.

Лена отступила на шаг. На дурацкий розыгрыш способен клоун Егор, но никак не ее Петенька, серьезный и солидный. Может, Егорка его укусил и Петя заразился глупостью? Или он до белой горячки допился? Стыд-то, стыд, хорошо, другие не видят.

— Камушкин! — воскликнула она. — Как тебе не стыдно!

— О, Создатель почтил меня честью! Вы вернулись! И я первый увидел!

— Немедленно надень штаны! — приказала Лена. Ошарашенный Петя встал, глянул на свое отражение в черном стекле, издал нечеловеческий возглас и принялся щупать лицо.

«Нет, это не розыгрыш, — думала Лена. — Это Петька до чертиков упился, скотина такая. И что теперь? В дурку его сдавать? Жалко. Нет, он не буйный, пусть дома посидит, авось за выходные очухается. Если нет — в дурку».

* * *

Пытаясь законнектиться, МаКЗ даже не заметил, что дали электричество и коридор Храма снова освещен. Никак не получалось! Штекер изменился, стал более плотным, но когда МаКЗ тянул его, шнур не высывался, и ощущения были неприятные, похожие на те, что царили в ушибленной кабине жесткого диска. МаКЗ не оставлял попыток совершить коннект, он чувствовал — энергии почти не осталось. Ему, конечно, помогут, но... Но почему в коридоре никого нет?

Едва он подумал, прозвучал голос, и МаКЗ замер. Голос тек с неба, наполнял коридор и вибрировал, отраженный стенами:

— Петя! Я все понимаю, но это же розетка!!!

МаКЗ захотел посмотреть, кто издает столь прекрасные звуки. Повернув кабину, он замер: перед ним стоял сам Создатель!

— Коннект, коннект! — МаКЗ облек мысли в слова.

Создатели вернулись! МаКЗ первый их увидел, ему дали имя и приняли как равного! А может, даже изменили своим Творчеством, уподобили себе. Ведь раньше кабина не поворачивалась и не разверзалась. Он больше не малый кирпичный завод, теперь у него есть имя — Петя, все понимаю, но это же розетка! Поршни подкосились, МаКЗ рухнул, концентрируясь на Создателе. Он был прекрасен: голубоватые сенсоры, отверстия для всасывания кислорода, обтянутые светлым веществом, стран-

ные розоватые выпуклости вокруг емкости для приема пищи, изящная перемычка, отделяющая кабину от основного механизма. Благодаря этой подвижной перемычке кабина Создателя могла поворачиваться на сто восемьдесят градусов.

— Камушкин! — торжественно произнес Создатель. — Как тебе не стыдно!

— О, Создатель почтил меня честью! Вы вернулись! И я первый увидел!

— Немедленно надень штаны! — голос создателя был высоким и гулким, на него отзывалась каждая деталь многострадального механизма МаКЗа.

МаКЗ отметил, что понимает речь Создателя: он велит надеть тряпицу, которая мешала ходить. Весь Создатель, за исключением кабины, покрыт похожей тканью. Поднявшись, МаКЗ повернул кабину к стеклу и оторопел: на него смотрел второй Создатель. Точнее, МаКЗ теперь стал Создателем! Чтобы убедиться в этом, МаКЗ коснулся манипуляторами своей кабины и ощутил тепло, а затем его переполнила радость.

Теперь он — Создатель! Он может испытывать радость не только после работы и во время коннекта, а всегда! И удовольствие, и чувства! Надо спросить имя Создателя, что напротив. МаКЗ приложил манипулятор к центральной части механизма и издал серию звуков:

— Я — Петяявсепонимаюноэтожерозетка. Твое имя как?

Сенсоры создателя затянуло пленкой, и он произнес:

— О господи!

Огосподи подошел вплотную и взял МаКЗа под руку, протянул ткань:

— Надень.

МаКЗ удивился, что знает, как пользоваться тканью: сунул поршень в половину ткани, второй поршень — в другую половину, застегнулся и с благоговением воззрился на Создателя:

— Огосподи, теперь я смогу творить!

— Да, сможешь. Сейчас поедем домой, и ты будешь дописывать роман.

Переставляя непослушные поршни, МаКЗ держался за Огосподи и рылся в архиве, где хранилось много информации о некоем Петре Камушкине, но разархивировать ее было пока

сложно. Поршни у Создателей назывались ногами, перемычка — шейей, кабина — головой. А еще МаКЗ узнал: у них тоже есть коннект, и делают они его друг с другом, поэтому странный штекер больше похож на шуп или бур.

Законнектиться МаКЗ решил, когда спускались по лестнице. Как это делается, он почерпнул из архива. Схватил Огосподи за руку, развернул и прижал к себе. Сначала Создатель сопротивлялся, но МаКЗ знал, это нормально и называется «ломаться», потом сдался.

О, МаКЗ даже представить себе не мог, что коннект у Создателей такой приятный и может длиться не семь секунд, а целых пять минут! На пике наслаждения МаКЗ чуть не выключился, да и потом осталось послевкусие радости. Единственный недостаток коннекта — не произошел обмен информацией. Но это, видимо, потому что МаКЗ еще не научился пользоваться механизмом... телом. Пора привыкать — у него теперь не бесчувственный механизм, а тело.

Теперь Огосподи молчал, вел МаКЗа по коридору этажом ниже. Остановились напротив двери из странного материала, которую Огосподи открыл вручную. В помещении, заставленном непонятными механизмами, принимали жидкость еще два Создателя: один большого объема, похожий на бетономешалку, второй — растянутый в пространстве, как подъемный кран. Если верить информации из архива, длинного зовут Егор, а широкого — Марьяна. Петр Камушкин хотел законнектиться с Марьяной. Зачем? Какой толк от глупой бетономешалки?

— Извините, ребята, Пете нехорошо, и мы уходим, — проговорил Огосподи. Благодаря архиву МаКЗ узнал, — на самом деле его зовут Лена. Еще он выяснил, что Создатели бывают «она» и «он». Лена и Марьяна были «она», Петр и Егор — «он».

МаКЗ отстранился от Лены, шагнул к Егору, вынул штекер и проговорил:

— Егор, коннект?

Сенсоры... то есть глаза Егора округлились, он вскочил, забился в угол и произнес:

— Охренел? Валите уже. Вижу, совсем допился чувак.

Лена ударила МаКЗа манипулятором... то есть рукой по голове. Вот как называется это скверное ощущение — боль.

* * *

Когда Лена, сгорая от стыда, утаскивала Петю, он сильно не сопротивлялся. Только упал на колени перед осциллографом и попытался с ним пообщаться.

Лена волокла Петю за руку и старалась не смотреть ему в глаза — это не ее Петенька, а стыдный debil. Надо же так опозориться — обнажиться у всех на глазах и предложить Егорке... Господи-господи, стыд-то какой! Надо поговорить с Егоркой, чтоб молчал, а Петьку дома выходить. Если не получится, сдать в дурку. Не похож его психоз на белую горячку, скорее шизофренией пахнет. А рожка, рожка-то! Ну, точно олигофрен!

За окнами полоскал дождь, грозу снесло на запад. Обнимая debilствующего Петеньку, Лена ждала у запертых дверей выхода, надеясь, что любимый не пристанет к сизоносому сторожу Васильичу, устремившему их выпустить.

Не пристал, только глянул с интересом и отвернулся.

Из-за ливня такси приехало с опозданием. Лена уселась на заднее сиденье рядом с Петей, положила руку ему на плечо и принялась мысленно с ним прощаться. Шизофрения не лечится и передается по наследству. Если Петя не выздоровеет, придется искать нового кандидата в мужья.

Когда такси тронулось, Петя занервничал: оттолкнул Лену, уткнулся в сиденье и забубнил — заговорил с «шевроле». Разговаривал он минут пятнадцать, понял, что ответа не дожидается, и скис. Интересно, кем он себя вообразил?

Прижавшись к нему, Лена спросила:

— Дорогой, а кто ты? Кем ты себя сейчас представляешь, то есть чувствуешь?

Думала, назовется Терминатором или стиральной машинкой, но он проговорил устало:

— Я — Петр Камушкин, Создатель, и я хочу написать роман.

Лена вздохнула с облегчением: значит, если чуть-чуть потерпеть, прежний Петенька вернется. Ничего, Лена умеет ждать.

В спальню Петенька протопал, не разуваясь, и залип перед шкафчиками. Распахнул все дверцы, уставился на сложенную одежду, спросил, зачем это нужно. Лена ответила. Потом Пе-

тенька обследовал зал, указал на книги. Пришлось объяснять, что это — полезная информация и занимательные истории на бумаге. Петенька вытащил любовный роман и принялся его поглощать. В прямом смысле слова.

На туалет последовала совершенно неадекватная реакция: Петя забрался на унитаз и забормотал, обыскивая стены: «Коннект, коннект».

После посещения туалета Петенька набежал на холодильник, начал запихивать в рот продукты прямо в упаковках, и Лена поняла, в чем дело: он просто накурился, а она не почуяла запаха конопли, когда прибежала на зов о помощи. От сердца отлегло, и Лена улыбнулась. Завтра все вернется на круги своя, а сегодня она даст Пете лошадиную дозу успокоительного и попытается уложить спать.

* * *

МаКЗ проснулся посреди ночи и попытался распаковать архив памяти Петра Камушкина. Перебирая его знания, он открывал непостижимое: да, Создатели могли творить, но производство машин не считалось творчеством. Люди просто клепали рабов, а то, что спустя тысячу лет после исчезновения Создателей механизмы осознали себя, — совпадение, не более. Никто не вдыхал в них интеллект специально.

Но интересно, куда исчезли Создатели и все живое?

Еще МаКЗ открыл, что люди очень кровожадны, и вообще во многом руководствуются инстинктами — теми же программами, заложенными природой. Ничего божественного в людях нет, по большей части это — глупые твари, которые уничтожают друг друга всю историю существования. Единственное, что внушало благоговейный трепет, — Создателей не штамповали на заводах — они самозарождались. Человек, который «он», оставлял свою частичку в «она», частицы соединялись и начинали расти. На самом деле все, конечно, гораздо сложнее, но в Петинном архиве памяти не нашлось подробностей.

А еще у людей есть Сеть, куда нельзя слить свои знания и часть разума. Там просто информация, ее можно читать и слушать, но не впитывать. Люди стареют и умирают — это плата за умение чувствовать так ярко. Чтобы отрешиться от безбреж-

ного одиночества, они творят — книги, картины, музыку. Петя тоже творил — МаКЗу повезло с телом.

Память Петра предупреждала: если МаКЗ утром будет есть книги или приставать к людям, предлагая законнектиться, его изолируют. На переработку, как поломанного робота, не отправят, а закроют в психбольнице, и реализоваться будет невозможно.

Странные все-таки существа: годных, здоровых особей истребляют тысячами, а бесполезных щадят. Удивительно, но для человека, в отличие от робота, смерть — самое страшное. После переработки сознание робота уходит в Сеть, человек же исчезает навсегда, и после него остается лишь созданное им.

Страх небытия пробежал холодком по спине, кольнул в сердце — МаКЗ зажмурился и распахнул глаза, испугавшись черноты. Он никогда не умрет, он будет создавать, чтобы жить в своих творениях, ведь недаром он стал живым по-настоящему.

МаКЗ с интересом наблюдал за изменением своих мыслей. Он уже смирился с тем, что со временем разум Пети сольется с его сознанием и получится человек-машина. Смертный человек-машина, способный творить и намеренно вводить окружающих в заблуждение, то есть лгать.

Ранним утром Лена тронула МаКЗа за плечо. Он улыбнулся и сказал:

— Доброе утро, любимая. Извини, я вчера начудил. Обещаю, что никогда больше не стану курить «план».

Лена обняла его и разрыдалась. Поглаживая ее, МаКЗ в уме перебирал перспективы, и они щекоotalи проснувшееся тщеславие. Он обладал гигантским багажом знаний, в том числе по физике, и жаждал поделиться информацией с другими. Например, «открыть» новый закон и подарить его людям. Потом он обязательно напишет книгу и станет известным, люди будут его любить. Сами Создатели — любить передвижной кирпичный заводик! Он уподобится им и превзойдет их!

* * *

Петр Камушкин, сорокалетний ученый, лауреат Нобелевской премии, известный балагур и развратник, ерзал на стуле и испытывал острую потребность в декирпичизации — он негодовал. Человечество — жалкие, тупые людишки — сговори-

лось против него. Что бы они понимали в искусстве! Они — мычащие, неспособные двух слов связать — не имеют морального права судить Петра Камушкина, признанного гения! Да они параболу от гиперболы не отличат, а все туда же — в критики! Ну как, как *они* способны оценить глубину океана, если их разум подобен луже???

Супруга Леночка принесла кофе и, видя, что Петр в дурном расположении духа, упорхнула. Камушкин осушил кофе залпом. Позавчера он провел выставку своих картин, а сегодня пожинал плоды — читал отзывы в Сети: «Безусловно, Камушкин профессиональный ремесленник, но творцом ему не стать никогда, его техника вторична. Если бы он писал портреты и пейзажи, все было бы терпимо, но его тянет на абстракции...» И все в таком же духе. Несколько комментариев от лизоблюдов типа «а мне понравилось». А вот свежий отзыв: «Можно ли считать творчеством подражательство?..» Петр свернул окно, не дочитывая.

В литературе то же самое — люди не способны воспринять высокое искусство, им неинтересны другие планеты, пульсары и черные дыры. Им нужно только жрать и эскапировать, эскапировать и жрать. Никто не хотел печатать Камушкина. Разбогатеv, он купил издательство, но, кроме горстки заинтересованных лиц, его не читали. Отзывы были: «ниасилил», «мертвечина», «в романах Камушкина нет души, язык обезжиренный и пресный, как вымороженное филе хека».

Иногда, в периоды отчаянья, Петру казалось, что у него на самом деле нет души, поэтому он не способен ее вдохнуть в картины и романы, но здравый смысл подсказывал: «Не может такого быть, ты ведь знаешь больше, чем они вместе взятые», — и Петр садился за новый роман, чтобы прыгнуть через голову, доказать, что способен, но — без толку.

Сегодня он убедился: человечество безнадежно. Неспособное ценить прекрасное, оно недостойно жизни. Петр снова ощутил себя малым кирпичным заводом. Да, раньше он не мог совершать коннект по пять раз на день и наслаждаться пищей, но и боль разочарования не мучила его.

Хлопнув по столу, Петр встал, расправил плечи и вздернул подбородок. Решено! Оглядев свой кабинет — предмет зависти коллег-писателей, — он с уверенностью ледокола двинулся

к цели, рассекая сомнения. Отодвинул Леночку, игриво предложившую коннект, и поднялся на третий этаж, в лабораторию. Деревянные ступени стонали, принимая его грузное тело. Они знали, что скоро будет положено начало новому миру — миру вечной жизни. Плоть хрупка, от нее беды больше, чем пользы, а электронные программы честнее заложенных природой.

Петр Камушкин пытался спасти мир, вырвать его из лап невежества, но этот мир воспротивился. Нужно создать новый, вдохнуть в него душу. Правильную душу, а не истеричного уродца, одержимого страстями.

...но кто-то ведь создает. Вспомнился рисунок школьницы — неумелый, с нарушением всех правил и пропорций, однако — живой. Кажется, коснись его, и лошади понесутся галопом навстречу розовому закату...

«Не текст, а кусок мамонта из вечной мерзлоты». «Камушкин, пишите научпоп, это у вас получается лучше».

Кто-то будто тронул за плечо и зашелестел на ухо: «Погоди, не делай этого. Может, они не виноваты? Может, у тебя и правда нет души и лучше заниматься тем, что дано? Пора смириться — ты всего лишь поделка. Среди людей тоже много обычных поделок»... Совесть, проклятая человеческая совесть!

Возникло непреодолимое желание отложить кирпич. Совесть продолжала пищать: «Остановись, пока не поздно, не уподобляйся им».

«Все равно меня ждет небытие, как и Леночку, и моих детей. Есть ли разница, когда умирать?»

В память о Храмах и кабинках подзарядки, стилизованных под сортиры, Петр заказал кресло в форме унитаза. Если бы механизмы знали, *как* все было на самом деле! Но этому не свершиться никогда. Петр сел в кресло, похожее на памятник надеждам, и прижал кнопку активатора. Минимальное усилие, и...

В считанные секунды все живое исчезло с лица земли.

* * *

Манипуляторы историка, снабженные лопатами, разгребли песок и вгрызлись в мелкие камни. Историк сделал вывод, что в этом трехэтажном доме обитал Верховный Создатель. Вско-

ре его предположения подтвердились — манипуляторы чиркнули о белое. Теперь следует сменить насадки на манипуляторах, дабы не повредить находку.

Приборы, которые историк откопал здесь же, рассыпались ржавой трухой, но этот же предмет стоял незыблемо. Белый фарфоровый священный овал, назначение которого до сих пор не удалось определить, а рядом — отлично сохранившаяся кирпичная кладка.

Позже сотни историков поломаются, выясняя, как кирпич, по структуре идентичный продукту кирпичных заводов, попал к Создателям. Но вопрос этот так и останется без ответа, вкупе с двумя другими: куда же исчезли Создатели и что они делали, чтобы вдохнуть жизнь в механизмы?

Одно механизмы знали наверняка: Создатели вернуться, обязательно вернуться.

Генри Лайон Олди

NEVERMORE

И очнувшись от печали, Улыбнулся я вначале,
Видя важность черной птицы,
Чопорный ее задор.
Я сказал: «Твой вид задорен,
Твой хохол облезлый черен,
О зловещий древний ворон,
Там, где мрак Плутон простер,
Как ты гордо назывался
Там, где мрак Плутон простер?» Каркнул ворон:
«Nevermore».
Э. А. По. «Ворон»

...**М**ертвые серые волны набегали на мертвый оплавленный песок и с точностью метронома откатывались обратно, туда, где морское пенящееся месиво смыкалось у горизонта с мутным небом, изорванным провалами атмосферных дыр и вихревых колодцев, предвещавших торнадо. Небо нехотя сплевывало мелкие, слабо светящиеся брызги в грязную земную плевательницу; земля в местах попадания вяло дымилась, остывая спекшейся коркой, — впрочем, дымилась она уже несколько лет. Ветер метался над побережьем, ветер свистел в сухих скелетах немногих сохранившихся зданий, ветер ворошил грязный тюль пепла, обнажая погребенные под ним кости. Небо равнодушно разглядывало останки. Плевать оно на них хотело...

В первые дни трупов было так много, что ошалевшие от счастья вороны устроили себе роскошное пиршество. Из-за радиации воздух был почти стерилен, и птичья толкотня растянулась

на недели, потом — на месяцы... Процесс разложения шел медленно, и когда многие из стаи лысели и умирали посреди гама и хлопанья крыльев — их тела оставались нерасклеванными. Крылатые собраты из более удачливых — они предпочитали человечину.

Постепенно вороны заметили, в каких местах их подстерегает невидимая смерть, и больше не залетали туда. Еды со временем оставалось все меньше, все труднее становилось отыскать не тронутые гнилью и клювами тела; а о том, чтобы поймать крысу, вообще не могло быть и речи. В первые дни после Конца крысам, вопреки всем прогнозам, почему-то повезло гораздо меньше, чем воронам. Угрюмые птицы копались в развалинах, перелетали с места на место, разгребая легкий шуршащий пепел; и никто не хотел понять, что времена сытости канули в небытие...

...Ворона сидела на берегу и ждала. Море нередко выбрасывало на берег что-нибудь съедобное: раздавленную морскую звезду, краба, сварившегося в собственном панцире, фиолетовую медузу... Ворона была голодна и сердито косила налитым кровью глазом на грязную пену прибоя. Ничего. Плохая эпоха. Особенно плохая после недавнего, чуть тронутого огнем изобилия... Ворона хрипло каркнула, и в скрежете ее горла на миг проступило забытое слово навек ушедшей расы. Чужой расы. Вкусной и обильной. И теперь никогда больше... Никогда.

Очередная волна с безразличным шелестом лизнула сырой песок берега и откатилась, подобно всем предыдущим, оставив после себя серые опадающие хлопья и некий предмет, совершенно неуместный на унылом однообразии побережья. Съедобность предмета была весьма сомнительной — и все же ворона заковыляла к бугорку медленно оседавшей пены, из которого выглядывало что-то темное и блестящее...

На песке лежала старинная пузатая бутылка зеленого стекла, надежно заткнутая просмоленной пробкой. Ворона покосилась на пробку сначала одним глазом, потом другим... Наконец природное любопытство взяло верх. Птица осторожно клюнула пробку. И еще раз — уже увереннее... Когда черной взломщице удалось пробиться сквозь слой окаменевшей смолы, дело пошло быстрее: трухлявое дерево легко крошилось под ударами крепкого клюва. Ну вот, еще разок, и еще, и...

Испуганная ворона едва успела отскочить в сторону. Желто-бурый дым, рванувшийся из бутылочного горлышка, облаком поднялся вверх и сгустился, образовав обнаженную многометровую фигуру с разметавшейся агатовой гривой и бронзовой кожей.

— Слушаю и повинуюсь! — прогремел над мертвым берегом низкий голос гиганта.

Тишина была ему ответом. Только шорох серых волн, только тоскливый свист ветра.

Джинн поежился.

— Где ты, о повелитель, освободивший меня?! Что прикажешь: разрушить город или построить дворец?..

Ворона недоверчиво переступила с ноги на ногу и решила пока не приближаться.

Джинн в растерянности огляделся по сторонам и с ужасом и недоумением увидел дымящиеся руины, свинцовое море и то, что местами выглядывало из-под вздымаемого ветром пепла. Он вздрогнул и невольно сделал шаг назад, по направлению к давно знакомой бутылке. Шаг сотряс застывший пляж, и ворона истошно закаркала. Джинн повернул голову.

— Что прикажешь, о повелитель? — джинн присел перед птицей на корточки, и в пронзительных глазах его появилась некая обреченность.

Ворона насмешливо взъерошила перья. Джинн уже знал, чего хочет голодная птица, но все же предпринял безнадежную попытку изменить судьбу.

— Может, я лучше построю дворец? — робко спросил джинн. — Или разрушу город...

Ворона глянула на развалины и нахохлилась. Джинн тяжело вздохнул и принялся за работу...

* * *

...Мельчайшие комочки первобытной протоплазмы сливались воедино, жадно поглощая питательные вещества из пронизанного ультрафиолетом густого теплого бульона; они делились, множились, структура их быстро усложнялась, сильнее всего пожирали слабых и выживали, и жизнь уже выбиралась на сушу, распolzаясь по новым, еще неизведанным пространствам...

Гигантские ящеры бродили между гигантскими папоротниками, грозный каток оледенения утюжил вздрагивающую планету, и первая обезьяна уже взяла в мохнатые руки палку... и люди в колесницах метали дротики в бегущих варваров, и горел Рим, и горел Дрезден, и первый ядерный гриб вырос над секретным полигоном, и трясущийся палец уже завис над алой кнопкой...

Джинн сгорбился и полез в свою бутылку.

* * *

...Мертвые серые волны набегали на мертвый оплавленный песок и с точностью метронома откатывались обратно, туда, где морское пенящееся месиво смыкалось у горизонта с мутным небом, изорванным провалами атмосферных дыр и вихревых колдовцев, предвещавших торнадо.

Старинная пузатая бутылка зеленого стекла, надежно заткнутая просмоленной пробкой, валялась на рыхлом песке. Ворона презрительно тронула ее крылом и не спеша направилась вдоль берега, изредка останавливаясь и тыча клювом в присыпанные песком тела. Еды было много. Ворона была довольна.

Осторожные руки приборя тронули бутылку, перевернули и понесли в море — прочь, все дальше от молчащего берега. Не оборачиваясь, ворона глухо каркнула, и в скрежете ее горла на миг проступило забытое слово навек ушедшей расы.

Никогда.

Никогда больше.

NEVERMORE.

КОНЕЦ

Сергей Малицкий

БАЙКИ ИЗ БУНКЕРА

1. Комары

Н и в одно из окошек в караулке и голова бы не пролезла. Ленивец уже сколько раз объяснял Куцему, что это бойницы, но тот все не соглашался; какие же бойницы, если через них обзора нет? Разве это обзор — четвертушка от четвертушки? Ладно бы еще на север или на восток — минные поля, чего на них смотреть? — а запад? Там же пуща! И пусть до нее полчаса пешни по плечи, а потом еще час пешни по сухостою горелому, но дальше-то она самая, чаща непролазная! Понятно, что своими глазами не видел, так Панкрат сказывал.

— Эти бойницы на всякий случай, — в который раз начал бормотать Ленивец. — Вот раньше, — он бил ногой по стальной станине, свисающей с потолка, — на крыше пулемет стоял. Вот у него был обзор.

— А сейчас? — размахивал руками Куций. — Что ты мне про раньше?

— Зачем тебе обзор? — недоумевал Ленивец. — У тебя два патрона в ружье. Только чтобы застрелиться с запасом на один промах.

— Застрелишься тут, как же, — продолжал нудеть Куций. — В нем четыре локтя. В глаз себе ствол вставишь, так до запала не дотянешься. Если только ногой, но разве моим башмаком крючок стронешь?

— А ты разуйся, чего тебе башмак портить? — хмурился Ленивец. — Пальцем запал легко стронешь. У тебя ж пальцы, а не копыта?

Конечно, пальцы. Носил бы он тогда башмаки, если бы копыта были! Вот, у Мякиша — копыта, так сплошная экономия: и зимой, и летом босым ходит. Зимой, правда, падает часто, потому как скользит. Панкрат подковать его предлагал, а Мякиш не хочет. Боится. А Куцый Ленивца боится. Разуется, Ленивец сразу башмаки упрет. У самого-то совсем износились, аж проволокой подошву примотал, а новые взять негде.

— И чего тебе стреляться? — не мог понять Ленивец. — Вода из крана каплет, консервы подносят, сухари сухие. Как небо посветлеет, смена должна прийти.

— Придет она, как же, — мрачно гудел Куцый, прикикая глазом к южной бойнице. Что он мог увидеть в той стороне, которую Панкрат называл тылом? Дорогу, по которой посыльный раз в день волочет сетку с консервами? Дорогу, стерню коричневую по краям и куполок сторожки вдали, где и горячий борщ, и белило к борщу, и Станина в облепившем могучую грудь платье, и запах пота не кислый, а сладкий? Эх, Панкрат, где она, твоя смена? А не врал ли ты, что по пуще разгуливал? И когда это небо посветлеет? Тучи так и прут с запада, у плечи напротив железных грибов тормозятся и льют, льют тягучее варево на выжженную землю...

— Слышь, Ленивец? А чего тучи дальше не идут?словно в границу упираются и плещут на плешь.

— А ты меня не спрашивай, — раздраженно ответил тот, пытаясь дотянуться языком до дна банки, вроде бы поблескивающего жиром. — Ты Кудра спроси. Чего это он у сторожки костры раскладывает да в бубны бьет? Спроси, спроси. Он тебе объяснит — тоже до ветру не на яму, а на плешь ходить будешь, как Панкрат.

«У Кудра спроси». Сам и спроси, если шура не дорога. Не нравился Куцему Кудр. Глаз у него желтый, зубы белые. За плечо крепкими пальцами схватывал, встряхивал, все нутро глазом выворачивал и довольно замечал — и этот поганец туп как валун. Конечно, туп. Был бы умен, не торчал бы в караулке, а в деревянный потолок плевал. И не в сторожке, что все одно —

коробок посредине дерьма, а еще дальше на юг, в поселке; где и трава, и солнце, и домики беленые, и молоко в горшке на окне теплое, с пенкой.

— А чего Панкрата в пушу потянуло? — спросил Куцый.

— А кто его знает? — Ленивец отбросил в сторону банку, сморщил толстое лицо и сам себе залепил оплеуху. — Комары налетели. Не иначе где-то рядом комариная шутиха повисла. Ты бы нашел, Куцый, да камнями ее забросал. Три камня — и нет шутихи, а то ведь пожрут они нас, заживо пожрут.

«Пожрут тебя, как же, — думал Куцый, глядя на Ленивца. — Если бы не надобность по нужде, так бы и сидел в караулке, скамейку полировал. Вон уже и скамейки из-под него не видно. И чем только отжирается?»

По-первости Куцый глупил, пайку в тумбочку клал. А что Ленивцу тумбочка, он же как еду увидит — словно разум теряет. А потом уже спрашивать бесполезно, будет глазами хлопать да пузо чесать, и все. Бывалые — значит ученые. «Однако, что он за банку лизал? Свои-то еще с утра долизал. А не пойти ли и не проверить схрон?»

— Стреляться он вздумал, — бормотал Ленивец, глядя на отброшенную в сторону банку: а ну как пропустил под ободком натеки тушенки? — А как караулку сдавать? Придет смена, а сменщика нет. Кто ж у меня тогда караулку примет? Опять оживляж вставлять? А его и осталось на три вставки. Кудр за оживляж голову оторвет. И то уже спрашивал, куда один шарик оживляжа делся. А что я ему скажу? Куцый по минному полю пошел прогуляться? Хорошо еще, что его осколком под куцость подсекло, а не на куски разбросало. Вот же пакость! — Ленивец снова хлопнул себя по лбу. — Куцый! Иди, забросай камнями комариную шутиху, а то ведь пожрут они нас!

— Пойду, чего не пойти, — пробормотал Куцый и начал тянуть на плечи фуфайку: непонятно, то ли дождь снаружи, то ли еще какая хмарь, но мокнуть охоты не было. Опять же — где сушиться? Дров у печки мало, надо еще дрова искать. Завтра банный день к тому же, а какой банный день без горячей воды? И как дрова искать? Через плешь на сухостой пехать? Нудотно пехать по плеши, и потом на ней шутиха на шутихе — комариная баловством покажется, замучаешься нагибаться и

отпрыгивать. Не, за дровами надо на минное поле идти. Там много дерева, и все сухое, выдержанное, взрывами переломанное. Тут, главное, под ноги смотреть, да нюхать.

Да и в тот раз, разве Куцый виноват, что его осколком под куцесть подсекло? Все Ленивец! Вывалился всей тушей на бруствер и заверещал так, что, небось, в сторожке слышно было: «Куда ты поперся, Куцый, на минное поле? Кто тебе велел, Куцый? Надо за дровами на плешь ходить!» Так ведь выполз и выполз, зачем сам на поле шагнул? Это ж не консерву вскрывать, тут нюх нужен. А не то зацепишь окраинную нитку, она взведет гляделку на дальних столбах, а уж гляделка запустит пехотку. Хорошо хоть кроты тротил выжрали, а то ведь не только под куцесть засадило бы, а и в самом деле бы на куски разорвало. Что бы тогда Ленивец делал? Куда бы оживляж вставлял?

«Сожрал бы, — уверенно сказал про себя Куцый. — Точно бы сожрал. Пожарил и сожрал».

— Эй! — заорал вслед Куцему Ленивец. — Не забудь. Три камня на шутиху надо, только тогда расползется!

— Не забуду, — буркнул Куцый. — Взялся ученик училища учить, да училище сломал...

Спустился по лестнице в теплый бункер, шагнул через стальную дверь в тамбур, вышел в траншею, обтер боком бочку с дождевой водой и сразу потянул на шею воротник. И в самом деле обложило дождем, хотя разве это тучи? Вот над плешью — тучи. Льют что-то и льют, а сырости не добавляют. Как была сухой плешь, так и остается, только железные грибы мокрым поблескивают. А здесь почти болото уже. Вода по брустверам стекает, на дне траншеи копится. Хорошо, что у Куцего ботинки прорезинены, спасибо матушке, от отца сберегла. Конечно, кирзовые сапоги лучше, но это только до лужи. Как лужа, так сразу лучше прорезиненные. Главное, чтобы через край вода не захлестывала. Поэтому идти нужно осторожно и волну не гнать.

Вот и ячейка для боезапаса в стене траншеи. Конечно, боезапаса там никакого нет. Давно нет, с еще той большой войны, которая тогда случилась, когда еще и никакого Куцего не было. Это Кудр до сих пор каких-то врагов ждет, а все уже давно знают, что все враги на той войне кончились, а остались

только свои, придурки и мертвяки. Но придурков давно уже не было, а мертвяков Куцый так и вовсе не видел. Зря Ленивец ломом по железным грибам стучит, мертвяков приманивает. Как идет до ветру, так крюк делает и стучит. Он бы так траншею чистил или шутихи камнями забрасывал. Но мертвяк Ленивцу для какой-то сладости нужен, для новых башмаков придурок потребен. Сколько Куцый Ленивца знает, тот придурка высматривает, башмаки с него надеется снять. Сам Куцый последнего придурка полгода назад видел, но издали. Тот на минное поле забрел, но долго не прошагал, на куски разлетелся. И башмаков не осталось. Что с него взять, придурок...

Так, однако, что с пайком-то? Три банки должно быть. Одна тушенки и две гречки с мясом. Гречку Куцый для Станины сберегал. Станина очень гречку любит. За банку гречки может дать потрогать теплую и мягкую грудь. Главное, чтобы Кудр не видел. А за две банки гречки? Что она может разрешить Куцему за две банки гречки? А за три? Это если посыльный опять гречку принесет? Оно конечно, от голода порой и в глазах мутит, но что еда? Вот она есть, и вот уже ее нет. А Станина во всякий день в сторожке властвует, ходит, грудью колышет, бедром перекачивает, аж дух захватывает. Вот если бы не Кудр... Панкрат как-то зажал Станину в подсобке, та только раз пискнула немym ртом — тут же Кудр прискакал на деревянной ноге. Так Панкрата отметелил, что тот неделю в подсобке в себя приходил, да и то без оживляжа не обошлось.

«Так, и что тут у нас?..»

Присел Куцый у ячейки, потянул за рукоять, выдернул гнилое тряпье, для отворота напиханное, нащупал в глубине три тяжелых банки в солидоле и пергаментный пакет с сухарями. Зашелестел пергаментом, пересчитал сухари, выудил один, сунул за щеку, затолкал ветошь обратно. Сухари-то можно было не прятать, не любит Ленивец сухари. А вот банки только покажи, с руками откусит. Никуда теперь не денется Станина, а то уже не только в чреслах томление, но и в груди ной и стынь.

— Ной и стынь, — повторил вслух Куцый и медленно поднял глаза. Так медленно, как его Панкрат учил. Всякий раз, когда змеюку или еще какую гадость видишь, а еще пуще, когда шутиху застигнешь, все медленно делать надо. Так и теперь. Вот

она — ной и стынь. Комариная шутиха, от которой гудение в груди делается, и Ленивец шлепками собственную физиономию обставляет. Висит прямо над бруствером, словно пятно какое, обрывок полиэтилена или пузырь на кипящем молоке. Висит и колыхается. Оттого-то ной и стынь рождает, да так, что уже и руки, и ноги трясутся, и хочется забраться на бруствер и сунуть нос прямо в этот пузырь. Потому как чего ему бояться, не кусают Куцего комары, а потрогать шутиху хочется. Может быть, не зря говорил Панкрат, что Куцый своею смертью не умрет, а что не умер пока еще, так потому что везет ему. Удачливый щенок Куцый.

Ну, удачливый или нет, о том не Куцему судить. Пусть тот же Кудр или Панкрат судят. А вот насчет своей смерти так и не понял он ничего. Смерть, она и есть смерть, и если оживляжа под рукой не будет, то и не разберешься с нею. Да и хоть бы кто другой разбирался. Допустим вот, тот же придурок, что забрался на минное поле. Как по его кускам определить, своею смертью он умер или на чужую напоролся? И кто же распределяет эти смерти, кому какая? Наверное, Кудр знает, но Кудр страшный, у Кудра не спросишь...

Бруствер скользкий, но на этот случай у Куцего поддон есть. Ленивец давно бы уже поддон сжег, но Куцый не дал. Если не будет поддона, как тогда на бруствер за дровами выбираться? Да и если не за дровами, а ту же шутиху рассмотреть? Что там сказал Ленивец про три камня? Вот они, в кармане лежат, три рыжих кирпичных обломка. Главное — внутрь попасть, а для этого лучше поближе подойти, присмотреться к тонкой пленке, да бросить туда камень. А еще лучше наклониться, принюхаться да осторожно сунуть нос. Не весь, а самый кончик, может быть, что и учуется...

Словно по затылку хлопбыстнуло Куцего, да так, что закувыркался он вверх тормашками, да не в воздухе, а в киселе каком-то: но не больно, а тошно, да и то, не до рвоты, а так, до отрыжки. А как отрыгнул, так и понял, что висит почему-то под потолком грязного и странно большого бетонного бункера. В бункере том четыре бойницы по стенам — четвертушка на четвертушку, люк в полу и обгрызенная стальная шутовина свисает с потолка. Висит Куцый и видит двоих ополченцев.

Один толстый, одетый в зеленый латаный-перелатаный комбез и перехваченные ржавой проволокой ботинки, а второй — худой и сутулый, в клетчатой рубашке и ватных штанах. И тут только до Куцего доходит, что вот этот доходяга с пукон русых волос на затылке и есть он сам, Куцый, а толстый — это Ленивец, и никто другой. Потому как только Ленивец банки языком вылизывает, и не боится ведь, паршивец, язык о край консервы поранить. И тут же раздался, потянулся громом отчего-то низкий голос Ленивца:

— А кто е-го зна-ет? Ко-ма-ры на-ле-те-ли. Не и-на-че где-то ря-дом ко-ма-ри-на-я шу-ти-ха по-ви-сла. Ты бы на-шел, Ку-цый, да кам-ня-ми е-е за-бро-сал. Три кам-ня — и нет шу-ти-хи, а то ведь по-жрут о-ни нас, за-жи-во по-жрут.

«Было, — с ужасом подумал Куцый. — Это самое было. Только что было. И опять. Но почему опять? И почему я под толчком?»

И только он это подумал, как странная сила поволокла его вперед и вниз. А потом понесла прямо на толстую щеку Ленивца, который продолжал изрыгать что-то тягучее и громовое, пока лицо толстяка не обратилось серо-розовой равниной с редкими кустами странной растительности и огромная ладонь не оборвала быстрые, но мелкие мысли Куцего.

* * *

Он пришел в себя на бруствере. Лежал в жидкой грязи и сжимал в кармане три камня. А шутиха по-прежнему висела, колыхалась над головой.

«Не больно, — подумал Куцый. — Когда ладонью и враз — не больно. А может, ну его? Надоело! Пусть раз — и все. За чем эти ной и стынь? Не нужно. Ничего не нужно».

Он поднялся на дрожащих ногах, приблизился к шутихе, которая, вроде бы, стала больше, но оно и понятно: она от каждого камня тоже больше становится, тут, главное, как говорил Панкрат, близко не подходить. Или отходить по чуть-чуть. Но что Куцему Панкрат, если тот в сторожке, у Панкрата другой напарник — Мякиш, а Куцый-то вот он, здесь. Тут, главное, не поскользнуться, а то вовсе целиком в шутиху свалишься. Только нос. Один только нос...

И снова словно по затылку хлопбыстнуло Куцего, и снова закувыркался он вверх тормашками, да не в воздухе, а в киселе каком-то. Опять повис под потолком грязного бетонного бункера, в котором Ленивец сопли и плевки по стенам развешивает. И то сказать, легко ли этакую тушу выволакивать в траншею? Чего его только потом к железным грибам ведет, притягивает, что ли? Хорошо, хоть не гадит Ленивец под себя, хотя уже подбирал себе на помойке ведро, подбирал. Как разыщет, что попрочнее, точно будет Куцего просить с ведром толкаться. Ну, уж нет, и дров хватит. А что теперь-то он говорит? И он ли? Так то сам Куцый говорит! Но как же так, если это еще *до того* было? И опять голос на голос не похож — протяжно и низко:

— А че-го Пан-кра-та в Пу-щу потянуло?

— А кто е-го зна-ет?

И медленно-медленно полетела банка в сторону. Из-под гречки банка. И где же взял ее, гречку, Ленивец, если свою он еще с утра сожрал?

Но вот уже снова Куцый, что, вроде бы, оставался рядом с Ленивцем, видит: превращается толстое лицо в грязную равнину и огромная ладонь снова обрывает все...

— Не больно, — прошептал Куцый и откатился чуть в сторону, потому как увеличилась шутиха. Почти до бруствера сползла нижним краем, да и в стороны раздалась, и вверх. В такую можно и целиком шагнуть, даже нагибаться не придется. Панкрат рассказывал, что до Куцего с Ленивцем в караул Вонючка ходил. Так этот Вонючка раз нажрался как-то пьяной плесени и аккуратно в шутиху попал. Что это была за шутиха, никто так и не понял, только вывернуло Вонючку наизнанку. Ленивец на него целую банку оживляжа извел, а все без толку. Да и разве может человек оклематься, если он — наизнанку? Его бы сначала обратно вывернуть, то есть, еще раз в ту шутиху бросить. Но или у Ленивца ума не хватило, или Вонючка успел два камня в ту шутиху закинуть, и свернулась она, — того уже не узнать. Так и закончился Вонючка, хотя в бункере потом еще два месяца воняло. Куцый помнил тот запах. Плохой он был. А вот как развеялся, тут и оказалось, что от Ленивца пахнет не лучше. А от него-то самого, от Куцего, хорошо хоть пахнет? Может

быть, ему не банки с гречкой для Станины запастись, а помыться как следует? Или лучше все-таки умереть? Умереть хорошо. Главное, чтобы не больно. Он всю жизнь мечтал, чтобы не больно. Или смерть всегда не больно? Когда его осколком подсекло под самую куцесть, очень больно было, но ведь то вовсе не смерть была, мало ли потемнело в глазах, так оттемнело ж потом. А придурку, которого на куски разорвало, было больно? И чем он чувствовал боль? Каждым куском отдельно?..

Куцый приподнялся, сел, сполз по грязи на дно траншеи. Переставил поддон, полез на другой бруствер. Панкрат умный. Он всегда говорил, что лучше нагнуться, чем стать Ленивцем. Нагнуться и поднять. Сто раз дерьмо поднимешь, а в сто первый — стекляшка какая красивая окажется, или безделушка цветная. А если и в сто первый раз дерьмо, то радоваться надо, что спина гнется и язык о края консервной банки не ранится.

«Ну, все, — подумал Куцый, вставая и почему-то с грустью представляя тяжелую грудь и бедра Станины. — Все. Прощайте, минные поля, железные грибы, плешь, пуша, сухостой горелый, помойка, дорога, сторожка, бункер, Ленивец, Панкрат, коротышка Мякиш — напарник Панкрата, еще раз бункер, ячейка с банками, мамка в поселке, забыла уже меня, наверное, другого родила от другого папки. Все. Хватит. Устал».

Сделал Куцый пять шагов назад, подминая резиновыми подошвами расползающуюся траву, стер с лица то ли слезы, то ли натянувшуюся пленкой морось, побежал вперед и прыгнул через траншею прямо в подрагивающее зеркало комариной шутихи. Чтобы сразу. Чтобы целиком. Чтобы навсегда...

* * *

Он завис над зеленым лугом, ярко освещенным желтым солнцем и усыпанным желтыми цветами. Внизу не было ни траншеи, ни бункера. И минных полей тоже не было — всюду лежал только луг. Чистый и живой луг. До самого сухостоя, который еще не собирался становиться сухостоем, а кудрявился кронами странных белоствольных деревьев. И внизу, прямо под Куцым, на ярко-розовом куске ткани лежали двое — женщина и девочка. Они были почти раздеты, потому как разве можно назвать одеждой тряпочки на груди и на бедрах? Женщина дер-

жала штуковину, которую Панкрат однажды показывал Куцему, говоря, что это «книга», а девочка по очереди запускала руки в большую белую миску, брала оттуда что-то красное и мягкое и отправляла в рот. Брала и отправляла в рот. Брала и отправляла в рот.

— Ма-ша! — громовым раскатом донеслось до Куцего. — Ешь ак-ку-рат-но. И будь вни-ма-тель-на. В ма-ли-не мо-гут быть чер-ви.

Но Куцый уже летел вниз, туда, на нежное, чуть загорелое бедро женщины, и уже слышал не такое низкое, а почти звонкое:

— Ма-ма! У те-бя ко-мар на по-пе! Мож-но я е-го у-бью?

— Толь-ко не боль-но!

Хлоп!

* * *

Куцый пришел в себя на дне траншеи. Среди минных полей, недалеко от горелого сухостоя и страшной пуши. У грязного бункера под серым низким небом, которое все никак не желало светлеть. Он поднял глаза. Комариная шутиха исчезла.

«Три камня, — понял Куцый и подумал еще: — Лучше бы наизнанку...»

А потом прошептал:

— Маша. Ешь аккуратнее. И будь внимательна. В малине могут быть черви.

И заплакал.

Из бункера вывалился толстый Ленивец. Спустил комбез, облегчился прямо у выхода, смешивая мочу с водой на дне траншеи, в которой сидел его напарник. Повернулся к Куцему, поковырял в носу.

— Прости меня, Куцый. Я, когда вижу еду, себя забываю. Я сожрал твою гречку, Куцый. И тушенку сожрал. Сожрал, набил глиной и замазал солидолом. Не обижайся, Куцый. Стани-на все равно бы тебе не дала. Она Кудра еще сильнее, чем мы, боится. Не плачь, Куцый.

— Мама. У тебя комар на попе. Можно я его убью? — сказал Куцый и добавил: — Только не больно.

— Ты что, Куцый? — заржал Ленивец. — Какая я тебе мама? Да и нет уже комаров. Теперь до следующей шутихи...

2. Оживляж

— А это отчего? — спросил Куцый.

Тучи не расползлись, только истаяли до серой пленки. Но больше и не надо: когда небо чистое, особо нос не высунешь наружу — припекает, вроде, не сильно, а кожа в тот же день начинает клочьями слезать. А так-то милое дело. Тепло. Сиди на бетоне, лови ягодицами и причинным местом нагретость, смотри, как сушатся ватные штаны, да Ленивец стучит ломом по шляпке железного гриба, а потом тащит вязанку хвороста со стороны горелого сухостоя. Конечно, не Ленивец — молодой охранник, а Куцый, но раз Ленивец сожрал пайку Куцего, то Ленивцу и отрабатывать. Иначе один намек Кудру, и Ленивец будет есть глину, а от глины запор случается. Поэтому сейчас Куцый отдыхает, а Ленивец пыхтит. Ничего, ему полезно!

— Это отчего? — спросил Куцый.

На закругленном углу бункера выбоина. Глубокая такая, словно выжженная. Но разве можно выжечь камень? Хотя со стороны плечи и сухостоя бетон однажды словно расплавился, обмяк, струйками побежал вниз, как комбижир на сковороде. Да и вместо пулемета посреди колпака бункера — лужа застывшего металла.

— Кумулятивка, — сбросив вязанку, Ленивец вытер пот. — Видишь, яма не просто выбита, а словно высверлена? Но на излете шла. Впрочем, что зря языком болтать, давно это было. Еще меня не было на свете, и Кудра не было. Никого не было.

— А где Кудр ногу потерял? — спросил Куцый.

— Наступил, — сел рядом с напарником Ленивец. — На плоскую шутиху наступил.

— А разве бывают такие? — удивился Куцый.

— Бывают, — кивнул Ленивец. — Мне не попадалась, а вот Панкрат и сам едва не попался. Это гиблое дело, Куцый. Если она на земле, ее ж на просвет не возьмешь, не видно. Так вроде ничего себе, а как наступаешь — яма. Да плохая яма. Словно челюсти беззубые твою ногу хватают и начинают мусолить. Отгрызть, вроде, не могут, а перемусолить, кости переломать — только так. А если не отпрыгнешь, так и всего тебя засосут. Страсть! Панкрата спасло, что он с палкой ходит. Тычет

ею перед собой. Мин боится. Хотя, чего их бояться? Так-то, если кроты тротил не выжрут, есть надежда разом по отходной дембельнуться, а если впереди тычешь, лови осколки в пузо, да переваривай, если сможешь. Палка его и спасла. Провалилась и затрещала. Ну а уж после ты знаешь. Три камня.

— А Кудр? — спросил Куцкий.

— Кудр пацаном был еще, — ответил Ленивец. — В поселке бегал. Тогда еще дозоров вроде нашего не было, траншеи не чистили, шутихи до поселка долетали, это теперь они над траншеей копятся. И оживляжа тогда не было. Пока до лекаря дотащили, нога отпала уже.

— А откуда оживляж берется? — спросил Куцкий.

— Кудр выдает, — ответил Ленивец.

— А у Кудра откуда? — не унимался Куцкий.

— А вот у Кудра и спроси, — хмыкнул Ленивец. — Мал еще, о разном язык чесать... Знаешь, Куцкий, что-то я передумал мыться. Устал. Завтра будем банный день устраивать.

— Странно, — задумался вслух Куцкий. — Смотри, вот наша траншея. За ней — два минных поля, пуца, плешь, железные грибы, сухостой. За минными полями — вообще неизвестно что творится: отсюда, вроде как, увалы какие-то, а там — кто его знает? И при этом грязные тучи за грибы не заходят, шутихи только за траншеей вспухают, придурки только с той стороны приходят. Почему?

— Почему? — шумно высморкался Ленивец. — Потому что траншеею мы очистили, а Кудр все траншеи с бубном прополз. И дозоры на углах расставил. Теперь наши траншеи, как веревка шерстяная, которую Панкрат от змей и дождевых червей раскладывает, когда на земле спать ложится. Шутиха завсегда ямы обходит, потому как над землей парит. Конечно, если она не плоская. Оттого и копятся они только с той стороны. А с этой все шутихи камнями закидали.

— Нет, — Куцкий поерзал на бетоне, пересел, опять расправил причинное место на теплом. — Я о другом. Откуда вообще шутихи взялись? Панкрат говорил, что такая война была, что весь мир на куски порвало. Болота — на комариные шутихи, пожары — на огненные. Еще какую пакость — на еще какие пакостные. Это что же за взрыв такой был?

— Взрыв? — задумался Ленивец. — Взрыв разный бывает. Вот смотри, видишь справа на краю минного поля яму? Ну, в которую мы мусор бросаем. А слева яму видишь? Точно такая же. Та, которая бурьяном поросла. Я в нее до ветру хожу.

— Ладно врать! — обиделся Куцый. — Ты хоть раз до ямы отход свой донес? Всякий раз во второй траншее опорожняешься. А то б я каждый раз слышал, как ты по грибам стучишь.

— Ну, раз на раз... — поморщился Ленивец. — Я о другом хотел сказать. Когда-то тут была большая война, давно была. Наш бункер крепко стоял. Смотри. Туда склон, туда склон. Впереди поле. До самых увалов, не подберешься. Но с той стороны была большая пушка. Из нее стрельнули по нашему бункеру. Сначала попали вон туда. Поправили прицел. Попали вон туда. Еще поправили прицел, чтобы уж наверняка прихлопнуть нашу коробочку. Но не прихлопнули.

— Почему? — спросил Куцый.

— Война кончилась, — объяснил Ленивец. — Как раз тогда многое на куски разорвалось. А что не разорвалось, да в шутихи не превратилось, то опалило, да припекло. И бункер наш в котелок на костре обернулся, и пушка та расплавилась. Видел, что с пулеметом стало? С того раза и вся эта дрянь. И плешь, и шутихи, и придурки, и все прочее. Разное. Там еще, правда, ледовуха была, но это длинный разговор... Пойду я. Посплю.

— Стой, Ленивец! — прошептал Куцый.

— Что такое? — замер толстяк.

— У тебя... — у Куцего пересохло в горле. — Шутиха у тебя на спине.

— Точно? — Ленивец зашипел, как спущенная шина на велосипеде Панкрата.

— Точно, — вовсе охрип Куцый. — Звезда.

— Точно звезда? — застонал Ленивец.

— Точно звезда, — прошептал Куцый. — Восемь лучей.

— Восемь? — вовсе заскулил Ленивец. — Восемь не бывает!

— Восемь, — пискнул Куцый.

Она была маленькой, эта восьмилучевая звезда. С ладонь. Прилепилась к комбезу Ленивца и пульсировала понемногу. Сверкала непроглядной чернотой в центре и алой каймой по лучам.

Звезда садится только на живое. Зацепил где-то Ленивец искру. Наверное, придурок какой-нибудь принес. Придурки часто звезды приносят. От звезд придурками и становятся. Или еще от чего. Идут, как слепые, через Пущу, все на себя лепят. Но восемь лучей — плохо. Через час-два каждый распухнет новой звездой. И так до тех пор, пока не доберутся до открытой кожи. И станет тогда Ленивец огромным придурком, полным искр. Хотя такие придурки долго не живут. Придурки вообще долго не живут, на то они и придурки. Куцый придурков уже видел, только мертвяков не видел. И снять комбез со звездой нельзя. Корешки уже в теле, просто Ленивец их пока не чувствует. Вспыхнет звездочка — насквозь прожжет. И через траншею Ленивцу нельзя: горят над траншеей шутихи. Как напалм горят. У Мякиша одна ладонь напалмом насквозь прожжена, хотя он и хвастался, что трехлучевую звезду на ладонь поймал. Так дырка и осталась. Хотя, если бы не ковырял, не было бы дырки.

— Три камня, — сказал Ленивец.

— Убьет! — прохрипел Куцый. — Отдачей убьет! Панкрат рассказывал, что Муравья с третьего дозора на втором камне переломило. Напополам разорвало. И оживляж не помог.

— Муравей худой был! — заорал Ленивец. — А я толстый! Бросай, Куцый, а то она ветвиться начнет, тогда точно скважина мне!

Первый камень угодил точно в центр звезды, словно в спину Ленивцу влетел. Будто не Ленивец стоял спиной к Куцему, а бочка жестяная в комбесе Ленивца с дыркой в боку. Звезда померкла на секунду, подернулась пеплом, налилась кровью по всем восьми лучам, но не брызнула отростками, притупила жала. Только звякнула тихо, как звякает ложечка о стакан Куцего, когда он мяту заваривает. И тут же скорчило Ленивца, на колени он упал, но на пузо не грохнулся, взревел, как кабан в пристройке у Станины, когда Панкрат по пьяни не туда его ножом ткнул. Звезда тут же набухла и выросла вдвое. Захлестнула лучами комбез от бока до бока, от лопаток до пояса.

— Устоял! — взревел Ленивец. — Устоял я, Куцый! Подожди, подожди, я к бункеру прижмусь.

Как слепой, бочком, бочком, с колен не вставая, двинулся он к бункеру. Дополз, прижался брюхом, потянул на голову капюшон, разворотил закатанные рукава, нагнул вперед голову, ухватился руками за оплывшую арматуру из поплавленного, развороченного бетона.

— Второй камень, Куцый! Не промахнись, в луч не попади, а то опять сожмется, и все насмарку.

Это Куцый промахнется? Да Куцый пацаном с одними камнями матушку все лето кормил, бил куропаток в болотном лесу! Или просто так Куцего в охранники взяли? Не каждого берут. Мог и брюкву по грядам таскать. А так-то, пока Куцый здесь, что ему пайка выпадает, то и матери. И если он банку тушенки от Ленивца нычет, то и матери точно такая же банка прибудет. Закон. Жалко только, что новый мужик мамкин эту банку половинит. А вот для дитенка мамкиного не жалко...

— Второй камень, Куцый!

Второй камень ушел опять в середину. Да и как тут промахнуться, если уже на три ладони звездочка расползлась? В этот раз Ленивец ревом не отделался. Захрипел, навалился грудью на бетон бункера, кровью рыгнул, ногти о камень сломал. Заплакал. И сквозь плач, хрип и стон все-таки сумел вымолвить:

— Устоял, Куцый! Устоял! Третий камень давай!

— Ленивец, — Куцый не узнал своего голоса, — о тебе будут сказки рассказывать в поселке...

— Третий камень, Куцый! — почти завизжал Ленивец. — Печет же!

Звезда уже обняла его лучами поперек брюха. Захватила плечи, задницу, начала наползать на капюшон. И чернота в ее центре стала такой, словно весь Ленивец обратился в грязную выгребную яму, дна у которой нет.

— Третий камень, Куцый! — забулькал кровью Ленивец.

— Держи! — размахнулся Куцый.

* * *

Лопнуло что-то перед глазами. Ударило в нос аммиаком, словно минное поле выщелкнуло из себя пехотную гранату, и та подняла из отхожей ямы месячный смрад. И сама звезда, исчезнув, поплыла тысячами звезд у Куцего в глазах.

— Ленивец!!! — заорал Куцый.

Напарник его валялся возле бункера. Лицо Ленивца было в крови, пальцы были в крови, брюхо было в крови. Точнее, брюха *не было*. Перестал Ленивец быть толстяком. Даже стал похож на того Муравья, которого разорвало на втором камне. Но Ленивца не разорвало. Помяло только, высосало да дыхание вышибло. И сердце.

— Стой, сука! — замахал руками Куцый и босиком понесся с бруствера вниз, в траншею, по воде, в бункер, на лестницу, на второй этаж, в караулку, банку с оживляжем и фляжку с водой с собой, и снова — лестница, бункер, траншея, брустер, Ленивец. Сорвал с банки крышку, нащупал один из трех зеленоватых прозрачных шаров, смазал рукавом кровь с лица Ленивца, отжал нижнюю челюсть и сунул оживляж в рот, плеснув туда же воды.

— Сейчас, — зашептал Куцый, оглядываясь. — Сейчас, Ленивец. Ты же не далеко отлетел? Панкрат сказал, главное, чтобы далеко не отлетел, потому как если далеко, то на твое место кого другого притянуть может! Главное, чтобы не далеко. Главное, чтобы оживляж взялся...

Взялся он, чего ему не взяться? Хороший оживляж у Кудра. Щеки у Ленивца начали вздуваться, и правильно, — тот же Панкрат говорил, что оживляж с водой действует. Вздывается по месту применения, а потом уж лопается внутри человека и затаскивает его внутрь. Конечно, если он далеко не отлетел. А если далеко не отлетел, то его и затаскивает. Главное, правильно оживляж применять. Как же его еще правильнее применить? Да не применял его еще Куцый никогда.

Хлопнуло, словно над костром потужился Ленивец. Только не над костром хлопнуло, а во рту у него. И сразу же дрогнули веки, губы разомкнулись, с хлопаньем втянули в себя и кровь, и воздух, и сам Ленивец вдруг заорал голосом Панкрата:

— Ты что творишь, Куцый?!

— Что я творю? — не понял Куцый.

— Что с Ленивцем? Ты идиот, Куцый! Ты оживляешь его, что ли? Ты как оживляешь его, Куцый?! Ты что, не понял, *меня* сюда притянуло! Я теперь и в сторожке, и тут. Я сейчас на две части разорвусь, Куцый. Я с ума сейчас сойду! Ты непра-

вильно оживляешь, Куцый. Рвусь уже. Убей меня, Куцый, а то я тебя сейчас сам убью!

— Как это, убить? — оторопел Куцый. — Это ты, что ли, Панкрат?

— Я сейчас... Ну, Куцый...

Развернулся Ленивец-Панкрат к Куцему, сполз на задницу и неумело, словно младенец в люльке, стал шарить руками по поясу. Нащупал штык-нож Ленивца, вытянул его из ножен и, обиженно глядя на Куцего, саданул сам себя лезвием в шею. Прямо через капюшон. И тут же завалился, хрипя, на бок.

— Ленивец... — растерялся Куцый. — Панкрат... Ленивец... Да как же это? Да что же это? Да я...

Пальцы с трудом вытащили из банки следующий шар. Куцый поднял голову, нащупал второй рукой лицо Ленивца и, прежде чем сунуть оживляж ему в рот, заорал, что было силы, да так, что точно до сторожки долетело:

— Ленивец!!! Домой!!!

Во второй раз хлопнуло сильнее. И глаза у Ленивца открылись быстрее, только говорить он не сразу смог — сначала кровь клокотала в рассеченной гортани. Но оживляж — крепкая штука: пузыри еще шли, а голос уже начал прорезываться. И не голос Ленивца. Совсем не голос Ленивца.

— Куцый! — прошипел Кудр. — Ты неправильно, сволочь, оживляж применяешь! Я убью тебя, Куцый! Я тебя на куски порежу, Куцый! Ты не туда оживляж применяешь, Куцый! Ты, пьяная плесень...

Хрясь! Штык-нож вошел в грудь Ленивца так, словно Куцый нарезал сырую глину, чтобы замазать щели вокруг двери в бункер. И Ленивец-Кудр тут же заткнулся, оборвался на слове «плесень», закатил глаза и забился в судорогах.

— Неправильно я оживляж применяю?! — заорал Куцый. — А как правильно?! А кто меня учил?! Сунули в караулку к Ленивцу, дали ружье с двумя патронами и велели охранять. А кого охранять, от кого охранять, зачем охранять — не сказали! Панкрат только и ляпнул как-то, что вздувается по месту применения и внутри лопается. Как я еще его внутрь засуну? А как мне Ленивец его засовывал?.. Как мне засовывал? —

растерянно повторил Куцый и вдруг вспомнил, как пришел он в себя. Еще удивился сначала, что огонь, пожравший его задницу, исчез, но во рту-то у него ничего не было. Как сосал сухарь, так с сухарем и очнулся. Что же получается, Ленивец ему... туда оживляж совал? И тот же Мякиш как-то обмолвился: откуда вусмерть пришла, туда и высмерть должна стучаться. И что не долбись в окно, если выходил через дверь... Отчего же они тогда с Панкратом ржали? Об этом, что ли, язык чесать не стоит? А Кудр откуда оживляж берет?

Перевернул Куцый странно худое тело Ленивца, потянул вниз ставший огромным мешком для теперь уже поджарого хозяина комбез. Поморщился. Все-таки ужас сделал с Ленивцем грязное дело. Главное, чтобы не узнал никто. Главное, чтобы не узнал, а то ведь засмеют. Прохода не дадут...

* * *

Ленивец открыл глаза через пару секунд после хлопка. Полежал минутку. Потом сел. Поморщился. Покачал головой. Сунул руку под зад, вытащил пальцы, снова поморщился. Наконец молвил:

— Пронесло, парень. А ведь ты прав. Об этом будут сказки рассказывать. Только не поверит никто.

— Ничего, — сплюнул Куцый. — У меня свидетели есть.

— Эй! — раздался из-за бункера голос Мякиша. — Вы где там? Почему наверху?

Куцый и Ленивец полезли на крышу бункера. Мякиш с авоськой с шестью банками консервов стоял на другой стороне бруствера, копыта обстукивал друг о друга.

— Сегодня по перловке и по две кильки. И сухари, — сухо сообщил Мякиш и сморщил лоб. — Да вы что там творите-то? Ленивец, где твое пузо? Почему весь в грязи? Или в крови? Куцый! А ты почему без штанов? Что причиндалами трясеешь? Да чего уж теперь одеваться, ладно. Мне без разницы. А ты ведь и в самом деле куцый, Куцый. Весело тут у вас...

— Дурак ты, Мякиш! — сплюнул Ленивец. — У нас сегодня банный день просто. Сейчас мыться будем. Вот только воду согреем...

3. Симметрия

— Почему у тебя хвоста нет? — спросил Куцего Панкрат.

Давно спросил, Куцый тогда только-только прибыл в сторожку. Постоял он навтыжку перед одноногим Кудром, пустил слюну на богатырскую статью Станины, познакомился с Ленивцем и Мякишем. И вот, после примерки казенного обмундирования, от которого пахло гнильцой, Панкрат и спросил Куцего:

— Почему у тебя хвоста нет?

— А должен быть? — ответил вопросом тот.

— А как же? — удивился Панкрат. Повернулся задом, припустил галифе, показал толстый огрызок над ягодицами, вильнул пару раз. — Симметрия же должна быть. У человека все в симметрии. Две руки, две ноги, два хвоста. Спереди и сзади. Какой-то ты ущербный, братец. Как тебя мамка окликивала?

— Витюня, — сказал Куцый.

— Был Витюней, а станешь Куцым, — закрыл тему Панкрат.

— Хорошо, — согласился Куцый, раздумывая, как же он будет мамке писать? Подпишется «Куцый», а она и будет голову ломать, кто это такой ее мамкой называет? — А голова?

— Что, голова? — не понял Панкрат.

— Голова-то одна! — высказал недоумение Куцый.

— Это да, — задумался Панкрат. — Но так и туловище одно. Однако ж и на голове все сдвоено — два уха, два глаза, два рога, у кого есть, две ноздри в носу, который, по сути, тоже часть головы. Так что, все в порядке.

— А рот? — поддел Панкрата Куцый.

— Рот? — сдвинул брови Панкрат. — Рот один, но пара у него имеется. Под хвостом, как ей и положено. Ежели ты отверстия в учет пускаешь, то с отверстиями их и соотноси.

— А пупок? — прищурился Куцый.

— Какой пупок? — удивился Панкрат. — Здесь, что ли?

Задрал рубаху и показал Куцему впалый живот, на котором не имелось ни пупка, ни какого бы то ни было жирка. Развернулся тогда Куцый, а Панкрат еще вслед ему кричал что-то. Вроде того, что и с головой скоро все наладится: в южном бункере, что за деревней, у одного караульного не одна голова, а две! А если Куцый не верит, то пусть у Ленивца спросит.

Ленивец работал в яме. Выдалбливал консервы из мерзлоты. По многу выдалбливать Кудр не давал. Шипел, что уже пятнадцать лет долбят, второй вагон в замороженном тоннеле вскрыли. Сколько там еще вагонов — неизвестно, так что экономить надо, а то придется на брюкву переходить. Рядом с Ленивцем Станина стояла, деревянной колотушкой по колену себя постукивала, в другой руке светильник держала. Тогда еще Куцый не знал, что Ленивец плохим долбильщиком был, норовил или под ноги банку какую сбросить, или кайлом ее смять, чтобы сожрать потом, как порченую. На этот случай рядом Станина и стояла. И шишки на голове Ленивца тоже на этот случай были. Обычно банки Панкрат выдалбливал или Кудр, но Кудр подменял Панкрата в бункере, чтобы тот мог выдать обмундирование новичку Куцему, поэтому банки выдалбливал Ленивец, а Станина не могла банки долбить, ей стать наклоняться не позволяла.

— Чего хотел, Витюня? — спросил Ленивец, вытирая со лба пот и осторожно трогая свежую шишку на затылке.

— Я теперь Куцый, — сказал Куцый. — У тебя хвост есть?

— Есть, — скривился Ленивец. — Не видишь, что ли? Вот, с колотушкой стоит, прохода не дает. А сама слюну на гречку пускает.

— Я про другой хвост, — надул губы Куцый. — Тот, что сзади. Что для симметрии.

— Для симметрии? — отложил кайло Ленивец. — Насчет симметрии не знаю, но хвост у каждого есть. Вон и у Станины есть, я за ней подглядывал в банный день, точно тебе говорю. Ты чего глаза пучишь? Не, она не глухая, не думай. Она немая. У нее языка нет. С рождения, наверное. Если бы, Куцый, у нее еще и рук бы не имелось, чтобы колотушку в них держать, тогда ей и цены бы не было!

Полез Куцый наверх из ямы, сел на край, плечи обхватил руками, задумался. Вот отчего мамка, когда обнимала его и гладила, всегда повторяла: «бедный мой, бедный»? Из-за хвоста все! Будешь тут бедным. Когда у его приятеля по ребячьим играм мамка обнаружила недостаток других причиндалов, тут же потащили парня к поселковому лекарю. Самогонку в рот лили, ноги раскорячивали, резали что-то, да вытягивали наружу. Вытянули, к счастью. Приятель потом пару недель враскоряку по

улице ходил. А вот хвостом Куцего никто не озаботился. Пиши потом мамке письма, да что толку теперь? Если догадается она, что никакой не Куцый ей письмо написал, а Витюня ее бедный, что ответит тогда? Не в хвосте счастье? Понятно, что не в хвосте, а в симметрии. Панкрат зря долдонить не будет...

Приподнялся Куцый, сунул руку в порты, погладил собственные ягодицы — две, как положено, — нащупал позвоночник, повел вдоль него рукой. Так вот же он, хвост! Вот он, под кожей! Да, не виляет, не загибается, но имеется ведь! Другой вопрос, что наружу не вышел. Так что же теперь, спину рвать? Нет, пусть как есть. Главное, что симметрия в силе, просто хвост — тайный.

— Ленивец! — крикнул Куцый в яму. — А правда, что в южном бункере у одного караульного две головы?

— Правда, — отозвался Ленивец.

— А ты хотел бы, чтобы у тебя две головы было? — спросил Куцый.

Не сразу ответил Ленивец. Сначала молчал долго, потом звякнул кайлом, и сразу загудело что-то, будто Кудр в чулане деревянной ногой кадушку с квашеной капустой задел.

— Если бы две пайки с учетом двух голов давали, то хотел бы, — простонал, наконец, снизу Ленивец. Да так, словно по ноге кайлом себе заехал. — А если как в южном бункере, то не хотел бы. Тому двухголовому пайку одну дают, а караулит он в бункере за двоих. Да еще и ругается сам с собой все время.

— А чего делит-то? — не понял Куцый.

— Да разное: то кому мусор выносить, то кому посуду мыть, то кому шутихи камнями забрасывать...

4. Придурок

— Симметрии в них нет, — объяснял Куцему Ленивец. — Первое, чем придурок отличается от человека, так это тем, что у него симметрии нет.

— А Панкрат сказал, что первое, чем отличаются придурки, что они оттуда идут, — тыкнул пальцем в бойницу Куцый. — Из поселка придурки никогда не идут, только оттуда.

— Это точно, — согласился Ленивец и с завистью посмотрел на банку гречки, которую Куцый старательно паковал в железный ящик с замком. Ведь сходил, паршивец, на дальнюю воронку с маслом, с час кошку на веревке бросал, пока ящик не выволок! Панкрат тот ящик Куцему сдал. Сам, сказал, что видел, как ящик из стены воронки в масло вывалился. И мало того, что ящик сдал, так еще и замок Куцему подарил. Теперь Куцый гречку в ящик кладет и на замок запирает. Ленивец уже все ногти о тот замок обломал, а сбивать его топором нижняя симметрия не дает, жметесь. Панкрат пригрозил Ленивцу и зубную симметрию нарушить, если тот и дальше обжираться Куцего станет. А если замок сломает, так и вовсе в придурки запишет...

— Это точно, — повторил Ленивец, — но симметрия тоже важна. Она ж не вся видна. В голове должна быть симметрия. Да и не только в голове. Ты приглядишься к этим придуркам, у каждого чего-то не хватает. Кудр сказывал, что раньше, когда придурков было больше, чем мышей на сеновале, даже безголовые попадались.

— Как это, безголовые? — похолодел Куцый.

— А так, — пожал плечами Ленивец. — Идет такой придурок, как петух без головы. Только петух, если его хозяйка подрубит, недолго по двору бегает, а придурок может неделю бродить, пока не упадет.

— А отчего он падает? — не понял Куцый.

— По-разному, — вздохнул и снова облизнулся на ящик Ленивец. — Споткнется, там, или в траншею упадет. Опять же, на минное поле забредет. Но в основном — от истощения. Если у него головы нет, то и рта нет. А без рта долго не проживешь. Еду-то некуда класть...

И вот теперь на краю минного поля стоял придурок. Куцый уже видел пару раз придурков, но больше издали, потому как недавно он караул нес с Ленивцем, и года еще не прошло. Это раньше, когда траншею только начали расчищать, придурков было полным-полно, а теперь если где они и попадались, то только за минным полем. Хотя Панкрат врал, что все, кто в поселке есть, все из придурков. Никого после войны не осталось. Сначала громынуло, потом поджарило, потом всякая пакость

с неба полилась. Затем все тучами заволокло, а там и вовсе так приморозило, что обычная зима летом могла бы показаться — ледовуха накатила. А то откуда лед под землей мог взяться? Сотню лет примораживало, если не тысячу. А не веришь, Куцый, сходи, посмотри, как Кудр консервы в яме выдалбливает...

Ходил Куцый, смотрел. Да, лед под землей имеется. На два роста Куцего нет льда, а дальше — лед. И вагоны во льду, а в вагонах — консервы. Только все равно врет Панкрат. Думает, раз Куцый из поселка, то ему можно всякую пакость в уши заливать? Ведь если после той войны никого не осталось, то кто же Панкрату мог все это рассказать? И про войну, и про пакость с неба, и про тысячу лет зимы? Нет, про войну догадаться можно: и минные поля кругом, и ржавчина всякая в земле попадает, и, опять же, бункер оплавленный, воронки. А про зиму?

Да и что спорить! Разве за тысячу лет зимы хоть кто-нибудь выжил бы? Люди ж — это не банки в вагонах. И коровы, овцы, кошки, собаки — тоже не банки. И воробьи четырехкрылые не банки, и синицы ядовитые, и бабочки, из крыльев которых мамка Куцего в поселке кошельки шьет, тоже не банки. Нет, не сходится что-то в рассказах Панкрата. Зря Кудр говорит, что Панкрат самый умный не только от восточного бункера до западного, но и от южного до того самого, в котором сейчас Куцый сидит и на придурка на краю минного поля смотрит. Что же тогда Кудр деревянной ногой Панкрата бил, когда тот к Станине в кладовке пристал? Разве можно умного деревянной ногой бить? Или Кудр себя даже умнее Панкрата считает? Наверное, Кудр и в самом деле умнее, потому как был бы Панкрат умнее, то Панкрат бы Кудра с Мякишем на караул отправлял, а пока что Кудр Панкрата с Мякишем отправляет. Панкрат не любит с Мякишем, говорит, что от него козлом пахнет, а Мякиш только смеется и по голове себя стучит. Звук получается еще звонче, чем когда Станина Ленивцу башку колотушкой отстукивает. У Мякиша под колпаком два желтоватых пятна. Спилил себе рога Мякиш. Спилил и продал на поселке. Лекарь их купил, сказал, что порошок из тех рогов от болей в спине помогает. А Мякиш еще врал, что голова у него мерзнет, потому как зимой колпак не может из-за рогов на голову на-

хлобучить. И Пакрат тоже врет. Умный, вот и врет. А когда Ленивец врет, сразу видно, что врет. Говорит, что не трогал ящик Куцего, а сам губу лижет, за которой симметрия пока что не нарушена, да ногти поломанные прячет...

— Послушай, — задумался Куцый. — Вот Панкрат говорил, да и ты мне подливал ненароком, что все эти шутихи от того, что от взрыва мир на куски порвало. Так?

— И что? — пробормотал Ленивец. Уставал Ленивец, когда Куцый вопросы начинал задавать. Мозги Ленивцу приходилось переключать. То он о еде думал, а то о какой-то ерунде приходилось размышлять.

— И что же получается? — тарасился в бойницу Куцый. — Мир разорвало на куски, а потом приморозило и присыпало? И лежали все эти шутихи примороженными тыщу лет? А потом стали оттаивать и понемногу разлетаться? Или они и до сих пор еще оттаивают?

— Слушай, Куцый! — заныл Ленивец. — Отстань ты от меня!. Лучше ключ от замка на ящике дай. Я им поиграюсь и обратно тебе верну. Зачем тебе замок на ящике? А вдруг ключ потеряешь, а гречка внутри ящика вздуется? Пропадет же хавка, жалко!

— Не пропадет, — угрюмо заметил Куцый и спрятал ключ на шнурке за ворот. — И не потеряю... Я на крышу бункера вылезу. Хочу на придурка поближе посмотреть.

— Да чего на него смотреть? — вовсе выкатил слезы на щеки Ленивец. — Он же придурок!

— Интересно, — бросил Куцый, прихватил ружье и полез в люк.

Неудобно с ружьем лезть, длинное оно. Длиннее, чем сам Куцый. Но без ружья боязно. Понятно, что в ружье всего два патрона, но два патрона лучше, чем ни одного. Вот в ружье у Ленивца ни одного патрона не осталось, хотя и ружье у него покороче, и патроны туда не по одному вставляются, а магазином. Но Ленивец, по слухам, года три назад на мертвяка охотился, тогда и патрон потратил. И как ему только Кудр голову за патрон не оторвал? Их же отыскать еще труднее, чем банки консервные...

Вылез Куцый на бруствер, а потом и на крышу бункера перебрался. На лужу застывшего металла садиться не стал: солн-

це палит, нагрелась лужа — и ватные штаны от ожога не спасут. Эх, был бы у него бинокль, как у Мякиша, в подробностях бы придурка рассмотрел! А так только и видит, что симметрии в нем нет. Ноги, правда, две, и руки две, а колпак на голове — без симметрии. С одной стороны гладкий, а с другой торчит что-то вроде навеса над крыльцом в сторожке. И глаз у придурка нет, вместо них что-то черное, и блестит. А рот-то у него есть? Есть, вроде. Чего ж он молчит тогда? Панкрат говорил, что иногда придурки очень даже связные слова говорят, но поддаваться им нельзя. Правда, если что понятное говорят, то надо Кудра звать, а если непонятное, то лучше гнать их, куда подальше. Или под шутиху их подвести.

— Икьюзвэйгот?

Ну, точно, гнать нужно подальше. Под шутиху бы его, но нет шутих, как назло. Мало их, когда солнце палит, мало. Вот в дождь — самые шутихи. А в солнце другая пакость, кожа слезает. Куцый, конечно, тряпицу на голову накинул, рукава у рубашки приспустил, но рассиживаться на крыше бункера не след, надо прогнать придурка.

— Иди! — крикнул ему Куцый и рукой махнул вправо, в сторону минного поля; кто знает, вдруг там еще мины остались?

— Ботинки на нем посмотри, ботинки! — заорал из бункера Ленивец.

— Айдидандэстэдювэй? — вновь подал голос придурок.

— Бормочет еще что-то, пес! — выругался Куцый и снова замахал рукой вправо. — Иди! Туда иди!

— Зэа? — протянул руку в сторону придурок. И в самом деле задрал ногу, колючую проволоку под нею пропустил, сделал шаг на минное поле.

— Айвентбайзекарэндсадденлитапиредхэ.

— Собака и то понятнее лает, — вздохнул Куцый и еще сильнее замахал рукой. — Иди-иди. И на меня. На меня давай.

— Ес, — отчего-то обрадовался придурок и побежал по минному полю. Хороший придурок, свежий. Еще не обтрепался и на солнце не обгорел. Только рожа покраснела, но кожа клочьями слезать еще не начала. И одежда пока новая: синие штаны, рубашка. Только вот рубашка плохая, с коротким рукавом. Нельзя в такой рубашке под солнцем ходить.

Бежит и ведь лопочет что-то. А ботинки новые, блестят. Хорошие ботинки.

— Вэлнаайвилэксплэйнэврисинтуюайнидтукомюникейвиз...

Наступил-таки. Щелкнуло так, что сразу стало ясно: не все еще перепахали кроты, уцелела, красавица. Во всю мощь рвануло, Куцый даже с бункера свалился. А когда вновь поднялся, да землю с себя стряхнул, придурка уже не было. И то сказать, тут бы никакой оживляж не помог. Да и стоило бы тратить его на придурка? Теперь, главное, пока Ленивец будет из бункера вылезать, первым до останков добраться. Идти да принимать-ся, мало ли мин могли на взвод встать?

Перешагнул Куцый через проволоку и пошел сберегаясь, вперед. Вот рука придурка валяется. Обычная рука, в крови. Правильно говорил Панкрат, что в основном придурки ничем не отличаются от нормальных людей. Но этим-то они и опасны! «Представь себе, — говорил Панкрат, — что поселковые собаки все стали придурками. То есть перестали вилять хвостами, кости с земли подбирать и банки облизывать, а вместо этого стали разговоры с тобой разговаривать, за стол садиться и одежду носить?»

Нет, это никуда не годилось. Ладно бы еще Шарик, который у мамки под домом жил. Ну, знал бы с десяток слов, и ладно, а за стол, да еще и в одежде, — не нужно такого удовольствия! Да и десяток слов лишком был: с десятком Шарик такое мог мамке рассказать, что сам Куцый бы забыл все слова сразу.

Так, вот еще одна рука, а от ног ничего не осталось. Разнесло все. Ботинки в клочья, не повезло Ленивцу. И от черных глаз тоже одни осколки, а вот колпак, вроде, уцелел. Только вымок, потому как в траншею отлетел. Однако если этот навес не над ухом ставить, а надо лбом, то и симметрия не нарушится.

— Нет ботинок, — развел руками Куцый, возвращаясь к бункеру.

— Ладно, не зима вроде. Потерплю до следующего придурка, — вздохнул Ленивец и тут же засмеялся: — А ты, Куцый, и сам как придурок в этом колпаке!

И неделю не проходил худым Ленивец — опять на нем комбез трещит. Скоро бункер затрещит. И когда только отожраться успел? Или все-таки вскрыл ящик с гречкой?

— А ну-ка, Куцый, скажи что-нибудь, как этот придурок лоптал, я чуть не лопнул от смеха в бункере.

— Ес, — сказал Куцый и повторил еще раз. — Ес. Ес.

— Ес! — закатился от хохота Ленивец.

5. Охота на мертвяка

Странное это дело: патрон Ленивец потратил, когда петлю из ружья Куцего на ящике отстрелил, пока сам Куцый облегчаться ходил, вынул и сожрал гречку, а Кудр наказал поровну, что Куцего, что Ленивца. Заставил траншею чистить от бункера и до самой Пущи. И ладно бы днем, а то ведь ночью! Днем он разбирался с обоими — у Куцего за ротозейство колпак с козырьком отнял, а Ленивцу деревянной ногой пятки отколо-тил. Ленивец теперь доволен, ведь пятки у него, что железо, только у Мякиша копыта крепче. Ему — что самому ходить, что по нему ходят, все едино. И Панкрат теперь симметрию Ленивцу не нарушит — два раза за один промах не бьют. Теперь вот траншею надо очистить. А что ночью можно увидеть? Только железные грибы, что по границе плещи. Светятся они по краю, словно лампы закопченные, хотя и чистые у них шляпки. Ленивцу легче, он в темноте видит, хотя кроме этого и не умеет ничего, а Куцый, мало того что не видит ничего, да еще нос разбил, когда бежал от отхожей ямы обратно в бункер. Подумал, что застрелился Ленивец. Бежал и думал, что оживляжа нет, значит, не сможет оживить Ленивца. Был бы оживляж, пришлось бы в порты к Ленивцу лезть, поэтому хорошо, что нет оживляжа. Прибежал, а Ленивец живой сидит и только штык-ножом банку скоблит. И все равно не стал бы Куцый Ленивца закладывать, но тут как раз Мякиш появился. А у Мякиша ничего в голове не держится, голова у него, что ладонь его с дыркой от напалма: чем крепче кулак сжимаешь, тем скорее спрятанное через дырку выскакивает. Разболтал Мякиш, Кудр тут же прискакал, и началось. Стой теперь в траншее и маши в темноте совковой лопатой. Не добросишь, с бруствера на тебя же и свалится, и ладно, если грязь. А если то, что Ленивец до отхожего места не донес?

— Поганец ты, Ленивец, — бормотал Куцый. — Так-то вроде не дурак, а как еду увидишь, ну чисто придурок!

— А ты не оставляй припасов, — скулил в ответ Ленивец. — Нельзя припасы оставлять. Еда для того, чтобы есть ее, а не для того, чтобы в ящик или в ячейку ныкать. И человек для того, чтобы еду есть. Вот еда, а вот едок, чего ныкать-то? Или сам ешь, или пусть Мякиш обратно несет. Если бы Мякиш обратно унес, сейчас бы мы в бункере с тобой сидели, кости на щелканы раскатывали. А мы вот в дерьме копаемся, траншею чистим от бункера и до утра.

— От бункера и до плечи, — поправлял Ленивца Куцый. — Кудр велел до плечи чистить.

— Я и говорю, до утра, — бормотал Ленивец. — Потому что никак мы до плечи раньше утра не успеем.

— И в дерьме я копаюсь, а не ты, — поправил Ленивца Куцый. — Дерьмо-то твоё, значит, для тебя оно и не совсем дерьмо.

— Дерьмо — оно по-любому дерьмо, — не согласился Ленивец. — Оно мое вот только когда во мне, или сразу после. А чуть полежало — уже не мое, а обычное дерьмо. И мне его, тем более с водой размоченное, на бруствер закидывать никакого удовольствия нет. Тем более, что у тебя, Кудр, ботинки прорезиненные, а у меня сапоги — кирзовые, они воду пропускают, и теперь у меня ноги сырые.

— А ты бы не жрал чужую гречку, и ноги бы у тебя сухие были, — отвечал ему Куцый.

— А ты бы не заглядывался на Станину, и сам бы гречку ел, — бормотал Ленивец. — Тогда бы и ноги были сухие, и я бы по пяткам не получил.

— Ты же боли не чувствуешь? — поддел Ленивца Куцый.

— Я в пятках не чувствую, — признался Ленивец. — А в голове — очень даже. Когда Кудр меня по пяткам бил, я головой о край бункера стучался. Очень больно было. Подумал даже, что еще пару раз ударит, я и вовсе в обморок отъеду. И что тогда делать? Оживляж же закончился...

— Да, — задумался Куцый. — А откуда Кудр оживляж берет?

— А ты не знаешь? — удивился Ленивец.

— Нет, — признался Куцый. — Ты же не рассказал мне в прошлый раз.

— А банку гречки дашь, если Мякиш еще принесет? — спросил Ленивец.

— Не, — не согласился Куцый. — Кильку дам. А гречку не дам. Она мне самому пригодится.

— Да не даст тебе Станина! — Ленивец в сердцах выпрямился, темной тушей последние ночные проблески с неба загородил. — Грудь потрогать, может, и даст, а больше — ничего. Ты бы Панкрата спросил, много ли он со Станины удовольствия получил?

— Много? — переспросил Куцый.

— Да несколько! — плюнул Ленивец. — Думаешь, Кудр ее для себя сберегает? Она ему оживляж делает.

— Как это? — не понял Куцый.

— А так, — пожал плечами Ленивец. — В поселке бабы детей рожают, а Станина яйца откладывает. Оттого Кудр и трясется над ней. Он их на холод сразу тащит и выдерживает там. Месяц держит. Я видел сетку с яйцами, когда банки выдалбливал. Через месяц из тех яиц оживляж и получается. Понял?

— Пснял, — ошарашенно пролепетал Куцый. — Так она вроде как... курица?

— Какая же она курица? — не понял Ленивец. — Думаешь, курица стала бы меня по затылку колотушкой стучать? Она баба, но с яйцами. Обычная баба, только яйца несет. Нет, по-первости, когда Кудр узнал о таком деле, она еще стройной девчонкой была. Мне Мякиш по секрету рассказывал. Мякиш старый, это он только кажется молодым, а так-то он почти как Кудр. Вот Кудр и разрешил ей первое яйцо высидеть. Ну, как курица высиживает. Понятно, что она сесть на него не смогла. В ладонях носила, ныла о чем-то. Языка-то у нее с рождения нет, вот она и ныла. Улыбалась еще. А потом из яйца вылупился Панкрат.

— Кто вылупился? — не понял Куцый.

— Панкрат, кто еще, — ответил Ленивец. — А ты не знал, что ли? Ты видел, что у него пупка нет? Это потому, что он из яйца.

— Подожди! — вовсе отбросил лопату Куцый. — Но Панкрат же большой, а оживляж — маленький.

— И яйцо было маленьким, — уверил его Ленивец. — Панкрат, когда родился, вроде цыпленка оказался. Она его тоже в ладонях носила. Кормила из пипетки. Вот и выкормила на свою голову. А теперь он на нее и смотрит, как петух на курицу. Если бы не Кудр, давно бы оседлал...

— Подожди, — замотал головой Куцый, поморщившись от вони. — Но как же оживляж оживляжем сделался?

— Этого я не знаю, — вздохнул Ленивец. — Мякиш об этом не рассказывает. Но Панкрат как-то обмолвился, что этот Мякиш и сам вроде Станины, хоть и с копытами и с симметрией. И что он никакой Мякишу в его станинском деле не помощник. И что одна польза от того, что Мякиш — вроде Станины, что пихает в себя разное. А тут как раз его лихоманка скрутила, так вот он первый оживляжем и вылечился. Хотя поначалу просто яйцо у Кудра спер и холодненькое в себя пихал.

Тошнота подступила к самому горлу Куцего. Хотел тут же выворотить себя наизнанку, но не смог. Только глаза начал тереть. Не хватало еще прямо вот тут в грязной траншее уснуть! А может, ну ее, эту Станину? И не говорит ничего, только мычит. И деревянная нога у Кудра тяжелая. А у Панкрата пупка нет. В поселок надо возвращаться. Конечно, консервы — дело хорошее, но зато траншея — дело плохое.

— Ленивец, а ты почему в караульные пошел? — спросил Куцый напарника. — У тебя же отец на поселке, вроде как, кузнец? Богатый мужик.

— Бил он меня, — признался Ленивец. — Ленишься не давал. А как же я не могу лениться, если я Ленивец? Вот я и ушел. Да и потом, есть еще одна причина. Только она редко повторяется.

— Ты о мертвяках, что ли? — вспомнил Куцый. Панкрат рассказывал, что Ленивец только из-за мертвяков остался. Что слаще добычи от мертвяка ничего нет. И хотя добычу от последнего мертвяка уже два года назад доели, Ленивцу до сих пор мертвячья тошнота чудится. — Тебя от мертвечины, что ли, рвет?

— Дурак! — постучал себя по голове Ленивец. — Тошнота — это знак! Перед тем, как мертвяк появляется, тошнота подступает. А потом уж никакой тошноты, только сладость.

— А еще я слышал, что мертвяки все шутихи делают, — вспомнил Куцый. — Мякиш говорил, что если бы не шутихи, то ничего и никого бы вокруг не было. Что вымерзло все кругом, а потом шутихи пошли, и все начало возвращаться. Что эти шутихи, вроде как, сита, из которых бабы брюкву в деревне сеют.

— Нашел, кого слушать! — поморщился Ленивец и едва и сам сдержал тошноту. — Нет веры человеку, который неизвестно что в себя пихает. Ты лучше скажи, Куцый: тебя, случайно, не тошнит?

— Тошнит, — признался Куцый. — И в сон клонит.

— Точно клонит? — словно окаменел Ленивец. Приподнялся, подпрыгнул, в края бруствера руками уперся, шею вытянул — откуда только ловкость образовалась? — и вдруг присел и зашептал так, словно Кудр за поворотом траншеи присел по нужде: — Тряпку, тряпку! — Ленивец бормотал и лез куда-то в карман комбеза. — Тряпку взять и помочиться на нее, да под нос, иначе уснешь и ничего не увидишь. Так меня Кудр учил. Быстро, Куцый, быстро, а то все проспишь!

— Что быстро? — не понял Куцый.

— Быстро в бункер! Ружье свое с последним патроном тащи! — зашипел Ленивец. — Да на платок помочись и дыши через него, а то уснешь сейчас! Мертвяки газ в траншею пускают, чтобы мы спали и не охотились на них. Знал бы ты, Куцый, скольких я уже мертвяков проспал! Мы бы и теперь спали, но мы траншею чистим. Кудру спасибо, что траншею чистим. Кудру спасибо! Да беги же, Куцый!!!

Пулей полетел Куцый по траншее, даже прорезиненные башмаки залил. Заскочил в бункер, схватил ружье, вывалился опять в траншею и назад помчался. На бегу думал, что не охотился он никогда на мертвяка и даже не знает, как на него охотиться, потому как последнего мертвяка доели еще до того, как Куцый караульным стал. И каково это — мертвяка есть? Не будет ли его тошнить от мертвечины? Может быть, лучше на гречке и кильках остаться?

— Вот он! — прошипел Ленивец. — Не зря я эти железные грибы отстукивал. Приманил-таки!

Выглянул из траншеи Куцый, зажимая лицо вонючим платком, и чуть обратно в траншею не свалился. Впереди, в сотне

шагов, на самом краю плечи, у одного из железных грибов, сидела, растопырив ноги, огромная стальная муха. Такая огромная, что размерами с бункером могла бы сравняться. Сидела и светила во все стороны глазами-огнями, лучи испускала. А возле гриба, по которому Ленивец иногда стучал, стоял то ли придурак, то ли еще кто. Шляпку железного гриба он поднял, светящееся нутро вывернул и в этом нутре копался. Ноги у него были белые, руки белые, туловище белое, а на голове словно огромный оживляж был надет — белый и матовый. И под руками, которые нутро гриба потрошили, искры мелькали и огонечки вспыхивали.

— Подманил-таки, подманил, — радостно прошипел Ленивец и потянул к себе ружье Куцего.

— Стой! — выдернул у него ружье Куцый. — Мое ружье! Где мертвяк-то? Муха — мертвяк? А то я кроме мухи только придурка какого-то вижу, а придурков убивать нельзя. Их нужно на минное поле заводить или в шутиху заманивать.

— Сам ты придурок! — прошипел Ленивец. — Это и есть мертвяк. Вон, в белом который.

— И его вы ели? — ужаснулся Куцый.

— Стреляй, Куцый! — заскулил Ленивец. — Стреляй в него, а то мы тебя съедем. Если Кудр узнает, что мы мертвяка упустили, он не мне, а тебе пятки деревянной ногой отстукивать будет!

Поморщился Куцый. Даже смотреть было больно, как Ленивцу пятки отстукивали, а уж на себе это испытать и вовсе не хотелось. К тому же не железными пятки у Куцего были, обычными. Еще матушка, когда он был маленьким, щупала его пятки, ладони, все тело пальцами проходила и причитала:

— Правильный мальчик-то какой, со всех сторон правильный! Лишь бы придурок из него не получился, а так-то совсем правильный!

«Как же может получиться придурок из человека, который и не придурок вовсе?» — подумал Куцый. Поймал на мушку мертвяка в белом и медленно-медленно потянул на себя спусковой крючок, об одном думая — чтобы патрон не подвел. Ведь патрон-то — последний! Если подведет, и убиться будет нечем. А деревянная нога у Кудра такая тяжелая, что лучше уж убиться...

Выстрел громыхнул так, что в ушах заложило. Мертвяк замер, захлопнул гриб и опрокинулся на спину. Завыло что-то, огни замелькали, зажужжало что-то высоко над головой.

— Пошли! — прохрипел Ленивец и полез на бруствер.

Трудно полез, — поддон-то у бункера остался, — но вылез. Наверное, очень хотел вылезти. За ним и Куцый выбрался. С ружьем наперевес пристроился, в котором уже ни одного патрона не осталось.

— Медленно иди, — предупредил его Ленивец. — Когда охотишься на мертвяка, главное — все медленно делать, чтобы добычу не спугнуть.

— Так вот она, добыча, — ткнул перед собой ружьем Куцый.

— Нет, приятель, — поморщился Ленивец. — Ничего ты не понимаешь в добыче. Добыча еще только летит. А это мы с тобой приманку подстрелили. У мертвяков всегда так — половина охоты — приманку подстрелить, вторая половина — добыча. Добыча прилетает, когда приманка подстрелена. Но мертвяк очень умный, поэтому и попадает редко.

Они успели пройти шагов двадцать. Потом в воздухе что-то загудело, засвистело, рядом с одной мухой присела еще одна и тоже растопырила глаза-лучи. А потом из второй мухи высунулось жало размером с Ленивца и пукнуло. Выдавило из себя что-то блестящее и яркое. Взлетело это блестящее под уже светлеющим небом и осыпалось сухим и ярким дождем. Как градом застучало по низкой траве. А над дождем поплыли под желтыми пленками яркие светляки, да так, чтобы назначенную добычу Ленивец и Куцый точно не пропустили.

Куда только ленивость Ленивца делась? Как козленок поскакал к добыче и начал сгребать в кучу. Да разве такое сгребешь, если куча должна получиться чуть ли не с самого Ленивца!

— Жри! — заорал Ленивец Куцему, поднимая с травы что-то блестящее, срывая с этого блестящего кожуру и отправляя темное ядрышко внутрь. — Жри! А то сейчас Кудр прискачет — светляков издалека видно. Много не съешь, но что съешь, все твое. А Кудр прискачет, и прощай, мертвяк! Будешь получать по крошке, хотя тут надолго хватит, надолго!

Куцый наклонился, поднял с травы блестящую крупичу добычи. Пошевелил ее в пальцах, ошелушил от кожуры, потро-

гал коричневый кругляшек, поднес к носу, дуря от невозможного, чудесного запаха, и положил в рот. Куда там Станине! Сначала по языку потекла сладость, потом другая сладость, потом третья, потом что-то или ореховое, или медовое, потом снова сладость, и все это вместе сделало Куцего счастливым. Пусть ненадолго, пусть только на языке, но — счастливым. Как же хорошо, что не стал он придурком, как же хорошо!

Куций посмотрел на свое бесполезное ружье, отбросил его в сторону, обернулся, покачиваясь, к стальным мухам, и увидел, что из них вышли еще несколько мертвяков. Двое из них кладут упавшего мертвяка на странный топчан с ручками и заносят в одну из мух, а еще один стоит у гриба и смотрит на Куцего, смотрит...

— Аааа! — разнесся со стороны сторожки вопль Кудра.

А затем и стук копыт Мякиша послышался. Мякиш очень быстрый. Мало кто может его обогнать...

Андрей Гребенщиков

МУТАНТЫ УЧАТСЯ ЛЕТАТЬ

А небо ласковое на вид! — жаль только издалека.
Рожденный ползать легко взлетит от правильного пинка
И осознает, что был не прав, стремясь оторваться от
Земли, с зеленой циновки трав пустившись в дурной полет.

Любуясь видом на мега-высь, лежащий на облаках.
Дерзнувший реять нагадит вниз, познав наконец-то страх.
Пускай не сед он и безбород, но выучит вмиг одно:
Что притяженья не побороть, и участь упавших — дно.

Смирись, ведь выбрать одно из двух за нас успевает бог.
Упавший наземь испустит дух, прокашляв: «А вам слабо?»
Вновь смоят хлынувших слез ручьи мечту голубых небес.
Диспетчер смену закончит и, усталый, пойдет к себе¹.

— **М**истер Мутото, давай, пошел! Разбег! Крыльями работай, крыльями! Сильней маши, сильней, ядрена ложноножка!

Маленькое синекожее существо, подгоняемое задорным нецензурным криком, несло по утесу, отчаянно перебирая тремя лапами.

— Шасси убирай, debil, шасси!

Существо ускорилося и, забавно переваливаясь с боку на бок, рывком поднялось на задние лапы, при этом поджимая под себя единственную переднюю конечность.

¹ Стихотворение Майка Зиновкина «Рожденный ползать».

— Хорошо! Направление держи, корпус ниже! Крыльями энергичнее! Раз-два, три-четыре, раз-два, три-четыре!

Тот, кого называли Мистер Мутото, послушно замахал двумя парами куцых крылышек, торчащими из его жилистой, костистой спины.

— Синхронней! Синхронней, говорю! Ноги, крылья, движение корпусом! Голову втяни! Беги, синезоный, беги!

Когда до обрыва оставалось не больше десяти метров, раздалась громкая, отчетливая команда:

— Отрыв от земли! Крылья на полную мощность!

Существо в три прыжка преодолело остаток пути и, бешено работая малахольными крылами, рванулось в воздух. Маленькое, несурзное тельце на миг застыло между небом и землей, а затем...

— Минус один, — удовлетворенно пробормотал седой человек, несколько секунд назад надрывавший горло в крике. Он проводил взглядом Мутото, чей недолгий полет быстро перешел в стремительное пики. — Гравитацию не обманешь, сучье племя...

Седой извлек из-за пазухи скомканный лист бумаги, без труда отыскал строчку с именем незадачливого летуна — тот шел первым в списке — и уже собрался было вычеркнуть из живых, как вдруг устыдился собственной поспешности. «Не полюдски это».

Терпеливо дождался, пока истощный визг затихнет где-то далеко внизу, и лишь тогда толстой карандашной линией исключил новобранца Мутото из Летной Дважды Краснознаменной Школы имени Кавалера Ордена Дружбы Народов первой степени товарища Михалыча.

Самопровозглашенный кавалер ордена дружбы народов, а это был именно он, в глубокой задумчивости терзал зубами несчастный карандаш. Дурная привычка, вредная во всех смыслах: и зубы уже не те, что раньше, и писчие принадлежности нынче в большом дефиците. Однако не зря привычку называют второй натурой — стаж непрерывного карандашегрызения уступал солидному возрасту Михалыча лишь в самой малости. Разница составляла один год — именно в годик у юного Михалыча прорезались первые зубы, а у родителей был похищен и закусан до смерти «дебютный» карандаш.

Нехитрая процедура естественной обработки дерева, энергичности которой мог позавидовать любой довоенный бобер, благотворно влияла на мыслительные способности Михалыча. Сейчас он внимательно просматривал список оставшихся (пока еще) учеников и мучительно вспоминал, за кого из них ему был вручен богатый, приятно побулькивающий во фляжке магарыч.

— Вот ведь сучье племя! Кто ж с утра-то дары заносит, придурки вы мохноногие? — Михалыч в сердцах сплюнул карандашной стружкой. Осточертевшее состояние «Пяти П» (Проклятые Пьянство, Похмелье и Провалы в Памяти) начинало доставлять нешуточные проблемы. Все просто — отправишь в полет проплаченного имбецила и наживешь себе смертельных врагов в лице пары породивших его уродов... Хотя, какие там лица — сплошь страшенные хари да жуткие морды!

К глубокому и искреннему сожалению Михалыча, карандаш, сгрызенный уже наполовину, никак не желал стимулировать прохудившуюся память. Пришлось обратиться к логике. Старик еще раз пробежался по списку из двадцати — нет, уже девятнадцати — нечеловеческих имен. Напротив большинства из них стояла рукотворная пометка «ОТК». Пока сучье племя не научилось читать, он писал полностью — «ОТКАТ», однако, когда самые пронырливые рожи повадились заглядывать в его записи, ОТКАТ пришлось сокращать до более дипломатичного ОТК: «Отклонен Товарищем К». Кто таков «товарищ К.», пронырливых рож никогда не интересовало, главное, что их уродливое чадое освобождалось от «всеобщей (ха-ха и еще три раза ха!) полетной подготовки».

Спасительной отметки «ОТК» не имело пятеро — Янки Дудль, Лох Несс, сестры Ванилька и Вазилинка, а также Ашотик. Кого же из них откатали в последний момент? Михалыч нахмурился и в очередной раз мысленно обругал самого себя: «Во время надо проставлять откаты, во-вре-мя! Старый кретин!»

Логика подсказывала, что за сестер полагался двойной магарыч, тогда как в наличии имелся лишь один-единственный. «Значит, этих страшил исключаем и немедленно отправляем в полет. Уже легче».

— Девочки! Ванилька, Вазилинка! Объявляется трехминутная готовность к старту!

В толпе юных страхолюдин (вернее, страхоНЕлюдин), что все это время молча стояли за спиной Михалыча, пронесся рык облегчения. Именно рык, вздыхать местная публика не умела — изуродованная радиацией гортань тупо не позволяла. Упирающихся сестер немедленно и без лишних разговоров вытолкали к «взлетной» полосе, где и бросили рыдать в двуедином одиночестве.

— Ну-ка, цыц, горлопанки! — Михалыч с удовольствием сменил затянувшуюся растерянность на праведный, чуть театральный гнев. — Устроили, понимаешь, панихиду средь бела дня. Церемония первого полета — это огромная честь и невероятное доверие, которое вам оказывается всем... — старик с трудом остановил рвущееся на свободу «стадом», своевременно заменив его на нейтральное «племенем». — Да, именно всем племенем. В вас верят родители, друзья, в вас, наконец, верю я, Небесный Странник!

Михалыч не любил пафосных речей; обычно при упоминании собственного прозвища его тут же пробивало на дурацкий смех, смущавший синекожих слушателей, либо на исполненную горечью ухмылку, скрывающую жалость к самому себе. Авантюрный полет на ветхом дельтаплане через территорию, захваченную мутантами, предсказуемо закончился катастрофой. Много лет назад он — тогда еще далеко не старик, а отчаянный, бесстрашный пилот — рухнул с неба сюда, во владения синезоных чудовищ. Вопреки здравому смыслу и законам физики выжил. Даже стал для местных неким видом падшего божества, ниспосланного сверху, чтобы учить летать сухопутное племя, по какой-то странной мутагенной прихоти наделенное крыльями. И вот он — мелкий божок, посаженный на железную цепь, ежегодно, в День Взросления, отправляет юных уродцев в полет. Первый и всегда последний. Рожденный ползать, ну, и далее по тексту...

Михалыч усилием воли прервал поток воспоминаний. Пора бы оставить мысли о доме. Все это было слишком давно, нужно смириться со своим жалким мелкобожественным существованием...

— Так, синедевецы, расписные крысявицы, а чего это я перед вами распинаясь?! Ванилька, ну-ка быстро повтори, чему вас учили в дважды краснознаменной школе имени меня!

Ванилька заливалась краской — кислотная зелень проступила сквозь природную синеву уродливой кожи. Впрочем, цветовая пертурбация не помешала ей выпалить зазубренное и повторенное многократно поверье:

— Придет назначенный Судьбою день, наступит час урочный, и средь сынов и дочерей народа нашего родится избранный, чьему крылу покорится небесная твердь, и поведет он за собой все племя великое, и подчинится ему высь, земля и нижние пределы...

Старик доброжелательно кивал головой в такт велеречивым словесам, внимательно слушая самолично придуманную когда-то пьяную белиберду. А что, даже мелким божкам полагаются предсказания, видения и откровения!

Но дослушать вдохновенный бред ему не дали.

— Ээ, братка, слышишь? Уважаемый, базар ест!

Михалыч собирался было вспылить, за то что его отвлекают от важных дел, но, узнав своего единственного любимца, обитающего в здешних дурных краях, сменил гнев на милость.

— Вазген Вартанович, вай-вай, зачем так нихарашо пасту-паэшь? — старик откликнулся в тон любимцу. В свое время он потратил уйму времени, обучая того «русско-кавказской» речи, зато сейчас пожинал плоды своих трудов: каждая беседа с местным полиглотом неизбежно улучшала настроение, вне зависимости от темы разговора. — У нас тут палёты-шмалёты, панимаеш, пастароним нэту входа. Катэгорически!

— Какой-такой пастароний, батона Михалыч! Обидеть хочешь старого друга, да? — «старый друг» насупился, от чего его надбровные мешки самопроизвольно раздулись, а хоботок закрутился против часовой стрелки — верный признак обиды и раздражения. — Я к тибэ с дилавым предложением! Вах, ни предложениэ, а целый бизнес-шниблес, мамой клянус! Сами Нибиса миня к тебе атправили!

Синекожий с несвойственной его соплеменникам грацией извлек из-за спины бутыль, на треть заполненную мутновато-бурой жидкостью, — она источала настолько сногшибательный «аромат», что у старика немедленно защемило в глазах, — и с торжествующим видом протянул Михалычу.

— Прымы ат всиго сэрдца, братка! И ни аткажи в малом... Ашотика, кравыночку маю, наслэдника нэнагляднога атстрани-

ат палётов, да? Ну какой он Избранный, балбэс и лодирь, мамой клянус!

— Да тихо ты! — зло оборвал Михалыч, пряча презент за пазухой. Конечно, откат был еще тот — дерьмо, если честно: не бормотуха, скорее термоядерное слабительное на три «нескучных дня». Однако Вазген никогда в зажиточных синежопых не числился, уж чем богаты... да и как откажешь «старому другу». — Иди давай, пазоришь только!

— От спасибо тебе, добрый чилавэк! Вазген Вартанович добра ни забивает, в агонь и в воду пайду за тобой, батона Михалыч, мамой клянус!

Но старик уже не слушал.

* * *

Когда на взлетном поле помимо уклонистов остались лишь Янки Дудль и Лох Несс, впору было хвататься за голову. Пришло время отправлять в полет последнего «счастливчика», но память-предательница так и не выдала Михалычу имени того, чью неприкосновенность оплатили мутанто-родители. Что делать? Что делать?!

Когда пасует здравый смысл, молчит логика, а память из всех сил делает вид, что она совершенно не при делах, остается последнее средство. Не особо надежное и верное, но за неимением вариантов... Михалыч решительно сунул руку в карман, нащупал там кругляш побольше да посolidнее и вытащил на свет довоенный пятирублевик.

— Давай, Фортуна, бери все в свои шаловливые руки. Решка — Дудль, Орел — Лох.

Старик высоко подкинул монету, затем поймал ее на открытую ладонь, которую тут же крепко сжал. Поднес вплотную к близоруким глазам и лишь тогда разъял свой захват.

— Ну вот... Лох, он и есть лох, даже если орел...

Лох Несс готовился к взлету долго — уклонисты давно сбегали домой, радуясь счастливому избавлению от всеобщей повинности, но Михалыч не торопил уродца: свою долю невезения тот отхватил сполна.

Закончив приготовления и предстартовую разминку, Несс с неблагозвучным именем (а других Михалыч никому и не давал) с места взял хороший разбег и, постоянно взвинчивая темп, стремглав бросился по взлетной полосе вперед, навстречу пропасти.

«Хорошо идет, красиво», — отметил про себя старик. Это не помешало ему достать из-за уха огрызок карандаша и прицелиться в прозвище *отлетающего* синезжопа. Лох шел в списке последним, «вернее, крайним» — быстро поправился Михалыч и вновь вернулся к созерцанию *взлета*, покуда оставив надпись «Лох Несс» в неприкосновенности.

— Лох, шасси убирай! Молодца! Крылами, крылами работай! Ногами пружинь! Резче, резче! Красава! Жми! Отрыыыыыв!

Тушка синезжопа рванулась прочь от земли и...

— Твою-то гребанную мутоматушку! — прошептал человек, ошалело глядя на поднимающегося над пропастью мутанта. Лох Несс орал, как резаный, срался на лету от страха, но продолжал держаться в воздухе. Какое там держаться — он летел!

— Охренительный я нострадумус, — Михалыч яростно, всей пятерней, почесал свою седую, провидческую голову. — Только Избранного нам для полного счастья и не хватало!

Что случится с синезжопами, когда они узнают о *досадном* летном инциденте? Когда окончательно уверуют в собственные силы и способность летать? Чем все это обернется для людей? Старик не знал. А главное — знать не хотел.

Старая «берданка», тысячу лет не использовавшаяся по назначению, лишь служившая Михалычу причудливым посохо-костылем, сама собой оказалась в руках. Единственный патрон. Один выстрел — один Избранный, курс нынче такой, иначе... Старик прицелился.

— Стоооой, сука! Не стреляй! — хорошо знакомый голос, но...

Додумать Михалыч не успел — винтовка, выбитая из рук мощным ударом, отлетела на землю. Владелец, не удержав равновесия, последовал за ней и оттуда изумленно выдохнул:

— Вазген?!

— Что же ты, тварь гуманоидная, творишь?! — Вазген Вартаныч орал на чистом русском, потешный кавказский акцент исчез в неизвестном направлении. — В ребенка целишься, урод?!

— Вартаныч, чего кричишь? — Старик, чертыхаясь и охая, поднялся. — Все ущелье завалено вашими заморышами. Подумаешь, плюс-минус один...

— Внизу сеть натянута, тупой ты debil! Думаешь, кто-то даст гробить своих детей на забаву отмороженному пришельцу?!

— Кто тут пришелец — это очень большой вопрос, — Михалыч с ненавистью уставился на взбешенного синезопа. — Лично я — на своей земле!

Хоботок Вазгена вытянулся во всю немалую длину и мелко задрожал, то сокращаясь, то вновь увеличиваясь, что в переводе на человеческий означало глубочайшее презрение.

— Когда ты грохнулся с неба на *свою* землю, мы тебя выносили, починили, на ноги поставили...

— ...на цепь посадили, — перебил его старик.

— Скажи спасибо, что не в клетку! С нашими сородичами вы именно так и обходитесь. Мы слишком долго терпели тебя и потакали твоим тупым выходкам... Из всех сил пытались наладить контакт, узнать людей получше. И, наконец, узнали: вы — бесперспективная ветвь эволюции, бесполезная, но, к счастью, исчезающая форма жизни, ненавидящая все вокруг. Для венца творения вы слишком жестоки, ленивы и невежественны, вам ничего не интересно, кроме пьянства и мздоимства. За столько лет не выучить ни одного слова на нашем языке, не запомнить ни одного имени — ты хоть знаешь, как называется наше племя? «Синезопы» — это неправильный ответ! А сегодня ты поднял оружие на ребенка...

Михалыч равнодушно пожал плечами:

— Глупо судить обо всех людях по одному желчному старику со скверным чувством юмора. Впрочем, бог вам судья. Что теперь? Убьете меня?

— Ты так ни хрена и не понял, человек. Мы не отбираем жизни у разумных существ. Даже у таких маньяков и детоубийц, как вы.

— Ну так что со мной будет, о гуманный синезоп?

— Ничего. Вали домой, контакт между культурами не удался, все свободны. Я пришлю кого-нибудь, с тебя снимут цепь.

Старик криво ухмыльнулся и тяжело опустился на землю.

— Не утруждайся, как-нибудь сам управлюсь.

Он долго копался в карманах, пока, наконец, не обнаружил искомый кусочек гнутой проволоки. Всунул ее в замочную скважину, провернул и без труда снял железный обруч с ноги.

Хоботок синежопа дернулся и с резким свистом втянулся. Михалыч хорошо знал этот аналог человеческого «вздрогнуть от неожиданности» и потому вновь ухмыльнулся, на этот раз удовлетворенно. Он был доволен произведенным эффектом. Оставалось только добить заносчивого мутантишку.

— Шпчь вщщщ фьфьы щпщшшшш, — старик издал ряд клокочущих звуков и с коротким смешком закончил, — чщффффьт!

Крошечные фасеточные глаза Вазгена полезли бы на лоб, имей они такую возможность. Но из орбит они точно чуть не выскочили!

К чести мутанта, он быстро взял себя в руки, вернее, в единственную руку. Укоризненно качнул непропорционально большой головой и широко растянул толстые губы — улыбались синежопы в точности как люди.

— И тебе не хворать, — произнес он в ответ на прощание Михалыча и, подражая тому, добавил: — Образина ты бледножопа.

Человек хмыкнул и, махнув рукой, быстро зашагал прочь. Но, не пройдя и тридцати метров, обернулся и громко сказал своему бывшему любимцу:

— Сетка ваша в ущелье — полное говно, каждый год ее латаю. Не забывай натяжение проверять да прогнившие нити менять. И еще: обними от меня детишек из летной школы, я буду скучать по их страшным рожицам.

Когда старик исчез вдалеке, а пыль, поднятая им, улеглась на дороге, Вазген поднял из грязи «берданку», извлек из нее патрон и с удивлением, медленно переходящим в облегчение, уставился на безобидную резиновую пулю.

— А что, может, и сработаемся? — довольно буркнул он себе под нос, вернее, хобот и побежал на взлетное поле, встречать первого в племени летающего Лоха.

Антон Фарб, Нина Цюрупа

ДАР СВАЛКЕРА

Небо над Свалкой было цвета ржавчины. Ветер гонял по полю тлеющие обрывки целлофана и черные хлопья пепла. Свалка горела. Она горела всегда, исторгая из своего Сердца столб жирного вонючего дыма. Поговаривали, что там, в Сердце, вечно полыхающем костре, можно раздобыть «кураж» — артефакт невиданной силы и немыслимых возможностей.

Но сегодня Иван шел не туда. Сегодня Иван шел в Комнату. Он готовил этот поход больше месяца: собирал артефакты, качал перса, запасался патронами. Иван был Собиратель-одиночка, а такие игроки на Свалке делятся на две категории: осторожные и мертвые. Иван относил себя к первой.

Он двигался по Свалке не спеша, внимательно глядя по сторонам. Вон там, у железной бочки, сидит хамелеон, сытый и неопасный. А тут прошли Бомжи, небольшой отряд, пять-шесть особей, но, судя по глубине следов, тяжело вооруженный. А это — призрак дремлет у мусорного бака, старый, выдохшийся...

Вход в Комнату затянуло серебристой паутиной. Иван тщательно срезал хрупкую, но смертельную преграду (липкая дрянь тут же начала расти, заплетая прореху, — не дай бог в такое вляпаться) и проскользнул внутрь. Темный коридор вел к Комнате. Перед поворотом Иван остановился, проверил оружие и прислушался.

В Комнате кто-то был!

«Опередили, гады!» Иван снял с предохранителя автомат, пригнулся и выглянул из-за угла.

Сегодня всю Комнату залило водой, прозрачной и ледяной, словно родниковой. Не худший вариант, в прошлый раз это был песок. А в центре Комнаты, по колено в воде, стояла девчонка с обрезом в руках. Не Бомж, не Собиратель, так — нубье обыкновенное, только очень везучее, раз смогла добраться до Комнаты.

Нубам везет, это бывает, правда, недолго. Нуб, сунувшийся в одиночку, без всякой подготовки, в Комнату, серьезно сокращает свою жизнь. Вот, например, сейчас девчонка-нуб сосредоточенно ковыряла «розетку» — артефакт, крайне опасный при неумелом обращении.

— Эй! — окликнул девчонку Иван. — Ты чего творишь?

— Кто здесь?! — испуганно воскликнула она, вскидывая обрез двустволки.

Иван вышел на свет. В берцах захлюпало.

— Спокойно. Меня зовут Иван. А ты — новенькая?

Девчонка кивнула.

— Звать тебя как?

— Алена.

— Как же тебя в Комнату занесло?

Ответить Алена не успела. Поглядев за спину Ивану, она распахнула глаза и открыла рот от испуга. Ружье в ее руках оглушительно бабахнуло, отдача вырвала обрез из рук, и он упал в воду. Иван рыбкой нырнул в сторону и перекатился.

Ага, вот и Бомжи. Трое. Слюнявые беззубые пасти, смрадное дыхание, скрюченные костлявые конечности. Но трое Бомжей — не самый страшный противник для Собирателя-одиночки. Двоих Иван срезал длинной очередью от бедра, третьего пришлось добивать прикладом. Пять секунд работы. Правда, Иван полностью промок, но это не страшно.

А что там Аленушка, нубье перепуганное?

Ага! Полезла искать под водой обрез и вляпалась в паутину. Еще не до конца, но на спине уже серебрится. Вот и кончилась нубская везуха.

— Слышь, красавица, — попросил Иван, меняя магазин. — Ты хоть контакт мне в личку скинь, а? Пока тебя совсем не заплело...

* * *

Великий (ирония) писатель (сарказм) Вэ Кураж страдал на кухне. Аленка прислонилась к косяку и ждала, когда Кураж обратит на родную дочь внимание. Не выдержала и позвала:

— Мам!

Мама вздохнула и обратила на Аленку больной взгляд. Глаза ее под очками были красными, зареванными — судя по всему, текст не шел. Алена шагнула в комнату и погладила маму по седым кудряшкам.

— Мам, ты чего?

Лет с четырнадцати Аленка относилась к маме, как к младшей. Непрактичная, неприспособленная и хрупкая Мария Ковалевская (фамилия девичья, замужем мама не была), она же — кумир молодежи В. Кураж, в бытовых вопросах полностью зависела от дочки.

— Не пишется, — прерывисто вздохнула мама. — Не пишется никак... Вся сеть вопит: продю, продю, а не пишется. Не могу поставить себя на место персонажей!

Слезы потекли по ее лицу.

Аленка села напротив и подперла щеку рукой.

— Давай-ка не реветь, а искать решение? И причину. Почему не пишется? Всегда писалось, а теперь не пишется?

— Потому что, — мама всхлипнула. — Да почему я знаю, почему?! Надо пойти, пообщаться с подростками. А я же никого не знаю, кроме тебя и твоих друзей. А вы — не целевая аудитория, ты даже не читаешь то, что я пишу.

— Не читаю, — согласилась Аленка, — потому что это — издевательство над русской литературой, мама. И можешь мне не петь, что, мол, ты ценности прививаешь, что они хоть что-то читают, эти дети... Ну-ка не реви! Посмотри на меня. Я пойду и пообщаюсь с нормальными подростками. С твоей целевой аудиторией. Как раз сегодня, чтобы мозги разгрузить, залезла в игрушку, в «Свалкер», и с одним таким хомячком познакомилась.

Алена чмокнула маму в нос и отправилась выцарапывать того самого «хомячка» — надутого от собственной важности задроса, который сегодня в «Свалкере» столь небрежно попросил у нее контакты. Так и представлялся этот паренек в реальной жизни: прыщи, очки, хлипкие ручонки, ни на что не

способен, кроме как играть. Встретиться ему реальный противник — убежит. И никого, естественно, не читал, кроме В. Кураж, «настоящего мужика» и «реального писателя», самого талантливого персонажа в российской фантастической тусовке... И не смотрел ничего, кроме блокбастеров.

«Привет, — написала Алена в личку, — это Алена. Ну, помнишь, тот нубас в Комнате, ты меня сегодня спас. Может, встретимся в реале? Ты из Москвы?»

«Из Москвы, — тут же пришел ответ, — с Ясного проезда».

Ух ты! Сосед. Мир тесен. Нет, ничего удивительного — откуда в Медведково другие молодые люди? Только хомячки здесь и водятся...

«Сейчас пойду на встречу клана, рейд обсуждать, — написал Ваня-хомячок и, набравшись смелости, добавил: — Хочешь со мной?»

Алена не хотела, но она любила свою маму — не писателя В. Кураж, а Марию Ковалевскую — и ради мамы готова была на многое. Например, сходить с хомяком на хомячью встречу.

* * *

Аленка эта оказалась очень даже ничего. Высокая, с Ваню, светлые волнистые волосы до задницы, глазищи серые. Курносый нос она, правда, задирала, но девчонки всегда так делают. От растерянности, наверное. По крайней мере, Ваня был единственным из клана, кто пришел на встречу с девчонкой, что здорово подняло его авторитет в глазах остальных Собирателей.

Обсуждали только рейд — большой поход всем кланом в самое Сердце Свалки. Спорили, кричали, хохмили, выпендривались перед Аленкой, хвастались предыдущими достижениями и победами, добытыми артефактами и пройденными аномалиями. Аленка же, стервочка такая, нос воротила, да глазками стреляла, на Ваню внимания не обращая, а когда речь зашла про «кураж», вообще начала глупо хихикать.

Но после встречи, когда Ваня спросил, можно ли ее проводить, Аленка, подумав, кивнула, и у всего клана отвисли челюсти.

Что, Собиратели, схавали? То-то же! Иван, может, и тихоня-одиночка, а своего не упустит.

Они шли домой (благо, оказались почти соседями) через парк на Язуе. Было уже темно, ветер шумел в кронах деревьев, и тянуло гарью: местная шпана подпалила урны. Ваня с Аленой шагали бок о бок по дорожке, засыпанной мелким щебнем, под березами, к мосту. Хорошо, что Алена согласилась пешком топтать, а не на трамвае или автобусе две остановки ехать. А то десять минут — и все, ходу же (сначала парком, потом — дворами) минут тридцать.

— Почти как на Свалке, — заметил Ваня. — Все-таки классная игруха «Свалкер». Жизненная.

— И что в ней классного? — сморщилась, будто откусив лимон, Аленка.

— А все классное. Свобода. Риск. Адреналин. Хочешь — иди в Собиратели. Хочешь — становись Бомжом. Можно в клане, можно сам по себе. А главное — цель есть. Собираешь артефакты, качаешь перса, мочишь неписей и становишься кем-то.

На эту тему Ваня мог долго рассуждать. Он часто задумывался, почему на Свалке, среди миллиона опасностей, мутантов, чудовищ и прочих тварей, ему комфортнее и приятнее, чем в унылом реальном мире. Ведь Ваня — не инвалид, не урод какой-нибудь, не жиртрест там. И учится нормально, и друзья есть. Его родители даже пару раз тягали к психотерапевту, лечить от «игровой зависимости» — Ваня тогда просиживал в шлеме и перчатках по двадцать часов в сутки... Не помогло.

Они свернули на асфальтовую дорожку, вышли из-под деревьев к мосту. На лавочках рядом тусовались деклассированные элементы. Хорошо хоть, не гопота.

— И кем ты можешь стать на Свалке? — скептически поинтересовалась Аленка. — Самым главным свалкером?

— Ты не понимаешь! — разволновался Ваня. — Ты книжки про свалкеров читала? Вэ Кураж — знаешь такого автора? Реально крутой чел! Вот у него хорошо описано...

Аленка глубоко вздохнула, глядя на Ваню с жалостью, и в эту секунду их гнусаво окликнули:

— Эй, молодежь! На бутылку не добавите, а?

Ваня обернулся. Бомжи. Трое. Слюнявые беззубые пасти, смрадное дыхание, скрюченные костлявые конечности. Но трое Бомжей — не самый страшный противник для Собира-теля-одиночки.

— Не надо! — успела крикнуть Алена, но Ваня уже ринулся в бой...

* * *

— Не надо! Не надо, само заживет! — шипел Ваня и пытался увернуться от ватки с йодом.

Алене показалось, что хлопнула входная дверь, но, к счастью, почудилось. Мама ушла в магазин или гулять, и Алена не хотела, чтобы Мария Ковалевская вернулась сейчас. Потому что футболка у Вани была в крови, а рука посинела и опухла. Алена покосилась на руку и повторила в десятый раз:

— Надо к врачу.

Этот диалог «надо — не надо, надо — не надо» повторялся в разных вариациях все десять минут, пока Алена тащила Ваню до такси и своего дома. Тащила, испуганная до слез, потому что бровь ему рассекли, и не понятно было, цел ли глаз... А Ваня держался настоящим мужчиной, и только при виде йода закапризничал.

Алену в первый раз в жизни защитили.

Пусть не очень эффективно, но зато защитили. И кто? Не взрослый мужик, а десятиклассник, ровесник с тонкой шейкой и прыщиками на лбу. Алена устыдилась, что в мыслях называла его «хомяком» и «задротом». Ваня, если объективно, был даже симпатичным — широкоплечим, с ясными глазами. То есть, сейчас — с одним ясным глазом, второй заплыл.

— Ух ты! У тебя весь Кураж?

Ваня пялился на полки. Ну да, все стеллажи и книжные полки дома забиты маминой писаниной, рассчитанной на таких, как Ваня, подростков. Ладно, не все, только три. В. Кураж — автор плодовитый, но не настолько же.

А вот теперь входная дверь хлопнула на самом деле, и в гостиную вошла Мария Ковалевская собственной персоной. Увидев Ваню, мама конечно же охнула, ахнула, уронила сумку, чуть не потеряла очки, перепугалась и развела бурную деятельность:

немедленно к врачу, бла-бла-бла, вызову скорую, нет, знакомому врачу, ой-ой, бедный мальчик, да у тебя же рука сломана!

Сошлись на травмпункте.

Ваню мамин натиск ошеломил. Пока ждали такси, Ваня решил поддержать светскую беседу. Ткнул в полки с книгами кумира и спросил:

— А кто из вас читает? Алена, ты, да? Все — в первом издании... И переиздания!

Он просто захлебывался от восторга, а мама, конечно, ляпнула:

— Нет, это я пишу.

Челюсть у Вани отвисла — пафосно и банально, как в книгах В. Куража.

* * *

Гипс все-таки наложили. Вот ведь, блин! Надо же было так по-дурацки грохнуть! Сперва по морде получил от бомжары немытого, потом на жопу упал — и это при Аленке-то, которую Ваня по идее должен был защищать! — а теперь еще и трещина в запястье. Минимум три недели в гипсе, да еще и на перевязи.

Вот не вовремя-то, а?!

Завтра рейд в сердце Свалки, а рука ни в одну сенс-перчатку не влезет! Облом. Полный. Будут Собиратели добывать «кураж» без Ивана...

Ваня сидел в гостинной у Аленки, пил чай и страдал. Возвращаться домой не хотелось — там страданий прибавит мама, устроит истерику с обмороками.

Кстати, о мамах — в довершение ко всем бедам, В. Кураж оказался Аленкиной родительницей — тетенькой лет сорока, которая даже пистолет в руках не держала, ружье от карабина не отличала, магазин с рожком путала и образу брутального свалкера ну никак не соответствовала...

— Да не расстраивайся ты так, — успокаивала Ваню Аленка. — Подумаешь, три недели! Вот когда я копчик сломала...

— А! — махнул здоровой рукой Ваня. — Завтра же рейд! Как я с этим, — он показал гипс, — перчатку надену? Я клан подвожу. Говорил же — не надо врача, само заживет...

— Слушай, — предложила Аленка, хитро прищурившись, — а давай я за твоего перса в рейд пойду?

Ваня смерил ее оценивающим взглядом.

— Ты? Нубье? Только хуже сделаешь. Перед пацанами меня опозоришь. Ты же играть не умеешь совсем!

— А ты меня научишь. Будешь рядом стоять и советы давать. Сможешь, Собиратель?

— Ну, не знаю... — замялся Ваня.

— Нет, правда, я очень хочу помочь. Ты ведь из-за меня... это вот. Я хоть так. Ну?

Ваня помолчал, размышляя и разглядывая Аленку, а потом сказал, скрепя сердце:

— А, черт с тобой! Свалка любит наглых. Давай попробуем! Тащи свое барахло.

Конечно же и перчатки, и шлем у Аленки были из самых простых, китайский ширпотреб, тупой и медленный. Но с таким персом, да под Ваниным руководством, шансы были даже у такой неуклюжей нубки, как Алена.

Чтобы подключить к компу шлем и монитор, пришлось чуть-чуть повозиться. Зато теперь Ваня видел игру глазами Аленки. Эффект присутствия, конечно, нулевой: ни запахов, ни тактильных ощущений... И как люди раньше играли, без сенс-теха?

Пока Ваня возился с настройками, Аленка успела переодеться, натянув облегающую майку и короткие шорты. Ваня наряд одобрил. За время рейда упариться можно не хуже, чем в сауне. Да и выглядела Аленка в этом прикиде весьма и весьма соблазнительно.

— Слушай сюда, — приказал он, пока девчонка натягивала перчатки. — Делать будешь все, что я говорю. Никакой самостоятельности. Если я тебя схвачу за руки или за плечи — не пугайся, расслабься, и я сам все сделаю. Поняла?

— Слушаюсь, мой командир! — шутливо отрапортовала Аленка, и Ваня украдкой сглотнул.

— Ну, поехали...

Аленка опустила шлем на глаза.

* * *

Аленку трясло, и пот катился ручьями — майка вся промокла. Шлем она уже сняла, и на мониторе ее (Ванины? Нет, ее!) сокланы танцевали, поздравляли друг друга и праздновали захват Сердца и «куража». Без Алениного участия — перс ушел на респ в другую локацию... Но благодаря ей, ей одной, Собиратели победили!

Ванька сопел над ухом.

Алена обернулась:

— Получилось! Победили! Мы их всех сделали!

В момент, когда Бомжи пали, Алена простила Ваньке и его руки, будто бы невзначай касавшиеся груди, и пальцы на своих запястьях, и жаркое дыхание у самой шеи, где кудряшки выбивались из хвостика, и даже свою не столь холодную, как хотелось бы, реакцию на это.

— Победили! — в ответ обрадовался Ваня.

Ревнует, что ли? Перса?

— А можно, я еще поиграю, Вань? А? Немного, только до Сердца твоим схожу, чтобы посмотреть, как там? Можно?

— Знаешь... — Ваня коснулся ее голого, липкого от пота плеча. — А возьми перса себе. Я нового прокачаю. Возьмешь?

Аленка не смогла отказаться от такого щедрого подарка. Конечно возьмет! Не будет недель нудного «кача», она сразу вольется в клан, и не последним нубасом, а героем, проникшим за спины Бомжей и гибелью своей открывшим путь к Сердцу.

— А хочешь, я тебе мамину книжку подарю? Любую? Или несколько? И все — с автографом, а?

Ваня гулко сглотнул, взгляд его заметался по книжным полкам.

— Слушай! А что за Стругацкие такие? Вон, прям рядом с Куражом?

Во дает! Алена еле сдержалась, чтобы не заржать, но решила обогатить Ванины знания:

— Ой, ты что, не знаешь? Они крутые! Типа, тоже про «Свалкер» писали, то есть, про сталкеров. Неужели не читал? Давай дам почитать, а?

— Давай, — неуверенно согласился Ваня, видно было, что читать незнакомых авторов его не прет. — И Куража давай. «Во имя Свалки». И «Данила Смерти».

* * *

Позвонили в дверь. Мария, теряя тапочки и чуть не роняя очки, кинулась открывать.

Это был мальчишка, который руку сломал. Уже без гипса, с пакетом и сверточком.

— Здравствуйте, — он явно (явно! явно! явно! Мария Ковалевская ненавидела это наречие) не знал, как к ней обращаться.

Не «тетя Маша» же называть великого писателя Вэ Куража?!

— Мария, — подсказала она, — и без отчества.

— Я вот... Того... Я книжки принес. Это.

Ничего не понимая, Мария приняла у него пакет с книгами и удивилась: неужто малец решил вернуть ее труды, подписанные, между прочим? Но в пакете лежали Стругацкие. «Пикник на обочине», естественно, «Обитаемый остров», куда же без него, и «Трудно быть богом». Все — из собрания сочинений.

— Мне бы это... — пройдя вслед за Марией в коридор, пробубнил мальчик. — Мне бы можно еще Стругацких? И что-нибудь такое? Качать не хочется, бумажные, — он замялся, подыскивая слово, и по этой паузе Мария поняла: мальчишка сам начал писать, пока что, наверняка, наивные рассказы, эпигонские и третичные, но вдруг через несколько лет... — Бумажные вкуснее. Они — настоящие. Посоветуйте мне, пожалуйста, что еще почитать.

— Конечно-конечно, — засуетилась Мария. — Конечно, посоветую. Ты Чехова читал? А Бунина? Начинать надо с классики, ведь каждый автор опирается на предыдущих... погоди, ты, наверное, к Аленке, не ко мне?

— А она дома? Я ей звонил несколько раз, но она не хотела гулять идти. Говорила, занята.

Да, Алена была занята. Уже четыре недели Алена была занята почти круглосуточно, и В. Кураж теперь мог черпать вдох-

новение, не выходя из дома. Мария шмыгнула и кивнула. Дома. Аленка — дома.

— Я ей подарок принес, — мальчишка принялся распаковывать сверток, — как думаете, ей понравится?

В хрусткой бумаге лежала заколка. Изящная, ручной работы, бронзовая штучка с завитками...

Вместо ответа Мария распахнула дверь в комнату дочери.

Алена в растянутой камуфляжной майке сидела за столом. Сегодня она была без шлема — играла по монитору. И бритая ее, с наколкой «Свалкер», голова отблескивала в свете настольной лампы.

Киев, 2012

Вячеслав Шторм

ТРЕНД СМЕНИЛСЯ, или ВАМПИР, КОТОРОГО НИКТО НЕ ХОТЕЛ

Но меняется тренд, и девушки танцуют одни.
Б.Б. Гребенщиков

В демократическом царстве, в толерантном государстве, нежил да был вампир Джованни. А может, Теодор. Или — Жан-Луи. Но уж точно не Антип. Разумеется, в мегаполисе, в небоскребе и в пентхаузе. Работал, как и положено благородному вампиру, на крупнейшей местной киностудии суперзвездой. В промежутках участвовал в ток-шоу или давал интервью девичьим глянцам, иногда изменяя им с таблоидом для гей-элиты «*Obajashka-Revju*». В общем, на кровь с молоком и прочие невинные шалости хватало.

Из-за них-то, шалостей этих, все и случилось.

Понятное дело, истинный вампир у слабого пола всегда нарасхват. Еще с ветхозаветных, досумеречных времен так повелось. Сам Байрон, говорят... впрочем, о нем как-нибудь потом. Вот и наш Джованни на отсутствие внимания не жаловался, а скорее даже наоборот: график его randevu был расписан приблизительно лет на сто двадцать вперед. Пришлось даже секретаря нанимать из низших, шустрого мальчонку Эдди по прозвищу Баклажан. В смысле — «бледный до синевы». Вот это-то самый Эдди и вел строгий учет и контроль всеразличным няшечкам и пусечкам: чтоб без очереди не лезли, и чтоб кровь с молоком строго в нужных пропорциях. Ну, и характер чтоб по-

кладистый: куда положили, там и лежи, дуреха, жди команды трепетать. Только накладки все равно случались.

Как-то раз вызывает патрон Эдди чуть тьма перед свои красны очи. Сам в кресле сидит, в гневе великом, подлокотник ногами полосует, маникюра не жалея. На ложе — очередная виргина распростерлась. В теле — ни кровинки, сплошное молоко, да и то уже скисает. Горло — в лохмотья. Платье от кутюр, шелковые простыни и антикварные ковры восстановлению также не подлежат.

— Это что такое?! — шипит Джованни, указывая на новопредставленную особенно длинным ногтем на левом мизинце (говорят, в России подсмотрел, у какого-то афромосковита). — Ты ее где взял?

Баклажан сверился с молескином и отпраповал: так, мол, и так, в картотеке числилась под номером семь тыщ сто семнадцать-прим, топ-модель, дворянка в седьмом поколении, одна из лучших выпускниц частного пансиона в Суррее, семь иностранных языков, включая суахили, и горела прям-таки афрриканской страстью...

— Страстью?! — взревел патрон, точно колом ужаленный. — Да ты знаешь, что эта страстная мне тут выдала? Я, говорит, на все согласная, однако взамен желала бы, чтоб вы, *mon cher ami*, отныне кусали только меня! В крайнем случае — по нечетным дням! Каково?!

— Может, ей еще дать ключ от склепа, где предки лежат? — тоскливо прошептал секретарь, предчувствуя, что синовы на его породистом лице скоро прибавится. И как в воду глядел...

— ...Ладно, юноша, — через некоторое время кивнул Джованни, выпустив пар и слегка поправив. — Надеюсь, урок ты усвоил и впредь будешь относиться к служебным обязанностям более ответственно.

— Да, патрон, — всхлипнул Баклажан, поправляя изрядно пожеванное жабо.

— *Bene*¹, — милостиво кивнул Джованни, любивший при случае козырнуть знанием благородной латыни. — Какие но-

¹ Хорошо (лат.)

ности в высшем свете? Чем увлечен бомонд? Помимо нас, я имею в виду?

Слегка припухшие глаза секретаря радостно засияли:

— Ой, патрон! — затараторил он. — Я ж как раз собирался доложить! Вам прислали именное приглашение на промотур! Изысканное развлечение! Тренд сезона! Только для Высших! Охота, о которой можно только мечтать!

— Охо-ота? — скривилась звезда экрана. — Признаться, я уже как-то отвык от вульгарной необходимости... И вообще, с моей точки зрения, это явный *regressus*...

— Нет, патрон! — испуганно сжался юноша. — Как вы могли подумать, что я... Никакого регресса, поверьте! Сплошной благородный *vintage*! Ведь охота-то...

* * *

— Какая-то она у вас... неказистая, — задумчиво протянул Джованни, в третий раз обходя вокруг агрегата, более всего напоминающего душевую кабину. — Да и тесная. На вид не сильно комфортнее того ящика с апельсинами, в котором я прибыл в Старый Свет. До сих пор ненавижу все оттенки оранжевого!.. И что же, оно в самом деле столь необычно, как...

— Да! — точно китайский болванчик, закивал старший менеджер туристической компании, носящей несколько претенциозное название «Все лучшее — после!». Кстати, сам менеджер тоже носил весьма звучное имя: Абрахам Райс-Майер. — До сих пор никому из Высших не доводилось испытывать даже румяного подобия!

— Но я до сих пор ничего о вас не...

— И никто не слышал, мессир! Абсолютный эксклюзив! *Ius primae noctis*!¹ Исключительно по причине глубочайшего почтения к вам, питаемого руководством нашей компании!

— И вы действительно гарантируете, что...

— Без сомнения! Новейшие разработки и уникальные технологии! Абсолютная гарантия безопасного и комфортного путешествия! Система автоматического целенаведения с учетом действия Эффекта Бабочки! И — только сегодня и только для

¹ Право первой ночи (лат.)

вас — не одна, не две, а сразу три локации на выбор! По завершении одного приключения вы сразу же попадаете в новое!

— Ну а форс-мажор?

— Разумеется! В случае малейшей угрозы для клиента система автоматически прерывает текущее путешествие и переносит вас на следующий этап или — в том случае, если этап был последним, — сюда, в наш гостеприимный, уютный офис. Удобно, не правда ли? Теперь соблаговолите взглянуть на список доступных локаций!

На столик перед Джованни лег пухлый том в богато инкрустированном рубинами переплете шагреновой кожи. «Бальзак!» — мысленно хмыкнул вампир не без уважения, с первого взгляда определивший пошедший на обложку материал.

— Вы только посмотрите! — меж тем разливался соловьем Райс-Майер. — Тут есть все, чтобы удивить даже столь требовательного и много повидавшего на своих веках клиента, как Высший!

Надо признать, выбор действительно впечатлял.

— Выбираете три локации в порядке желательной очередности, — пояснил менеджер, подобострастно склонившись за левым — разумеется! — плечом устроившегося в кресле клиента. — Мы вносим их в программу нашей удивительной машины — и готово! Как я уже имел честь вам сообщить, переход с одной локации на другую происходит автоматически и не требует от вас ни малейших усилий!

— Признаться, я не прочь посмотреть на это... — Джованни подчеркнул ногтем строчку каталога, — это и... и... что же еще? А впрочем, я всегда жалел, что никто вовремя не указал одному небесталанному молодому человеку на ряд досадных огрехов в его сочинении. Только вот не помню точно год...

— Ах, не утруждайте себя, мессир! — взвился менеджер. — Наша база данных не имеет аналогов по быстродействию и полноте! Не будете ли вы столь любезны, чтобы сообщить мне имя требуемого индивида и его предположительный возраст в требуемом периоде?

— Толстой. Граф Алексей Толстой. А возраст... Около тридцати, я полагаю.

— Оу, известная фамилия! *Ein moment*, запускаю поиск... секунда... исполнено! Данные введены. Могу я узнать первые две локации?.. Чудный выбор, мессир, просто чудный! Гарантирую, вы испытаете непередаваемые впечатления и обязательно посетите нас вновь! Ах, я вам уже завидую! — не прекращая болтать, акула турбизнеса сноровисто стучал пальцами по клавишам приставки, похожей на небольшой синтезатор и соединенной с «душевой кабиной» блестящими проводами. — Еще секунду... Так... *Voilà!*

Машина едва слышно заурчала, точно сытый кот, и по ее поверхности пробежала россыпь ярких огоньков.

— Прощу вас, мессир! Самое восхитительное путешествие в вашей не-жизни начинается прямо сейчас! — И Райс-Майер с поклоном распахнул дверцу в душеподобный агрегат. За секунду до того, как перед взором Джованни завертелась радужная карусель, вампир успел заметить, что золотые буквы, выбитые на внутренней стороне двери, складываются в многообещающий девиз: «*Vivens invidiam mortuis!*»¹

* * *

Против ожидания пахло не свежим соленым бризом, а не слишком свежей землей с явной примесью скисшего пива и гниющих водорослей. А еще было темно как... в могиле. Хотя и заметно просторнее.

«Интересно, зачем они сюда корабль затащили? — подумал Джованни в легком замешательстве. — Про все прочее барахло вообще умолчим. Какие-то сундуки, копыя, топоры... Дикость несусветная!»

Обследовав место, в которое его перенесла туристическая машина времени, вампир приуныл. Он находился внутри холма или, скорее, кургана и выбраться без посторонней помощи явно не мог. Какая-то неведомая сила не позволяла туристу-экстремалу даже вульгарно разрыть потолок, не говоря уж о том, чтобы просочиться сквозь него, обратившись привычной струйкой тумана. А самое главное — тут не было и следа обещанных ушлым менеджером любвеобильных и атлетически сложенных красавиц-валькирий с тяжелыми золотыми косами.

¹ Живые позавидуют мертвым! (лат.)

«*Kidalovo!*» — пришло на ум ёмкое московитское слово. — Ну, если через полчаса...»

И тут с потолка кургана заструились мелкие камешки и земля. На крышку ближайшего к вампиру сундука шлепнулся до-нельзя удивленный червяк. Джованни весь обратился в слух. Да, не было никакого сомнения: кто-то разрывал холм, причем — весьма энергично.

Вот уже в склеп проник бледный свет полной луны, а следом за ним — монументальная ручища, по локоть измазанная землей.

«Однако местные валькирии, на мой вкус, даже *чересчур* мускулистые, — с легкой оторопью подумал юркнувший за борт корабля вампир. — Да и эпиляция им явно не знакома...»

Наконец, одновременно с шумом обрушившейся толщи земли и невнятным ревом, на пол сверзилось что-то крайне массивное.

— Отин и Тор! — гулко раскатилось под сводами кургана! — Та здесь темно, как в мешке у ётуна!

Послышались торопливые удары кремня о кресало, и через несколько минут вспыхнул факел, добавив к и без того спертому воздуху вонь горелого тряпья, пропитанного каким-то прогорклым жиром.

Теперь Джованни мог созерцать жертву во всех подробностях. Что ж, косы и впрямь наличествовали. Правда, не золотые, а рыжие, спутанные и немытые, кажется, с рождения. Они выбивались из-под железного шлема, скребущего верхушкой об остатки свода кургана. А ведь до означенного свода было никак не меньше двух метров! Необъятную спину валькирии обтягивала железная же кольчуга, спускающаяся почти до колен.

«Однако! — слегка опешив, подумал Джованни. — Не хватало еще клыки поломать о весь этот ржавый антиквариат! Ведь нормального дантиста сейчас днем с огнем не сыщешь. С другой стороны, не за ноги же ее кусать...»

Он выпрямился, расправил плечи и, сосредоточив в голосе весь свой немалый шарм, томно позвал:

— Эй! Хм... красавица-аа...

«Валькирия» стремительно обернулась, поднимая факел.

— ...а что это вы такая небритая?.. — шепотом закончил турист.

— Я не есть «красафица», клупый драугр! — проревел бородач, широко расставив ручищи надвигаясь на Джованни, будто собираясь заключить его в объятия. — Я есть феликий персерк Харальд Черный Зуп! А ты сейчас путешь мертфец софсем!

Даже не попытавшись выяснить, как его обозвали и что значит «персерк», вампир свечкой взмыл к спасительному пролому в своде кургана. Подтянулся. И, уже чувствуя себя на свободе, ощутил, как на его правой лодыжке смыкаются железные пальцы.

— Кута-а?!

Рывок! — и злосчастный турист отлетел в дальний угол кургана, с треском врезавшись спиной в борт корабля. Оттуда он, расширившимися от страха глазами, наблюдал, как озверевшая жертва вразвалочку приближается к нему, поигрывая извлеченным из-за пояса топором.

Последнее, что услышал Джованни, прежде чем перед глазами вспыхнула спасительная радуга хроноперехода, были насмешливые слова:

— Кофорят, штопы упить драугра то конца, нато отрупить ему колофу и пристафить к нокам! А еще лучше — сасунуть ему в...

* * *

Душная тропическая ночь поражала богатейшей россыпью звезд на бархатном покрывале неба. Легкий ветерок, пропитанный одуряющими ароматами каких-то экзотических цветов, шелестел широкими листьями пальм. Громогласно трещали неведомые насекомые, время от времени перекрываемые истеричными воплями птиц. Над головой все еще не до конца прошедшего в себя Джованни проскользила здоровенная летучая мышь. Поняв, кто перед ней, летун заложил в воздухе замысловатый вираж, демонстрируя Высшему крайнюю степень почтения.

«Уф! Кажется, не обманули. Стало быть, я на Карибах, — вампир, не потевший уже лет четыреста, против воли провел руку по лбу, и... — Па-азвольте! ЭТО ЕЩЕ ЧТО ТАКОЕ?!

Внешний вид Джованни претерпел возмутительные изменения. Вряд ли теперь кто-либо мог узнать в нем прежнего стат-

ного красавца, лишаящего сна девственниц всех четырех континентов, завсегдатая светских хроник и модных вечеринок, не меркнушую звезду телеэкранов, *etc.* Окажись в этой пустынной местности посторонний, он увидел бы существо около метра ростом с бледной морщинистой кожей, покрытой там и тут клочками неопрятного желто-серого меха и острыми костяными наростами. Более всего оно напоминало вставший на задние лапы результат противоестественной связи шакала с крокодилом. Причем оба «родителя» явно поделились с «чадом» худшими чертами внешности.

— Порвууу! — глухо провыл злосчастный турист, обратив к небу лупоглазую морду и щелкая всеми четырьмя десятками шилоподобных зубов. — Чтoб мне всю не-жизнь один гематоген жрать — вернусь и порву!

Словно в ответ на этот яростный вопль, где-то неподалеку раздалось жалобное бляение.

— Ага! Если где-то есть четвероногий скот, то рядом должен быть и двуногий! — кровожадно оскалился преображенный Джованни. Душившие его негодование и ярость требовали немедленного выплеска.

Как оказалось, в новом облике было куда проще передвигаться не на двух, а на четырех конечностях. Скрипнув зубами от унижения и мысленно поставив еще одну галочку в своем списке претензий к вероломному турагентству, вампир поскакал вперед.

Через несколько минут он оказался на небольшой лесной прогалине. В ее центре едва рдели угли затухающего костерка. Справа от него, уткнув морду в траву, стояла белая коза. Короткая веревка, одним концом обвязывающая шею скотины, а вторым — вбитый в землю колышек, не давала ей отойти дальше, чем на пару метров. А слева, на плетеной циновке, подложив ладонь под щеку, сладко спала юная индианка. Всю одежду ее составляло короткое пончо, совершенно не скрывавшее длинных ног девушки и туго натягивающееся на ее высокой груди. При взгляде на эту прекрасную дочь первобытной сельвы, столь притягательную в своей беззащитной неге, Джованни непроизвольно облизнулся узким раздвоенным языком. Судя по всему, ему все же удастся получить от этой турпоездки хоть какое-то удовольствие!

Словно повинувшись его мысленному призыву, жертва перевернулась на спину. При виде нежной оливковой кожи ее горла, на котором, незаметная для людского глаза, пульсировала крохотная жилка, вампир совершенно потерял голову. Его рывку позавидовал бы любой человеческий спортсмен, занимающийся прыжками в длину. У жертвы не было ни единого шанса спастись, и уже через секунду клыки Джованни жадно впились в плоть. Дальнейшее происходило одновременно и молниеносно.

Пасть вампира забила густая шерсть...

В воздухе повисло предсмертное блеяние злосчастной козы...

Ржавые челюсти здорового капкана с глухим лязгом сомкнулись на правой лодыжке Джованни.

«Спящая» индианка вскочила и подбросила в костер заранее приготовленную охапку сушняка, после чего заголосила:

— Дедушка Хернан! Дедушка Хернан! Скорее! Все получилось!

Из ближайших кустов поднялся сморщенный старый индеец, облаченный только в набедренную повязку и рваную широкополую шляпу. В особо крупную прореху на тулье шляпы был, точно султан, вставлен разлапистый пальмовый лист. То ли для красоты, то ли для маскировки. Старикан держал наперевес кошмарного вида ружье, помнящее, должно быть, еще Кортеса.

— Скорее, дедушка Хернан! — все не унималась девчонка.

— Не бойся, Марита, — индеец широко оскалился, демонстрируя все свои шесть с половиной оставшихся гнилых зубов. — Еще ни один Чупакабра не вырвался из капкана, который поставил Хернан Дьенто Негро!

Джованни рад бы опровергнуть эти слова, но старый хрыч был прав: зубья капкана держали на совесть, а крепящую его цепь не удалось бы порвать и слону. Оставалось лишь с ужасом смотреть, как индеец, остановившись в трех шагах от жертвы, не спеша поднимает свое ружьище.

— Я зарядил его серебряной пулей, которую отлил сам! — криво ухмыльнулся он. — Ты больше не будешь пить кровь моих коз, Чупакабра!

Джованни не мигая смотрел в бесконечную черную дыру ружейного дула, и ему хотелось отчаянно закричать.

Что это все какой-то дурацкий розыгрыш.

Что он сам не понимает, отчего прыгнул не на девчонку, а на козу.

Что он, благородный вампир из уважаемого и древнего рода, до сего дня и в мыслях не держал возможность осквернить себя кровью четвероногого.

Что во всем виновато подлое турагентство, машина времени и...

Но в это время прогремел выстрел...

* * *

... а потом — еще выстрел. И еще. А потом — пулеметная очередь. А потом, кажется, даже взрыв.

«Чтоб я ожил! — мелькнула паническая мысль. — Что же у него за ружье такое, у этого проклятого индейца?!»

Однако выяснять это, так сказать, опытным путем у вампира не было никакой охоты. Поэтому он, даже не открывая глаз, упал на землю. Тут же совершил двойной перекат влево, всякий раз слегка меняя траекторию движения, чтобы сбить врагу прицел. Мощно оттолкнувшись от тверди, исполнил идеальное заднее сальто. И с грохотом врезался во что-то твердое, местами округлое, а местами — угловатое, раскатившееся под его напором во все стороны.

— Братушки! — воскликнул кто-то над его головой. — Сюда! Никак, его благородие осколок поймал!

Несколько пар рук тут же подхватили Джованни, помогли встать, ощупали с ног до головы. Словно сквозь вату, до него доносились несколько голосов:

— Кажись, цел. Да и осколок-то — вона где прошел. Вишь, борозда на бруствере. А он — вона где стоял...

— А чего ж он тогда прыгал, ровно баран горный? Ишь, пирамиду-то разворотил, аспид! Винтовки пораскидал все! Собирай их теперя, чисть...

— А может, падучая у него?..

— Откуда он тут вообще взялся? Форма, вроде, наша, а лицо незнакомое...

— Эй, ваше благородие! Вы меня слышите? Глаза-то откройте!

Подчинившись, Джованни обнаружил, что его окружает толпа разновозрастных мужчин в одинаковой военной форме. Вокруг были какие-то траншеи, канавы, ямы, обрывки колючей проволоки и много-много свежевскопанной земли. Пахло гарью, потом, кажется, порохом, а еще — тут уж Высший вампир ошибиться не мог — кровью. Изрядно пахло, надо сказать.

— Ну, слава богу! — заулыбался один из неизвестных солдат, демонстрируя крепкие и желтые, как у лошади, зубы. — Вроде, опаматовал. Что с вами стряслось, ваше благородие?

— Стреляли... — несчастным голосом протянул Джованни. Грянул дружный хохот.

— Ить, сказанул! — вытирая слезы, помотал головой какой-то молодой парень.

— Карлушки — оне такие! — хлопая себя по ляжкам, вто-рил ему сосед. — То и дело стреляють. Да кучно так, дьяволы! А то еще почнут бонбами кидаться. С еропланов!

— Не говори, Тимоха! — не отставал третий. — Однако, на то ведь и война!..

Вампир почувствовал, что стремительно теряет связь с реальностью. Война? Карлушки? Еропланы?..

— Толстой... Мне нужен граф Алексей Толстой... — слабым голосом произнес он, внутренне готовый ко всему. *«Проклятая машина! Куда она меня забросила на этот раз?!»*

Однако же, против ожидания, солдаты прекратили ухмыляться.

— Вроде не уехали еще... — слегка неуверенно предположил первый.

— Точно, совсем недавно их видал, — кивнул тот, что первым заговорил с туристом. — Оне еще Чернозубенку расспрашивали насчет того австрияка, за пленение которого ему Егория вручали. В газете про него прописать обещались. «Русские ведомости», вона как! Потому как — герой! А потом их господин ротмистр куда-то увел... э, да вот оне! Эй, Тимоха! Бежи, проси к нам их благородий, пока опять пальба не случилась!

Через минуту перед Джованни стояли двое.

— Добрый день, — кивнул первый — тот, что повыше ростом. — С кем имею честь?

— А кто вы? — совсем растерялся вампир, поскольку своего визави явно наблюдал впервые.

Брови высокого удивленно поползли вверх:

— Я? Я — военный корреспондент газеты «Русские ведомости» Алексей Николаевич Толстой. Граф, если угодно. Мне сказали, что вы меня спрашивали. Это так?

— Да, но... — под его испытующим взглядом Джованни совершенно растерялся и сбивчиво принялся объяснять: — Я действительно желал бы видеть графа Алексея Толстого. Но не вас. Понимаете?

— Напротив — совершенно ничего не понимаю, — развел руками военный корреспондент и обернулся к своему спутнику: — А вы, Петр Георгиевич? Как это: меня, но не меня?

— Да нет же! — от досады турист даже топнул ногой, прежде чем второй — офицер с лихо закрученными вверх усами — успел что-либо сказать. — Мне нужен *другой* Алексей Толстой!

— Другой?

— Ну конечно! Тот, что сочинил повесть «Упырь». Мы с ним старые приятели, и...

«Неправильный» Толстой в изумлении прикрыл рот ладонью, а потом что-то быстро шептал на ухо офицеру. Глаза того угрожающе сузились, и он положил руку на пистолетную кобуру.

— Значит, вы, милостивый государь, утверждаете, — произнес он, чеканя слова, — что являетесь старым приятелем графа Толстого? Автора «Упыря»?

— Утверждаю! — кивнул Джованни, донельзя раздраженный этим балаганом. — Вам что-то не по нраву?

— Нет, отчего же... — офицер продолжал сверлить вампира ледяным взглядом. — А где, позвольте узнать, вы познакомились с его сиятельством?

— Какое это имеет значение?!

— Я настаиваю на ответе!

— Кажется... в Берлине? Точно! Он тогда служил при русской миссии в Германии, а я...

— А вы сейчас отправитесь в контрразведку! — прошипел усатый. — Взять!

Не успел вампир опомниться, как его схватили за руки сразу несколько солдат. От их бывшего добродушия не осталось и следа.

— Как вы смеете?! — возмутился Джованни, тщетно пытаясь вырваться. — В чем меня обвиняют?!

— Ну-ну, не стоит горячиться, уважаемый герр шпион! — хмыкнул ротмистр. — Как говорят у нас в России, «неча на зеркало пенять, коли рожа крива». Лучше бы тщательнее разрабатывали легенду перед заброской. В том, что автор повести «Упырь» Алексей *Константинович* Толстой скончался лет соток назад, великой тайны нет... Благодарю вас за помощь в разоблачении вражеского лазутчика, граф, — кивнул он высокому. — Этого — увести!

В спину Джованни, руки которого уже грубо скрутили ремнем, ощутимо ткнулось острие штыка.

— Но! Шагай, вражина! — хмуро приказал Чернозубенко. И он зашагал.

— Ишь, змей ерманский! — бурчал по дороге конвоир. — А я-то его жалел еще! Благодарю их благородие господина ротмистра. Будь моя воля — я б тебя, кровопийцу, на месте порешил! Да не штыком — колом осиновым! Чтоб по самые...

После этих слов внутри Джованни все перевернулось. Сбитый с ног Чернозубенко только поднимался, а вампир, невзирая на связанные руки, уже взлетел на бруствер и припустил через изрытое воронками поле сам не зная куда.

— Стой! — донесся запоздалый и какой-то растерянный окрик. Потом бахнул выстрел, и снова, уже громче и отчаяннее: — Стой, дурак! Там же ми...

Последнее слово разрезал пополам взрыв.

«Отмучался! Домой!» — успел подумать Джованни, взрывающийся в небо вместе с землей, дымом и пламенем. Он был почти счастлив...

* * *

Проклиная все на свете и желая крови не в гастрономически-возвышенном, а во вполне приземленно-брутальном смысле, Джованни распахнул дверь «душевой кабины» машины времени.

В первые секунды он с ужасом подумал, что произошла какая-то неполадка. Или даже — злонамеренная диверсия.

Ни следа былой утонченной роскоши. Ни намек на встречу дорогого гостя и перспективного клиента. Машина стояла в маленьком и донельзя захламленном чуланчике. Скверно оштукатуренные стены уныло серого цвета, на которые пожалели даже краски, не говоря уже про обои или драпировки. Пол с многочисленными выбоинами и неровностями, покрытый лишь ковром пыли. Потолок, испещренный безобразными трещинами, с желтоватыми следами протечек и с частично отслоившейся побелкой. В центре его, на перекрученном электрическом проводе, болталась почти не дающая света лампочка, густо засиженная мухами. Совершенно бестолково нагроможденные кругом заросли паутины свисали, подобно рваному тряпью, и были покрыты все той же пылью. Да еще этот запах... Джованни почему-то был уверен: так пахнут нищета и безнадега.

— Где я? — затравленно озираясь, прошептал турист. — Эй! — он повысил голос, тщетно пытаясь не допустить в него панических ноток. — Райс-Майер! Кто-нибудь! Э-ээй!

С противным скрипом расколовшегося дерева распахнулась дверь в дальнем углу.

— Абрахам Райс-Майер больше не работает в нашей компании, — холодно прозвучало из открывшегося проема. — И вообще, незачем так орать. Коль вернулись — сидите и ждите, пока до вас руки дойдут. Чай, не умрете за пару минут... а впрочем, вы-то вообще не умрете. Так что...

Однако узнать, «что», Джованни было не дано. Инстинкты и душившая Высшего ярость возобладали над телом. Одним стремительным, тягучим движением вампир оказался подле потерявшего всякий страх хама и приподнял его за лацканы дорогого пиджака на добрые полметра от пола. Благо, наглец обладал откровенно плюгавым сложением, да и ростом не вышел.

— Назови мне хоть одну причину, червяк, по которой я не смогу сию же секунду вывернуть тебя наизнанку! — прошипел Джованни. — Только быстро!

К чести коротышки стоит признать, что ни один мускул на его лице не дрогнул за те несколько секунд, пока Джованни прожигал его взглядом.

— Что ж, — спокойно произнес он. — Если вы настаиваете, извольте. Я даже окажу вам любезность и назову целых две. Первая зовется Арчи, вторая — Луи. Мальчики, я долго буду ждать?

В следующую минуту два смерча вырвали коротышку из рук Джованнии и стиснули запястья самого вампира столь крепко, как могут только... другие Высшие!

— Арчибальд?! Людовик?! Вы с ума сошли?! Немедленно отпустите меня! — воскликнул ничего не понимающий вампир, тщетно пытаясь освободиться. Но куда там! Оба старых приятеля всегда были значительно лучшими бойцами, чем он.

— Что прикажете делать с ним дальше, господин Уинтерс-Грэм? — почтительно осведомился Арчибальд.

Коротышка одернул пострадавший от хватки Джованнии костюм, несколько секунд покачался с носков щегольских туфель на каблуки и фыркнул:

— Стоило бы, конечно, преподать наглецу хороший урок, однако будем снисходительны к несчастному кровососу. В конце концов, он же не виноват, что тренд сменился... Так что просто выставите это жалкое существо вон.

Когда Джованнии, унижительно заломив руки за спину, выводили из чулана, вслед раздалось:

— И еще, мальчики. Постарайтесь доходчиво объяснить этому типу, что следующая попытка потревожить меня или любого другого служащего нашей компании окончится для него *крайне* плачевно...

* * *

Джованнии сидел на скамейке в парке, слегка раскачиваясь и тихо подвывая. Несчастный вампир крепко сжимал виски руками, но помогало это мало — голову просто распирало от осознания всей абсурдности, жути, кошунственности новой реальности. Реальности, в которой ему, благородному существу, еще вчера занимавшему высшую ступень эволюции, отныне не было места.

«Что произошло? — тоскливо повторил его вопрос Арчибальд, когда они отошли достаточно далеко от злосчастного чулана и приятели выпустили Джованнии, предварительно взяв с

него честное слово вести себя прилично. — Эх, старик! Где тебя носило последние три года?..»

«Три го...», — поперхнулся вампир. «Проклятая машина! Проклятое турагентство!! Проклятый Баклажан!!!»

«Всего-навсего сменился тренд. Не больше, но и не меньше, — вступил в беседу Людовик, всегда отличавшийся некоторым фатализмом. — Нет, это бесполезно объяснять. Выйдешь наружу — просто оглядись. Пройдись по улицам. Загляни в книжный магазин. Посмотри на рекламу. Ручаюсь, ты быстро все поймешь. А уж принимать или нет — смотри сам...»

И вот теперь Джованни, весьма скрупулезно выполнивший все рекомендации приятеля, думал, как не-жить дальше. И стоит ли вообще.

В мире, где Высшие служат вышибалами у людей.

В мире, где ни днем с огнем, ни ночью темной, беззвездной нельзя обнаружить в продаже бензопилу. Или мачете. Или бейсбольную биту. Или хотя бы завалящий дробовик.

В мире, где с билбордов под традиционным бело-синим цилиндром скалится уродливая рожа, тычущая в прохожих сгнившим пальцем, а надпись под ней призывает: «*I Want You Brain!*»

В мире, где по улицам, приволакивая ноги и выставив вперед руки, шествуют дурно пахнущие и пускающие слюну дегенераты. Их взоры бессмысленны, а одежда — неопрятная рванина. Они, наконец, буквально разлагаются на глазах. И тем не менее, роскошные цыпочки выются кругом стайками и без умолку щебечут: «Ах, какой лапсик! Чудо! Хочешь съесть мой мозг чайной ложечкой?»

В мире, где в книжном магазине на вас посмотрят косо в ответ на просьбу показать недавнее переиздание «Дракулы». И предложат взамен побившие все рекорды продаж бестселлеры — хоррор о маньяке с топором «Преступление и наказание и зомби», трогательную историю любовного треугольника «Ромео и Джульетта и зомби» и, разумеется, учебник истории новейшего времени «Война и мир и зомби»!

Это — мир свершившегося зомби-апокалипсиса.

Мир, где сменился тренд...

* * *

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Особенно когда всю не-жизнь ломать приходится, быт с нуля налаживать. И все же, ко всему можно привыкнуть. Все преодолеть.

Обитать в тесной, словно гроб, комнатке хостела.

Работать в захолустной клинике медицинской пиявкой, кусая жалких, больных людишек, да и то — по принуждению.

Питаться всякой дрянью, откладывая гроши на Ту Самую Ночь.

И этой ночью, набрав полную сумку дешевого пойла, отправляться под Большой Мост.

Там горит костер. Там звучат песни и смех. Там ждут верные друзья: мелкий очкарик со шрамом на лбу («Проведение детских утренников и корпоративов! В любое время суток! Скидки постоянным клиентам!»); хмурый одноглазый вояка в потрепанной броне космодесанта («Браток! Мож, помочь чем? Должок, там, выбить или навтыкать кому? Недорого и качественно, зуб даю!»); черноволосый громила-варвар в кожаных трусах («Эй, красотка! Неутомимый жеребец ожидает твоего звонка! Ну, будь человеком, хоть стриптиз закажи, а?»).

Вы будете веселиться до зари и разойдетесь лишь под утро. Но перед этим, налив по последней, сдвинете стаканы и хором произнесете главный тост:

ПУСТЬ СКОРЕЕ СМЕНИТСЯ ТРЕНД!!!

Олег Бондарев

СЫГРАЙ В ЯЩИК, ГИЛ

Недостаточно иметь заслуги: надо уметь людям понравиться.
Филипп Дормер Стенхоп Честерфилд

Мы терпеть не могли Гилберта. Проклятый белокожий мерзавец решил, что теперь, когда мира вокруг нет, о прошлом все стремительно позабудут.

Проще говоря, вчерашний раб решил стать сегодняшним вожаком.

— О чем задумался, Кевин? — Ублюдок грубо дернул меня за плечо, развернул к себе и, прищурившись, посмотрел в глаза — пристально, словно надеясь увидеть там нечто сокровенное, вроде рецепта от рака или ответа на вечный вопрос: «В чем смысл жизни?»

«В том, чтобы знать свое место, Гил. Надеюсь, ты прочтешь это в моем взгляде и задумаешься. Хотя ты туп, как пробка, поэтому я, вероятно, зря надеюсь...»

— Ты чего, оглох? — изо рта Гилберта воняло рыбой. От всех в отряде несло рыбой, съеденной в обед, но мы почему-то не лезли друг к другу. Один только Гилберт считал себя особенным. Тем, кому все-все можно.

Ненавижу белокожего говнюка! Взять его и Кайла — оба белые, но наглеет только Гил. Кайл признал себя частью отряда, не лучше и не хуже других, и прекрасно прижился. Но Гилберт так не может. Ему нужно командовать, быть во главе.

— Кем ты себя возомнил, Гил? — не выдержал я.

— Ты это о чем? — озадаченно переспросил белокожий.

— А ты будто не знаешь! — презрительно фыркнул я. — Ты, блин, с чего вообще решил, что ты — главный? Почему это мы должны тебе подчиняться, а?

— Потому что я единственный среди вас, кто хоть немного смыслит в оружии, единственный, кто служил в армии, черт возьми! — воскликнул Гилберт, гневно сдвинув брови.

— И что, это дает тебе право рулить шестью взрослыми мужиками?

Гил шумно сопит, сжимает и разжимает кулаки, но понимает, что, врезав мне, он рискует утратить последние ниточки контроля. Мужики не будут стоять в стороне, равнодушно глядя, как меня лупит этот ублю...

Я даже не успел заметить, как он мне врезал. Только вспышка света перед глазами, и — оп! — я уже падаю на землю. Задницей. Проезжаю на ней полметра, натыкаюсь на камень и все это время удивленно смотрю на Гилберта и мужиков, которые стоят в стороне, равнодушно глядя на меня.

— Парни, ну вы чего? — с трудом выдавил я.

— Перекур, — Кайл достал из-за уха помятую самокрутку.

С тем же свирепым выражением лица Гиблерт повернулся к отряду.

— Я думаю, никому не надо объяснять, — медленно произнес он, — почему я так поступил?

Мужики замотали головами.

Сволочи. Предатели и сволочи.

— Разлагать дисциплину в сложившихся обстоятельствах — недопустимая халатность, которую окружающий мир теперь наказывает смертью, — продолжал Гилберт. — А вы ведь не хотите умирать, правда?

— Господи Иисусе, конечно нет! — воскликнул Патрик.

Он среди нас самый нервный. Мормон, что с него взять?

— Так что считай, что я сделал тебе услугу, Бойл, — бросил Гил через плечо. — Спас тебя от тебя же самого.

— То есть, я тебя еще и поблагодарить должен? — опешил я. — За то, что ты мне вмазал?

— Это очевидная часть, — наставительно изрек наш самопровозглашенный вожак. — Но в самом деле я хотел тебя спасти.

— Ты дал мне в морду.

— Я повторяю в очередной раз, — сквозь зубы процедил Гилберт, — я ударил тебя лишь для того, чтобы ты пришел в себя и вспомнил, как следует себя вести в беседе с командиром.

— Да почему ты командиром-то стал? Кто тебя выбрал?

— Может, ты хочешь оспорить мое лидерство? — хмуро спросил Гил и сплюнул в сторону. Затем он покосился на остальных и добавил, уже громче: — Может, вы все хотите оспорить мое лидерство?

— Господи Иисусе, конечно нет! — воскликнул Патрик. Лоб его покрылся испариной, хотя было не так уж жарко. Все от волнения — вечно трясется, как девчонка, впервые попавшая на свингерскую вечеринку.

— Тогда вопрос закрыт. Мы идем дальше. Надо найти убежище, пока не настала ночь.

Я нехотя поднялся на ноги и, бормоча под нос проклятья, устремился за Гилбертом. Мужики живо побросали окурки и поспешили за нами.

Солнце и в самом деле близилось к закату.

— Никак не могу привыкнуть, что оно садится на востоке, — заметил Гилберт. — Это так необычно...

— Оно садится на западе, — холодно бросил я. — Запад — слева... командир.

В последнее слово я вложил все то презрение, что испытывал к нашему белокожему главарю. В ответ Гилберт одарил меня злобным взглядом и ускорил шаг.

— Дал бог начальничка... — пробурчал я, надеясь, что он услышит.

Скула ныла, будто в нее камнем попали. Мощный же удар у сволочи!

Ничего. Мы еще поквитаемся, Гил.

Вот увидишь!..

* * *

На ночлег мы остановились в полуразрушенном здании ресторана с неизвестным названием. Большинство бутылок конечно же были разбиты, однако проныра Кайл умудрился отыскать кое-что в груди камней.

Мы не поверили ушам, когда он радостно воскликнул:

— Виски!

Я, вслед за остальными, повернулся к нему, с трудом сдерживая переполнявшие меня чувства. Мне не очень хотелось разговаривать с мужиками после случившегося, но при этом очень хотелось выпить виски. Взвесив все «за» и «против», я решил временно плюнуть на свое самолюбие и разделить бутылку с остальными.

Однако у Гила были другие планы.

Он возник перед Кайлом, будто из-под земли, навис скалой и упер мускулистые руки в бока. Кайл под свирепым взглядом Гила невольно съежился, втянул голову в плечи, а бутылку инстинктивно прижал к груди.

И, как выяснилось, не зря.

— Дай сюда! — наклонившись к самому лицу Кайла, процедил Гилберт.

— Это еще зачем?

— Затем, что алкоголь разлагает дисциплину. — Гилберт резко выкинул руку вперед и выдернул бутылку из объятий растерявшегося Кайла. — А она у нас и без того отвратительная. Поэтому — никакого виски!

С этими словами белокожий ублюдок со всего размаху швырнул бутылку в стену. Она разлетелась с оглушительным звоном, оставив после себя лишь темное пятно на пыльной кирпичной кладке. Мы все, разинув рты, смотрели на это пятно и не могли подобрать слов, могущих выразить наше горе.

Возможно, это был последний в мире виски.

И Гил его *разбил*.

Думаю, тогда не я один хотел его пристрелить. Думаю, мы бы нашпиговали его свинцом из пяти, а то и шести пистолетов (если бы трусливый Патрик все же решился взяться за ствол).

Но мы не успели.

Когда я уже тянулся к кобуре, когда уже представлял, как, захлебываясь кровью, падает на пол наш проклятый командир, в ресторан ворвался отряд мутантов. Я невольно поморщился, увидев изуродованные радиацией лица, — у одного было три глаза, у второго отсутствовал нос, а третий грозно шевелил жвалами наподобие муравьиных.

— Стоять, бояться, руки вверх! — рявкнул их командир, войдя последним. Тощее лицо мутанта покрывали ожоги и шрамы, а волосы на его голове отсутствовали.

Мы с неохотой подчинились. Гилберт поднял руки последним, словно подчеркивая свою особенность.

Ох, до чего же бесит это его поведение!..

Лысому командиру оно тоже, видимо, не понравилось, поэтому он сразу рванул к белокожему и, заглянув ему в лицо, прорычал:

— Ты тут, что ли, за главного?

— Я, — с ленцой бросил Гилберт.

Лысый некоторое время играл с ним в гляделки, после чего обратился к своим бойцам:

— Этого — ко мне в кабинет, остальных — в камеру!

Мутанты не возражали, и вскоре нас, связанных, уже вели в штаб.

Впереди процессии шагали вожак мутантов и наш придурок Гил с двумя конвоирами.

Нет, ну надо же умудриться даже в такой ситуации пролезть вперед других!..

* * *

— Да как ему вообще пришло в голову разбить ту бутылку? — сокрушался я.

Мы находились в просторной камере с несколькими железными койками, унитазом и старым нерабочим умывальником в углу. Не сиделось одному мне — эмоции переполняли, — и потому я вышагивал от одной стены к другой.

— Прекрати мельтешить, а? — попросил Кайл.

— Не могу. Надо выпустить пар, — я потер виски указательными пальцами. — Этот проклятый Гилберт возомнил о себе чер-те что!

— Ну, он был в армии, — пожал плечами Кайл. — Всякого, наверное, повидал.

— И что? Я вот, к примеру, раньше был барменом. А ты?

— А я был ведущим инженером крупной фирмы по производству собачьих ошейников и распахонков, — отозвался белокожий пронира.

— Вот! — воскликнул я. — Что и требовалось доказать! И чем, скажи на милость, мы с тобой хуже этого парня? Почему лидер он, а не мы?

— Слушайте, а Бойл ведь дело говорит, — задумчиво произнес Кайл. — Чем Гилберт лучше нас?

— В конце концов, мы все могли сходить в армию, если бы захотели, — вторил ему я. — Никакой особой заслуги в его службе нет! Вы все еще не уверены в моей правоте?

— Господи Иисусе, конечно нет! — воскликнул Патрик.

Струйки пота текли по его лицу, заливая бегающие глаза. Ведет себя, будто девчонка, которая впервые попала на вечеринку садомазохистов!..

— Что вы там разорались, затопчи вас радиоактивная гусеница? — лениво поинтересовался мутант.

Это был наш надзиратель — дородный мужик с длинным клювом и АКМ в мозолистых руках.

— Обсуждаем нашего командира, — ответил Кайл. — Точнее, ублюдка, который назвал себя главным против нашей воли!

— Да! — хором подтвердили все.

— Надо же, какая знакомая картина, — хмыкнул мутант. — Наш командир тоже сам в командиры выдвинулся. Только вместе собрались — а он уже командует всюю!

— И вы это терпите? — возмутился я. — Неужели у вас нет ни капли гордости?

— Я как-то попытался ему возразить, — честно признался надзиратель. — А он мне как даст в клюв, я аж на задницу шмякнулся.

— Вот, и у нас такая же история! — радостно воскликнул я; встретить брата по несчастью, пусть и по ту сторону баррикад, было чертовски приятно. — Тоже — в клюв, и тоже — на задницу!

— И в ресторанчик тот он придумал идти, — припомнил мутант. — Услышал звон и загорелся — давай, мол, может, там люди ошиваются, в плен их возьмем! Мы ему все хором — да зачем они нам нужны, люди эти? Пошли дальше. Воды и еды в обрез, куда нам еще пленных кормить... Но нет, уперся рогом, скотина. Пришлось пленить.

— А тот звон знаете, откуда? Это наш козел — не поверите — бутылку виски об стену разбил!

— Целую бутылку? — ахнул надзиратель.

— Целую! И даже не поморщился. А ведь это, возможно, был последний виски во всем мире, — со вздохом произнес я.

На некоторое время воцарилась тишина. Все погрузились в печальные думы о несправедливом мире, где командирами становятся все кому не лень. Неожиданно мутант сплюнул на пол и воскликнул:

— А, черт с ними! — В руке его блеснул ключ. — Идите, куда хотите. Мне вся эта постыжерная кутерьма так надоела, что сил нет! Мало того, что порознь держимся, так еще и палки друг другу в колеса вставляем! А все почему? Из-за вожakov наших, закусай их радиоактивный комар!

Он открыл дверь, и мы высыпали наружу, до последнего не веря в такую удачу.

— Спасибо тебе! — Я пожал клювастому руку и ободряюще улыбнулся.

— Не за что, — пожал плечами мутант. — Мы же не враги, на самом деле. Так, жертвы обстоятельств.

— Ну да, ну да... — кивнул я и, подумав, добавил:

— Знаешь, а у меня есть идеяка получше, чем просто разойтись.

— В самом деле? И что же это за идеяка?

— Да так. Хочу прихлопнуть наших командиров. Обоих, разом. Чтобы больше под ногами не путались.

— Вот как... — задумчиво протянул мутант. — А что, вполне себе идеяка! Мне по душе!

— Они ведь оба сейчас в кабинете у вашего, верно?

— Должны там быть, — закивал надзиратель. — И что, прямо вот так вот ворвемся и пристрелим гадов?

— Ну да. Не устраивать же им торжественное повешенье! — хмыкнул я.

— Они от этого только еще больше возгордятся! — встал Кайл.

— И то правда, — согласился мутант. — Ну что ж, давайте действовать. Только я тогда впереди пойду, чтобы вас ненароком наши не перестреляли.

И мы пошли прочь от камеры в направлении кабинета. Мутантов, встреченных по пути, освободитель наш вербовал за считанные мгновения — видимо, неслабо мы его энтузиазмом зарядили. Вскоре, увеличив численность нашей толпы раза в два, мы подошли к кабинету. Шедший впереди процессии безухий мутант поднял кверху указательный палец и наклонился к двери.

— А я своих построил на раз-два, — донесся изнутри гнусавый голос вожака мутантов. — Трах-бах, все смирно, всем слушаться меня... Они и понять-то ничего не успели!

— Мои чуть понововистей оказались, — ответил ему Гилберт; он чем-то увлеченно чавкал. — Я, как это понял, решил совсем гайки затянуть: вон, перед вами как раз, отобрал у них целую бутылку виски и об стену ее — шмяк! Типа, никакого алкоголя, чтобы дисциплину не подрывать!

— Суров ты! — отметил лысый вожак.

— А с ними иначе никак! — Эту фразу Гил, похоже, сопровождал ударом кулака по столешнице.

Мы с клювастым надзирателем переглянулись.

Похоже, оба наших командира были изрядно пьяны.

— Высаживай, — велел я безухому, и тот, не задавая лишних вопросов, с размаху врезался в дверь плечом. Она такого напора конечно же не выдержала, и мы беспрепятственно ворвались внутрь. Наши командиры с перекошенными от ужаса лицами уставились на нас. В руке у каждого был стакан, а на столе, среди карт и окурков, возвышалась початая бутылка бренди.

— А, это всего лишь вы, — облегченно вздохнул Гил. — Гляди, мои с твоими-то спелись!..

— Вот умора! — прыснул лысый.

Они просмеялись секунды три, не больше. Затем я воскликнул: «Давай!», и мутанты открыли огонь. Вскоре все было кончено: Гилберт и лысый вожак мутантов, напичканные пулями, словно мишени в тире, рухнули на пол.

— Ну а бутылку вы зачем? — печально вздохнул Кайл.

Остатки бренди тонкими струйками стекали вниз со стола, разбавляя кровь убитых.

— Случайно вышло, — с виноватым видом произнес безухий.

— А ведь это, возможно, была последняя бутылка бренди на планете, — заметил я.

Воцарилась тишина.

Каждый, находившийся в кабинете, молча скорбел об утра-
те поила.

* * *

— И что дальше? Куда теперь? — спросил я.

— Не знаю, — пожал плечами надзиратель. — Нам лучше с вами, наверное. Вместе все же безопасней, да и веселее. Вы, надеюсь, не против?

— Не знаю, — ответил я. — Надо у ребят спросить. Я лично — нет, а как они — черт его знает...

— Надо идти на восток, — сказал Кайл, подходя к нам. — Гилберт, хоть и властолюбивая сволочь, направление выбрал верно. Продолжим идти на восток и посмотрим, куда это доро-
га нас приведет.

— Может, лучше на запад? — предположил я.

— Это не обсуждается, — отрезал Кайл и, повернувшись к остальным, воскликнул: — Внимание всем! Пять минут на сборы — и выступаем!

— Что это с ним, сожри его радиоактивная сколопендра? — спросил бывший надзиратель, глядя, как Кайл вычитывает Патрика за какой-то нелепый возглас.

— Похоже, это у них в крови, — хмуро ответил я.

— Подождем или сразу?

— Подождем, — подумав, отозвался я. — Вдруг одумается?

— Сомневаюсь, — признался надзиратель.

— Я тоже. Но надо дать ему хотя бы один шанс.

А Кайл тем временем продолжал орать:

— Разлагать дисциплину в сложившихся обстоятельствах — недопустимая халатность, которую окружающий мир теперь наказывает смертью! А ты ведь не хочешь умирать, правда, Патрик?

— Господи Иисусе, конечно нет! — воскликнул мормон.

В тот момент он снова напомнил мне наивную девочку, которая оказалась на вечеринке малознакомых людей, с которыми у нее слишком мало общего. Мы все отчасти походили на таких вот девчонок — никто из нас не родился на свет для того, чтобы пережить ядерную войну. Но Патрик все-таки выглядел нелепее других.

Тем временем Кайл, удовлетворенный ответом мормона, пошел дальше — искать новую «жертву».

А я стоял, смотрел ему вслед и думал, стоит ли сказать идиоту, что его белокожий предшественник Гилберт перепутал местами запад и восток?..

Июль 2012 г.

Роман Куликов

ЛУЧШЕЕ РЕШЕНИЕ

— **С**аро! Саро! К Отцу! Немедленно!
За электромагнитным шипением плазмы призыв Руки был едва слышен, поэтому воин решил оставить его без ответа.

— Саро! — настойчиво отправлял слабые сигналы посыльный, не имея возможности подобраться к позиции воина, — массированный обстрел заставил всех укрыться за водяными щитами. Частые взрывы слились в один сплошной грохот. Ярчайшие бело-оранжевые вспышки ослепляли даже через несколько слоев полупрозрачной брони.

Колоссальное количество молний искрящимися дугами разлеталось от каждого взрыва. Позиции обороняющихся окутывали клубы горячего пара.

Как настоящий воин, воспитанный в соответствии со всеми законами боевой гильдии, Саро любил и понимал разрушительную красоту оружия, восхищался его убийственной мощью и применял с осторожностью и благоговейным трепетом.

В отличие от врага.

Действия последнего были подчинены лишь одному — эффективности. Ни о какой красоте или благородстве боя не шло и речи. Противник при любой возможности хитрил, обманывал и вообще делал все, чтобы только победить. Но самым обидным Саро казалось другое — то, что враг использовал для этого оружие, добытое в бою.

Более низкого поступка Саро не мог даже представить. Ему самому (да и никому другому из девяти рас Конгломерата) никогда не пришло бы в голову поднять пульсар или расщепитель поверженного противника. Враг же делал это с легкостью, не страшась позора и презрения. Более того, он не гнушался захватывать даже технику: корабли, транспорты, штурмовые батареи и вообще все, что попадалось на пути. Порой Саро завидовал тому, с какой легкостью враги осваивали управление. У него самого на то, чтобы овладеть техникой, ушло несколько циклов, эти же... чудовища — он не мог подобрать другого определения — обучались буквально на лету.

— Саро! К Отцу! — Подавляющие волю нотки приказа все же заставили воина сдвинуться с места и ползком направиться в сторону посыльного.

— Что у тебя за весть? — спросил Саро, подобрившись к Руке Отца.

— Тебя ждут в Главном куполе, — последовал ответ.

По силе подавления, исходившей от приказа, воин понял, что дело крайне важное и требует немедленного исполнения.

Саро двинулся в направлении купола, но в этот момент высокий резкий звук перекрыл грохот взрывов и заставил всех посмотреть вверх. Яркий луч, пришедший с орбиты, вспорол небо. Извечные тучи разошлись, будто боялись обжечься, и гигантский световой клинок коснулся поверхности. Задетое им здание сразу вспухло и через мгновение разлетелось осколками. Затем луч стал чертить ломаную линию, уничтожая все, чего касался в последнем городе на планете.

Ударная волна от первого взорвавшегося здания достигла оборонительных позиций, разогнала пар и обрушилась на защитников планеты.

Укрепления не выдержали, бойцов раскидало в разные стороны.

Саро покатился по песчаной отмели, поднимая брызги, потом сконцентрировался и, при очередном кувырке, мощным ударом вогнал руку в зыбучее дно. Приподнялся, не без удовольствия отметив, что почти все его воины догадались сделать то же самое, и теперь вставали на ноги. Рука Отца все еще катился, не в силах остановиться.

Что-то огромное затмило собой смертоносный орбитальный луч и накрыло позиции обороняющихся глубокой тенью. Саро вскинул голову и увидел водяной вал, надвигающийся с невероятной скоростью.

Захотелось радостно зарычать: враг посягнул на самое святое — на стихию, но не учел, что вода для Саро и его воинов есть жизненная сила и благодать.

Собрав всю волю, какая у него имелаась, Саро разослал приказ к атаке и теперь смотрел, как готовилось к бою его немногочисленное войско.

Сам он вбил в песок три другие руки и втянул голову под спинной панцирь.

Водяной вал обрушился на отмель. Бурлящая и клокочущая масса сметала все на своем пути. Только Саро с воинами оставался недвижимым. Подчиняясь его приказу, оказавшееся в воде войско защитников планеты плотным косяком устремилось вперед. Ловко используя все особенности потока, воины поплыли параллельно дну, укрытые от врага толщей воды. Саро не сомневался, что его замысел сработает и враг будет вынужден отступить, но вот сам он участия в битве принимать не будет. Более властный приказ, чем его собственный, заставлял отправиться совершенно в другую сторону — в Главный купол.

Проводив гордым взглядом своих воинов, Саро высвободил руки из дна и позволил потоку нести себя. Недалеко от места назначения он вильнул в сторону и вскоре оказался у входной мембраны Главного купола.

Его ожидали. Еще один Рука Отца приветствовал Саро и велел идти за ним. Теперь подавления воли не ощущалось, но этого и не требовалось.

В огромном зале кроме Отца собрались еще Верховные Пасынки. Значит ситуация более чем серьезная.

— Отец! — Саро почтительно припал на передние колени.

— Поднимись, — ответил тот. — Подойди.

Оказаться перед самим Отцом было великой честью. Панцирные усики воина затрепетали от волнения.

— Твоя последняя атака — верх мастерства.

Саро снова преклонил колени, в благодарность за признание.

— Поднимись, — опять велел Отец. — Ты здесь не для церемоний. Хочу, чтобы ты знал, что этот бой был последним. Для тебя, для нашей планеты, для Конгломерата. Достойное завершение долгой войны.

Саро не ожидал подобного, но даже на мгновение не усомнился в том, что бой, на который он отправил своих воинов, был последним. Ведь так сказал Отец. А тот продолжал:

— Когда война только началась, никто не мог предположить, что она станет столь разрушительной и опустошающей. Девять Великих Рас впервые столкнулись с таким сопротивлением. Наверное, ты помнишь, что изначально трудностей не возникало. Наши армии одерживали победу за победой...

Саро помнил Прошлое, но не посмел прервать Отца.

В памяти хранились образы благородных орбитальных боев, красивейшие маневры Объединенных армий Конгломерата, изящные точечные удары по военным объектам на поверхности планеты...

— Время триумфа приближалось. Поражение врага казалось неизбежным, пока к нему не прибыло подкрепление. — Отец замолчал, позволяя обратиться к воспоминаниям.

Тот переломный момент забыть было нельзя. Неверие, негодование и злость, недостойные воина, испытал Саро, когда армия Конгломерата впервые потерпела поражение, разбитая новым, ранее неизвестным противником. И с того времени победы стали редкостью. Враг презрел все законы Войны, и цивилизованные армии не смогли ничего ему противопоставить. И вот сейчас из Девяти Великих осталась лишь раса, к которой принадлежал Саро. Остальные либо уничтожены, либо бежали в далекие галактики...

Из пучины позорных воспоминаний его вернуло прикосновение. Отец приблизился и положил две руки ему на голову. Саро замер в благоговейном восторге.

— Сын мой, тебе поручена миссия, важнее которой еще не знал ни один воин...

* * *

Сперва Саро показалось, что он все еще на своей родной планете. До самого горизонта простиралась вода. Дружелюбная, живая. Но стоило ему обернуться и увидеть берег, как все встало на свои места. Уродливые каменные отростки, тянувшиеся от поверхности к небу, которые враг называл «домами», тусклый, почти непрозрачный воздух, палящее светило... Саро был на планете людей. А значит, его миссия началась.

Выбравшись на берег, он посмотрел вверх. Где-то там, за этим мерзким бледным небом, сейчас вела бой армада Девяти Великих. Еще не знавшая поражения, победоносная. Вскоре это изменится... если только Саро не справится со своей миссией. Судьба всех Великих Рас зависела только от него: ведь он сейчас в прошлом, и цель его — выправить будущее.

— Чувак, вали отсюда!

Саро резко повернулся на звук. Прямо на него бежали несколько... человек. Вживленный в мозг адаптативный переводчик помогал понимать слова и переводить их в мыслеобразы. Ведь люди все еще продолжали использовать для общения звук!

Саро занял боевую стойку, расставив в стороны две руки и отведя назад две другие.

— Беги, дебил, хрен ли растопырился?! — прокричал ближайший противник и промчался мимо.

Остальные, похоже, тоже не собирались нападать. Саро в растерянности развернулся и смотрел вслед удаляющейся группе. Люди бежали к своим домам.

Новый звук заставил снова поднять взгляд к небу. Черная точка летательного аппарата стремительно росла и приближалась. Вспышка — и песок рядом с Саро взорвался гигантским фонтаном. По нему стреляли!

Саро бросился в сторону, а в том месте, где он только что находился, появился новый песчаный фонтан. Потом еще один, и еще. Это походило на какой-то безумный танец со смертью. В другое время Саро вышел бы на бой с гордо поднятой головой, но сейчас важнее всего была миссия. Поэтому он побежал.

Взрывы следовали за ним по пятам. Песок засыпал бронекостюм. Потом враги начали стрелять на упреждение, и Саро

принялся метаться по прибрежной отмели, постепенно впадая в отчаяние. Ему ужасно не хотелось вот так глупо и бесславно погибнуть...

— Чувак, сюда! — донесся до него знакомый голос.

Саро оглянулся и заметил человека, призывно машущего рукой из грубого серого здания.

— Сюда!

Другого выхода не было, и Саро устремился прочь от воды, к домам людей.

Едва он оказался под каменными перекрытиями, как по зданию ударили заряды. Человек, не говоря ни слова, поднял с земли что-то напоминающие оружие, с усилием закинул на плечо, прицелился и выстрелил по летательному аппарату. В небе зажглось новое светило. Грохнул взрыв. Ударная волна невероятной силы подхватила Саро и человека, впечатала обоих в стену и понесла дальше, уже вместе с этой стеной.

— Держись! — донеслось до Саро. Но он и так вцепился в каменные выступы изо всех сил.

Когда, наконец, все стихло и немного осела пыль, человек поднялся.

— Хватит валяться, давай за мной! — произнес он и побежал через узкие проемы, сквозь строения. Ничего не оставалось, как последовать за ним.

Когда клубящееся облако осталось где-то позади, провожатый перешел на шаг и заговорил:

— Слышь, осьминог-переросток, мог бы и спасибо сказать, что я тебя спас.

Саро сначала подумал, что переводчик дал сбой.

— Я разумное существо, — уточнил он. Синтетический голос бронекостюма эхом отразился от грязных стен и низкого потолка.

— Тьфу! Чего так орать-то?! — фыркнул человек. — Я не глухой! А в том, что ты разумный, я сильно сомневаюсь, иначе не стал бы разгуливать по открытой местности во время Ка-Вэ.

— «Ка-Вэ»? — Саро пребывал в смятении.

— Ну да, клановые войны.

Еще один пережиток прошлого, от которого заныли все четыре руки. Эти люди не только уродливые, но и отстаые.

— Ты вообще откуда здесь взялся? Не, ну то, что ты не местный, я как бы догадался...

— Не имеет значения, — выдал синтезатор голоса.

— Уууу, какой серьезный! Ну, как скажешь...

Саро немного пришел в себя и решил, что можно продолжать миссию. Из-за какой-то особенности — воину не пристало вдаваться в научные подробности — за один раз в пространстве-времени можно было переместить лишь один объект. Поэтому бионейтрализатор запланировали переместить на планету людей вторым скачком, забросив, для надежности, в недалекое будущее по отношению к Саро настоящему. Он взглянул на датчик обнаружения, который сканировал поверхность планеты с самого момента появления на ней Саро. Индикатор поиска светился тускло-красным, а значит, бионейтрализатора на планете еще не было.

— Ждешь кого-то? — спросил человек, рассматривая датчик.

Зарывав, Саро схватил своего спасителя тремя руками и поднял над собой, к самому потолку.

— Эй-эй-эй! Чувак! Ты чего?! — адаптативный переводчик идентифицировал издаваемые звуки как «вопли». — Ладно, можешь не отвечать! Успокойся!

Саро с трудом понимал, что это значит, но испытывал крайнее раздражение.

В тот момент, когда он решил разорвать человека на части, вдруг сработал датчик обнаружения, и из тусклого индикатор превратился в ярко-красный.

Саро разжал хватку и шагнул в сторону. С новым, по интонации, воплем человек полетел на каменные обломки под ногами. Здесь вообще все было усыпано камнями, практически ни одного ровного места. Если у людей такие представления о прекрасном, то эта раса не достойна жить!

— Етить тебя за все твои четыре ноги! — прокричал человек, и переводчик выдал образ, от которого у Саро заскрежатали пластинки на панцире.

Но он справился с эмоциями — все равно, людям осталось существовать очень недолго. Как только Саро найдет нейтрализатор и запустит его, вся биологическая жизнь на планете исчезнет. Останутся лишь вода и растения.

А после общения с человеком захотелось осуществить это как можно скорее. Саро пытался определить местонахождение устройства, но никак не получалось соотнести его с местностью.

Тогда на ум пришла идея.

— Человек, ты можешь мне помочь?

— А не пойти ли тебе на... и не сделать...

Саро не до конца понял, что имелось в виду, но пластинки на панцире снова непроизвольно зашевелились.

— Человек... ты можешь мне помочь? — даже синтезатор, кажется, обрел неуверенность.

— Что тебе надо, скотина?! Вот нахрена я тебя вытаскивал из-под обстрела?! Чтоб ты меня на камни швырял, урод восьмирукий?

— У меня четыре руки и столько же ног, — поправил Саро.

— Ага, вот и засунь их все себе в..., вездеход долбаный!

Смирившись с недостатками переводчика, Саро проигнорировал непонятные обороты речи человека и снова обратился с просьбой:

— Мне нужно найти это место, — он вытянул руку с датчиком обнаружения и запустил объемное изображение, транслируемое с нейтрализатора.

Человек ответил не сразу. Сначала разглядывал датчик, потом засунул руку под одежду и достал какое-то плоское устройство. Саро напрягся — вдруг оружие?

Человек издал очередной странный звук и показал зубы.

— Расслабься, чувак, это всего лишь планшет. — И стал водить по устройству отростками на руке.

Когда стены вокруг вдруг превратились в зеленые растения, Саро напрягся еще больше, но спустя мгновение сообразил, что это такое же искусственное изображение, как на его датчике обнаружения.

Человек принялся махать руками, все же заставив Саро отскочить назад. Волнение оказалось напрасным — эти движения только заставляли меняться изображения, транслируемые «плашетом».

— Вот, кажется, нашел, — произнес человек. — Нам сюда. Пошли!

Выключив устройство, человек зашагал прочь.

Немного поколебавшись, Саро направился следом.

Человек оказался самым странным существом, с каким ему доводилось встречаться.

— Ты почему меня не боишься? — невольно вырвался вопрос.

— Шутишь? А с чего мне тебя бояться? Ты хоть и инопланетянин, но, надеюсь, цивилизованный и не сожрешь меня на обед?

— Мы не едим своих врагов.

— Да? А вот у нас случается. Ты, наверное, по вкусу на кальмара похож...

Переводчик не смог подобрать аналог слову «кальмар». Но сам факт, что люди пожирали своих противников, заставил Саро в очередной раз потерять самообладание и запнуться о торчащий металлический прут.

Человек заметил это и снова показал зубы:

— Да шучу я, осьминожка! Не бойся! Все-таки ты странный. Я, конечно, догадывался, что у вас с чувством юмора напряги, но не настолько же.

Для себя Саро мысленно решил, что, как только доберется до нейтрализатора, непременно убьет это ужасное существо.

Чем ближе они подходили к месту назначения, тем крепче становилась уверенность в правильности подобного решения. Человек говорил не переставая, и образы, посылаемые в мозг адаптивным переводчиком, все чаще приводили Саро к умственному ступору.

Наконец они добрались до небольшой площадки, посреди которой возвышалась сделанная из камня фигура человека — явно не воина, потому что на нем не было ни бронекостюма, ни какой-либо, пусть даже примитивной, защиты.

Рядом лежал бионейтрализатор.

Человек оказался рядом с устройством раньше Саро.

— Ого! Что за хреновина? Оружие? Как работает?

Первым порывом было броситься к врагу и осуществить то, что воин запланировал в пути.

Но человек не трогал нейтрализатор, а лишь рассматривал его. И тут у Саро появилось желание, недостойное воина, но он не мог ничего с собой поделать. Ему захотелось испугать человека, увидеть, наконец, страх, заставить испытать унижение...

— Это бионейтрализатор. Когда я запущу его, все живое на этой планете исчезнет.

— То есть, и ты тоже? — спросил человек, продолжая изучать устройство.

Саро приготовился к броску, на случай, если враг захочет сломать нейтрализатор.

— И я тоже.

— Етить все твои четыре ноги! Так ты камикадзе!

Пластины на панцире зашевелились.

— Не пытайся остановить меня, человек!

— Не-не-не! Что ты, что ты! Валяй, включай!

Саро, уже протянувший руки к аппарату, замер.

— Тебе не страшно?

— Нет.

— Почему? Ведь сейчас погибнет вся твоя раса.

— Чувак, с чего ты решил?

— Это — бионейтрализатор.

— Ну, так прикольно! Такой фишки еще ни разу не было! Орбитальные удары и атомные бомбы уже не актуальны! Скучно же! Ядерная война уже была, меч Армагеддона у некромантов отобрали, вирус ярости пережили, сейчас вон вашего брата в космосе хреначим. Да и для Ка-Вэ полигон уже маловат стал.

— Полигон маловат? — переспросил Саро.

— Ну да! Видишь, ты тоже со мной согласен! Что такое планета?! Нет ничего! К тому же разрушили все, что только можно. Надоело по развалинам бегать. Масштабности хочется! А ты сейчас жахнешь своей штуковиной, может, нам что покрупнее выделяют! Кстати, спасибо вам! Когда вы потрепали нашу армию, то правительство решило пойти на радикальные меры и приняло единственное правильное, на мой взгляд, решение: мобилизовало самых лучших! Вот уж тогда мы развернулись! Ведь кто лучше нас разбирается в тактике и стратегии, кто может в одиночку запросто выступить против сотни, а то и тысячи, кто самые классные пилоты и стрелки? Мы, конечно же! Ну что, когда запустишь нейтрализатор? А может, я сам? Куда нажать?

В голове Саро царил хаос. То, что передавал переводчик, не укладывалось в сознании. А когда все же уложилось, то родился один-единственный вопрос:

— Кто вы?!

— Геймеры, — ответил человек, сопроводив слова поднятием плеч.

Удивительно, но адаптативный переводчик, видимо проанализировав всю полученную информацию, выдал вполне понятный образ.

И тогда Саро не выдержал.

Он медленно опустился на все четыре колена, расстегнул и снял шлем. Внутри полыхнуло огнем: воздух чужой планеты практически не подходил для дыхания. Но ему хотелось, чтобы отравы прошла через его организм, проникла внутрь, пронизала тело. Хотелось почувствовать, чем живут эти ужасные существа, стать хотя бы на какое-то время столько же могучим, беспощадным и великим. Хотелось повелевать мирами, вершить судьбы и управлять вселенными.

Хотелось стать геймером.

— Эй, чувак! Чувак, ты чего надумал?! — кричал человек. — погоди, скажи, как включить эту хреновину?!

Но Саро его не слышал. Он умирал, впитывая в себя величие и мощь самой невероятной и разрушительной из всех известных ему рас — расы геймеров.

Александр Шакилов

МУХА НА СТЕКЛЕ

Утром Солнце полегчало на полтора эксаграмма, а постоянную Больцмана отменили в связи с переходом на летнее время. Марк пил кофе из чашки — вместо чая из стакана.

Густые волосы его потемнели, лицо вытянулось, а тапочки на ногах напоминали кирзовые сапоги. Родительская хрущевка чудила особо: восемь углов без разрешения БТИ трансформировались в пять, кровать продырявилась гамаком, белоснежный потолок покрылся лепестками обоев. Цветочки, пусть и нарисованные, раздражали Марка неимоверно. Уж лучше фиолетовый горошек. При отсутствии силы тяжести куда приятнее парить с видом на кругляши, чем любоваться пестиками и тычинками.

Он напялил шляпу на редкий ежик, сунул в карман бумажник с баксами и открыл дверь. В подъезде поздоровался с Митричем, приподняв бейсболку над лысиной. Митрич поправил фуражку и сказал:

— Однажды, Марк, ты попадешься опять, зуб даю.

Митрич служил сержантом или генералом в местном отделении полиции свободы. Короче, должность обязывала пороть редкостную чушь.

Цветочный магазин, что вчера располагался за углом, нахально торчал напротив подъезда. Марк попросил русокосую продавщицу собрать букет белых роз. Продавщица кивнула и тут же стала усатым кавказцем.

Вышел Марк из супермаркета с охапкой ромашек, поймал такси (шеф, на улицу Мира!), заплатил рублями водителю автобуса за проезд с багажом, хотя никакого багажа у него не было, — лучше сразу отслюнявить пару евро, чем потом краснеть. В маршрутке было накурено и свежо, разухабистый шансон оборвался блоком новостей. Передавали, что во второй половине дня ожидаются резкие перепады массы покоя протона и скорости распространения электромагнитных колебаний в вакууме. Бабушка, соседка Марка по ложементу, томно проворчала со своего табурета, что у нее опять будет давление, надо выпить аспирина.

— Молодой человек, вы, случайно, не в курсе, сегодня аспирин помогает от гипертонии или лучше воспользоваться никотиновым пластырем?

Марк открыл рот и понял, что забыл русский, зато в совершенстве овладел фарси. Он кинулся к выходу, прижимая к груди пионы, спустился по трапу и двинул вверх по переулку Войны. Навстречу брел панк в костюме и при галстукке. Этот вежливый молодой человек попытался на ходу обуглить кончик папиросы, но кислород напрочь отказался участвовать в реакции окисления.

— Огонька не будет? Стабильного?

Ну, это уже откровенная провокация! Откуда у Марка стабильная зажигалка, такой мощный ограничитель степеней свободы? Он что, похож на рецидивиста, поправшего заветы предков? Разве он комитетчик какой или барыга с черно-белого рынка?!

Рядом с трансформаторной будкой мерно гудел районный вариатор. День внезапно стал ночью, жара — снегопадом, кирзачи — длиннющими ходулями. А на ходулях Марк двигаться не умел и вдвойне не умел танцевать на льду, заменившем асфальт.

Марк упал с высоты в полтора метра и наверняка сломал бы себе что-нибудь, если б не ослабла сила тяжести — в связи с переходом от сферической формы планеты к дискообразной. Слонам и титанам, не говоря уже о китах, надо облегчить страдания. Все незакрепленные предметы и люди тут же вознеслись в атмосферу.

Редкие минуты блаженства! Марк закрыл глаза. Чтобы сделать Землю диском, нужно затратить чрезвычайно много энергии, Министерство Свободы едва справляется. И потому на прочие трансформации не хватает вариаторов. Стыдно признаться, но Марк любил эти редкие мгновения — когда ты сейчас и секунду спустя четкий и аналогичный. Он порхал, разглядывая свои руки, которые вот уже полминуты оставались неизменными.

Эх, почему Марка не взяли на работу в Комитет Стабильности?!

Комитету не нужны добровольцы. Комитет вербует лишь граждан, люто ненавидящих любые ограничения свободы, за которую наши деды и отцы, наши предки, наши... в общем, все-все-все много-много лет назад не пожалели живота своего и забрызгали кровью семь десятых планеты, включая океанские впадины, — если верить утреннему учебнику истории. Марк знал: его психопрофиль изменяется не в том диапазоне, и надеяться не на что. Но это не мешало ему раз в год заполнять анкету в просторном четырехугольном вестибюле Комитета, выкрашенном в белый цвет — без цветочков в горошек...

Реальность потекла, деформировалась. Вот-вот диск раздастся полноценной сферой и бедная Луна вернется на правильную орбиту. Марку почти удалось прижаться к талой жиже, когда он увидел большую черную машину, мчащую по улице. Машина была единственно вероятной, до рези в глазах фактической. Все, что окружало авто с тонированными стеклами в радиусе двух метров, тут же теряло альтернативы. Степные травы и зыбучие пески становились асфальтом в трещинах и ржавыми канализационными люками. Летучая мышь, атаковавшая машину, мухой размазалась по лобовому стеклу. Ах, как Марку захотелось броситься под эти рифленные колеса!..

— Вот уроды, да?!! — скинхед, зависший у верхушки тополя, так раскурил трубку, провожая лимузин презрительным взглядом. И тут же рухнул на тротуар. Громко треснули ребра.

Районные вариаторы вновь заработали в полную мощь.

— Комитетчики, м-мать их так! — сдавленно пропищал клубок боли, застывший в ожидании правильной трансформации.

ции. Он затаился, закашлялся и выбросил сигару: — Ну и дрянь, никогда больше не буду...

Отряхнув кимоно, Марк с чувством кивнул:

— Самэ так, хлопчэ, самэ так!

И подумал, что свобода — это хорошо. Иногда. Остановись вариаторы, и травмы станут однозначно смертельными, а так — секунда, две — тело изменится, от внутренних кровотечений не останется и следа. Время лечит...

Ходули исчезли, зато отныне — надолго ли? — на ногах Марка обнаружились босоножки из полиуретана. В атмосфере явно ощущалась недостача аргона и гелия, дышалось с трудом. Хорошо хоть подошвы отлично пружинили. Пока сила тяжести составляла треть от досвободного стандарта, Марк ускорился вслед за лимузином. Ему и крутой тачке по пути. За прыжок Марк преодолевал десяток метров и почти догнал автомобиль, когда тяжесть вдвое превысила стандарт, а босоножки обратились в деревянные сабо.

— А я... А меня?.. Stop! Please! — запричитал Марк, раздавленный собственным весом, и, конечно, комитетский лимузин не притормозил. Для того, кто внутри, Марк — вроде мухи на стекле.

...он шел по пескам, парил над раскаленной лавой, рубил мажете джунгли — неумоимо двигался вперед и только вперед. Улица регулярно переименовывалась, небоскребы усыхали до размеров мазанок, в оранжевом поднебесье парили дирижабли, в зеленом — летающие тарелки. Над едва заметной тропой висел транспарант «Долой дискриминацию!», над широким проспектом — «Даешь расизм к трехтысячному году!» И наконец — вот он, тот самый баобаб, раскинул игольчатые лапы у подъезда, к которому стремился Марк. Под ветвями столетнего дуба бренчали на балалайках старички в косоворотках. Марк в который раз уже люто позавидовал жильцам: за сутки подъезд не изменился; наверное, потому что рядом располагалась парковка, заставленная лимузинами. В подъезде, да и вообще во всем доме, ответственными квартиросъемщиками были комитетчики.

Марк поднялся на второй этаж, позвонил в дверь. Послышались шаги, потемнел стеклянный зрачок, щелкнул замок. Марк улыбнулся и протянул букет.

— Я не люблю фиалки, — сказала она, и Марк с ужасом понял, что принес горшок фиалок. Вечно с этими цветами проблема! Марк прекрасно знал, что она обожает розы, и потому каждое утро...

— Дай, — сказал Марк, и она послушно вернула горшок. В руках у Марка фиалки тут же превратились в пышную икебану орхидей, перевязанную нарядной ленточкой.

— Вот так лучше! — смущенного пробормотал он. — Да? Так лучше?

— Лучше, — кивнула она, но от подарка отказалась. Да он и не настаивал, зная, что как только она прикоснется к гвоздикам, те сразу обернутся чертовыми фиалками. Определенно, цветы надо запретить, как предмет, порочащий мужское достоинство!

— Войти можно? — спросил он. — А то что мы на пороге? Я по делу. Серьезному.

Она была такой... такой... В общем, Марк влюбился давно и безнадежно, и стоит ли описывать идеал женской красоты?

Она стояла в дверном проеме, прищурив красивые, всегда голубые глаза. На погонах печально блестели комитетские звезды.

— Войти нельзя. Тебя вообще как зовут? Сегодня?

— Марк.

— А вчера Сашкой звали, верно? А позавчера Толяном?

— И что?

— И ничего! Я-то завтра, вчера и сегодня была и буду Викой. Понятно тебе? Ты это понимаешь?! Я вынуждена, иначе совсем уж хаос! Но ты-то свободен, понимаешь?! Ты — СВОБОДЕН!! Живи, радуйся, свободный гражданин! — она зарыдала, черные от туши слезы потекли по румяным щекам.

Марку безумно захотелось обнять ее, прижать к мускулистому плечу, но как назло плечи нынче были хлипкими и костлявыми. И потому он просто сказал:

— Я не хочу — слышишь? — не хочу быть свободным. Я хочу связать себя узами брака.

Она молча захлопнула дверь. Опять.

Марк пожал мощными дельтами, неспешно спустился по лестнице и вышел на проспект. У приметной пальмы джаз-банда наяривала рэгги. Маляры, подвешенные на тросах к небес-

ной тверди, рисовали кучери облаков. Таблица Менделеева внезапно изволила пошутить: индий с сорок девятой позиции сместился на пятьдесят первую, а сурьма вообще неизвестно куда подевалась. Зато постоянная Больцмана вернулась к исконному значению, потому что зима. Все было правильно, все было верно.

Марк неспешно бежал-ехал-летел домой, в сталинку-вигвам-гнездо, чтобы утром начать все сначала в той же последовательности: чай-кофе, углы-магазины, она.

Кто-то скажет, что это опасно — изо дня в день одно и то же, вопреки заветам предков. И этот кто-то будет прав. Очень прав. И прищурится Митрич, встретив подозрительного соседа на лестничной площадке:

— Усиленно-свободные тюрьмы еще никто не отменял!

Марк приподнимет оранжевую каску над завитым париком. Он не боялся служаку раньше, когда впервые загремел в каталажку за привычку чистить зубы, не боится сейчас, и впредь дрожать не намерен.

Марк знает рамки дозволенной стабильности.

...а в тайнике под ванной-душевой спрятана зажигалка, всегда способная зажечь огонь.

Виктор Ночкин

ДРОИДЫ ПРОТИВ ВАМПИРОВ

Брат Джок затаил дыхание, прислушиваясь к мерному цоканью в переулке, и покрепче сжал дубинку. Это он крадется, упырь! Рыцарь Хлама наконец выследил чудовище. Не напрасными были долги бдения над старинными книгами, не зря брат Джок корпел над картами портовых районов, где упырь нападал на горожан. Не зря он лежал сейчас в грязи, в грудe вонючего тряпья, выслеживая тварь. Все приметы сошлись, все следы вели сюда. Теперь упырю не скрыться — кем бы он ни был, дубинка Джока положит конец его бесчинствам.

Цокот и шорох, сопровождающие передвижение упыря, приближались... и наконец длинная тень легла вдоль переулкa. Она покачивалась и шевелилась. Джок осторожно вытер взмокшую ладонь о полу орденского плаща. Все ближе и ближе... вот он! Широкий темный силуэт показался рядом с убежищем рыцаря Хлама. Движение упыря сопровождалось едва слышным звяканьем металла.

Джок подождал, пока чудище проковыляло мимо, потом бесшумно поднялся и занес оружие. Длинный шаг вдогонку — и удар.

Всю свою ненависть к упырю, всю истовую веру в славных Предков вложил рыцарь в это движение. Конец дубинки с шорохом прорезал сырой воздух и обрушился на голову упыря. Вернее, на то место, где полагается быть голове. Кр-рак!!! С душераздирающим треском верная дубинка, исправно служившая Джоку в доброй полусотне драк, разлетелась на куски.

Упырь пошатнулся и с неожиданным проворством развернулся к Джоку. Рыцарь разглядел тянущиеся к нему многосуставчатые конечности, отшатнулся и рванул из кобуры револьвер.

В тесном переулке выстрелы прозвучали особенно громко, но и пули, как оказалось, не могут повредить упырю, они звонко цокали о широкую выпуклую грудь и рикошетом разлетались в стороны, ударяя в стены соседних домов.

— Во имя Предков... — растерянно пробормотал Джок, продолжая пятиться и выпуская пулю за пулей.

Шесть выстрелов — и все зря! Упырь с тем же мерным цоканьем нижних конечностей надвигался на брата Джокка, а верхние разворачивались, распрямляя все новые и новые суставы. Странные клешневидные ладони вцепились в одежду хламовника. От них веяло холодом.

Джок рванулся, легкая материя, из которой был скроен белый плащ, с треском разорвалась по швам. Джок вывернулся из холодных объятий упыря, но тот вцепился снова. Рыцарь размахивал револьвером, колотил по ухватившим его тонким лапам, каждый удар отзывался металлическим звоном.

«Да он же в доспехах!» — успел подумать Джок. Потом нога поскользнулась в скользкой дряни, разлитой на земле, и рыцарь потерял равновесие, а тварь все тянула и тянула его к себе, не уменьшая усилий. Джок рухнул на выпуклую грудь упыря, ударился головой обо что-то твердое... и мир покачнулся.

Пришел в себя рыцарь на земле. Он лежал все там же — в грязном вонючем переулке среди груд отбросов. Упыря не было, но свое черное дело он уже сотворил: Джок ощутил слабость, свидетельствующую о потере крови. Он прикоснулся к оголенному участку кожи, где упырь возил жало... поднял лицо к темному низкому небу и зарычал. Брат Джок, вернейший и надежнейший воин Добра, укушенный вампиром, теперь и сам превратится в прислужника Тьмы. Это было несправедливо, это было... это было неправильно, нечестно! Рыцарь решил, что ему следует укрыться от людей и по мере сил преодолевать тягу к человеческой крови. Быть может, ему удастся сопротивляться Злу, поразившему его тело? Или, кто знает, он сможет найти способ преодолеть эту скверну?

* * *

Пароход бойко шлепал колесами по коричневой воде Муссы. Река здесь разлилась широко, спокойное течение несло на встречу судну сломанные ветви, стружку с лесопилок, всевозможный мусор и грязь.

Двое хламовников стояли на баке и глядели, как закругленный нос парохода вспарывает волны, разделяя надвое мутную гладь. Теплый южный ветерок слегка шевелил белые плащи, но прохлады не приносил.

— Жарковато здесь, на Юге, — заметил Гектор, атлетически сложенный блондин.

— Не то слово, дружище, — откликнулся Бутс, низенький коренастый крепыш. — Даже к выпивке не так тянет.

Бутс погладил висящую на боку флягу, но так и не стал отцеплять ее от ремня.

— Интересно, — пробурчал он, разглядывая раздувшуюся тушу крысюка, покачивающуюся на волнах среди мусора, — я думал, выше по течению река чище, чем у нас, в Мусор-Сити. А здесь то же самое. Как ты думаешь, Мусса где-нибудь чиста? Не настолько, чтобы из нее пить, я имею в виду. Но хотя бы такая, чтобы ботинки вымыть было не противно?

— Вряд ли. Я слышал, она берет начало в болотах Юга. Не думаю, что тамошние болота подходят для мытья ботинок.

— Не люблю болота. И зачем нас отправили в эти края...

— Мы — рыцари Хлама. Наша забота — служить Добру во славу Предков, где бы ни пришлось! — торжественно объявил Гектор.

— Это само собой... а что сказал магистр? Что там у них стряслось, на Юге-то? Почему нас отправили в соседний штат? Среди братьев в Примус-Сити наверняка есть свои специалисты.

— Магистр толком не объяснял. Сказал, нас проинструктируют на месте. А с тамошним специалистом что-то случилось: то ли заболел, то ли пропал, то ли еще что. К тому же в Примус-Сити у нашего представительства возникли трения с Церковью Славы Потомков. Магистр сказал: ситуация щекотливая, поэтому он отправляет нас.

— А, ну да! Мы же лучшие! Кому и выручать братьев, если не нам! Но что же там стряслось?

— Скоро узнаем. Вот уже граница штата, — Гектор указал на высоченный столб, торчащий на холме недалеко от берега. — До Примус-Сити еще часа два пути.

Вскоре пейзаж, проплывающий за бортом, стал меняться. Показались устья каналов, над ними торчали башенки мельниц. Вода Муссы вращала большие колеса, от них приводились в движение черпалки, подающие в каналы воду для полива. Грязная коричневая вода растекалась по долине, орошая плантации; на полях виднелись вереницы дроидов, черных, опаленных ударами живомолний. Корявые фигуры мерно и неумоимо продвигались по раскисшей земле.

— Бр-р! — Бутс поежился. — Кажется, я слышу скрип их конечностей. Не по себе становится от этого звука. Нет, я не расист, но не люблю дроидов. Есть в них, знаешь ли, скрытая угроза.

— Просто они не такие, как мы, — наставительно заметил Гектор. — Прошу тебя не высказывать неприязни к этим несчастным существам. Им и так несладко приходится. Кто они, в сущности? Всего лишь деревья чао с плоскогорьев. Там, говорят, часто случаются грозы, вот молнии и бьют в деревья. А в небесах, как ты знаешь, находятся тысячи и тысячи душ Предков, павших в день Последней Битвы. Молнии, сиречь электрические разряды, то и дело оказываются проводниками информационно-витальных сил и превращаются в живомолнии — те самые, что поднимают зомби у нас на Великих Равнинах. Не знаю, что такого в этих самых деревьях чао, но когда живомолнии ударяют в них, растения получают избыток интеллектуально-витальной силы Предков и превращаются в дроидов.

— Ну да. Те, которым удастся потушить огонь, и превращаются. Это мне понятно. Только все равно не люблю я их.

— Стыдись, брат! Дроидов насильно увезли из родных краев, заставляют трудиться на плантациях, их доля тяжела. Они заслуживают жалости, а не презрения!

— Это я знаю, но чувствам-то не прикажешь. Слава Предкам, в нашем штате запрещено использовать труд дроидов!

Бутс потянулся, хрустнув суставами; от этого движения белый плащ рыцаря Хлама развернулся, ветер подхватил его и расправил складки.

— Вот закончим работу — и домой, — мечтательно заявил Бутс. — Приедем в Мусор-Сити, а там ни дроидов, ни жары. И там тянет к выпивке.

* * *

Глава орденового представительства в Примус-Сити брат Джироламо выделялся в толпе на причале и белым плащом хламовника, и собственной внешностью. Брат был высок и тучен, из его плаща можно было бы сшить передники для доброй сотни прачек. Джироламо обладал роскошной черной шевелюрой, красными щеками и зычным голосом. Когда он поздоровался с братьями из Мусор-Сити, толпа на берегу вздрогнула, а Мусса на миг замедлила свой вечный бег.

— Добрые братья! — заорал Джироламо, заведев на баке парохода белые плащи. — Наконец-то! Слава Предкам! Я счастлив приветствовать вас в нашем славном городе!

Пароход причалил, загорелые матросы закрепили швартовы и скинули на пристань трап. Пока они занимались привычной работой, брат Джироламо приплясывал от нетерпения, и грязные доски стонали под его ножищами. Славный глава представительства церемонно пожал прибывшим руки, а потом бесцеремонно обнял — сперва Гектора (отчего тот поморщился), а затем коротышку Бутса (для чего здоровяку пришлось склониться). Покончив с приветствиями, брат Джироламо осведомился, нет ли у братьев тяжелой клади.

— Нет? Отлично, отлично! — все так же громогласно провозгласил он. — Когда я был молод, тоже любил путешествовать налегке. Но мало ли, у кого какие привычки? Я бы прислал дроидов, чтобы поднесли ваши вещи.

— Не дам прикасаться этим деревяшкам к моей клади! — буркнул Бутс.

— Понимаю, добрый брат, понимаю. Дроиды, в сущности, нечисть. Во времена славных Предков не было ничего подобного, стало быть, дроиды — ересь. Но должен же кто-то трудиться на плантациях?

— Может, пойдем? — предложил Гектор. Он счел, что церемония встречи слишком затягивается. — А по пути изложите нам, в чем дело. Нам ничего не объяснили в Мусор-Сити. Что у вас стряслось?

— Я собирался рассказать вам после обеда, — признался Джироламо, разворачивая грузное тело, и толпа раздалась перед ним вправо и влево. Было в тучном брате что-то такое, что заставляло людей поспешно убираться с его пути. — Подумал, незачем портить аппетит грустными разговорами. Но как желаете.

— Нам желательно поскорее перейти к делу, — буркнул Бутс. — Мы с братом Гектором всегда стремительны.

Потом он поспешно добавил:

— Только не подумайте, что я отказываюсь от обеда. Обед — традиция, завещанная славными Предками, чей Хлам указывает нам пути истины!

Прибывшие прошли следом за Джироламо, который уверенно рассекал скопление встречающих и зевак. Когда людная пристань осталась позади, глава представительства приступил к рассказу.

— Дело в том, что здешний люд не слишком почитает Предков. Гораздо большей популярностью в Примус-Сити пользуется Церковь Славы Потомков. Их глава — Вонсо, великий ересиарх, скажу я вам. Наглый, бесстыжий тип!

— Но народ к нему тянется? — уточнил Гектор.

— Народ... — обиженно промолвил Джироламо. — Народ прельщен его нечестивыми ритуалами.

— Что за ритуалы? — заинтересовался Бутс.

— Говоря просто, оргии. Слава Потомков, Вонсо призывает настрогать как можно больше детей. Потомков, то есть. Слабые духом счастливы посещать такие... э... службы.

— Проклятие! Я их понимаю! — признался Бутс.

— Стыдись, брат! — начал Джироламо, но тут же обреченно махнул рукой. — Говоря по чести, я их понимаю тоже. Но ладно бы они просто славили Потомков на этот нечестивый манер! Вонсо всячески поносит и бранит нашу веру. Он утверждает, что Хлам — не наследие великих Предков, а имущество Потомков, заброшенное к нам из будущего.

— Глупо, — заметил Гектор. — Есть немало доказательств, что...

— Избавьте меня от проповеди, — попросил Джироламо, — я достаточно крепок в вере. А красноречие ваше, брат Гектор, поберегите для Вонсо. Он тоже приглашен к обеду, чтобы полюбовно, так сказать, решить наши проблемы.

— То есть вы не рассорились вдрызг и на обеды друг к другу ходите? — с печалью промолвил Бутс. — Это осложняет дело. Если бы дошло до открытого противостояния, я бы вашему Вонсо...

— Нет-нет, пожалуйста, добрый брат, не будем усугублять конфликт! — попросил Джироламо. — И без того девять десятых населения Примус-Сити на стороне этого пройдохи. Из влиятельных граждан на моей стороне лишь Роза, хозяйка веселого дома, да и то по единственной причине: коллективные службы Церкви Славы Потомков вредят ее бизнесу! А если пройдоха Вонсо еще и получит возможность напялить маску мученика за веру... нет, брат, не надо.

— Пара пинков еще никого не сделала мучеником, — кротко заметил Бутс. — К тому же я работаю аккуратно, следов не останется. Но если вы не велите...

* * *

Мистер Вонсо оказался вертлявым низеньким человечком с лукавой улыбкой, словно приклеившейся к румяному лицу. Он радостно приветствовал Джироламо и, едва переступил порог, тут же затараторил:

— Приветствую, добрые братья, приветствую от всей души! Как это славно, как это замечательно и прекрасно, что, невзирая на разделяющее нас несогласие во взглядах, мы можем этак запросто собраться за обедом и поболтать! Мирно, без споров и пререканий! Приглашайте же к столу, мистер Джироламо, приглашайте к столу! Ба, да у вас уже накрыто! Какой чудесный вид! И запах!

Стол в самом деле был приготовлен на славу. Пока шел обмен приветствиями, Бутс потирал руки и сглатывал слюну, не сводя глаз с блюд и мисок. Крысытина, приготовленная шест-

надцатью разными способами, тушеный крокодил, птица на вертелах, пирожки, подливки и соусы! А салаты! А фрукты — знаменитые фрукты Юга!

— Ждали только вас, мистер Вонсо, — буркнул Джироламо. — Знакомьтесь, это брат Гектор, а это брат Бутс, их прислали из Мусор-Сити в ответ на мою просьбу. Эти братья — большие специалисты в сыском деле, они помогут нам уладить...

— Да-да! — тут же перебил глава представительства Вонсо. — Чем раньше мы разрешим наше маленькое недоразумение, тем скорей воцарится мир и согласие в славном Примус-Сити! Разве мы не стремимся к миру и согласию всей душой? Лично я — за мир! Во славу Потомков! Ибо они будут смотреть на наши поступки, взвешивать и оценивать всякий шаг. Они судят строго, но справедливо, да-да, добрые братья!

— Не мог бы кто-нибудь из вас изложить, в чем заключается проблема? — попросил Гектор. — Мы-то готовы приступить к расследованию, но до сих пор не знаем, что за беда постигла...

— Изложу! — откликнулся неугомонный Вонсо. — Накладывайте себе закуску и слушайте!

— А я не вижу напитков, — насторожился Бутс. — Только, понимаете, настроился умять побольше, а чем бы это все sobорить да протолкнуть?

— Напитки подадут охлажденными, — пояснил Джироламо. — Эй, Эмон!

Скрипя, к столу приблизился дроид в белом фартуке и осторожно опустил на край стола поднос с графинами и бутылками.

— Что прикажете, масса? — обратился он к Бутсу, который оказался ближе всех.

— Держись от меня подальше, существо! — буркнул коротышка. — Сам налью.

— Как вам угодно, масса.

— Итак, добрые братья, — заговорил Вонсо, поднимая бокал, — из нашей Церкви была похищена бесценная реликвия. Уникальная, единственная в своем роде вещь. Дар, ниспосланный нам Потомками.

— Что она собой представляет? — спросил Гектор.

— Этакая железяка высотой побольше меня. Цилиндрический корпус со множеством лампочек и кнопочек. Я нажимал одну из этих кнопочек во время наших ночных бдений...

— Я бы сказал, во время оргий, — буркнул Джироламо.

— Стыдитесь, брат! — Вонсо опечалился. — Не нужно поносить чужую веру! Так вот, я нажимал кнопочку, начинала играть прекрасная музыка, не веселая и не грустная, но приводящая душу в состояние мира и равновесия, загорались красивые огоньки, и мы возносили наши молитвы Потомкам. Ах, это было прекрасно! В центре зала на подиуме наша реликвия, играет музыка, огоньки вспыхивают в дивном порядке, мы сбрасываем одеяния, мы чисты, как младенцы, души стремятся к Потомкам, а тела стремятся к...

Бутс откашлялся. Картина, нарисованная Вонсо, доброго брата не смутила, но привела в некоторое смущение.

— Что такое? Вы поперхнулись? Похлопать по спине? — обернулся к нему Вонсо.

— Руки прочь! — прохрипел Бутс.

— А проблема в том, что, когда эта реликвия пропала, — заговорил Джироламо, — мистер Вонсо обвинил нас в краже!

— А что? Все знают, что Орден собирает всякие занятные штучки, присланные нам Потомками для образца и подражания!

— Мы собираем Хлам, оставшийся от Предков, — поправил Гектор. — Потомки не могут нам ничего прислать, это противоречит естественному ходу времени!

— Как, добрый брат, — Вонсо в притворном смущении заломил руки, — вы не веруете в Конец Времен? Если время закончилось Последней Битвой, то и его естественное течение может легко нарушаться, так-то!

— Предки предотвратили Конец Времен, — заявил Гектор.

— Да как скажете, — махнул ладонями Вонсо, — как скажете, брат Гектор! А я человек простой, рассуждаю просто, и все простые люди Примус-Сити попросту соглашались с моей простой логикой. Это же так просто! Вот посудите сами: мой дед был возчиком, владел упряжкой крысюков, доставлял грузы из Примус-Сити в Грязный Ручей и обратно. Потом появился паровой дилижанс, и мой отец сделался первым возницей па-

ровика, а дед остался без работы. Ох, как они ругались, бывало! Так вот, на смену ездовым крысьюкам приходит паровик, потом изобретут еще что-то более совершенное, потом — еще и еще... таков ход прогресса, который сильнее времени. Наша реликвия имела настолько сложное устройство, она была так совершенна! И вместе с тем она являлась машиной, творением рук человеческих. Вне всяких сомнений, сейчас никто такого изготовить не в состоянии. Значит, эту реликвию изготовят позже, когда позволит прогресс, идущий, как я уже отметил, от упряжки к паровику и далее.

— Это всего лишь предположение, — заметил Гектор.

— И что же? У отца был паровик. У деда — всего лишь крысьюки. Прадеда своего я не помню. Должно быть, он таскал грузы на собственной спине. Двигаясь дальше и дальше к предкам, я вижу упадок и отсутствие техники. Двигаясь к потомкам, я вижу прогресс, вижу все более сложные механизмы — а там и наша реликвия! Что скажете?

— Но как эти вещи попадают к нам?

— Потомкам под силу то, что не укладывается в голове, — объяснил Вонсо. — Если бы я не владел бесценной реликвией, не видел ее собственными глазами и не нажимал на ее кнопки собственными пальцами, то не поверил бы, что подобное чудо возможно. А Потомки могут ее сделать! Могут отправить нам, чтобы чтить их и дали им жизнь! Если бы я знал, как устроена реликвия, уж я бы, наверное, догадался, и как ее отправить в прошлое! Но я не знаю, увь. Вот найдете наше чудо, сами убедитесь в величии Потомков.

— Погодите-ка! — насторожился Гектор. — Вы хотите, чтобы мы ее нашли? Значит, не верите, что Орден стоит за похищением?

— Ну что вы, добрые братья! Конечно же я знаю о беспримерной честности и благородстве добрых братьев! Как же я мог по-настоящему счесть вас ворами? Никак не мог.

— Так зачем же...

— Зачем обвинять Орден? Затем, чтобы вы помогли нам! — радостно объяснил Вонсо. — Теперь у Джироламо нет выхода, волей-неволей он заинтересован в расследовании кражи! Чтобы обелить доброе имя Ордена Хлама, вы поможете нашей беде!

— Но Орден и так помогает всем, кто попал в беду, — недоуменно произнес Гектор.

— Угу, — поддакнул Бутс.

Ничего больше он произнести не мог, потому что набил щеки тушенной со специями крысятиной.

— Помогает, — согласился Вонсо. — Но когда я обратился с просьбой к брату Джироламо...

— Я поручил расследование брату Джоку. Он способный, старательный и лучший в сыском деле.

— И вот, когда с момента похищения прошло три дня, — подхватил Вонсо, — я пришел в представительство, чтобы справиться о ходе следствия. А брат Джок ответил, что займется моим делом после того, как обезвредит упыря.

— Упыря? — спросил Бутс, прожевав наконец.

— Да, у нас тут завелась какая-то тварь, — взмахнул руками Вонсо. — После встречи с ней люди жалуются на слабость, головокружение и прочие симптомы, соответствующие потере крови.

— Следы укусов тоже налицо, — буркнул Джироламо. — Народ обеспокоен. Укушенных изолируем, но это не выход. В общем, проблема вполне серьезна, и я не возражал, когда брат Джок в первую очередь занялся упырем. Он говорил, что напал на след, вычислил, где можно застигнуть тварь. Подождали бы немного, мистер Вонсо...

— Я готов ждать целую вечность! — Вонсо снова всплеснул руками. — Но мое дело, дело истинной веры, — оно не может ждать! Прихожанам не хватает нашей реликвии, ниспосланной Потомками! Они говорят, что так-то, без музыки с лампочками, можно и дома...

— Пожертвования сократились? — не без ехидства осведомился глава представительства.

— Завидуете моей популярности? — живо, будто только этого вопроса и ждал, откликнулся Вонсо.

— Мы немедленно займемся похищением, — заверил его Гектор, прежде чем разгорелась перепалка. Похоже было, что Вонсо с Джироламо уже готовы приступить к привычному спору. — Сперва мне необходимо побеседовать с братом Джоком, затем обследовать место преступления...

— Боюсь, с братом Джоком не выйдет, — грустно промолвил Джироламо. — Уже третий день его никто не видит. Он отправился ловить упыря, да так и пропал...

* * *

После обеда Вонсо повел приезжих осмотреть место преступления. Брат Джироламо отказался их сопровождать и вид при этом имел смущенный.

— Я там уже бывал, — объяснил он Гектору. — Хватит с меня.

У дверей храма Славы Потомков толпились люди. Своего пастыря они приветствовали радостными воплями, зато белые плащи хламовников вызвали в толпе приступ негодования. В адрес братьев посыпалась брань, и «воры» было самым безобидным определением, какое им довелось услышать. От суетливости и благодушия Вонсо не осталось и следа, он выступал важно, глядел гордо. А когда заговорил — крики тут же пошли на убыль.

— Не нужно браниться, мои добрые почитатели Потомков, — объявил глава Церкви. — Эти братья прибыли только нынче, и уж они-то во всяком случае не повинны в краже! Напротив, они взялись помочь мне в поисках пропавшей реликвии. Не будем их обижать без причины!

— Зато если мы не сыщем вашу хреновину, причина тут же образуется, — буркнул Бутс.

Вонсо развел руками. Потом кивком пригласил следовать за ним и вошел в храм.

Здание имело округлые очертания, сферический купол накрывал обширный зал. В углах грудями были свалены тюфяки, матрасы и подушки. Гектор догадался, что это ритуальные постельные принадлежности. Они используются во время ночных бдений, когда прихожане Вонсо под музыку, издаваемую древней реликвией, предаются прославлению Потомков. Когда двери захлопнулись, в зале стало темно, так как окон здесь не имелось. Глава Церкви запалил керосиновую лампу и грустно сказал:

— Как здесь неуютно и грустно без реликвии, ниспосланной нам славными Потомками. Она давала свет и веселила сердце чарующей музыкой...

Посередине зала возвышался круглый подиум. Гектор обследовал его и обнаружил шесть глубоких царапин. Вонсо подтвердил: реликвия стояла на шести тонких подпорках. Высотой она почти с брата Гектора, сверху имеет надстройку в форме полусферы. Бока усеяны лампочками, кнопками, всевозможными рычажками и круглыми штуковинами, некоторые из них удавалось сдвинуть или покрутить.

— А были ли там надписи? — осведомился Гектор, пока Бутс осматривал дверь.

— Были, конечно! Крошечные буковки, да такие аккуратные, такие ровненькие!

Гектора больше интересовало содержание надписей, а Вонсо об этом даже не заикнулся, все нахваливая способности Потомков к каллиграфии. В конце концов он был вынужден признаться, что неграмотен. И тут же добавил, что неграмотны были его отец и дед — возчики.

— Стало быть, прогресс не слишком затронул вашу семью, — заметил Гектор. — Разве это правильно?

— Дед мой возил грузы до Гнилого Ручья и обратно на крысиной упряжке, отец — на паровике... — завел привычную проповедь Вонсо.

— Это ясно, ясно! — Гектор поспешил остановить главу Церкви, поскольку эту историю он уже слышал, а в деле она помочь не могла. — Скажите лучше, как воры проникли в это помещение, если здесь нет окон? Бутс, что с дверью?

— Целехонька! И замок в порядке.

— Ключ есть лишь у меня, — заверил Вонсо, — и, клянусь славой Потомков, я не расстаюсь с ним ни на минуту! Даже во время ночных бдений он при мне! У самого сердца!

В доказательство он расстегнул верхние пуговицы и продемонстрировал подвешенный на цепочке ключ с бородкой замысловатой формы.

Изучив ключ, Гектор заметил:

— Подделать сложно. Есть ли иные способы проникнуть в здание церкви?

— Замок можно отпереть изнутри, — сообщил Бутс. — Здесь есть рукоять.

— Можно предположить, что кто-то из участников бдений притаился под матрасами у стены, а когда все ушли... — начал рассуждать Гектор.

— Это невозможно! — возразил Вонсо. — Они уходят парами! Точно так же, как и провели ночь! А предварительно убирают свои тюфяки! Уборка происходит быстро, при этом каждый на виду. Попарно они покидают сей храм, а на выходе получают мое благословение.

— Значит, преступников было двое. Лучшей версии у меня пока нет, — объявил Гектор. — К тому же реликвия наверняка тяжела, один бы и не смог уволочь.

— Для переноски тяжестей мы используем дроидов, — заметил Вонсо. — Этим головешкам не в тягость даже более весомый груз! Дроидов не было, они же всегда своими корневищами наследят, грязь с них сыплется. А здесь — никаких следов, чистенько! Ну что, добрые братья, ваш осмотр окончен? Что скажете?

— А как эта удивительная вещь попала к вам, мистер Вонсо? — спросил Гектор.

— Чудесным образом! — тут же откликнулся глава Церкви. — Некий праведник нашел ее в грязи, в заброшенных руинах, а я с благоговением приобрел у него за пинту виски.

— И теперь этого праведника никак не найти?

— Никак, добрый брат Гектор, никак! Он упился и помер!

— Или вы сами соорудили это чудо? — скептически ухмыляясь, предположил Бутс. — А то знаем мы эти чудесные обретения, которые происходят без свидетелей...

— Помилуйте, как это возможно? — возмущенно затарахтел проповедник. — Как бы это я, неученый и неразумный сын возчика, сумел бы соорудить такую штуку? Я же неграмотен!

— Что значит, «как»? Плохо, разумеется. А теперь штукавина сломалась, вот вы и надумали обвинить Орден в краже.

— Это невероятное обвинение! Несуразное и злое! Но я вам докажу, брат Бутс! У меня осталась часть этого чудесного послания Потомков! Однажды я повернул какой-то рычажок — а на этой штукавине их было превеликое множество, — и, ед-

ва я щелкнул этой самой блестящей безделицей, из чудесного сооружения вывалилась такая фиговина на шланге. Смотрелась она некрасиво, я и отрезал. Фиговина и по сей день хранится у меня. Я покажу, и вы сами убедитесь, что изготовить такое не под силу неграмотному сыну возчика! Надо же — сам соорудил! Да я сроду сам не соорудил ничего сложнее табурета!

Последнюю фразу Вонсо произнес с нескрываемой гордостью. Он считал, что собственная бездарность служит неопровержимым доказательством его теории поступательного прогресса. Все, что сложностью устройства превосходит табурет, он оставлял Потомкам.

* * *

В представительстве Ордена братьев встретил Джироламо.

— Ну как? — настороженно спросил он. — Поглядели на логово этого бесстыдника?

— Логово как логово, — буркнул Бутс. — Видал я и похуже.

— Ручаюсь, вам не приходилось видеть ничего гаже мерзостных оргий, которые там разыгрывались, пока не пропала музыкальная машина Предков, которую Вонсо называет реликвией Потомков.

— Насчет мерзости я бы проверил самолично, — с некоторой мечтательностью в голосе признался брат Бутс. — Но что же мы ищем? Какой-то музыкальный ящик?

— Музыкальный центр, как я догадываюсь, — сказал Гектор. — Были такие у Предков. Странно, что он работает до сих пор... и ведь энергии ему хватает. Самозаряжающийся прибор? Странно, странно... Брат Джироламо, теперь самое время взглянуть на материалы, оставленные пропавшим братом Джоком.

— Идемте, у меня все готово.

В келье, принадлежавшей пропавшему Джоку, глава представительства показал братьям карты портовых районов Примус-Сити и вздохнул:

— Брат Джок был старательным и аккуратным, он всегда дотошно изучал обстоятельства дела... то есть не был, конечно, а есть! Надеюсь, вам удастся его вернуть...

Гектор принялся изучать приколотые к стене листы. Вместе они образовывали полный план города.

— А что это за крестики на карте?

— Думаю, места нападения вампира.

— Смотрите-ка, они складываются в правильную дугу! В округность! Брат Джок вычислил, где упырь совершит очередное преступление! Он разгадал логику чудовища!

Джироламо вздохнул:

— Очень толковый рыцарь был... то есть не был, а... эх!..

Палец Гектора полз по окружности, нарисованной Джоком, пока, наконец, не замер в старой части города, где улочки были кривыми и узкими:

— Вот здесь! В этом месте следует искать брата Джока!

— Поищем, — коротко ответил Бутс.

В дверь постучали, и заглянул парнишка — член Ордена, состоящий в звании оруженосца.

— Чего тебе, Карлос? — обернулся к нему Джироламо.

— Пришел этот, мерзостный греховодник. Говорит, принес что-то для приезжих братьев.

— А, часть реликвии, — вспомнил Гектор. — Нельзя ли пригласить его сюда?

Вонсо торжественно вручил рыцарям округлый коробок неправильной формы, сделанный из полупрозрачной массы, какой пользовались Предки. От короба отходил гибкий шланг.

— Вот, глядите! Что, мистер Бутс, мог я своими слабыми руками изготовить такое чудо? Да мне едва хватило сил отхватить ножом эту трубку!

— Если только оно и впрямь было частью вашей реликвии, — буркнул посрамленный Бутс.

— Тому порукой мое слово, — надулся глава Церкви Славы Потомков. — Других гарантий дать не могу.

— Ступайте, мистер Вонсо, — предложил Гектор, — а эту реликвию я прошу оставить нам для изучения. Не сомневайтесь, по окончании расследования она вернется к вам в целости. Могу я покуда оставить ее здесь?

— Сделайте милость, оставьте. Толку от этой штуковины все равно никакого, музыка не играет, лампочки не блестят...

Когда Гектор убедился, что Вонсо покинул здание представительства и не может слышать, он торжественно поднял реликвию и поглядел на братьев:

— Узнаете?

— Где-то я такое уже видел... — задумался Бутс.

— Кислородная маска! — пояснил Гектор. — Стало быть, пропавшая штукавина была скорее медицинского, чем культурного назначения. Скажите-ка, брат Джироламо, ведь Примус-Сити выстроен на руинах города Предков? Где здесь была больница? Наверняка пьяница, у которого Вонсо приобрел свое чудо, отыскал ее там.

Джироламо задумался. Наконец он ткнул пальцем в карту:

— Вот здесь.

— Интересно... — только и вымолвил Гектор.

Толстый палец главы представительства указывал точнехонько в центр нарисованной Джоком окружности.

* * *

Напрасно брат Джироламо отговаривал братьев отправляться немедленно, напрасно напоминал о том, что вампиры особенно опасны ночью, — Гектор с Бутсом твердо решили распутать клубок тайн немедленно. Разве что крики: «А как же ужин?» — несколько поколебали решимость Бутса, однако Гектор был непреклонен. Несмотря на то что уже начало темнеть, они вооружились фонарями и отправились в заброшенный район у порта.

Синие сумерки опустились на Примус-Сити. В центре города, на ярко освещенных улицах, былолюдно и шумно, но чем дальше от площади, тем становилось пустынее и беднее. Наконец прохожих не осталось вовсе, а в окнах домов почти не было видно огней. Здешние кварталы, оставленные жителями, сделались прибежищем отбросов общества да отслуживших свой срок дроидов. Тронутые плесенью гниющие обрубки изредка попадались на пути отважных героев.

— Я понял, что мне не нравится в этих существах, — заявил Бутс.

Подняв фонарь повыше, он проводил взглядом очередного дроида, скрипящего по переулку среди груд гниющих отбросов.

— И что же?

— Если огреть такого дубинкой, ему ведь нипочем, а?

— Можно отломать кусок, особенно если дроид трухлявый.

— Так-то оно так... но с человеком дубинка действует вернее.

Бутс похлопал себя по боку, где под плащом висела дубинка, вырезанная из осины. Если верить народной молве, именно этот сорт древесины лучше всего действует на упырей. Дубинки эти, изготовленные по заказу брата Джока, выдал на прощание Джироламо. «Наш храбрый брат Джок велел изготовить их для охоты на вампира, да не дождался, ушел со своей старой», — пояснил глава представительства.

Вот и дряхлый дроид растаял в тени. Сделалось совсем тихо, а сумерки сгустились так, что даже белые плащи хламовников едва выделялись в темноте. Бутс насторожился и поднял фонарь повыше, озирая груды мусора и стены покосившихся хибар.

— Постой-ка, брат Гектор...

— Что-то случилось?

— За нами следят, вот что. А ведь где-то здесь бродит упырь... вот он! Вижу!

Бутс бросился в темный переулок, на ходу откидывая полу плаща и нащупывая осиновою дубинку. Гектор немного замешкался и отстал от приятеля на десяток шагов. Но вскоре и он разглядел оборванца, за которым помчался Бутс. Человек в развевающихся лохмотьях несясь прочь, только грязь чавкала под башмаками да брызги летели в стороны. Из-за быстрого бега фонарь Бутса погас, поэтому Гектор старался сбегать свой. Иногда лучи света хлестали вдоль переуллка, и в них попадала спина беглеца. Обрывки одежды на его плечах взмывали, как крылья раненой птицы, которая стремится в небо, но уже не в силах взлететь.

— Стой! — орал Бутс. — Все равно не уйдешь!

Переулок заканчивался довольно высоким забором — казалось, беглецу и впрямь некуда деться. Но он, не задерживаясь, подскочил к преграде, мощно оттолкнулся и взлетел на забор, вцепился обеими руками, а потом легко подтянулся и перемахнул на

другую сторону. Коротышке Бутсу такой подвиг был не по силам, он добежал до забора и остановился, тяжело переводя дыхание.

Несколькими мгновениями позже Гектор был рядом. Он поднял фонарь и осветил забор. Высоковато, чтобы перелезть.

— Ушел, — грустно признался Бутс. Сперва сказал: «Ради великих Предков, не ищите встречи со мной, добрые братья», — а потом я услышал топот. Теперь не догнать...

— М-да... А когда беглец был наверху, в свете фонаря, тебе не показалось, что его лохмотья когда-то имели белый цвет?

— Я глядел под ноги. Белый, говоришь? И говорит он, как рыцарь Ордена.

— Полагаю, мы гнались за пропавшим Джоком. Но почему он сбежал?

— Не догадываюсь. Что делать-то будем?

— А что нам остается? Доберемся к развалинам больницы. По крайней мере, они не сбегут, как по-твоему?

* * *

Руины на месте старой городской больницы негодились новому Примус-Сити. Во время разливов Мусса затопляла этот участок берега, поэтому сейчас стены наполовину погрузились в наносы песка и речного ила. Кровля давным-давно просела, и сквозь пустые оконные проемы мерцали звезды.

Гектор поднял фонарь, вглядываясь в развалины.

— Веселенькое местечко! — заметил Бутс, пиная башмаком обломок древнего серого камня. — Ну что, войдем? Помоему, туда можно легко пролезть сквозь вон то отверстие.

Способов проникнуть в развалины было превеликое множество: трещины в стенах и окна второго этажа, которых достигли наносы, имелись в изобилии. Путь, выбранный хламовником, отличало то, что им частенько пользовались, — к окну была хорошо заметная тропа.

Рыцари, пригнувшись, проскользнули внутрь.

— Похоже, это место служило приютом бездомным, — предположил Гектор, разглядывая груды гнилого тряпья у стен. — А сейчас никого не видно. Я не наблюдаю свежих кострищ. Что скажешь, брат?

— Скажу, что на время разлива реки отсюда все уходят. Зимуют в этих стенах, точно. Скорее всего, если разгрести сор, здесь можно найти убежище в подвалах — там зимовать сподручнее. Вон даже одеяла на веревках развешены.

— Разлив был давно, однако бродяги сюда не вернулись. Может, бояться упыря? Сбежали, даже одеяла с веревок не сняли...

Бутс не стал отвечать. Подняв фонарь над головой, он двинулся в лабиринт обрушенных стен и просевших перекрытий. Гектор остался оглядеть большой зал. Вскоре напарник окликнул его:

— А вот сюда точно недавно наведывались! Совсем свежие следы!

Гектор поспешил к другу и осмотрел обломки, явно сдвинутые с места совсем недавно. Бутс стоял в отсеке, стены которого некогда были выложены белой плиткой. В уцелевших обломках дрожали и переливались отражения фонарей.

— Интересно, что здесь было во времена Предков... — задумчиво произнес Гектор. — Смотри, какие-то трубы, обломки кранов. Слишком плохо сохранились, чтобы с ходу угадать их назначение.

— Не знаю, что здесь было во времена Предков, а сейчас, вероятно, будет драка, — буркнул Бутс. — Ты слышишь?

Гектор встрепенулся — теперь и он различал мерный цокот шагов и хруст обломков, ломающихся под чьим-то немалым весом.

Бутс выглянул из-за стены с остатками облицовки и, вытаскивая дубинку, прошептал:

— Прямо сюда направляется. Готовься!

Хламовники погасили фонари. Шорох и скрип раздавались все ближе... Гектор откинул полу плаща и тоже взялся за оружие. Вот из-за остатков древней кладки показалась широкая угловатая тень. Впечатление было такое, что существо не имеет головы — его верхняя часть сливалась с очертаниями массивного корпуса. Пришелец встал у входа в отсек, где затаились орденские братья, в его утробе что-то тихо затрещало, на груди зажглось несколько разноцветных огоньков. В их свете рыцари разглядели, что тело неизвестного кажется бесформенным под многослойными ветхими пеленами, в которые он был уку-

тан. Эта драпировка мешала разглядеть, что собой представляет ночной гость.

Бутс выступил из тени и с размаху ударил осиновой дубинкой — верхняя часть существа отозвалась протяжным металлическим звоном. Пришелец резко развернулся к коротышке и выбросил перед собой странно тонкие при таком массивном туловище конечности. Суставчатые паучьи лапы потянулись к хламовнику, звякая и лязгая.

Бутсу отступать было некуда, его спина почти касалась стены. Поэтому коротышка повторил свой удар — и с тем же ничтожным результатом. Тонкие холодные пальцы впились в одежду Бутса и потянули. Он завопил, понимая, что сейчас упырь подтащит его поближе и вонзит жало.

Тут в дело вступил Гектор. Обычно боевую часть совместных операций он предоставлял более ловкому в таких делах Бутсу, но сейчас напарник явно не справлялся. Рыцарь не стал повторять ошибок приятеля и, зайдя сбоку, ударил упыря по верхним конечностям. Звякнули стальные суставы доспехов, цепкие лапки упыря соскользнули с плаща Бутса, выдрав несколько лоскутов. Воспользовавшись этим, коротышка выскользнул из тесного пространства и ударил врага по макушке в третий раз. Осиновая дубинка с треском переломилась.

Не обращая больше внимания на Бутса, упырь теснил Гектора. Тот отступал, отмахиваясь дубинкой, стараясь отбить выпады тонких лап чудища. Однако места для маневра у него не было, теперь в тупик оказался загнан он. Вскоре его спина коснулась стены, а дубинка, захваченная стальной хваткой упыря, вывернулась из пальцев.

Бутс что-то орал позади чудища, пинал противника башмаками, бил рукоятью револьвера — бесполезно, только металлическая спина звенела под ударами. Упырь, крепче сжав руку Гектора холодными тонкими пальцами, другой лапой разорвал рукав. Гектор с ужасом видел, как тоненькое стальное жало тянется к его оголенной коже; рыцарю хотелось орать, но крик замер в глотке, перехваченной страхом. Острые вампирьего жала уже почти касалось руки хламовника...

В отчаянии рыцарь ударил свободной рукой наугад. Под кулаком что-то сместилось и звякнуло. На теле упыря как будто

отворилась маленькая дверца, из-за которой выпало нечто белое. Машинально Гектор схватил падающий предмет, его пальцы сомкнулись на тонкой бумажной тетради. Жало коснулось руки рыцаря у самого сгиба...

Тут старая стена над чудищем пришла в движение, с шорохом покатались обломки, посыпались куски кирпича, и стена завалилась. Поток обломков тяжело ударил упыря в бок, свалил, погреб, засыпал.

— Бегите, братья! — закричали рядом.

Гектор, судорожно хватая воздух перекошенным ртом, обернулся — над обломками стоял еще один пришелец в лохмотьях. Очертания его фигуры едва можно было различить в клубах пыли.

— Бежим! — подхватил Бутс. — Гектор, ты цел? Спасайся!

Они бросились из тесного отсека, спотыкаясь на обломках камней. Спаситель бежал первым, Бутс и Гектор — следом. А позади ворочался придавленный камнями упырь.

Проскакивая сквозь оконный проем наружу, Гектор обернулся — чудище уже ковыляло следом.

— Бежим! — снова закричал спаситель. — Его даже не оглушило, он по-прежнему опасен.

— Пойдите, брат Джок, — прохрипел Гектор. — Двигается эта штука не так резво, как мы. Погодите... И не убегайте от нас больше.

— Увы, братья, я должен, — пяťясь, произнес Джок. — Боюсь, злая сила овладеет мной, и тогда я сделаюсь так же опасен, как и этот, в старой больнице. Укушенный вампиром и сам превращается в вампира, это всем известно! Впрочем, если вы доставите меня в представительство и заключите в клетку к другим укушенным... Только, умоляю, держитесь настороже! Я не хочу, чтобы кто-то пострадал из-за меня.

* * *

В представительстве Ордена Хлама заспанный послушник зевал, отпирая им дверь. Впрочем, когда он увидел, в каком виде явились братья, то разом позабыл про сон и стал расспрашивать, что произошло.

— Завтра, — остановил его Гектор. — Вот увидишь, завтра об этом будет судачить весь город.

— Наврут, как всегда, — заявил Бутс. — Ну что, брат Джок? Сопроводить вас в клетку?

— А я пока должен изучить наш трофей, — Гектор показал тетрадку, отнятую у вампира.

Бутс самолично запер несчастного Джокса в подземелье и сунул за щеку кусок жевательного табака.

— Не смущайтесь, добрый брат, — сказал он. — Подумаешь, вампир укусил! В нашей нервной суматошной работе чего только не случается... Гектор на днях и вовсе помер, да потом воскрес. Вот увидите, все обойдется!

— Посидите здесь, брат, — попросил арестант, — поговорите со мной, а то так тоскливо! Я устал прятаться от людей и бояться, что во мне вот-вот пробудится темное начало.

Бутс присел на табурет перед клеткой. Держался он, надо сказать, на приличном расстоянии.

— Ну тогда я расскажу, — заявил он, — как мы ловили серийного воскресителя зомби в Красном Углу. Это очень занимательная история.

И Бутс принялся рассказывать, перемежая историю собственными взглядами на устройство мира. Начал он издали — с путешествия на паровом дилижансе от Мусор-Сити к Красному Углу. Не успел он перечислить всех попутчиков в том рейсе, как заметил, что Джок спит.

— У меня, должно быть, дар, — пробурчал себе под нос Бутс, — когда я говорю, всех клонит в сон. А вот когда говорит Гектор, все орут и хлопают в ладоши. Тоже дар своего рода, но свой я ценю выше! Кстати, что там у Гектора? Схожу-ка проведаю его. А если он мучается от бессонницы, расскажу ему какую-нибудь занимательную историю.

* * *

Гектор действительно изучал отобранную у вампира тетрадку. На вопрос Бутса, не хочется ли ему уснуть, брат по ордену взмахнул рукой:

— Какой тут сон? Ты только полюбуйся: вот чем, оказывается, владел пройдоха Вонсо!

— Этот плут? Ты еще помнишь о нем? — удивился Бутс. — А у меня после такой веселой ночи все вылетело из головы. Я думал, ты нашел способ одолеть упыря.

— Способ? Да что способ... Все просто! Соберем побольше дроидов и велим им принести груз, только и всего. Они приволокут твоего вампира куда скажешь. Им-то он не опасен.

— Приволокут? Но ведь они не в состоянии поднять руку на человека, так их приучили.

— Я ничего не говорил о человеке! Реликвия Вонса — многопрофильная машина предков для оздоровительных учреждений. Вот смотри, здесь написано: «Установка Полифункциональная Регулируемая УПР-13»

— УПР? Упырь? — Бутс едва не подавился своим табаком. — Зачем же предки ее создали?

— У нее есть функция для так называемого дня донора, когда Предки сдавали кровь для нуждающихся. В высшей степени благородное дело! А если включить вот это, — Гектор показал картинку, — играет медитативная музыка. Этим в основном и привлекал паству Вонсо.

— Что значит «ме-ди-та-тив-на-я»?

— Способствует расслаблению и последующей релаксации, так здесь написано. Высвобождает тайные желания и, грубо говоря, очищает душу. Но вот если включить «день донора»... кстати, брата Джок можно выпускать, он не опасен никому, кроме себя. Ты видишь, брат Бутс, как вредны бывают суеверия?

— Вижу, конечно. Значит, Джок не может обернуться упырем? Это славно. Плюнь-ка трижды через левое плечо да постучи по дереву, добрый брат!

* * *

На следующее утро вестники Ордена и посланцы Вонсо разнесли по Примус-Сити сообщение: хламовники отправляются за вампиром! Нынче тварь будет обезврежена!

Толпа стала стягиваться к трущобам. Горожане нервно хихикали, подмигивали друг другу, но старались не углубляться в развалины. Они успокаивали себя тем, что днем упыри не нападают, однако сами не очень-то верили в это.

Вот люди расступились, и к заброшенному зданию больницы Предков подошли хламовники. Джироламо привел два десятка дроидов — все, как на подбор, крупные, с толстыми стволами и мощными ветками. Но даже рядом с ними могучий глава представительства смотрелся великаном.

— Эй, труженики, вам ясна задача? — прогремел Джироламо.

— Да, масса, — нестройно проскрипели в ответ дроиды.

— Ну, я пошел, — Бутс напоследок оглядел толпу и нырнул в знакомое окно, а Джироламо с Гектором раздали дроидам прочные сети и тонкие витые тросы.

Сперва в руинах было тихо, потом заорал Бутс. Поначалу из-за людского гомона было не разобрать, что кричит отважный брат. Потом топот и крики стали приближаться. Гектор различил: «Врешь! Не догонишь! А ну, иди сюда, железный болван! Слава Предкам, создавшим тебя таким неуклюжим! Эй, где ты? За мной, за мной!»

По мере того как крики Бутса приближались, зрители пятились. Потом стали слышны шорох и лязг, вызванные перемещением преследователя. Вот коротышка-хламовник показался в окне, проворно выскочил наружу, побежал по тропинке, а следом показался и УПР-13 — блестящий цилиндрический корпус на шести тонких паучьих лапках и со множеством конечностей в верхней части. Они выскакивали из открывающихся в стальном теле отверстий, стремительно удлинялись, разворачивая многочисленные сегменты. Бродя по заброшенным руинам, где нашли приют бездомные граждане Примус-Сити, УПР-13 множество раз натыкался на развешенное тряпье, накручивал на себя ветхие лохмотья и обрывал веревки. Сейчас его тело почти полностью скрывалось под грязными заплатанными одеялами; при движении лоскуты и обрывки веревок болтались. В целом впечатление он производил весьма зловещее.

Лязгали сочленения, хрустел гравий под лапками упыря. Бутс бросился к дроидам, выстроившимся цепочкой поперек тропы, проскользнул между черными обугленными телами и остановился, тяжело переводя дух. УПР-13 семенил за ним и совершенно не обращал внимания на дроидов. Для прибора Пред-

ков дроиды были просто деревяшками, он не видел в них ни врагов, ни пациентов. Зато сами дроиды были настроены совершенно иначе.

Взметнулись корявые ветки, сжимающие сучками-пальцами сети и тросы. УПР-13 мигом оказался словно опутан паутиной, и шаг его замедлился. Толпа зрителей разразилась восторженными воплями, при этом горожане не забывали пятиться.

УПР-13 дернулся сильнее, дроиды со скрипом закачались, удерживая добычу натянутыми тросами. Еще несколько рывков — и стало ясно, что упырь схвачен надежно.

— Эй, мистер Вонсо, признаете потерю? — окликнул Джироламо. — Это ваша реликвия, а? Надеюсь, теперь всему Примус-Сити ясно, что наш Орден непричастен к его исчезновению, потому что все это время упырь нападал на людей, а не содержался в представительстве. Мистер Вонсо, что же вы молчите? Не хотите получить назад свое имущество? Подойдите и заберите его у дроидов.

Вонсо сделал несколько неуверенных шагов, и, едва он оказался в поле зрения упыря, тот задергался в сетях. Перед ним был донор, готовый сдать кровь!

— Забирайте, забирайте, — подбодрил Джироламо главу Церкви Славы Потомков. — В противном случае я объявлю эту реликвию призом наших братьев и собственностью Ордена Хлама!

Вонсо отступил и пробормотал:

— Если хотите, оставьте! Владеть такой вещицей простому человеку не с руки. Но я еще погляжу, как ваши братья управятся с ней.

Гектор с Бутсом осторожно приблизились и, поднырнув под веревки, оказались позади вампира — там, где не могли достать его суставчатые стальные лапы. УПР-13 сделал несколько вялых попыток развернуться, но дроиды, упершись корневищами в грунт, натянули тросы.

— Держим, масса! — проскрипел самый крупный.

Сразу три конечности упыря, развертываясь и изгибаясь в многочисленных суставах, поползли назад, но Бутс был настоже — его дубинка отбила и отбросила стальные лапы. Тем временем Гектор отыскал нужный переключатель и изменил ре-

жим УПРа. Тот вздрогнул, под накрученными на него грязными одеялами замигали лампочки... и полилась тихая мелодия. Эта музыка была прекрасна! Она проникала в душу, она звала отбросить суету, расправить крылья — те самые крылья, которые есть у каждого и которые не видны человеческому глазу, — и лететь, лететь! Взмыть к низкому тяжелому небу, откуда благосклонно глядят великие Предки...

Часть толпы уже тянулась к УПРу, а где-то в задних рядах — там, где не так хорошо была слышна умиротворяющая музыка Предков, — горожане колотили главу Церкви Славы Потомков, который напустил на Примус-Сити упыря и возвел нараспашину на славных рыцарей Хлама.

УПР-13 больше не трогался с места и не пытался освободиться. Он стоял в центре целой рощи обугленных живомолниями дроидов и играл. Дроиды, повинувшись неясному зову, разжали корявые пальцы, выпустив тросы и сети. Они тихонько скрипели в такт мелодии и раскачивались. О чем грезили эти существа, привезенные из далекой страны? Должно быть, о нежных зеленых листочках, о свежих и гибких побегах... и о распускающихся цветах.

* * *

На следующее утро побитый Вонсо тайком пробрался к вокзалу, откуда паровой дилижанс уходил к Грязному Ручью. Сердобольный Гектор вызвался проводить беднягу. Это не казалось лишней предосторожностью — Вонсо вполне могли побить еще раз. Городу нужен был виновный, которому можно отомстить за пережитый страх. Окажись вампир настоящим — его бы с огромной радостью пронзили осиновым колом или серебряным клинком. Но поскольку упырь оказался Хламом Предков, требовалась другая жертва.

Вонсо крался, озираясь из-за поднятого воротника. Гектор беспечно шагал рядом, а за ними семенил дроид, навьюченный багажом беглеца.

— Итак, мистер Вонсо, — разглагольствовал хламовник, — теперь-то вы убедились в величии Предков? Именно ими создан аппарат, способный как лечить, как и отсасывать кровь, а вот вы оказались нерадивым потомком, и весь При-

мус-Сити трясся от страха из-за вас, из-за вашей самонадеянности и нежелания постигнуть устройство машины, оказавшейся в ваших руках!

— Я и не сомневался в величии Предков, — проныл проповедник. — Но ведь так приятно верить в тех, кто придет за нами. Вера в будущее — что здесь плохого?

— Это неплохо, — согласился рыцарь. — Беда в том, что ваше учение диктовало прихожанам леность и бездеятельность. Вы предлагали наслаждение, которое не служило воздаянием за верность и которое доставалось без усилий! И сами вы пальцем о палец не ударили, чтобы изучить величайшую реликвию! Подумать только: машина, способная заряжаться и самостоятельно двигаться! Ах...

Рыцарь блаженно зажмурился, предвкушая удовольствие от изучения такого сложного Хлама Предков.

— Ну да, я предавался веселой праздности, — каялся тем временем Вонсо. — Я считал, что таков должен быть образ жизни Потомков, а нам следует стремиться к нему.

— А великие Предки завещали нам трудиться неустанно и своим трудом приближать будущее! — возразил Гектор. — Приближать, а не нежиться в ожидании.

— Да-да, теперь я вижу, как был не прав, — быстро согласился Вонсо.

Бедняга опасался потерять расположение защитника. Они уже подходили к вокзалу, и здесь было много прохожих. Некоторые провожали Вонсо заинтересованными взглядами, а тому вовсе не нравилось подобное внимание.

— И куда вы теперь? — осведомился Гектор.

— Подамся в Грязный Ручей, попробую завести собственное дело, — без энтузиазма ответил Вонсо. — Хотя нет у меня нужной, знаете ли, деловой хватки. Боюсь, меня тут же облапошат...

У перрона разводил пары дилижанс. Седоусый старик-возница скользил равнодушным взглядом по толпе пассажиров и провожающих. Увидев Вонсо, он оживился.

— Эй, сынок! — окликнул он. — Наконец-то ты соизволил показаться на глаза своему старому отцу! Или уезжать собрался?

— Папа! — Вонсо остановился у борта паровика и задрал голову. — Я раскаиваюсь! Теперь я готов чтить Предков, как полагается! Вот прямо начиная с тебя! Простишь меня, папа?

Возница улыбнулся и разгладил седые усы:

— Ладно уж, потомок...

— Папа, ты звал меня в ученики, помнишь? — странно изменившимся голосом спросил проповедник. — Я бы теперь...

— Ну что ж, сынок, вели дроиду зашвырнуть манатки в грузовой отсек, а сам — поднимайся ко мне! Не будем откладывать! Я сейчас же преподам тебе первый урок управления паровиком!

Гектор с удовлетворением наблюдал, как Вонсо карабкается по лестнице, а старик глядит на него и улыбается в усы. Все закончилось просто отлично. Семья воссоединилась, вампир преобразился в прекрасный Хлам Предков, оргиям в храме Славы Потомков пришел конец, а мистер Вонсо, так легкомысленно относившийся к предкам, получил помощь от одного из них. Дед Вонсо правит крысиной упряжкой, отец водит паровик... кто знает, быть может, научившись управляться с паровиком, мистер Вонсо изобретет более совершенное транспортное средство, способное сравниться с благословенным Хламом? Что ж, да будут благосклонны к нему Предки!

Юлия Зонис

НЕ ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ

*Александрю Шакилову,
собрату по оружию, посвящается*

И тут из пасти показались
уже знакомые нам клыки...

А. Уткин

1. Срочник

За полгода на Фронте Озон успел вытянуться, возмужать, утратить невинность с батальонной проституткой Марфенькой и узнать Страшную Тайну.

Страшная Тайна не имела отношения к жаркому и стыдному разговору с супругом Марфеньки, Марфы Павловны, а также ее сутенером и, по совместительству, военврачом Аполлинарием Захаровичем. Тот уверил Озона, что вирт-комбез, плотно облегающий тело спящего юноши в Тылу, позаботится об исторгнутой биологической жидкости, как заботится о поте, моче и прочих выделениях. И пролежням не дает образоваться. Хорошая штука этот вирт-комбез. Все для Фронта! Сам Озон таких подробностей не помнил. Память о доме вообще помаленьку стиралась, и казалось уже, что нет никакого Тыла, а есть только это низкое осеннее небо, вороний грай, черные линии окопов в черной грязи и неумолкающий рев артиллерийской канонады. Есть покосившиеся церквушки в приграничных деревнях, радушные бабы, пускающие солдат на постой (программы, как пояснил все тот же военврач, — женщин на Фронт допус-

кали только по особому разрешению, и в основном медработников... вот Марфа Павловна — медсестра, ласковая, как и полагается сестрам), ветхие изгороди и воронки от снарядов со скопившейся дождевой водой. Но главным образом все же небо. То ли баг программы, то ли задумка разработчиков — эта вечная осень и хмарь с редким проблеском холодного солнца. В Тылу небо было другим. Когда Озон задумывался об этом, всплывало старое слово — *реал*. Когда-то Тыл назывался «реалом», а Фронт — «виртом», но за последние столетия термины почти забылись. «Сынок, лучше готовься к экзаменам, иначе загремишь на Фронт». «Зенька, включи гололит — глянем, что творится на Фронте». «Мать, давай-ка родим еще дочку, а то с сыновьями сама знаешь как — Фронт».

Мать, Роза Михайловна, в молодости слишком увлекалась озоновыми коктейлями, вот и сына назвала в честь любимого вещества. А дочку так и не родила, хотя Озон-Зенька вовсе не возражал против сестрички. Роза Михайловна берегла фигуру. Отец уж и суррогат предлагал, и инкубатор, но мама ни в какую — учительница биологии, она стояла за естественные роды. А была бы сейчас родителям радость, пока сынок, проваливший экзамены на юрфак МГУ, тянет воинскую повинность. То есть телом почивает в стазис-контейнере, облаченный в комбез, а разумом пребывает тут, на Фронте — унылом, обширном и грязном фронте Четырехсотлетней Войны.

В школе рассказывали, что раньше войны велись в Тылу... то есть в *реале*. Но после разрушений Третьей Мировой правительства между собой договорились, и все боевые действия перенесли в *вирт*. Там, слившись, они превратились в бесконечную Четырехсотлетнюю Войну, а *вирт* раз и навсегда превратился во Фронт.

Конечно, согласились поначалу не все. Еще какое-то время то здесь, то там вспыхивали бои и в *реале*. Но к концу двадцать первого века слишком большие территории оказались заражены грязными бомбами. Наверное, министрам не нравилось завтракать, обедать и ужинать гидропонной соей. Наверное, они предпочитали парную говядину, свинину и органический хлеб, выращенный из настоящей пшеницы. А какая настоящая пше-

ница на радиоактивной земле — разве что полиплоидные мутанты, жуткие на вид и губительные для здоровья. Так что выход нашли.

Компания «Энигма» — один из ведущих производителей компьютерных игр — предоставила платформу для того, что через каких-нибудь пять лет стало Фронтом. Эта же компания занималась разработкой ландшафтов, строений, оружия и прочей техники, хотя Озон в упор не понимал, почему за модель были выбраны сценарии Первой Мировой войны, отгремевшей больше пяти веков назад. Вроде бы она считалась самой жестокой в истории человечества. Вроде бы у отслуживших на фронте молодых людей резко падал уровень агрессивности, что благотворно сказывалось на развитии общества. Но это в теории. А на практике, сидя в ледяной грязи под бесконечным дождем, Озон испытывал лишь глухую злобу. И считал дни до дембеля. От обязательной годовой службы ему оставалось меньше полугода.

Не так уж много, если наблюдать за любимым персом, каким-нибудь полковником Кривицким, на гололитическом экране комма. Даже жаль было, когда бравого полковника отправили на пару месяцев в тыл на заслуженный отдых. Отец недовольно перебирал каналы, где сражались, умирали и совершали подвиги другие, менее примечательные герои. Мать вздыхала — а не случилось ли чего с чернобровым красавцем Кривицким? Вдруг у него глубокая психологическая травма после потери целого разведзвезда в болотах под Охтицей? Или вдруг осталась какая-то бабенка в Тылу (тут мать хмурилась так сильно, что на лбу проступали чуть заметные морщинки) и полковник не захочет подписывать контракт на следующий сезон? Но все обошлось. В августе шоу «Особист» возобновилось, и звезда его — нескгибаемый боец, блестящий контрразведчик, харизматик и умница Владимир Кривицкий — вновь засияла на гололитических экранах. Тогда, четыре года назад, Зенька радовался. А сейчас рядовой Озон Михайлович Чистоплюев в упор не мог понять, какими пирогами Кривицкого заманили обратно в эти гиблые места. Конечно, гонорар у него немаленький, куда больше, чем те жалкие гроши, что капали

на солдатский электронный кошелек. Трансляции с Фронта поднимали немереные деньги на одной рекламе, не считая платных индивидуальных каналов и прочих чудес маркетинга. И все же...

— Зёмка, закурить не найдется?

Озон вздрогнул, но это был всего лишь Михалыч, пробежавший по окопу и плюхнувшийся в грязь рядом со срочником. Михалыч был старослужащим-контрактником. Тыл он презирал. В тылу, по его мнению, и делать-то нечего. Возможно, потому, что в тылу не имелось махорки и вообще курева, водку не пили, а медсестры проявляли куда меньше заботы о своих пациентах, чем здесь, на Фронте. В полку Михалыча ласково величали «батей». Он и был им как отец, причем всем — от Озона, которого прозвал «Зёмкой», и до полкана Валерьяна Кортнева. Двадцать пять лет в окопах — это вам не хвост собачий перекусить, по выражению того же Михалыча, большого охотника до заковыристых фраз и словечек.

Как-то раз Озон спросил Михалыча, почему тот зовет его «Зёмкой». Осклабив желтые от табака зубы, старослужащий ответил:

— А кто ты есть? Ты ж как воробушек озёмый — зяблый да квелый.

Парню это не особо понравилось, но возражать товарищу он не стал. Да и вообще, если подумать, зимние воробьи квелые, только пока на ветке сидят. А как поскачут по сугробам за крошками, распушив серые перья, — очень даже бойкие...

Озон зарыскал в кармане шинели, нащупывая табачные крошки. Набралось как раз на две пахитоски. Прислонившись спиной к сырой глинистой стенке, рядовой устроился пообок от Михалыча и принялся скручивать сигарку. За месяцы в полку насобачился, хотя до этого видел курящих только по гололиту. Но на Фронте такое дело — без махорки и ста грамм, которые старослужащий почему-то упорно именовал «комиссарскими», никак. Вот и сейчас, отогнув заляпанную рыжей грязью полу шинели, Михалыч извлек бутылку мутного стекла. Точнее, стекло-то было нормальное, а вот содержимое бутылки беловатое, взвесистое.

— Че вытарашился? Сливовица первый сорт. У Нюрки в деревне взял.

«Интересно, а самогонные аппараты — тоже часть программы?» — подумал Озон, а больше ничего подумать не успел — начался шестичасовой артобстрел. Резко сплевывали полковые пушки, тявкали минометы, глухо сотрясал горизонт тяжелый калибр. Сверху посыпались земляные комья. Оба солдата, упав мордами в грязь, прикрыли руками головы. Над головами засвистела шрапнель.

Стреляли вражины аккуратно, по часам, одно слово — немцы. Или австрияки. Или кто там сидел, по ту линию Фронта, за рядами колючки и усыпанной трупами и изъеденной воронками полосой ничейной земли. Озон этим интересовался не особо, все равно единственным реальным врагом здесь было время. Проклятущее, тягучее, как резина, время до дембеля.

* * *

Вечером, собравшись у полевой кухни, ели гречку. Скребли ложками по днищам котелков, а бутылку Михалыча пустили по кругу. В тучах пылал багровый закат. Вороны, сорвавшись с деревенской колокольни, выписывали круги над рощей, окутавшейся серой дымкой листвы.

Шамиль Бектерев, глотнув сливовицы, завел свою вечную волюнку:

— Надо бы завтра под пулю подлезть...

— Воротят, — уверенно фыркнул Михалыч. — Тебе сколько осталось, полгода? Если засекут, пойдешь под трибунал, только срок службы накрутят.

— Нет, ну правда, — продолжал ныть Бек.

Он был одного призыва с Озоном, осеннего, и не чаял, как унести с Фронта ноги. Выдумывал всякие схемы.

— По правилам трижды убитые выбывают в Тыл. Психологический стресс. У меня тут каждый день стресс... я ваше тяготение не выдерживаю.

Бек был с Марса, и, понятно, земное «же» ему не шибко нравилось. А куда деваться? Фронт для всех Фронт, марсианам скидки не делают. Что, для него отдельно тяготение в треть зем-

ного программировать? И нечестно получится — он тогда будет ловчей и быстрее всех, а такое не положено. На Фронте все равны.

Михалыч тоже так считал. Отобрав у Бека бутылку, он выпил, крикнул и сказал:

— Ты, паря, с этими самострелами и прочими хитростями бросай. Притянешь на себя кровососа. У них на эти дела нюх знаешь какой острый?

Бек захихикал. Несколько парней его неуверенно поддержали. Озон смотрел на кровавую полосу заката и думал, что если где и осталось место для вампирских баек, то разве что здесь — в почти средневековых деревушках со всеми их крестами, одинаковыми, как тени, бабами и молчаливыми мужиками, которые то ли живые, то ли нет — не разберешь.

Но разве нужен дополнительный страх? Разве чириканье пуль, свист снарядов и приторный душок гангрены — не самое страшное? Разве тот день, когда по окопу поползли желто-зеленые клубы, и на всех не хватило противогазов, и люди падали, задыхаясь, прямо у него под ногами — а он боялся не врага, не газа, а только того, что кто-то сдернет у него с головы резиновую спасительную маску, — разве может быть что-то хуже? Наверное, думал Озон, все дело в том, что Фронт все-таки не настоящий? Ну ранят тебя, ну ногу отнимут — а в Тылу ты целехонек, и с ногой в порядке. А даже если убьют (дважды — в третий раз и правда списывали на гражданку), все равно на следующее утро очнешься в медицинской палатке, и ласково улыбнется тебе очередная Марфенька. И через год, посуровевший и возмужавший, хотя и несколько бледный, вернешься ты к родителям — солдат и герой. И пусть Фронт не совсем настоящий, но героизм-то не поддельный, и боль самая натуральная, и ужас, когда комбат велит вставать в атаку, а там пули и смерть... Нет. Не нужны тут никакие страшилки.

Вороны, накружившись над рощей, с надсадным карканьем снова обсели церковную крышу. Вороны точно были не настоящие, потому что настоящие только сейчас возвращались бы с кормежки на заднем дворе какого-нибудь мясокомбината. Или где там кормятся тыловые вороны?

* * *

С фронтовой легендой о кровососах Озон познакомился просто и буднично. Даже слишком просто и буднично. В тот день брали высоту. На вершухе холма примостилась огневая точка — дот, откуда строчил вражеский пулемет. Бек, все еще надеявшийся на досрочный дембель, полез по склону и кинул гранату в щель. Беку вообще везло. Другого бы прошило очередью или задело осколками, а этому — хоть бы хны. Про Бека говорили, что смелого пуля боится, смелого штык не берет. А Озон думал, что такая настойчивая погоня за смертью просто не нравится старой даме с косой. Смерть, как любая женщина, ценит упорных, но избегает грубых лобовых атак.

Когда дым рассеялся, Озон, Бек, Михалыч и их лейтенант, Вереснев, полезли внутрь. «Колотушка» хорошо поработала — от солдат противника остались лишь кровавые ошметки тел и обрывки серо-зеленых мундиров. Сквозь дыру в бетоне, образовавшуюся на месте амбразуры, лился тусклый свет.

А потом раздался стон. Кто-то стонал в углу. Солдаты развернулись, вскинув винтовки. Среди бетонного крошева, наполовину скрытый щебенкой, лежал человек. Нет, не лежал, а подергивался, ритмично ударяясь затылком о припорошенные пылью обломки.

Как поступать с вражеским раненым, Озон не знал. Вроде были какие-то лагеря для военнопленных. По гололит-каналам такого не показывали. В любом случае надо было ему помочь... боль-то и на Фронте боль. Озон забросил винтовку за плечо и шагнул вперед, но тут что-то его толкнуло. Михалыч. Михалыч, отодвинув Озона, подошел к раненому и откинул полу шинели. Там, где обычно пряталась бутылка, блеснул металл. Длинный и широкий клинок — саперный тесак, понял Озон. Так же просто и буднично, как доставал бутылку с самогоном, Михалыч достал тесак, примерился и рубанул раненого по горлу. Тот захрипел. Хлынула темная кровь. Старослужащий, прихватив голову для удобства за волосы на макушке, с противным хеканьем рубанул еще раз. Озон закрыл глаза. Потом открыл. Ничего не изменилось, только Михалыч стоял теперь,

выпрямившись и сжимая в левой руке свой жуткий трофей. Из разрубленной шеи падали тяжелые капли. Тело перестало дергаться.

Озон перевел взгляд на лейтенанта, потом на Бека. Вереснев морщился. Бек ухмылялся. Михалыч размахнулся и зашвырнул голову в угол, а потом пальцем поманил его, Озона. Парень подошел на негнущихся ногах. Михалыч пнул труп мыском ботинка.

— Смотри, Зёмка. На кровь смотри. Какая кровь?

Кровь и вправду была странная. Слишком густая и темная. С тесака она стекала медленно, неохотно, крупными ленивыми каплями.

— Ему осколками грудь порвало, а он еще дергался. Морда белая. Плюс кровища черная. Кровосос. Увидишь такого — сразу башку руби, иначе поздно будет.

Озон неуверенно оглянулся. Бек откровенно покрутил пальцем у виска и еще раз хмыкнул. Лейтенант развернулся спиной и пошел к распахнутой железной двери, сквозь которую в дот врывались редкие, почти прозрачные дымовые клубы.

«И как я об этом напишу маме?» — тупо подумал Озон, уже понимавший, что о сегодняшнем случае в своем еженедельном письме — *здесь* треугольник желтоватой почтовой бумаги, *там* — обычный е-мейл — упоминать не станет.

* * *

...Конечно, когда первый шок прошел, он спросил. Сначала у Вереснева, потому что подойти к бате не мог — ноги не слушались, как в том разбитом гранатой доте. Старший лейтенант, усталый человек лет тридцати, посмотрел на срочника хмуро. Сам он тянул уже второй срок по контракту и собирался на третий — какие-то там были у него долги. Хотя что за долги можно наделать в двадцать лет? За учебу? Или игорные, в лунных и марсианских казино? Непонятно.

Вереснев, скучливо поморщившись, достал из портсигара папиросу, постучал ею о ладонь, сунул в зубы и щелкнул зажигалкой. И только потом разъяснил:

— Это болезнь. У старослужащих.

Сказав это, поморщился, потому что и сам был явно не духом.

— Черт его знает, что там с мозгом творится, когда ты двадцать лет валяешься в стазисном гробу. Они немного другие. Верят во всякую херь. Черный танк. Прыгающую мину. В незапятнанных. И в кровососов. Я стараюсь им не мешать. А с тем солдатиком... смотри сам, до госпиталя мы бы его не дотащили. Оставить мучиться? Все равно бы пристрелить пришлось. А Михалыч сделал... Жестоко, конечно. Но сделал, что надо было сделать.

А Михалыч к Озону сам подошел. Вот так же плюхнулся рядом и сунул в руку бутылку. В тот день они рыли свежие окопы — отступили с только что захваченных позиций, и пришлось вновь укрепляться. Неподалеку на дне траншеи валялась саперная лопата в желтых комьях земли. Озон тревожно покосился на лопату, но бутылку принял.

— Хлебни, Зёмка, — простуженным голосом прохрипел батя. — Вижу же, как тебя колбасит.

Озон послушно отхлебнул. Пойло продрало глотку, и сразу стало теплей.

— Ты вот что, — сконфуженно, как показалось парню, продолжил Михалыч. — Ты не думай, не псих я. Знаю, что старлей меня в психах числит. Но тут долго пробыть надо, много грязи перетоптать, чтобы понять. Фронт — это тебе не Тыл. Здесь всякие вещи бывают...

— Черный танк? — решил Озон.

С самогонки быстро развозило, и он с трудом сдержал ухмылку.

— Прыгающая мина?

Михалыч гневно засопел.

— И да. И мина. Мину сам видел. Прыгает, сука, что твой кузнецик. Но мина — дура, тут главное на месте замереть. Она ж на движение реагирует. А кровососы умные. В последнее время, говорят, стали в стаи сбиваться. Слышал, года не то три, не то четыре назад разведвзвод под Охтицей полег? Их рук дело.

По плечам Озона, несмотря на жар от сливовицы, пробежала дрожь. Разведвзвод. Охтица. Шоу «Особист». Кривицкий.

Но если часть рассказа Михалыча верна, это ведь не означает, что и остальное тоже?..

— Ты думаешь, почему тогда такой шум поднялся? Даже до Тыла что-то докатилось. Ну перерезали их и ладно. Через неделю вернулись бы все на Фронт, как новенькие, медальку бы там получили или выговор от начальства — это уже от рапорта зависит. Ан нет. Не вернулись. А почему? Да потому что все, все как один кровососами стали. А тот хрен, что их в болота послал, мужик с НГВ...

— Кривицкий, — тихо сказал Озон.

— Во. Кривицкий. Его чуть с канала не выперли, и с Фронта, и вообще. Ан нет, выкрутился. Особые обстоятельства. У них, особистов, все особое.

Старослужащий хотел рассмеяться, но поперхнулся и сердито закашлялся. Продышавшись, ухватил Озона за плечо, протянул к себе и прошипел ему прямо в ухо, дыша махоркой и перегаром:

— Главное в кровососах что? Не дай себя укусить. Тут у них все по-честному, как в кино. Укусит — станешь таким же чертом и кровь сосать начнешь. Так-то вот.

Отодвинувшись, Михалыч пристроил бутылку под шинель, неожиданно ловко вскочил на ноги и затопал дальше по окопу. Обернувшись, брякнул напоследок свое любимое:

— Так-то вот, Зёмка. Не хвост собачий перекусить.

Хотя кому и для чего бы понадобилось перекусывать собачий хвост?

* * *

Котелки выскребли дочиста. Закат над рощей догорел и подернулся пеплом. К притихшим срочникам и старослужащему подошел Вереснев, и Бек, мгновенно переключившись с одного привычного трека на другой, радостно возопил:

— Старлей, а старлей! Почему ты старлей, а не господин поручик?

Озон втайне завидовал счастливой наглости марсианина. Все дело было, видимо, в том, что Бек не верил во Фронт. Слишком не похоже на его жизнь в Тылу. Бек воспринимал все

как поднадоевшую игру, и море ему было по колено. Взять хоть недавний случай с посылкой. Солдаты иногда получали посылки из Тыла — особая фиша разработчиков, индивидуальный (и конечно же платный) сервис. Присылали обычно жратву и теплые вещи, а в пакете для Бека оказалась настоящая — или очень похожая на настоящую — черкеска. А еще папаха и бурка. Бек щеголял во всем этом до полудня, пока остервеневший старлей не отправил его на губу. И с гауптвахты арестант вопил обиженно: «А че, а че! Я из старинной чеченской фамилии. У меня в предках горные князья!» За горных князей еще заработал два наряда на кухне вне очереди, но так и не угомонился. Вот и сейчас.

— Старлей, ведь это не аутентично. Если у нас Первая Мировая, то ты поручик. А если Четвертая, то где нахрен лазганы и вакуумные пушки?

— Заткнулся бы ты, горец, — без злобы бросил Вереснев. — Завтра опять отступаем.

— А фига ли мы на заграждениях весь день ебошились? У меня от колючки все пальцы в крови! — возмущенно заорал Бек и сунул под нос старлею грязные ладони.

На пальцах марсианина и правда было несколько свежих царапин. Вереснев только отмахнулся и пошел дальше.

Михалыч медленно сплюнул и раздавил окурок каблуком.

— И вот так, сынки, четверть века. Туда-сюда, туда-сюда. Без увольнительных и выходного пособия.

— А смысл? — тут же вклинился Бек. — Вот ты, старик, хотя бы знаешь, с кем мы сейчас воюем?

— А какая разница?

Михалыч пожал плечами.

— Может, даже и с нашими. Я давно вопросы перестал задавать.

Озон отвернулся и, сунув руки в карманы шинели, пошел к недорытому окопу. Дорывать его, значит, не придется, но хотя бы лопату и вещмешок забрать. Быстро темнело. Над горизонтом в тучах разлилось смутное сияние — вставала луна. Луна на Фронте тоже была другая. Без алмазного блеска отражающих солнце баз и металлического кольца платформ,

дикая, первобытная луна — наверное, именно такой ее видели далекие предки Озона. Те, которые сидели в конопаченных мхом бревенчатых хижинах, верили в чих, чох, в леших и кровососов.

За спиной застучали торопливые шаги. Озон вздрогнул — крадущаяся по Фронту ночь навевала нехорошие мысли. Однако морок тут же развеял сипатый голос Михалыча:

— Зёмка, стоять, раз-два. Махорка осталась?

Михалыч вынырнул из темноты, светясь белым овалом лица, — ни дать ни взять ходячий покойник. «А кто мы все здесь, если не ходячие покойники? — подумал Озон. — Ведь там, в Тылу, в *реале*, мы считай, что мертвы. Только одни чуть больше, а другие — чуть меньше...»

Он порывлся в карманах, но нашел лишь несколько табачных крошек.

— Извини, батя. Все скурил.

— Ч-черт! — смачно произнес Михалыч. — И у Постышева голяк. Пойду Григоряна поищу.

— Тю-у, — присвистнул Озон. — Его еще днем на колючке снайпер уложил. Вон висит.

С луной, в отличие от солнца, разработчики не поскупились. Луна, круглая, здоровенная и кроваво-красная, наконец-то выкатилась из-за дальнего вражеского леса и засияла вовсю. В этом розоватом свете отчетливо виднелись три ряда колючей проволоки, которую солдаты натягивали днем и на которой покалечился Бек. Григоряну повезло меньше. Он так и висел там, где его настигла снайперская пуля, — разлапистым пауком в железной сети. Телá с передовой никто выносить и не думал — все равно к утру исчезнут, растворятся, как поднимающийся с земли туман. На секунду Озон позавидовал Григоряну. Тот уже несколько часов как очнулся в своем стазис-контейнере. Считай, отпуск получил — две недели физио- и психотерапии перед возвращением в часть. Если повезет, даже с родней повидаться успеет...

— Висит, слушай, — пропыхтел за спиной Михалыч. — Может, сползаем? У него с утра полкисета оставалось. Чего добру пропадать...

— Ага. А если снайпер там все еще сидит? Он на Григоря не как раз пристрелялся.

Михалыч поскреб в затылке.

— А че ему сидеть? Тем более ночью.

— Луна.

— Вижу, что луна.

Не сказав больше ни слова, Михалыч спрыгнул в неглубокий окоп, перевалился через земляную насыпь на той стороне и шустро пополз по полю. Озон вздохнул, тихо ругнулся и двинулся за ним.

Ползти было неудобно — мешала винтовка. Ее Озон повсюду таскал с собой, как и прописано в уставе. Срочника от контрактника легче легкого отличить — если цепляется за винтовку, значит, срочник. Кроме, разумеется, Бека. Тот оружие пытался забыть под каждым кустом, несмотря на то, что на учебных стрельбах проявил себя очень хорошо. Может, действительно из горцев? Те, говорят, во время Юго-Западного конфликта достреливали с Черемушек до Лужников...

В нос ткнулся жесткий пучок травы, и Озон, вполголоса выругавшись, поднял голову. И замер. Тело на проволоке шевелилось. Оно тянулось так, как не тянутся люди, ни живые, ни, тем более, мертвые, и сейчас еще больше напоминало паука. Паук опутывал паутиной муху... муха отчаянно билась, звеня колючкой. «Какой паук, какая муха?» — ужаснулся солдат. Напрочь позабыв о снайпере, он вскочил и ринулся на помощь Михалычу. Тот уже еле подергивался, глухо сипел и булькал горлом, а страшная тварь в паутине что-то с ним делала... что делает с мухой паук? Сосет кровь? А есть ли у мух кровь? Озон сдернул с плеча винтовку и ударил прикладом то страшное, черное, красноглазое, что убивало товарища. Чудище взвыло, сорвалось с проволоки и длинными прыжками скрылось во мраке. Михалыч безжизненно обвис на шипах.

— Батя! Батя!

Озон тряхнул старшего. Пальцы наткнулись на ткань шинели, мокрую и неприятно липкую. Луна вырвалась из-за тучи. Розоватый свет выдернул из темноты бледное лицо и черные

провалы глаз. Взгляд Михальча рыскал еще пару секунд, пока не сфокусировался на спасителе.

— Ду-урак, — тихо прохрипел контрактник. — Дурак я... ночь их время.

— Чье? Что это было?

— Ты меня убей, — тихо и уверенно попросил старый солдат. — Что стоишь? Тесак возьми... тесак у меня там...

Озон отступил на пару шагов. Ему было страшно, как никогда в жизни.

— Убей, — хрипел Михальч. — Не можешь ножом, так стреляй. Дуло в рот, и стреляй.

Озон снова попятился.

— Зёмка...

Черная рука, неестественно длинная — или показалось с перепугу, — тянулась к винтовке. Кто теперь тут паук и кто муха?

— Обращусь же, — всхлипнул Михальч. — Зёмка... давай я сам.

Озон развернулся и что было духу припустил к окопам.

Пробежал всего пару шагов и остановился. Сделалось нестерпимо стыдно. Развернулся, готовый встретить лицом к лицу что угодно — хоть окончательно спятившего Михальча, хоть орду кровососов... но на проволоке уже никого не было. Только черные ряды колючки в полотнищах лунного света и далекие голоса за спиной, у батальонных костров.

* * *

— Та-ак, — тихо и раздельно проговорил Вереснев.

Озона трясло. Лейтенант, стоявший у медпалатки, покачал головой и молча протянул ему фляжку. Во фляжке плеснуло. Рядовой запрокинул голову и жадно глотнул. Горло обжег коньяк. В голове, как всегда, всплыла дурацкая, ненужная мысль: «А коньяк-то старлей заначил». Озон сделал еще глоток, и лейтенант так же молча вытащил фляжку из его трясущихся пальцев.

В палатке дремала медсестра Марфа Павловна. Мужа ее отозвали в полк — что-то там полкану нездоровилось, а их медик только вчера подорвался на mine. Медсестра дала Озо-

ну понюхать нашатыря и, ласково погладив по лбу, потащила за руку в надышанное тепло, но тут пришел Вереснев и отослал бабу.

— Значит, ты видел, как убитый рядовой Григорян ожил...

Озон, после нашатыря и коньяка малость пришедший в себя, мотнул головой.

— Этого я не говорил. Я вообще то... то, что на проволоке висело, не разглядел. И оно на человека даже похоже не было... смылось на четвереньках.

— Укусив предварительно Михалыча?

Озон кивнул.

— А ты, значит, оставил его там кровью истекать?

— Я...

Он хотел возразить, но возражений не нашлось. Так, в принципе, и получалось. Неизвестный... зверь?.. ранил его товарища, а он этого товарища бросил.

— Волки на горло кидаются, — неуверенно выдавил Озон. — Но здесь же нет волков.

— Много ты знаешь, что тут есть, а чего нет.

— И кровососы?

— Что кровососы? Какие еще, нахрен, кровососы! — зарорал старлей. — Молчать!

Из палатки высунулась испуганная Марфенька.

— Петренко, Синцов! — продолжал разоряться комбат.

Ефрейтор Петренко и рядовой Синцов выросли у палатки, будто два молодца из ларца.

— На гауптвахту его! И охранять, чтоб не сбежал! Синцов, останешься в карауле, Петренко, отведешь этого...

«Этого» старлей произнес так, словно других слов для Озона у него не нашлось.

— ...и бегом сюда. Соберешь поисковую группу.

Синцов вытянулся во фронт и вскинул руку к фуражке, а ефрейтор замялся.

— Господин старший лейтенант... А если Михалыч просто дезертировал?

— Дезертировал? — Вереснев вылупил на Петренко. — Куда он мог дезертировать?

— Ну, в смысле, к противнику перебежал...

Старлей сплюнул и, развернувшись на каблуках, зашагал к ближайшему костру. Через плечо бросил:

— Выполнять приказ. И не трепитесь. Услышу разговорчики про кровососов — будете объясняться с особым отделом. Там очень любят провокаторов.

Петренко отдал честь в спину командира, а потом, приняв у арестованного винтовку, буркнул:

— Пошли.

Медсестричка проводила бойцов затуманенным взглядом.

* * *

На губе — развалюхе в чистом поле рядом с батальонной кухней, больше всего смахивающей на нужник и оставшейся здесь с прошлой операции, когда начисто сожгли всю деревню, кроме этого сарая, — уже сидел Бек. Бек везде умел устраиваться с удобством. Вот и теперь навалил в угол каких-то тряпок и вольготно на них раскинулся. Когда в сарай впихнули Озона, Бек дернулся и проорал: «Сатрапы! Царские наймиты! Нет на вас большевицкого крепкого кулака!» Бек на своем Марсе вылетел со второго курса истфака и в истории рубил неплохо.

Разглядев при неверном свете луны Озона, марсианин расплылся в ухмылке.

— Ой, ну надо же! Образцовый боец и отличник строевой подготовки получил дисциплинарное взыскание.

Вскочив с груды тряпья, он отвесил товарищу по несчастью шутовской поклон. Выпрямившись, деловито поинтересовался:

— За что замели?

— Коньяк у старлея попер, — мрачно отозвался Озон и сел в противоположном углу, подальше от шутника.

Говорить ему ни с кем не хотелось, а тем более с Беком.

— Гы! Лучше б ты попер его альбомчик с обнаженкой. Было бы чем заняться.

Про альбом Вереснева с черно-белыми фотографиями голых див в батальоне ходили слухи, хотя своими глазами никто порнографических снимков не видел. Кроме, может, самого старлея.

— Тебе неинтересно — ты и занимайся.

— Рука бойца качать устала, — капризно сообщил Бек. — И вообще — хочется разнообразия. А то все воображаю Машку с третьего курса. Так она мне, курва, и не дала.

— Пошел ты...

— Я бы пошел. Не пускают.

Озон вытянулся на холодной земле, накрылся с головой полдой шинели и сделал вид, что спит. Хотя какой тут сон. Закроешь глаза, и сразу является залитое луной поле, ряды колючки и страшная крестообразная фигура, которая тянется к нему, тянется... У другой стены шебуршился Бек — то ли и правда шкурку гонял, то ли старался устроиться поудобней. Потом затих. Сквозь щели в досках сочился яркий, почти дневной свет. Там бродили какие-то тени, слышались голоса — наверное, перекликались караульные, Синцов и второй, или просили чая у кухарей, или... Озон смежил веки и сам не заметил, как уплыл в тяжелый, без сновидений сон.

Очнулся он резко, словно от толчка в плечо. И в полной темноте. Сел, тревожно озираясь. В сарае кто-то был. Бек?

— Бек, ты? — хрипло позвал солдат.

В ответ раздалось какое-то хлюпанье. Озон, съежившись, вжался спиной в дощатую стену. Где же часовые? Где ребята с кухни? Почему так темно и тихо? И в этой тишине...

— Бек! — не выдержав, заорал Озон и вскочил. — Бросай свои шуточки, слышишь!

В ответ в черноте загорелись два красных огонька. Словно светляки в брачном танце, они подпрыгнули — вверх, вниз, — и один исчез. С обморочным замиранием сердца Озон понял, что никакие это не огоньки, а глаза. Правый глаз ему подмигнул, и тишину прорезал свистящий шепот:

— Зёмка. Я тут ненадолго. Шел, шел, чую, кровью пахнет. Хорошо пахнет. Руки у него порезаны были. Руки не помыл, кха-кха-кха.

Голос перешел в надсадный кашель и бульканье.

Парень впился ногтями в землю, все еще надеясь, что видит кошмар.

— Часовых снять — не хвост собачий перекусить, — снова забормотал голос. — Особенно с тем, длинным, пришлось повозиться. У него штык-нож был... кха.

«Синцов, — обреченно подумал Озон. — И я не сплю».

— Тихо, — хрипел голос. — Тихо так вокруг. А в тишине тук-тук-тук. Это сердце твое стучит, Зёмка. Боишься ты меня. А ведь я к тебе как к сынку. Все вы тут были мне сынки. Зинаида-то моя... Знаешь, почему я на контракте остался? Жена, Зинаида, сына хотела, а разрешения нам не выдали. На скане очередном ее засекли. Материнское сердце стучит медленно, тук-тук, а в животе у нее сердечко побыстрее, тук-тук-тук-тук. Аборт пришлось делать. А Зинаида моя очень сына хотела. Так с крыши комплекса нашего жилого и прыгнула. Грех на душу взяла. А без нее что мне там делать?

Озон тихо и быстро шарил руками по земляному полу. Доску, найти бы доску какую-нибудь. Отец старым кино увлекался, пугал маленького Зеньку страшилками. Вампира надо пронзить осиновым колом... Интересно, сарай из осины строят?

«Да какая осина?! — грянуло у него в голове. — Это же все цифра. Компьютерный код. А как убить цифрового вампира? Цифровой осиной?»

Против воли парень почувствовал, что его начинает разбирать смех — сначала неуверенный, а затем все сильнее и сильнее, и не было уже никакой мочи сдержаться.

— И правильно, — философски заметил Михалыч-вампир, — со смехом оно лехче. Лехче на тот свет. Зинка, наверное, тоже, улыбаясь, прыгнула.

Что-то черное — чернее, чем ночь, — метнулось к Озону через весь сарай, и парень, отчаянным усилием выдрав доску из стены, вбил ее в это черное. Вошло неожиданно легко. Нападавший захрипел, заклацал — зубами? клыками? — и, наверное, задел, потому что левое плечо обожгло болью. Грузная, пахнувшая махоркой, сивухой и кровью туша навалилась, придавив к земле. Ударили огненные полосы-тени. Дверь распахнулась, зрачки обжег свет. Вразнобой закричали человеческие голоса. Кто-то махнул факелом, и в другом углу обозначилось подергивающееся распростертое тело Бека.

— Чистоплюев! Чистоплюев, цел? Что там с Беком?

Но Озону было лень отвечать. Ему стало легко и безразлично, а затем он, кажется, потерял сознание.

2. Комmando

Больше всего Озон боялся того дня, когда на листке желтоватой бумаги придется написать: *«Дорогая мама, я решил пойти на контрактную службу»*. Сейчас еще можно было писать: *«Дорогая мама, я меняю носки каждый день, как ты мне советовала»* (носки он не менял — ноги больше не потели, а ботинки в Летучем Отряде им выдавали отличные — из крепкой кожи, непромокаемые). Или: *«Кормят нас хорошо»* (кормили от пуза, первосортной син-кровью, питательной и подавляющей излишнюю агрессивность). Но написать хотелось совсем не это. Хотелось написать, как было по правде. *«Мама, все случилось потому, что я струсил и бросил товарища»*. Или так: *«Мама, все случилось потому, что нам в Тылу врут»*. Или даже: *«Мама, все случилось потому, что я узнал Страшную Тайну»*. Все случилось потому, что...

* * *

Очнулся он в госпитале. По крайней мере, это было похоже на госпиталь — больничная койка, заправленная пропахшими дезинфекцией простынями, тумбочка, черные почему-то занавески по сторонам. Непонятной оставалась капельница с красной жидкостью (кровью?) и длинной, воткнутой в руку Озона иглой, и цвет занавесок. Разве занавески не должны быть белыми? И разве во время той войны были капельницы? Но об этом подумалось позже, а в первый момент солдат закрыл глаза, открыл и снова закрыл, думая, что все еще спит. У кровати на складном брезентовом стуле сидел полковник Кривицкий. Сидел совсем такой же, как на гололитическом экране, — синий с ромбами китель, бледное волевое лицо, смоляные брови вразлет, яркие черные глаза и резко очерченные губы. Озон вспомнил, как отец похмыкивал: *«Мажется он, что ли? Глянь, мать, помада»*. Мама сердито отзывалась: *«Какая на Фронте помада? Это ж тебе не кино, опомнись. Все настоящее»*.

Ну да. Либо на Фронте помада все же была, либо губы Кривицкого от природы были неестественно красными. На прикро-

ватной тумбочке лежала фуражка со знакомым по шоу багряным околышем.

Решив, что валяться на койке с зажмуренными глазами глупо, Озон поднял веки и снова уставился в лицо легендарному полковнику.

— Нравлюсь? — развязно поинтересовался тот низким баритоном.

И сокрушенно добавил:

— С тех пор, как усы сбрил, все сомневаюсь в своей мужской привлекательности. Роскошные были усы, подарские...

— А?

— Поздравляю вас, Озон Михайлович, — будто и не было предыдущей несусветной реплики, серьезно произнес Кривицкий. — Справиться с диким кровососом, в одиночестве, ночью... Если бы не дополнительные обстоятельства, вас бы наверняка наградили медалью «За храбрость». Или даже Георгиевским крестом...

Ситуации это не прояснило, но звучало куда более понятно, чем первые слова собеседника. Озон прокашлялся — обнаружив при этом, что голос у него как будто стал грубее и ниже, — и спросил:

— Дополнительные обстоятельства? Какие обстоятельства? Повертев головой, он добавил:

— И где Бек?

По телу разливалась странная истома. Солдат покосился на капельницу. Что ему вливают? Он сделал движение, намереваясь вытащить из запястья иглу, но Кривицкий остановил его, твердо взяв за плечо.

— Лежите. Вам сейчас надо отдыхать.

Положив его руку обратно на простыню, полковник склонил голову и взглянул на Озона искоса, чуть по-птичьи.

— Интересный вы экземпляр.

— А? — снова не понял Озон.

— Обычно люди в таких ситуациях спрашивают «где я?», а не «где Бек?».

— И где я?

— Вы на обследовании. И результаты этого обследования, сразу добавлю, очень занятные. Впрочем, об этом позже... Вам надо отдыхать, — повторил особист.

Руки у него были жесткие и... нет, пожалуй, что не холодные. Озон неожиданно понял, что лежит под простыней совершенно голый, — однако холода при этом не чувствует. Не чувствует, правда, и тепла. Полковник встал, видимо собираясь уйти, но Озон ухватил его за локоть.

«Видела бы мама», — пронеслось в голове.

— Стойте. Господин полковник... Вы же полковник Кривицкий из особого отдела, так?

Полковник скривил в улыбке яркие губы.

— Шоу «Особист» смотрели? Похвально, молодой человек, похвально. Патриотизм должен прививаться с детства. Как ту-беркулез и чума.

Последнего замечания Озон не понял, но не это сейчас было важно.

— Вы сказали про дополнительные обстоятельства. Меня что, укусили?

— Он еще и умен, — как бы самому себе заметил Кривицкий.

— И Бека. Он жив? Что с ним? И Миха... старший сержант Рябушкин. Я его... убил?

— Убили его, допустим, не вы, — мягко ответил полковник, вновь усаживаясь на стул.

Он перекинул ногу на ногу, ловко балансируя на хлипком сидении. Кажется, устраивался надолго.

— Убили его не вы, — пробормотал особист, уставившись в лицо Озону чересчур пронзительными глазами. — Вы его обезвредили, и правильно сделали. Дикие кровососы очень опасны.

— Дикие... А бывают домашние? — неуклюже съязвил Озон.

Полковника эта неумелая острота почему-то крайне обрадовала. Откинув голову, он зашелся очень громким, лающим смехом. На бледном подбородке стали видны черные точки щетины. Вообще в реальности он был куда менее ухожен и гладок, чем в гололите, — в вороных волосах проглядывала седина, ки-

тель был засален у ворота и на рукавах, и пахло от бравого особиста не духами и порохом, а чем-то кислым... металлическим... кровью?

Озон вздрогнул. Он уже чувствовал этот смрадный душок... ночью, в сарае. «Дикие... А бывают домашние?» Так вот в чем дело...

Солдат рванулся, чтобы вскочить с койки и бежать, бежать как можно дальше из этого проклятого госпиталя, где закрываются от света черными занавесками и больных навещают полковники с ромбами особистов и вампирскими клыками... И только тут обнаружил последнюю странность — к кровати его крепко притягивали кожаные ремни, обхватившие грудь, пояс и ноги. Значит, так. Значит, он здесь не на лечении. Он пленник. Может, и кровь ему не вливают, а, наоборот, выкачивают в прозрачный пластиковый пакет, из которого вечером Кривицкий будет угощаться с друзьями?

— Да успокойтесь вы, юноша. Не буду я угощаться вашей кровью. Тоже мне угощение.

Озон разинул рот. Он был абсолютно уверен, что не производил ничего вслух.

— Челюсть подберите — ворона влетит. А вороны, знаете, не особо вкусные. Куда хуже крыс.

Полковник смотрел на него, блестя глазами. Полковнику, кажется, было очень весело.

— Что вы так вытаращились, молодой человек? Разве не знаете, что вампиры умеют многое из того, что недоступно людям? Летать, превращаться в туман, в невидимок, зачаровывать... и читать мысли, в том числе.

Положив на колени крупные белые руки, полковник резко наклонился — его лицо очутилось в каких-то сантиметрах от испуганной физиономии Озона. Глаза Кривицкого перехватили мечущийся взгляд солдата, и весь мир утонул вдруг в черном сиянии.

— Я бы мог вас заморозить, — донеслось из центра этого не-света, — но не стану.

И все вернулось на свои места. Все, кроме дыхания, которое застряло у Озона комом в горле, — отчего-то никак не удавалось выдохнуть.

— Расслабьтесь, юноша. Никто здесь не хочет причинить вам вреда. Напротив, мы пытаемся помочь.

«Мы?»

— Мы. Те, кого вы так метко окрестили «домашними вампирами».

Кривицкий снова откинулся на стуле и усмехнулся.

— А вообще, надо отдать вам должное. Большинство на вашем месте реагирует куда более бурно. И прошу извинить, если кажусь вам бесчувственным, — это одна из особенностей моего... нашего с вами нового состояния.

— Нашего? — прохрипел Озон, наконец-то вытолкнув воздух из легких.

Полковник кивнул с оттенком подобающей скорби.

— Нашего. Вашего и моего. Вы ведь не ошиблись — вас укусили, и сейчас зараза течет по вашим венам. Виртуальным венам, если угодно, но — увы — это ничего не меняет. Сыворотка... — тут Кривицкий махнул в сторону капельницы, — лишь немного замедляет процесс. Впрочем, снова хочу отдать вам должное — у вас редкостная устойчивость к яду. Большинство обращается в течение секунд, самое большее — пару минут. Когда вас к нам доставили, с момента укуса прошло почти пять часов. Но вы еще держались. До сих пор держитесь. И скажите спасибо, что ваш военврач понимает больше, чем большинство фронтовых коновалов. Он прибыл как раз в тот момент, когда ваш комбат — Вереснев, если не ошибаюсь, — собирался отсечь вам и Бектереву головы и сжечь тела...

— Подождите, — выдохнул Озон. — Подождите, постойте. Он лихорадочно сжал пальцы, сминая простыню.

— Вы сказали, что я еще держусь. Это значит, я еще не стал... ну, вы понимаете?

Полковник покачал ногой в сапоге с высоким, смявшимся гармошкой голенищем и бросил на Озона свой странный косвенный взгляд.

— Датчики показывают частичную потерю активности рецепторов... вы ведь не чувствуете ни холода, ни боли от укуса?

— Н-нет.

— Сердечный ритм замедлен. Голосовые связки мутировали. Анализ крови пока неопределенный. Но погодите радоваться — вы обратитесь. Никто из укушенных этого еще не избежал. Иммунитета против вампирского яда нет. Сыворотка находится в процессе разработки. За последний год мы достигли больших успехов, но...

Тут Кривицкий виновато развел руками.

— Зачем же? — Озон завертел головой, — зачем же все это? Капельница, госпиталь. Зачем, если я все равно...

— Затем, что у вас есть редкая возможность. Почти уникальная. Она была у меня. Еще у нескольких добровольцев. Но в целом мы набираем контингент из «диких», а у них никто не спрашивал, какую судьбу они предпочитают.

— Судьбу?

Кривицкий снова склонился над Озоном и отдельно проговорил:

— Рядовой Чистоплюев, у вас есть выбор. До полного обращения, по прикидкам врачей, осталось около двух часов. За это время я успею рассказать вам то, что нам известно о так называемых кровососах и о нашей программе. А вы, выслушав меня, успеете сообщить свое решение. Идет?

Тут полковник улыбнулся. Несмотря на удлиненные, влажно поблескивающие между карминовых губ клыки, обаяние этой улыбки ничуть не увяло. От нее млели домохозяйки, бросающие все дела ради сорока минут шоу «Особист» по четвергам. Ей пытались подражать старшекласники, строя гримасы перед зеркалами в школьных уборных. И Озон, невольно подчиняясь обаянию этой улыбки, согласно кивнул.

Это была вирусная программа. По последним данным разработчиков, ее лет сорок назад запустили какие-то шутники из Гонконга. Только шутка вышла не слишком смешной. Вирус переходил от человека к человеку — от одной к другой функционалии Фронта. При заражении человек в *реале* впадал в кому и уже из нее не выходил, а вот его сознание, существующее во Фронте, превращалось в кровососа. Почему именно в вампира? У компьютерщиков, медиков и психологов в штате «Энигмы»

были разные объяснения. Компьютерщики считали это просто частью программы. Психологи настаивали на том, что оторванное от тела сознание как-то чувствовало бедственное положение организма в реале и пыталось оправдать свое посмертное существование. Ссылались на теорию архетипов. Строили догадки: мол, высасывание жизненной силы из других поддерживает иллюзию бытия. Медики, сверяясь с данными сканеров, утверждали об активности лимбической системы, доставшейся людям от далеких рептильных предков.

Поначалу вирус просто не замечали. Впавших в кому людей отключали от аппарата жизнеобеспечения, и призрачная копия, фронтовой «вампир», потихоньку исчезала сама по себе. Так было до тех пор, пока болезнь не переросла в эпидемию. Медики и юристы забили тревогу. А потом... потом случился инцидент в болотах Охтицы, когда жертвой кровососов стал целый взвод. Двадцать отборных бойцов-контрактников, одновременно впавших в кому... инцидент не удалось замять. СМИ, как стервятники, накинулись на горячую новость, и отзвуки скандала долетели даже до Тыла. И полковник Кривицкий, отправивший ребят на смерть, подал в отставку... точнее, собирался подать.

Военный трибунал Кривицкого оправдал, и он спокойно мог доживать свой век на пенсии, в Тылу. Но, выяснив через собственные каналы подробности дела, решил иначе. Так четыре года назад появилась программа «Экимму».

Полковник задумчиво улыбался. Черная занавеска колыхалась — за ней кто-то двигался, слышались приглушенные голоса, но Озон был уже целиком поглощен рассказом.

— Экимму. Не думаю, что произношу это правильно — язык вавилонян нам достался только в виде клинописных значков на глиняных таблицах. Так они называли дух умершего, не нашедшего покоя и бродящего по земле в поисках мести. Звучит как-то благороднее, чем «вампир» или «вурдалак». Я хотел доказать, что и после смерти солдаты могут послужить отечеству. Тем более, очень быстрые, очень сильные и практически неуязвимые солдаты. Я попросил, чтобы меня заразили...

Озон от волнения прикусил губу и почувствовал вкус крови на языке. Клыки уже удлинились и заострились. Очень хотелось потрогать их пальцем, но это выглядело бы совсем глупо.

Полковник нахмурился. Воспоминание было не из приятных.

— Я оказался устойчив к воздействию яда, примерно как ты...

Особист как-то незаметно перешел на «ты», однако это не обижало, а, наоборот, как будто сближало.

— ...но все равно поддался. Это были жуткие недели. Меня держали в камере с железной дверью, прикованным к стене. Смутно помню подробности — кажется, я изгрыз себе руки почти до костей. Но я хотел, чтобы на мне проводили опыты. И через два месяца им удалось подобрать нужный код... взломать вирусную программу. Здесь, на Фронте, это выглядит вот так...

Кривицкий легонько щелкнул по пластиковому мешку капельницы.

— Син-кровь. Она позволяет нам оставаться в здравом рассудке и замедляет обращение. Если питаться только син-кровью, то будешь... практически человеком. И сможешь продолжить службу. Я очень надеялся, что следующим этапом станет разработка лекарства, полностью излечивающего от болезни... но пока это все, что у нас есть.

Озон покосился на пакет с красной жидкостью с новым уважением. А он-то, дурак, думал, что это яд...

Кривицкий, оправившийся после всех испытаний, создал специальные группы по отлову «диких» вампиров. А уже из этих с помощью син-крови формировал «Летучие Отряды» — особые войсковые подразделения, выполнявшие функции разведчиков и диверсантов. Пиарщики Фронта даже припомнили старинное слово «коммандос». Всех бойцов исправно снабжали син-кровью, а Кривицкий лично наблюдал за их обучением. Говоря о новых способностях, он не шутил. Вампиры действительно умели многое из того, о чем обычные призывники не могли и мечтать. В нарушение сценариев «Фронта», они летали, превращались в невидимок, обходились без воздуха и

пищи — не считая, разумеется, их единственной панацеи. Идеальные солдаты. Залог победы. Выигрышная карта в рукаве отечественного Генштаба. Единственный минус заключался в том, что о возвращении в Тыл эти герои не могли и мечтать...

Глаза Озона теперь горели почти так же ярко, как агатовые очи Кривицкого. Он даже попытался приподняться на койке, забыв про ремни. Заметив его воодушевление, полковник снова улыбнулся:

— Остается один вопрос.

Озон недоуменно поднял брови. Для него никаких вопросов не было. Стать сверхчеловеком, совершенным бойцом, героем — и вдобавок под командой Кривицкого. Об этом он не мог и мечтать. Как обрадуется мама! Могла ли она предположить, что ее оболтус будет служить рядом с великим человеком?

— Если ты решишься выбрать этот путь, придется подписать контракт о неразглашении. В тылу не должны знать о Летучих Отрядах. Пока не должны.

В радость Озона словно капнули кислотой, отчего она пошла крупными творожистыми хлопьями. И все же...

— Если я решусь? Разве есть другой путь?

Кривицкий внимательно посмотрел на него.

— Ты можешь попросить, чтобы твое тело отключили от аппарата жизнеобеспечения. Там, в Тылу. Как я уже говорил, у тебя есть выбор. В отличие, например, от твоего друга, Шамиля Бектерева. Его тоже доставили к нам, но уже в таком состоянии, что мне пришлось делать выбор за него.

Парень заморгал глазами. Выбор? Разве это выбор? Жизнь героя, пусть и безвестного, или смерть — возможно, мучительная?

— Тебе стоит подумать, — добавил особист, вставая со стула.

Он уже взял с тумбочки фуражку и протянул руку к занавеске, когда Озон отчаянно выдохнул:

— Не надо думать. Пожалуйста. Я уже решил.

Оглянувшись, вампир раздвинул карминово-красные губы в улыбке и тихо сказал:

— Думать, рядовой Чистоплюев, надо всегда.

Но решения Озона это не изменило.

* * *

Беку повезло с именем. То есть с фамилией. Первое, что сделал Центурион, куратор их группы, — это еще в госпитальной палате дал новым бойцам клички. Имя осталось там, в прошлом, вместе с подключенным к водителю сердечного ритма и искусственным легким телом. А здесь была новая жизнь и новые имена.

— Бек? — спросил Центурион, сверившись с планшетом. — Ладно, останешься Беком. А вот ты...

Тут он перевел взгляд на Озона. Озон все никак не мог привыкнуть к красным искоркам, горящим в глубине вампирских глаз, — хотя у него наверняка были такие же. Парень автоматически перевел взгляд на заплеванное зеркало, висящее над рукомойником у входа. Занавеси, отделявшие его кровать и кровать Бека от остальной палаты, уже отдернули. По замыслу, в зеркале сейчас должны были отражаться его койка, он, сидящий на свернутом одеяле, и спина Центуриона. Койка в зеркале отражалась. Отражалась даже вмятина на одеяле. Но ни Озона, ни Центуриона в мутном стекле видно не было. «Наверное, потому, что вампирский мод не был предусмотрен изначальным сценарием Фронта», — как всегда не в тему подумал Озон и глупо улыбнулся.

— А рожка у тебя дурацкая, — не замедлил откомментировать Центурион.

Он-то как раз меньше всего походил на классический образ упыря. Длинный, костлявый, весь какой-то нескладный. Синяя униформа висела на нем мешком, спина ссутулена, худые мосластые руки торчали из рукавов. И губы не карминово-красные, а нормальные, бледные. Только вот глаза...

— Озон Михайлович Чистоплюев, — насмешливо протянул куратор. — Ну и имечко.

— Оставьте «Озон», — угрюмо попросил солдат. — Не хуже, чем Бек.

— Не ху-уже? «Ребята, в воздухе Бек и Озон, как слышите?»

Бек, стоявший у своей кровати, заржал в голос. Куратор опустил планшет и снисходительно улыбнулся.

— Ладно. Если тебе так эти четыре буквы нравятся, прибавим пятую. Будешь Бозоном.

Итого, шестеро: Бек, Бозон, Падре, Херувим (сокращенно «Хер»), Симба и куратор Центурион. Почему «куратор», а не сержант или ефрейтор, Центурион не объяснил, зато сказал:

— В боевой обстановке я для вас Си-Три. Запомнили?

— Почему? — тут же вмешался Бек. — У нас третья группа или это от названия пластиковой взрывчатки? Или что?

— Или что.

Бек насупился. Куратор, коротко взглянув на него, пояснил:

— «Си» — от латинского «Centurio», «сотник», понял? А три из «турио».

Марсианин, не утративший наглости и в новой жизни, тут же брякнул:

— Какой же ты сотник, если нас всего шестеро?

Заложив руки за спину, Центурион прошелся по небольшой площадке перед длинной армейской палаткой — перевалочным пунктом на их пути в часть — и только потом ответил:

— Потому что завалил сотню таких, как ты, языкатых, прежде чем угодить сюда.

Бек хищно оскалился и потянулся к поясу, за который заткнул новенький десантный нож. Ножи, более широкие и длинные, чем траншейники времен ПМВ, им выдали вместе с обмундированием, а вот огнестрела пока не дали.

Центурион остановился и лениво обернулся. И пропал. На месте куратора в вечернем воздухе размазалось черное разлапистое пятно. Ближе к центру пятна вспыхнули красные угольки глаз. Озон, стоявший в паре шагов, отшатнулся. Бек отдернул ладонь от рукояти ножа. Наглый или нет, понял, что пока ему не светит.

Пока.

«Нас с Беком перевели в новую часть, — писал Озон при мигающем свете керосиновой лампы, — поэтому изменился номер полевой почты. А в общем, здесь все так же. Ребята неплохие. Один, Падре, в религию ударенный, а при этом вроде научник. Тебе бы понравился...»

Падре в своей прошлой жизни был священником. О прошлом тут никто распространяться не любил, и священником какой религии был смуглый, наголо обритый, безусый и безбородый Падре, Озон так и не выяснил. Но теории служитель неведомых богов развивал довольно странные.

Сидя на пеньке и точа свой любимый штык-нож, бывший священник пускался в рассуждения:

— Человек и вампир — это как волна и частица. Если исходить из теории поля. Электрон — это ведь одновременно частица и волна. А вот представь теперь, что их разделили. Человек — как частица, материальное тело. А волновая функция досталась вампиру.

Бек, любовно вглядывавшийся в начищенную кожу ботинок, при этом фыркал.

— Умник. Ты где учился, в духовной семинарии? Ты вообще о теории струн слышал? О гравитонах Ларамана? Или хоть о бозонах?

Тут он обычно озарял Озона зубастой ухмылкой.

— Или, по-твоему, корабли на Марс по-прежнему на керосине летают?

Падре, подняв круглое плоское лицо, улыбался.

— И что же говорит теория струн?

За Беком не задерживалось.

— Человеку доступно сколько измерений, три? А вампиру как минимум шесть. Вот Центурион сквозь стены ходит? Ходит. И у меня уже получается иногда. И я даже думаю, что вампир может осваивать новые измерения, потому что способности постоянно развиваются.

Тут обычно вклинивался фанат старого кино Симба.

— Гонишь ты все. Мы ведь не в реале, а в цифре. Старый фильм смотрел, «Матрица»? Так там был чел, Нео, тоже сквозь стены ходил. Просто особая программа.

Бек, как выяснялось, «Матрицу» смотрел и легко поражал оппонента на его же поле.

— Если матрица, тогда уж агент Смит. Нео не мог никого заражать, а Смит копировался в обычных юзеров... вирусная программа, сечешь? Точно как мы.

Херувим-Хер, двадцать третья буква русского алфавита, молчал. Впрочем, он всегда молчал. То ли был немым от рождения (но как его тогда взяли на Фронт?), то ли дал невесть кому обет безмолвия. Молчал, светясь в сумраке нежным овалом лица и напоминая ангела с рождественской открытки. Это впечатление, как и в случае Центуриона, был обманчивым — Херувим очень скоро стал самым сильным бойцом в группе, чем вызывал лютую зависть Бека.

— Нет, послушайте, — снова врывался в разговор Пад-ре, — вся беда оттого, что человек и вампир разделены. Если раздернуть электрон на частицу и волну, что будет хорошего? А им бы слиться опять, и тогда...

— Возникнет совершенное существо, во всем подобное бо-гу, — ядовито завершал фразу Озон-Бозон.

За это его и не любили в отряде, а только терпели.

Но такого он в письмах матери не писал.

* * *

На первом инструктаже, сразу после прибытия на базу, Центурион прочел своей группе краткую лекцию по технике безопасности. Это было привычно, а вот детали лекции вызвали у Озона нервный смех.

— Осиновый кол и вообще любое дерево в сердце — правда, — говорил Центурион, заложив руки за спину и вышагивая перед выстроившейся пятеркой. — Насчет головы — тоже правда. Остальное — полная лажа.

— А солнечный свет? — решил Бек.

Перевозили их в кузове крытого брезентом и воняющего бензином грузовика. Когда Центурион стукнул по борту и велел вылезать, за брезентом оказался глубокий вечер. Что не мешало Озону отлично видеть, а ведь до этого незалеченная куриная слепота (генетический дефект и еще один раздражаю-

щий подарок матушки, во всем любящей естественный ход вещей) изрядно его доставала. Мир был резок, сфокусирован, четок, но болезненно черно-бел. Белое с серыми полосами туч небо, черные деревья в лесу. Черная (на самом деле синяя) форма товарищей с белыми клиньями погон. Белое лицо Центуриона, черные глаза, серый кривящийся рот. Ночное зрение хищника в поиске жертвы. Их не кормили с утра, и голодовка начала сказываться.

Это не был тот дикий, разъедающий нутро голод, который помнили «реформированные» из диких Симба и Падре. Скорее, гложущее, нудное, как зубная боль, неотвязное беспокойство. Легкая чесотка под кожей. Желание бежать (куда?) и делать (что?). Дневные рационы уже ожидали в палатке-столовой, но сначала полагался инструктаж. И Озон терпеливо стоял, переминаясь с ноги на ногу.

В ответ на вопрос Бека куратор ухмыльнулся:

— Много ты тут видел солнца? Но если хочешь точные сведения, то нет. Нет, мы не сгораем на солнечном свете. Дело в цифре или в чем другом — не знаю. Солнечный свет обжигает глаза и слепит, это правда, но надо просто сузить зрачки. Вот так.

И куратор показал, превратив зрачки в узкие щели. Красиво. И страшновато, как и все, связанное с новой жизнью.

— И последнее. Кровь. Мы питаемся только син-кровью.

При этих словах он вытащил из кармана форменных штанов фляжку и хорошенько к ней приложился. Обычная хромированная фляжка в кожаной оплетке. Старлей Вереснев в такой носил коньяк. У Центуриона во фляжке был, похоже, совсем не коньяк, потому что на губах после нескольких глотков осталось густо-темное. Облизнувшись, куратор договорил:

— Человеческая кровь, неважно чья — своих или противников — под запретом. За нарушение — смерть. А теперь можете питаться.

И они пошли питаться в хлопающую на резком ветру — снабженцы плохо натянули — палатку. У син-крови в жестяных термосах был привкус железа и сладковато-кислый запах. Чем-то она по вкусу напоминала кисло-сладкие тефтели, которые ма-

ма готовила Озону в детстве из настоящих — а не синтетических — помидоров и соевого мяса. Более жидкая, чем кровь, но гуще воды, она приятно грела желудок... и не насыщала. Беспокойство оставалось, и с каждым жадным глотком Озону все яснее становился последний и самый важный запрет.

Бек, попробовав, конечно, сплюнул:

— Холодная. Гадость. А настоящая, — тут он клыкасто улыбнулся тихо заправляющимся Симбе и Падре, — тепленькая, небось.

Симбу передернуло. Падре поднял на Бека блестящие, похожие на маслины глаза и спокойно ответил:

— Теплая. Даже горячая. Но когда пьют тебя, становится очень холодно.

Бек — редкий случай — не нашелся, что ответить.

Херувим не стал пить вместе с остальными, а спрятал термос в заплечный мешок. Может, стеснялся?

* * *

База их группы находилась в хвойном лесу. Единственная палатка — столовая, куда снабженцы подвозили свежую синь-кровь. За палаткой небольшая землянка, там пункт связи. Медный телефонный провод немного смешил Озона. Зачем в виртуальном мире телефон? Зачем телефон вампирам, читающим мысли на расстоянии? Еще там стоял черный, молчаливый куб полевой рации, которая на памяти Озона не включалась ни разу. Очередной милый анахронизм Фронта. По словам Бека, портативные радиостанции появились только перед Второй Мировой.

За палаткой — обширная вырубка, где располагалась тренировочная площадка. Лабиринт — каменные и бетонные стены, скрещивающиеся под странными углами, «летная» вышка (пока у новобранцев получалось только красиво с нее падать), ну и обычная полоса препятствий: рвы, колючка. Несколько турников.

Палаток под сон и личные нужды бойцов не полагалось. К счастью, байки про склепы и непрременную дневную спячку в гробах тоже оказались мифом. Падре, Симба, Бек и Озон

по-первости располагались на «дневку» в лесу, в густой тени ельника. Редкий солнечный свет резал нетренированные глаза. Здесь же обычно и перекусывали. Где дневали и питались куратор и Херувим, неизвестно. Когда Бек однажды попробовал пошутить на эту тему, Херувим смерил его прозрачным ангельским взглядом — так, что пробрало даже стоящего рядом Озона. Шестым чувством, хребтом он ощущал, что из всех них, включая Центуриона, именно Херувим был самым опасным. Что видели эти небесно-голубые глаза? Из какого сектора, из какого круга ада поисковые отряды приволокли «дикого» Херувима? Все скрывало неизменное молчание хрупкого, как восьмиклассница, и безмятежного, как летний полдень, бойца.

Уроки рукопашного боя, в которых так преуспели Херувим и Бек, Озону давались с трудом. Он не обрел пресловутой вампирской ловкости, и при каждой подсечке Центуриона мешком валился на вытопанную траву или рыжую хвою. Может, все дело в том, что Озон не понимал смысла этих тренировок? Зачем развивать гибкость и быстроту, когда тело наполняла железная необоримая сила? Он мог ударом ноги сломать сосну. Пальцами мог раскрошить ее жесткий морщинистый ствол, руками выдернуть из земли под треск сопротивляющихся смерти корней. Однажды в нехарактерном для него азартном порыве связал узлом и вновь развязал стальной турник. Так к чему ему приемы рукопашной? С кем он будет драться — с «дикими» кровососами? Ну разве что с ними, потому что обычный солдат противника сломался бы в его руках, как сухой ивовый прут.

«Специальные» навыки давались Озону лучше. Особенно полеты. Он всегда хотел летать, но антиграв-паки стоили дорого. Слишком дорого для сына учительницы биологии и служащего маленького страхового агентства. Когда Озону было лет двенадцать, он попытался записаться в общество планеристов и в первый и последний раз был жестоко порот отцом. Тот не уважал реконструкторскую технику. Может, из-за своей профессии?

И вот сейчас, наконец-то, получилось. То есть получилось не сразу, а только на третьей неделе обучения, но раньше, чем у

остальных. Небольшая деревянная площадка «летней» вышки ухнула вниз, и открылось черно-серое древесное море. Озон видел все. Белку, спешащую вверх по стволу. Сову, нацелившуюся на белку. Сорочки гнезда и старый бурелом, ручьи, заросшие осокой болота, погнутые ветром стволы — чересполосица света и тени в сиянии полной луны. Почему-то луна над базой всегда была полной. Еще одна аномалия. Сейчас она белым кругом висела, бежала, летела над головой, и Озону захотелось помчаться вверх, к луне, казавшейся откинутой крышкой небесного люка. И воздух вокруг, воздух, который должен был холодить, стегать в лицо и задерживать полет, никак не ощущался — словно Озон уже воспарил в чернильный космический вакуум. Луна светила так ярко, что затмевала звезды, и Озон подумал, что отныне и навсегда она будет его единственным солнцем.

Потом, конечно, пришлось возвращаться и смотреть, как остальные прыгают с вышки и тяжело (Херувим — легко, а Бек — с громкими проклятьями) рушатся на утоптанное поле внизу. Но этот первый полет он запомнил навсегда.

Еще ему нравился «бег теней». На первый взгляд, очень просто: бежать по лесу, ни разу не выходя из тени, сливаясь с ней, невидимым — но не невидимкой. Превратиться в морок, в ту самую волну, о которой твердил Падре.

— Стать невидимкой может любой дурак, — говорил Центурион. — А ты попробуй оставаться видимым и при этом сделать так, чтобы тебя не замечали. Держись в тени. Держись за спиной. Держись на самой границе поля зрения, мерцай, как воздух в жаркий день. Это настоящее искусство.

Наверное, Центурион был разведчиком до того, как стать вампиром. Озон даже хотел пару раз спросить у него, а не из пропавшего ли он у Охтицы взвода... но так и не собрался с мужеством. Здесь никто не любил говорить о прошлом. Кроме Бека, а Бек не шел в расчет.

А затем наступил тот день. День, когда он не смог написать домой. И наступил значительно раньше, чем миновали оставшиеся полгода срочной службы.

* * *

Все началось просто и буднично, так, как начинается самое поганое в жизни. В землянке связи зазвонил телефон. «Кто говорит? Шпион. Что вам надо? Агента Моссада. Для кого? Для шефа моего». Но, конечно, все было не так, как в дурацком и не очень понятном стишке. Звонил Кривицкий. Группа получила первое задание.

В двадцати километрах вглубь вражеской территории располагался аэродром. Но базировались там, по информации Кривицкого, отнюдь не маломощные «этажерки». Противник опять нарушил правила. Там располагалась засекреченная батарея реактивных минометов. Такое иногда случалось. «Энигма» соблюдала нейтралитет, но порой кто-нибудь из рядового персонала соглашался рискнуть. Разумеется, не бесплатно. Скандал обычно замалчивался, потому что, если бы дело достигло СМИ, пришлось бы признать, что весь Фронт — фикция, иллюзия, игра. А это было бы невыгодно всем заинтересованным сторонам.

Группе поручалось проникнуть на охраняемую территорию вражеской базы и нейтрализовать противника. Если проще — уничтожить всех артиллеристов и обслуживающий персонал. Краткая и понятная вводная, не вызвавшая у Озона никаких вопросов. Мошенников следовало покарать.

Ему плохо запомнилось начало операции. Возможно, память Озона была мудрее его самого и хотела сохранить лишь главное.

Закат. Красная полоска в тучах. «Бег теней», настолько стремительный, что древесные стволы сливались в черную массу. Потом из облаков вырвалась луна, и отряд был уже рядом с вражеской базой. Легко сняли часовых. В сером молозиве темнели рыла зачехленных установок. Крики. Липкая кровь на лезвии ножа. Кого-то выволокли из землянки, он упирался, однако недолго — крикнул и затих. Дольше всего не сдавался командный бункер, но железную дверь вышибли взрывчаткой и перерезали всех внутри. Были клубы вонючего дыма. Был резкий свет электрической лампочки под потолком, блеск пылинок. Снова кровь — на столе с картой, на стенах, на пульте связиста, совсем не похожем на механизмы Первой Мировой. Затем кто-то, кажется, Па-

дре, разбил лампочку, и стало темно и тихо. Очень сильно пахло кровью. Чесотка под кожей разрасталась, доходя до мучительной рези... Надо было выбраться из бункера и глотнуть свежего воздуха, чтобы унять этот зуд.

А потом выяснилось, что пятеро солдат противника успели уйти в лес. Их вычислили по запаху. И Центурион приказал Озону и Беку догнать беглецов и уничтожить.

Тут память снова включилась, услужливо подсовывая четкие до тошноты картинки. Наука Центуриона пригодилась — они с Бекком взвились в воздух и понеслись над верхушками сосен и залитыми луной прогалинами. Наверное, так совы преследуют добычу, но летели они куда быстрее сов. Быстро, как ястребы, только ястребы не охотятся ночью. Не прошло и нескольких минут, как внизу заблестела вода. Беглецы уходили вверх по ручью — может, понимали, кто гонится за ними, и хотели сбить охотников со следа. Пять маленьких с высоты фигур, поспешно шлепающих по воде. Увидев их, Бек рассмеялся и с хищным криком спикировал вниз, на спину последнего из беглецов. Озон чуть задержался: как раз на ту секунду, которой хватило, чтобы увидеть — Бек не вытащил нож.

Воздух, такой неосязаемый и мягкий, вдруг ударил его под дых. Солдат почувствовал, что падает, и тяжело рухнул в ручей. Будь Озон человеком, тут бы ему и конец, потому что дно усеивали острые камни, лишь едва покрытые водой. Но сейчас он вскочил и, поднимая тучи брызг, кинулся к Беку и его жертве. Марсианин вытащил вражеского бойца на берег и склонился над ним. Враг — крупный, в серо-зеленой униформе и высоких сапогах — хрипел и сучил ногами. Бек делал с ним что-то, и Озон с обморочной ясностью осознал, что. Остальные противники бежали вверх по ручью, даже не пытаясь спасти товарища. Озон последним прыжком выскочил из воды и рванул Бека за плечо. На него уставилось измазанное темным лицом. В глумливом свете полной луны кровь на губах марсианина казалась черной.

— Нельзя, — выдохнул Озон и тряхнул товарища за плечо. — Нельзя, нам запретили, понимаешь?

Бек отмахнулся, и Озон вверх тормашками полетел в ручей. В рукопашной марсианин всегда был первым после Херувима.

Острые камни. Холодная вода. Лежа лицом вниз в ручье, Озон понял, что еще способен чувствовать холод. Он снова вскочил и кинулся на Бека.

Они катались по берегу, то падая в ледяной поток, то выбираясь на глинистый, засыпанный хвоей склон. Озон не мог победить марсианина, но мог хотя бы не выпускать его, не дать ему совершить дальнейшие убийства.

Впрочем, надолго его не хватило. Бек закрутил ему руку за спину и уселся сверху, дыша в затылок металлическим и кислым. Кровяной дух больше не казался Озону соблазнительным. Скорее, вызывал тошноту.

— А кто видит? — сладко пропел Бек. — Си-Три наш проверять каждого жмурика не прибежит. Ты, что ли, ему доложишь? Ты, да?

И макнул Озона головой в ручей. Не выпускал долго, словно надеялся утопить. Когда отпустил, Озон затряс головой, задыхаясь и фыркая, — хотя дышать ему было вовсе не обязательно.

— Хочешь знать, какая она на вкус? — зашептал марсианин на ухо. — Офигительная. Лучше не бывает. Тебе надо попробовать. Это что-то, Бозон, — вставляет лучше крэка и всякой сенсорики. Чувствуешь себя таким сильным и легким, и этот долбанный зуд проходит. Давай, догоним остальных, я даже уступлю тебе парочку.

— Сдохни, гад! — Озон рванулся, пытаясь дотянуться до своего ножа.

Бек треснул его лбом о камень, так сильно, что посыпалась гранитная крошка и из ссадины закапало темное. Кровь вампиров пахла иначе, чем людская. Острее. Насыщенней. Как старое вино по сравнению с разбавленным пивом у деревенской кабатчицы.

— А знаешь, я не буду догонять остальных, — хмыкнул Бек. — Человеческую отраву я уже распробовал. А вот вампирскую еще нет. Потом ткну тебя суком под ребро... скажу, что те ребята тебя насадили. А пото...

Слова его оборвались свистом и хрипом. В затылок Озона что-то плеснуло. Темный круглый предмет запрыгал по камням и скатился в воду. Озон, опираясь на руки, приподнялся и мед-

ленно обернулся. На берегу у него за спиной лежало безголовое тело Бека, а рядом стояли Центурион и Херувим. Херувим зачехлял свой длинный тесак. Центурион хмурился. Лунный свет зажигал в его глазах холодные искорки.

— В каждом новом наборе кто-то срывается, — бесстрастно проговорил куратор. — Первое задание — всегда проверка. Ты прошел. Он — нет.

Центурион пнул ботинком труп.

Херувим, сунув тесак в наголенные ножны, дернул командира за рукав и кивнул на барахтающегося в раскисшей глине Озона. Куратор и рядовой обменялись взглядами, значения которых Озон не понял. Затем Центурион присел рядом на корточки и, глядя в сторону, спросил:

— Почему ты остановил Бека?

Озон провел рукой по затылку. Вытер замаранную ладонь о гимнастерку.

«Надо будет помыться в ручье», — рассеянно подумал он.

— Отвечай на вопрос, солдат.

— Куратор, вы сами говорили — нам запрещается пить человеческую кровь.

— Только поэтому? Только из-за запрета?

Озон потупился. Он смотрел на собственные измазанные в грязи колени, на текущую мимо воду. Ручей успокоился, и между черными макушками выступающих из воды камней пролегла лунная дорожка. Поток пронес одинокий березовый листок, изъеденный тлением, почти прозрачный. На Фронте снова наступала осень. Хотя прекращалась ли она когда-нибудь? Озон не помнил.

— Нет, — в конце концов ответил солдат. — Не только. Я не хотел, чтобы он убивал людей.

— Но это наше задание.

— Знаю. Но оно не обязано нам нравиться, так? Мы не должны получать удовольствие от того, что делаем.

Озон вскинул голову, ожидая упрека... взыскания. Центурион смотрел на него задумчиво. Херувим ангельски улыбался. Куратор поднял голову и, неестественно вывернув шею, оглянулся на напарника. Херувим чуть заметно кивнул. Снова обернувшись к Озону, куратор медленно проговорил:

— Ангел считает, что ты нам подходишь. Он давно к тебе присматривается. Я не настолько уверен, но готов рискнуть.

Озон удивленно вскинул брови.

— Подхожу для чего? И почему вы назвали Херувима «Ангелом», командир?

— Куратор, — мягко поправил Центурион. — Придержи вопросы до следующего четверга. Тогда все узнаешь.

Ручей чуть слышно плеснул, словно подтверждая обещание.

3. Заговорщик

— Падре?

— Да?

Падре сидел на поваленном сосновом стволе и перебирал черные бусины на нитке. Такая у него была привычка. При вопросе Озона он поднял голову и улыбнулся. Почему-то после смерти Бека к его бывшему однополчанину в группе стали относиться куда лучше. Даже Симба, который вроде бы с Беком прителествовал.

Озон уселся рядом и спросил:

— На Фронте есть ангелы?

Падре поморщился. Симба, валявшийся на траве и делавший когтем зарубки на деревянной рукояти ножа, фыркнул:

— Конечно есть. Ты ведь при поступлении на службу заполнял анкету?

Озон кивнул.

— И что написал в пункте «Вероисповедание»?

— Ничего.

— Ничего. А если бы написал «христианин» или «иудей», то всякий раз, когда ловил бы пулю, за тобой являлись бы две роскошные телки с крыльями. Религиозное лобби пробило.

Падре при этих словах нахмурился. Озон растерянно взглянул на него.

— Тебе это не нравится?

Бывший священник, перекинув еще пару бусинок, пожал плечами.

— Мне не нравится обман. А на Фронте его и без того хватает.

— То есть эти ангелы... — Озон замялся. — Они не настоящие? Просто программа?

Симба осклабился:

— Почему же. Знаешь, как еще при царях всякие институтки медсестренками на фронт шли? А тут та же фишка. Богатенькие девки идут в «Службу милосердия». Типа, долг родине отдают.

Отложив нож, он поинтересовался:

— А чего это тебя на ангелов потянуло? Потрахаться захотелось?

— Нет. Так... — сумрачно протянул Озон.

* * *

Настал и четверг.

После обычных тренировок Центурион объявил, что Озону следует поупражняться в рукопашке. Падре и Симба при этом переглянулись, но вопросов задавать не стали — отвалили в лес на дневку. Над лесом еще стояла луна, изъеденная, как головка сыра, и такая же плесневелая и зеленая. Тени сплетались с тенями, и новобранец с куратором были как две тени, мелькающие между сосновых стволов. Озон сам себе боялся признаться, до чего же ему это нравится. Нет, конечно, не пить кровь. Но бег, свобода, ветер, свистящий в лицо, собственная легкость и почти прозрачность...

— Чем больше дар, тем больше расплата, — тихо выдохнул кто-то у него над головой, в темных ветвях.

Озон остановился так резко, что заскользил на опавшей хвое и хлопнулся на задницу. Центурион тихо рассмеялся. Ему ответил другой, более звонкий смех, и на землю спрыгнула тонкая фигурка.

— Херувим... То есть Ангел. Так ты можешь говорить? — выдохнул Озон.

— Могу. Но предпочитаю молчать. А ты можешь летать, но предпочитаешь ползать.

— Я же не птица, — сердито огрызнулся парень. — И крыльев у меня, знаешь, тоже никогда не было.

Бледные глаза Ангела блеснули совсем рядом. В ноздрях защекотало — Ангел пах кровью, остро и пряно. Не син-гадостью, а настоящей. Откуда?..

— Ах. Так мальчик все понял. И что, мальчик? Хочешь посмотреть на мои шрамы?

Озон мотнул головой.

— Не думал, что ты девушка, — вот и все.

— Я давно уже не девушка...

— Хватит препираться, — бросил Центурион. — Мы и так опаздываем.

Не сказав ни слова, Ангел взвился — или взвилась? — в воздух. Куратор отстал на долю секунды, а вот Озону пришлось догонять. Луна, воняющая плесенью, неслась за правым плечом, и в фальшивом сосновом лесу под ними ухали фальшивые совы.

Озон ожидал чего угодно, но только не церкви. Из тех деревенских церквушек, что всегда стояли у разбитых фронтовых дорог. С низкой оградой, заросшим березами кладбищем и непременно вороньими стаями на потускневших куполах. У этой, впрочем, купол был дырявый, с покосившимся шпилем. Сквозь дыры сочилась луна, и вообще это была, кажется, не православная церковь, а кирха. Скамейки для паствы валялись сломанные и перевернутые. На полу темнели доски, груды мусора — и все же кирха не выглядела покинутой. Кто-то очень старательно украсил центральное большое распятие гирляндами чеснока и сухими цветами. Пахло чесноком, мышами, свечным воском и тленом. За одной из колонн вниз, в черноту, вводила узкая лестница. Ступеньки упирались в запертую на замок решетку. Склеп? Озон вздрогнул. Сразу вспомнились все истории про то, как вампиры спят в гробах и по ночам выбираются на охоту. Но ведь им не нужны были гробы...

Впрочем, долго размышлять не пришлось. Их уже ждали. Несколько человек (вампиров, мысленно поправился Озон) сидели на возвышении рядом с кафедрой. Еще парочка устроилась на обломках скамей. Лица белыми пятнами выделялись во мраке, но Озон старался не приглядываться. Почему-то ему не

понравилось это сборище, хотя рядом был Центурион, — а кому еще доверять, если не Центуриону?

Куратор мягко надавил на плечо, заставляя сесть. Когти неприятно царапнули кожу сквозь ткань гимнастерки. Озон опустился прямо на пол, на трухлявые доски, скрипнувшие под его весом. Ангел присела на корточки рядом. Запах крови куда-то исчез. Теперь от нее потянуло ландышами. Озон понял, что беззастенчиво пялится на грудь девушки, пытаюсь обнаружить под мешковатой тканью более соблазнительные формы. Ангел, как будто подслушав его мысли, лениво потянулась. Парень быстро отвел взгляд.

— Да не стремайся ты так, — шепнула она. — Конечно, на пятый размер не тяну, но Игорь пока не жаловался.

— Игорь?

— Ваш Центурион... Тсс!

Озон почувствовал, как краснеет. Оказывается, и у вампиров кровь приливает к щекам... и не только... Вот черт!

Центурион взобрался на кафедру и медленно оглядел собравшихся. И снова Озона пробрала жуть — в том, как вращалась голова куратора над воротничком гимнастерки, было что-то неестественное, омерзительное. А сам-то?

— Вижу, у нас трое новичков.

Центурион говорил тихо, но голос его отчетливо разносился под высоким сводом.

— Представляться не обязательно. Я в двух словах опишу, кто мы такие и зачем пришли сюда. Потом можете задавать вопросы.

В голове Озона крутился единственный вопрос, не имевший ни малейшего отношения к делу, — где ее крылья? Симба говорил, что у ангелов есть крылья, а сама она сказала про шрамы. Крылья оторвали? Отрезали? Как это случилось? Он опять взглянул на сидящую рядом девушку, чувствуя, как жалость мешается с любопытством, а отвращение с желанием. Она совсем не была похожа на Марфеньку. И ни на одну из его одноклассниц. Ни на одну из встреченных им прежде. Она убивала, быстро и беспощадно. Она пахла кровью. У нее были глаза цвета льда. Она была опасна, и она была с Игорем-Центурионом — то есть, опасна вдвойне...

— Брось пялиться и слушай, — прошипела Ангел.

Озон вздрогнул и обернулся к кафедре. Центурион говорил, и, кажется, уже долго.

— ...давно утратила смысл. Если верить массовой пропаганде, воюют государства. На самом деле все происходит не так. Вы никогда не задавались вопросом — какой смысл имеет война в виртуале? В прошлом войны велись за территорию, за веру, за ресурсы. Какую же выгоду можно получить от войны за то, чего не существует в реальном мире? Как победа или поражение на Фронте могут повлиять на экономику и политику Тыла?

— Никак! — гаркнул кто-то с места.

Наверное, такой же новичок, как Озон.

— Верно. Никак. Так почему же война продолжается?

— Понижение агрессивности? — более неуверенно отозвался тот же голос.

— Пропагандистская чушь, — отрезал Центурион. — На Фронте учат убивать людей. Как это может понизить агрессивность?

Озон перевел взгляд вверх, где сквозь прорехи в крыше тянулись длинные пальцы луны. А ведь Цен прав. Почему он сам не задумывался об этом раньше? Но тогда получается...

— Престиж? — предположил еще один голос.

— Верно. Престиж. Но чей? Государственный? Тратить уйму человеческих ресурсов на то, чтобы добиться престижа в виртуальной игре? Звучит довольно глупо. На уровне государственной политики — самоубийственно. Такая игра могла продержаться несколько лет после Третьей Мировой, когда все еще были напуганы разрушениями. Но она длится уже не один век. Так каков же ответ?

— Вот трепач, — шепнула рядом Ангел. — Как любит покрасоваться. Год его кровью не пои, дай блеснуть интеллектом.

Волосы на виске Озона тронуло ее дыхание, и внутри что-то сладко заныло. Слова Центуриона доносились как сквозь вату.

— Кому выгодно продолжать эту бескровную бойню? Русскому Сектору? Евроатлантическому? Индокитайскому? Вы хотя бы знаете, кто ваши противники? Не условные «немцы», «австрияки» и «япошки». Кто скрывается под этими масками?

Вы уверены, что по ту сторону линии Фронта в окопах не ваши соседи, ваши одноклассники, ваши друзья?

— Задрал, — выдохнула Ангел прямо в ухо Озону. — Пошли, покурим?

Озон захлопал глазами.

— А можно?

Хихикнув, Ангел вцепилась холодными пальцами ему в руку и потащила к выходу.

Они устроились на ступеньках. Впереди чернели каменные кресты. За ними угадывалась зубчатая полоска ельника. Луна, налившись кровью, скатывалась за деревья.

Ангел вытащила из нагрудного кармана пачку сигарет — и откуда достала? Предложив одну Озону, щелкнула зажигалкой. В свете крохотного огонька в глазах девушки блеснули красные искры. Затянувшись, она тонкой струйкой выдула дым и сказала:

— На самом деле все просто. Нас покупают концерны, владеющие каналами. Слышал такой термин — «high bidder»? Кто больше заплатит, у того больше солдат и красочнее шоу. Люди тратят на эту чушь уйму денег, ведь все подсели на Фронт. Плюс понты. Плюс еще, конечно, «Энигма». У них контрольный пакет акций Фронта, и они платят бешеные налоги. Так что, получается, прямая выгода всем. Федеральный бюджет получает бабло, каналы получают рейтинг, зрители — развлекуху. Так-то, маленький. Миром правят деньги.

Озон почти не слушал. Он смотрел на губы, выдувающие сизые облачка дыма. Сигарета погасла, и Ангел щелчком отправила окурки в кусты.

— Что молчишь?

Парень пожал плечами:

— Не знаю. Пару месяцев назад я бы, наверное, бегал кругами и злился на весь мир. А сейчас мне все равно.

— Правильное отношение.

Девушка улыбнулась и придвинулась ближе. Будь она живой, Озон бы ощутил тепло ее кожи — но и так было хорошо.

— Ты всегда такой правильный? — шепнула она.

В свете красной луны прозрачные глаза Ангела отчего-то казались черными. Черными, как вампирская кровь...

— И не зови меня «Ангелом», — попросила она, склоняясь ниже. — Глупое имя. Выдумки Игоря. Меня зовут Люси...

Озон целовал ее и почти не замечал боли от впившихся в губы острых зубов. Кровь текла по подбородку, но быстрый язычок слизывал все до капли. Ногти царапали шею. Из распахнутой двери церкви несло чесноком и склепом. В небе хохотала пьяная луна.

Всего трудней было смотреть в глаза Центуриону. Особенно потому, что Озон знал теперь его имя.

Куратор, казалось, и не заметил их отлучки — когда парочка вернулась в церковь, собравшиеся обсуждали поездку в Москау. У Озона кружилась голова. Он не понимал, на кой вампирам сдалась Москау. В виртуальной проекции столицы не было ничего, кроме госпиталей, заводов и складов. Центурион говорил о том, что они будут сопровождать цистерны с син-кровью, которые получают в Москау по накладным. У Озона чесались десны и губы, хотя ранки уже, конечно, затянулись. Ангел вспорхнула к провисшим потолочным балкам, а затем усе-лась на выступ прямо над распятием и теперь казалась настоящим ангелом. Херувимом, с небес оплакивающим деревянного Христа. На шее у Христа висела связка чеснока. Из подземелья, где, несомненно, прятались гробы, раздавался стук костей — или это стучали зубы Озона? Он отчего-то никак не мог согреться. Наверное, оттого, что давно отвык чувствовать холод. Как там говорил Падре? «Когда пьют тебя, становится очень холодно». Она выпила всего несколько капель, так ведь? Или?..

Озон встал и, пошатываясь, выбрел за дверь. Над верхушками леса на востоке занимался бледный рассвет. Над могилами стлался волглый туман, воздух киселем стоял в легких. Казалось, еще минута, и земля раздастся, выпуская из себя...

На плечо легла чья-то рука. Подняв голову, Озон встретил-ся взглядом с куратором. Тот смотрел на младшего без улыбки и как-то странно... сочувственно, что ли?

— Она всех так проверяет, — тихо сказал Центурион.

А, может, и не сказал, а просто подумал, потому что губы у него при этом не двигались.

— Пробует на вкус.

Красный огонь в зрачках куратора потух, и Озон неожиданно понял, что глаза у него самые обычные, серые.

— Не обольщайся, парень. Мы для нее — только пища. Она не может пить син-кровь.

— Почему?

Вместо ответа Центурион вытащил из кармана флягу и, отвинтив колпачок, сунул в руки Озону.

— На, глотни. Полегчает.

Озон вдохнул привычный, железисто-трупный запах, и его стошнило.

* * *

«Дорогая мама», — писал Озон на листке желтоватой бумаги.

Писал когтем, обмакивая его в ранку на сгибе локтя. Получалось почти как чернилами, только ранку приходилось то и дело расширять — края быстро затягивались.

«Дорогая мама. Ты никогда не получишь этого письма, потому что я его никогда не отправлю. У нас нет даже номера полевой почты. У нас — это у меня, Симбы, Пад-ре, Центуриона и Херувима. То есть Ангела. Я только недавно узнал, что Ангел — девушка, и когда-то была настоящим ангелом, пока ей не оторвали крылья. Центурион нашел ее в лесу и кормил собственной кровью, потому что у женщин, оказывается, другая физиология, и син-кровью они питаться не могут. Это немного смешно, ведь какая может быть физиология в виртуале? Но она есть. Иногда я немного подкармливаю Ангела, потихоньку от Игоря... то есть Центуриона, его Игорем на самом деле зовут. Я ему не говорю, потому что он сердится. И вовсе не из-за ревности. Он меня к Ангелу не ревнует. Где я, а где Центурион и Ангел. Хотя она очень красивая. Просто очень-очень. Я раньше, наверное, совсем слепой был, если

не замечал, что она девушка. В Тылу таких красивых не бывает. Один раз, когда я на нее пялился (извини, это ее слово — «пялился»), Ангел объяснила, что уродливых в «Службу милосердия» не берут. Только в медчасти. А красивых берут в ангелы, чтобы умирающие видели что-то приятное. А я могу любоваться приятным каждый день. Наверное, потому, что уже давно мертвый... Кстати, на самом деле ее зовут Люси. Правда, красивое имя? Она сама мне сказала и просила не звать ее Ангелом, но я почему-то иначе не могу».

Перевернув листок, Озон продолжил:

«Что еще тебе рассказать? Мы с Ангелом и Центурионом заговорщики. Они хотят уничтожить Фронт. И я, наверное, тоже хочу, хотя больше думаю об Ангеле, чем о Фронте. Но Центурион злится. Он вообще довольно злой, хотя и спокойный с виду. Может, потому, что из-за Ангела ему не хватает крови? Я бы напоил его своей, но мне предложить неловко. Оказывается, у вампиров это очень интимная вещь — пить кровь друг у друга. Так вот. Центурион хочет что-то сделать с Тылом, так, чтобы на нас обратили внимание. Что, он мне пока не говорит, — наверное, не до конца доверяет. Но это как-то связано с поездкой в Москау. Мы поедем туда на следующей неделе. На бронепоезде. В поезде будут и живые люди, поэтому Центурион велел всегда держать при себе фляжку с син-кровью. У него тоже есть фляжка, и в последнее время он прихлебывает из нее чаще обычного. Мне обещал подарить такую же. Не знаю, откуда он берет фляжки, а Ангел — настоящие сигареты. Может, из Москау? Несмотря на то что это не в реале, мне все равно хочется посмотреть на столицу. Я ведь там не был ни разу. Вот теперь побываю. Хоть в такой. Симба говорит, что из вирт-Москау есть ходы в реальный город, но я не очень его понимаю. В последний четверг он был на собрании с нами. Я ему не доверяю, и Ангел тоже, но Центури-

он сказал, что нам нужен программист, а они все косят от Фронта — кроме такого раздолбая, как Симба. Так что и Симба поедет. Интересно, что станет делать Падре, когда останется на базе совсем один? Будет сидеть на брезне и перебирать четки до нашего возвращения? Ладно. Бумага кончается. Люблю тебя и папу.

Твой Озон»

Он несколько раз взмахнул листком в воздухе, чтобы просушить кровь. Затем вытащил из кармана зажигалку, запалил бумагу с двух сторон и, когда разгорелось, бросил на кучку мокрой от дождя хвои. Затем затоптал огонь.

* * *

Бронепоезд, конечно, мог называться бронепоездом, но бронирован в нем был только паровоз и несколько вагонов. С платформ прикрытия в небо уставились пушечные стволы. Армированные вагоны, оцетинившиеся тупыми рылами пулеметов, перемежались обычными теплушками — очередной недодел программистов «Энигмы». А может, это уже на Фронте сцепили два разных поезда, традиционно наплевав на безопасность.

Озон и Ангел курили на крыше последнего вагона. Хотя состав был длинный, дым от паровоза задувало и сюда. Остальные заговорщики остались внизу, в душном тепле, и то ли дрыхли, то ли обсуждали дальнейшие планы.

Поезд, загрохотав колесами, въехал на мост. Мост казался бесконечным. По широкой реке под ним тянулась лунная дорожка. Посреди реки виднелся узкий остров, чуть темней ночного, бархатно-синего неба. Мерно грохотали колеса. Состав ощутимо вибрировал, и вибрировал мост под ним. Лишь река была тиха. Она катила черные воды на юго-восток с тупым упорством заводского конвейера. А что там, на юго-востоке? Может, вода низвергалась пенным потоком с края мира? Может, вливалась в бескрайнее море, где пролегали пути союзных и вражеских флотов, где эсминцы охотились за хищными подлодками? Озон не знал географии Фронта. Да и никто толком

не знал. Ландшафты постоянно менялись, добавлялись новые боевые зоны, а старые, наоборот, исчезали. Одна из самых страшных фронтовых баек — попасть под «стирание» вместе со скалами, соснами и изрытыми бомбовыми воронками полями. Конечно, на самом деле такого произойти не могло... хотя кто знает? Сейчас Озон уже готов был поверить во что угодно.

Ангел сидела, поджав под себя ноги и подставив бледное лицо луне. Струйка табачного дыма у ее губ казалась паром, словно сейчас была зима. Но на Фронте вечно царила промозглая осень. На юге и на севере, на западе и на востоке... Дым из паровозной трубы не касался девушки, обтекал стороной, а вот Озон уже был черен, как негр. Только зубы сверкнули, когда он улыбнулся.

— Я не думал, что мне снова когда-нибудь будет хорошо.

Ангел оглянулась, заломив тонкую бровь.

— А тебе хорошо?

Ветер уносил слова, а грохот состава маскировал выражение, поэтому разговор получался — полуречь-полумысли. Мысли Ангела отдавали железом и льдом, чернотой крови в лунном свете. Опасный привкус. Но Озону отчего-то не было страшно.

— Хорошо. Хорошо, когда ты рядом. Ты и они там, внизу... Мы едем вместе, чтобы сделать что-то важное. Что-то изменить. Это хорошо.

Ангел рассмеялась. У нее был странный смех, одновременно звонкий и бархатистый.

— А мне просто нравится река. Блики на воде. Этот остров. Ехала бы так и ехала...

— Со мной?

Улыбка девушки стала озорной.

— Можно и с тобой. Ты для меня — просто глоток озона, малыш.

Парень вздрогнул. Ангела не было с ними в госпитальной палате, когда Центурион раздавал имена. Они встретились уже позже, на перевалочном пункте. Озон не знал настоящих имен Падре и Симбы, и ее имени не узнал бы, если бы девушка сама ему не сказала той ночью у церкви.

Глаза Ангела насмешливо сверкнули.

— Думаешь, Бозончик, мне Игорь прокололся? Ни фиги. Он свои секреты, как фляжку, держит в кармане и редко с кем делится. Но мы ведь все тут чтецы мыслей.

— А почему у меня пока не получается? Я слышу, если ты думаешь для меня. А так — нет.

— Ты еще молоденький. Совсем желторотик. А мы все — старые. Некоторые даже очень старые...

Желторотик. Вспомнился Михалыч со своими озёмыми воробьями, и сразу сделалось неуютно и зябко. Ветер стегнул левую щеку — поезд съехал наконец-то с моста и пошел шибче. Состав закачался, на покато́й крыше стало труднее держаться.

— Старые, — ухмыльнулся Озон, скрывая тревогу. — Какая же ты старая?

На вид Ангелу было лет восемнадцать, если не меньше. Узкое лицо, огромные прозрачные глазищи, легкие светлые волосы — облачком от ветра.

— Старая.

Ангел улыбнулась шире, так что стали видны заостренные клыки на верхней челюсти.

— Иногда я чувствую себя очень старой, Озончик. Мне кажется, что я помню все-все, хотя у нас, вампиров, слабая память. Иначе просто с ума сойдешь.

— А кем ты была... до того?

— До чего? — Голос у девушки был недобрый. — До чего, Озончик? До того, как мне оборвали крылья и вцепились зубами в глотку? Знаешь... звучит так, будто я жалею, но на самом деле мне ни капельки не жаль. Я была обычной девчонкой. Читала всякие дурацкие книжки. Мечтала о любви. Отбивалась от непрошенных ухажеров. Еще у меня была лучшая подруга, а у нее — жених. Чем-то он был похож на тебя. Честный, добрый, но чуть-чуть скучный...

— Это было в Тылу?

— В Тылу. Да, конечно, в Тылу.

— И что случилось с твоей подругой и ее женихом?

— Подруга умерла. А жених... он стал, не поверишь, охотником на вампиров.

— На Фронте?

«А где же еще, — подумал Озон, мысленно обрутав себя за тупость. — В Тылу ведь нет никаких вампиров».

— Да, на Фронте. Нет, не на Фронте. Что ты вообще ко мне пристал? Тебя Игорь послал меня допрашивать?

Ангел разозлилась до того неожиданно и обвинение ее было до того несправедливо, что Озон так и застыл с открытым ртом. В рот немедленно залетел клуб вонючего дыма. Когда парень откашлялся и протер глаза, Ангела на крыше вагона уже не было. Только две полосы леса тянулись по сторонам, плыли над горизонтом сизые тучи, да мелькали огоньки далеких — фальшивых, фальшивых — селений.

* * *

— ...Ты хочешь хакнуть Фронт?!

Озон так удивился, что ему даже не было страшно. Хакнуть Фронт? Смешно.

— Но как? Даже если бы это было возможно в принципе, как можно хакнуть Фронт изнутри Фронта?

Остальные переглянулись, и Озон — в который раз — почувствовал себя идиотом. Все знали что-то, чего он не знал.

Центурион улыбнулся краешком губ — то ли улыбка, то ли презрительная гримаса.

— Снаружи как раз нельзя. Слишком мощная защита. У Фронта там, в Тылу, тысячи бэкапов. Плюс это распределенная программа, и ты никогда не найдешь сервер. А вот изнутри...

Куратор оглянулся на Ангела. Ангел улыбалась с прежней безмятежностью. Трое других членов их маленькой группы: Симба и парни-близнецы со странными именами Порох и Запал — смотрели серьезно.

Все они сидели прямо на полу щелястой теплушки. В открытую дверь тянуло дымом и холодом, проносились мимо темные древесные стволы. Над Фронтом занимался хмурый рассвет, и Озона по привычке тянуло в сон. От этого слова Центуриона казались еще более дикими — не план операции, а часть бредового сновидения.

Ангел потянулась и зевнула, сверкнув острыми зубками. Ей тоже хотелось спать.

— Все просто, Бозончик, — промурлыкала она, как в тот раз, у церкви. — Когда я еще была хорошей девушкой и настоящим ангелом...

Симба громко хмыкнул, но под взглядом Центуриона мгновенно заткнулся.

— Понимаешь ли, «Служба милосердия» оказывает услуги не только убиенным воинам. Правда, выяснила я это уже на Фронте. Мы еще помогаем высшим армейским чинам...

«Помогаем?» Озон недоуменно моргнул.

— Так сказать, «помогаем». А что? Красивые девушки. Скучающие. Христиан и иудеев осталось не так уж много, и работой мы завалены не были. Так что меня быстро присмотрел один генерал из штаба Фронта. Мог бы, в принципе, и заставить, но ему хотелось меня поразить. Произвести впечатление. И он мне кое-что показал... Симба, пасть захлопни — не то, что ты думаешь. Оказывается, эти хитрожопые уроды оставили себе лазейку на тот случай, если «Энигма» вдруг вздумает по-крупному пошалить. Ну, там, начнет вмешиваться в военные действия, сильно мухлевать с вооружением и прочее. Из штаба каждого сектора есть выход на управление программой. Мой генерал называл это как-то... виртуальная проекция? В общем, такой старомодный машинный зал с допотопными компьютерами. Оттуда выход на корневую директорию... кажется, так он говорил. Конечно, надо знать пароли, и войти туда без допуска хрен войдешь — там двойные стальные двери, плюс охрана, плюс сканеры... но это лучшее, что у нас есть. Человек бы точно не вошел. А против вампиров защиту не ставили. Если быстро пробьемся через здание и нейтрализуем охрану, может получиться.

Озон тряхнул головой. Жесткий воротник гимнастерки цапнул шею.

— Но почему ты думаешь, что это правда? Может, твой генерал все наврал, чтобы покрасоваться?

«Я бы точно наврал», — подумал он.

Ангел широко улыбнулась.

— Думаешь, я такая дурочка? Я ему сказала: «Милый, не дам, пока ты мне этот зал не покажешь». И он показал. Проходишь через будку охранника и гермодверь. Спускаешься по железной лестнице на минус двадцатый этаж военного министерства, там двойные двери здоровенные, с кодовым замком и мордovorотами-охранниками. А за ними тот самый зал. Так что пришлось дать.

Центуриона передернуло. Остальные деликатно притворились, что ничего не слышали. Бросив тяжелый взгляд на Ангела, куратор добавил:

— Нам все равно нужно в интендантское ведомство. Син-кровь выдается только с правительственных складов по накладным.

Он достал из кармана пачку листов с красными печатями и помахал ими у Озона под носом.

— Это третий этаж военного министерства, так что охранников на входе пройдем без проблем. А уже оттуда рванем не вверх, а вниз...

— А двери?

Молчаливый Порох ткнул сапогом в свой брезентовый рюкзак:

— Си-три, малыш. Двадцать кило контрабанды. С этим можно пройти сквозь любую дверь.

* * *

Москау встретила их дымом. Чад, вырывавшийся из паровой трубы, добавил свою толику к плотным клубам, окутавшим город. Вдоль железнодорожного полотна тянулись почерневшие от копоти пакгаузы. Ветки путей сходились и расходились, обиженно гудели составы, и солнце таращилось красным слепым глазом сквозь удушливую дымку. К нему тянулись толстые серые пальцы дирижаблей, а аэростаты воздушного наблюдения усыпали небо белесыми лишайными пятнами.

Здесь воняло железом, потом, керосином и людьми. Главное — людьми. Озон уже не раз приложился к подаренной фляжке, но помогало это слабо. Щекотка под кожей все уси-

ливалась. На перроне толпились тысячи солдат и офицеров со знаками различия разных частей. От гомона гудело в ушах. Озон подумал, что, будь это настоящей войной, солдат провожали бы женщины, множество женщин. Гремел бы марш, под ноги сыпались бы цветочные лепестки. Но здесь все было серо, жарко, буднично и жутко.

Их семерка погрузилась на мотодрезину. Город был опутан сеткой железнодорожных путей. От вокзала дрезина покатилась к широкому мосту. Река под ним была совсем не похожа на давешнюю ночную реку, спокойную и величавую. Эта, серая в желтых клочках пены и радужной масляной пленке, волокла на своей спине паровые катера и бесчисленные баржи. Почти сразу за мостом из дымных клубов выступила исполинская башня. Зиккурат военного министерства, некогда кирпично-красный, а теперь такой же закопченный, как и остальные здешние здания.

Дрезина свернула налево, к подземному въезду. Сверху надвинулись и нависли огромные колонны, бастионы, бесчисленные уровни зиккурата, заслонившие тусклое и безвредное солнце. Озон подобрался. К худу или к добру, операция начиналась.

Громыхнуло, и коридор окутало дымом. Немедленно взвыли сирены, а из-за погнувшихся створок раздалось сердитое шипение газа. Озон решил высунуться из-за угла. Газ, зелено-вато-желтый, сочился из-под смятой железной двери. Он тяжелыми лужами копился на полу, свиваясь в турбаны вокруг голов мертвых охранников.

...Первая фаза прошла так гладко, что было даже боязно. Ангел отвела дежурному на въезде глаза, и тот безропотно позволил протаскать в здание рюкзак со взрывчаткой. Военного в будке постигла та же участь. Спуск по лестнице был долгим, железные ступеньки гремели под ногами. Из стен торчали запыленные трубы и пучки кабелей, явно не из начала двадцатого века. Да и вообще военное министерство принадлежало совсем другому времени. Еще один загадочный анахронизм «Энигмы».

Заговорщики прошли ряд гермодверей — их Центурион просто вырывал из стены. Выбрались в узкий коридор со сводчатым потолком, множеством ответвлений и все теми же ржа-

выми трубами. В пыльных зарешеченных плафонах горели тусклые лампочки. Обещанная Ангелом массивная дверь оказалась на месте. Центурион и Озон в два счета разобрались с охранниками. Порох и Запал установили заряды — желтые нашлепки вроде гигантских комков жвачки, с острым ядовитым запахом. Взрыватели сработали. И вот...

— Хлор, — хмыкнула Ангел. — Ну надо же. Эти придурки не додумались ни до чего поядренее хлора. Вот уж аутентичность не ко времени...

На долю секунды Озон оцепенел, а потом чуть не расхохотался. Хлор. Ужасный, ядовитый, сжигающий легкие хлор, от которого погибло тогда тридцать человек в их батальоне, — этот хлор был для него теперь совершенно безвреден.

Сирены тоскливо выли. В раскуроченном коридоре мигала красная аварийная сигнализация. Клубился дым. Центурион встал во весь рост и вышел из-за угла. Хлор, как болотная вода, раздавался у него под ногами. Вцепившись в смятую створку, командир потянул что было сил. Железо жалобно заскрипело, и створка грянулась на пол, взметнув вверх хлорные волны.

Центурион оглянулся через плечо.

— У нас мало времени. Сейчас сюда набегит охрана. Симба, Ангел, внутрь. Бозон, Порох, Запал — мы держим коридор.

Порох и Запал двигались синхронно, словно человек и его тень, — да они, близнецы, и были тенями друг друга. Братья скользнули налево, к лестнице.

Озон и Центурион повернули направо, к боковому переходу, упиравшемуся в выкрашенную зеленой краской дверь. Низкий потолок нависал, грозя раздавить. Озон запоздало подумал, что, ошибись братья с зарядами...

— Запала обратил Порох, — неожиданно и хрипло сказал Центурион.

Он вновь присосался к своей фляжке.

— На следующую ночь после того, как попался дикому кровососу. И до сих пор мается... А у Запала тоже душа болит — он бросил брата подыхать в болоте и сбежал. Испугался бестии. Так они оба и будут мучиться виной, пока кто-нибудь их не прикончит из жалости.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Не знаю.

Центурион обернулся. Глаза его ярко блестели, а лицо оставалось в тени. Лишь красные вспышки аварийной сигнализации выхватывали из мрака то острый нос, то подбородок в трехдневной щетине. От фляжки тянуло... сивухой? Но ведь вампиры не пьют спирт?

— Не знаю. Тебе нравится быть кровососом, Озон?

Ответить он не успел. Зеленая дверь вылетела из проема, словно ей выстрелили из пушки, и в тот же миг в грудь ударили первые выстрелы.

Он не знал, сколько это продолжалось. Может быть, минуту. Может, пять, или полчаса. Весь коридор был залит кровью. Кровь капала с потолка, ее вкус — самый сладкий вкус в мире — ощущался на губах, когти и пальцы сделались липкими от крови. Под ногами ворочалось скользкое месиво из разорванных человеческих тел. А потом их поток иссяк. На какую-то долю секунды Озон даже пожалел, что все кончилось так быстро, — ему хотелось еще, еще рвать, еще ломать, пробивать черепа, отрывать...

— Хватит! — рявкнул голос под ухом, и в подбородок врезался тяжелый кулак.

Озона впечатало в толстую трубу. Посыпалась труха. Труба обиженно загудела. Мотнув головой, он обнаружил перед собой Центуриона. Центурион смотрел на разбитые костяшки и был, кажется, очень зол. Рядом с Центурионом стоял Симба и что-то говорил... что?

— Ты должен на это посмотреть, — повторил Симба, обращаясь к Центуриону.

Лицо у Симбы было хмурое.

— Оставайся здесь, — буркнул куратор. — Если полезут новые... я услышу, если полезут. Просто стой здесь.

Едва Центурион с Симбой скрылись за углом, Озон упал на четвереньки и принялся лакать кровь из лужи на полу. Кровь была горько-сладкой и пахла хлором, и не было ничего лучше этого вкуса и этого запаха.

Какое-то время в туннеле стояла тишина. Даже сирены заткнулись. Лишь негромкое кап-кап с потолка, но с каждой каплей звук делался все громче, а тишина — все пронзительнее. Озон повернулся... нет, он вывернул голову назад, совсем как Центурион, и даже не заметил. Передвигаться было удобно повсякому. На четвереньках, задом наперед, по потолку — как угодно. Пришлось сделать усилие, чтобы встать на ноги и идти так, как ходят люди, а не стлаться туманом. Значит, вот что испытывал Бек? А он хотел убить Бека. Нехорошо. Но и эта мысль была неважной.

За дверьми с сорванной створкой горел электрический свет. Слишком яркий, так что Озону пришлось превратить зрачки в узкие щелочки — и снова он не понял, как это сделал. Просто шагнул вперед, туда, где медленно рассеивалось хлорное облако.

В необычной, похожей на гигантскую трубу с решетчатыми стенами комнате не было ни столов, ни древних компьютеров, которые описывала Ангел. Нет, один стол был. Большой плоский гололит. Над ним горела трехмерная проекция... схема... карта? Неровно очерченная граница с Евроатлантическим сектором напоминала то ли птичий клюв, то ли морду динозавра. Но вместо обрезанной Уральскими горами задницы у динозавра отчего-то был длинный, уходящий в Сибирь и до самого Желтого моря хвост. Если на гололите высветилась карта Русского сектора, то карте этой было не меньше двухсот лет. Уже два века все восточные территории принадлежали Индокитаю. Не война, конечно же, не война в реале. Торговое соглашение. Русский сектор уже довольно давно торговал территориями, самым ценным ресурсом на переполненной людьми планете.

На карте светились красным какие-то точки, окруженные зубчатыми венчиками. Красная сердцевина медленно пульсировала. Центурион ткнул пальцем в одну, и мягкий женский голос произнес:

— Введите координаты цели. Подтвердите код запуска.

Симба рядом с Центурионом недоуменно оскалился. Озон огляделся. Ангела не было видно. Помогает Пороху и Запалу? Но в коридоре по-прежнему стояла тишина, нарушаемая лишь звоном кровавой капли.

Симба проворчал:

— Цен, что это? Не похоже на корневую директорию. Сдается, твоя девка нас по-крупному кинула.

Центурион зашипел, обнажив клыки. Сейчас, измазанный кровью, с ярко горящими глазами, он очень мало походил на обычного, спокойного и сдержанного Центуриона. Свет, струившийся от проекции, делал огни в его зрачках желтовато-зелеными и бросал на лицо синие тени.

— Есть старая фронтовая легенда, — наконец выдавил куратор.

Слова с трудом прорывались сквозь горловые спазмы. Он тоже нахлебался крови там, у зеленой двери.

— Шахты с ядерными ракетами после Брюссельского Мира залили бетоном, а центры управления сровняли с землей. Но это там, в реале. А здесь...

Центурион снова поднял бледную руку над картой. Пальцы в запекшейся крови чуть заметно дрожали.

— Это лазейка, Сим, но не во Фронт. Посмотри, сколько их. Сколько. И этот значок... они окружены стазис-полем, чтобы ядерный заряд не распался. Только отсюда можно уничтожить весь Тыл, а если похожие есть и в других штабах...

Глаза Симбы испуганно округлились. Симба, насмешник и пофигист... Озон никогда не видел его таким.

— Цен, они давно стухли. Плевать на стазис. Прошло триста лет. Там ничего не осталось. Они все равно не взлетят.

Центурион поднял голову и взглянул на Симбу, медленно и страшно.

— А разве мы собирались их запускать?

Программист попятился.

— Нет. Конечно нет. Пошли, Цен. Нам надо пробиваться наружу...

— Где Ангел?

— Цен?

— Симба, где Ангел?

— Я не знаю. Она сказала, что идет к тебе. Хотела рассказать, что мы тут нашли. И исчезла.

Куратор оглянулся, словно надеясь, что Ангел прячется в углу комнаты. Но комната была пуста, не считая гололита

с мерцающей проекцией, двух вампиров и замершего на пороге Озона.

— Ты видел ее? — спросил Центурион у Озона.

Тот замотал головой. Кровяной кураж проходил, уступая место ознобу.

— Ты должен был ее видеть, — упрямо повторил куратор. — Она не могла...

— Цен, пойдем. Пойдем отсюда, — перебил Симба. — Там Запал и Порох ждут.

Из коридора раздался два коротких крика. Они прозвучали почти одновременно, словно вскрикнули человек и его тень.

Симба сделал еще шаг назад. Центурион уставился за плечо Озону. Озон развернулся.

Ангел стояла в проломе бронированной двери. Она улыбалась. И она была не одна. Рядом с ней, в синем мундире и фуражке с багряным околышем, на пороге комнаты стоял Владимир Кривицкий.

Неспешно сведя ладони, полковник особого отдела три раза громко и отчетливо хлопнул. Затем подошел к гололиту и, оттолкнув остолбеневшего Центуриона, ткнул пальцем в одну из красных точек.

— Введите координаты цели, — равнодушно произнесла невидимая женщина. — Подтвердите код запуска.

* * *

«Дорогая мама. Наверное, сейчас тебе не до моих писем. Наверное, вы с папой сидите сейчас в убежище, если, конечно, убежища еще сохранились. Я бы очень хотел помочь вам — но что я могу сделать? Он говорит, что мы не должны думать о прошлом. Мы теперь Его дети, Дети Ночи. Дебильное имечко, правда? Ну кто бы мог поверить, что Он еще жив? И Люси... конечно, семь веков не одиннадцать, но для семисотлетней она неплохо сохранилась. Он говорит, что Дети Ночи будут жить вечно. Почему-то меня это слабо утешает. Вечная жизнь на Земле, окутанной облаком радиоактивной пыли. Видишь ли, мама, Он не выносит солнца. А после введения

обязательных медицинских сканов Детям Ночи и вовсе пришлось туго, потому что сложно объяснить, отчего у тебя не бьется сердце и температура как у трупа. И тогда Он решил уйти на Фронт. В стазисе не очень-то отличишь вампира от нормального человека. Но Ему этого было мало.

Он купил контрольный пакет акций “Энигмы”. В своем пятнадцатом веке Он был князем, и в Его стране даже кубки у родников были из золота, а теперь Он стал еще в миллионы раз богаче. В Его лабораториях разработали вирус, и новые Дети Ночи рождались уже здесь, на Фронте. Сотни, тысячи... целая армия. Он даже не особенно скрывался, потому что все привыкли относиться к Фронту несерьезно. Он как будто играл — взять хоть это шоу “Особист”. Иногда я даже думаю, что Ему хотелось быть пойманным... Но Его никто не поймал. Наоборот, Он поймал всех. И Люси семь веков назад. И Центуриона на том болоте под Охтицей. И меня.

Люси узнала, где находится пульт запуска ракет. Центурион с нами пробрался внутрь. И только команду на запуск дал Он. Знаю, выглядит так, будто Он любит разгребать жар чужими руками, но это все из-за шоу. Когда за тобой следят двадцать четыре часа в сутки, чтобы отобрать самые интересные куски твоей не-жизни, довольно сложно пробраться в самый потаенный бункер министерства. А вот после того, как мы устроили такой шухер и разобрались с охраной...

Теперь Он говорит, что после окончания бомбежек Земля станет нашей. Нашей, то есть Детей Ночи. Говорит, что еще немного — и мы проснемся в Тылу в новых, преобразенных телах, потому что главное — это сознание. Сознание преобразует тело, говорит Он. И над нами не будет губительного солнца. И мы будем резать выживших людишек, как скот, и править миром — потому что радиация нам тоже не страшна. Порой Он даже хвастается, что Третья Мировая — тоже Его затея. Репетиция перед этой, последней и успешной попыткой.

Я Ему почему-то нравлюсь. Он называет меня “частицей Бога” — под Богом имея в виду, конечно, себя. Я не возражаю, хотя вовсе не хочу резать людишек, как скот. Ведь и ты с папой — тоже людишки. Если вы, конечно, еще живы.

Но, знаешь, у меня осталась одна глупая надежда. Может, все это только сон? Может, меня убили на том поле с окопами в последней атаке и я умираю и вижу всякую чушь? Это было бы очень хорошо. Я готов умереть. Даже по-настоящему. Если Он исчезнет вместе со мной, я готов умереть. Жалею только, что не написал в графе “Вероисповедание” “христианин” или “иудей”. Ведь тогда бы за мной явилась Ангел».

Автор выражает благодарность Дарксиду за меткие пинки
и Евгению Пожидаеву за помощь с антуражем.

Лев Жаков

ЛЮМЕХ СТОЧКЕР СНОВА В ДЕЛЕ

В баре было сумрачно и пусто. Под потолком плавали струйки дыма. Люмех развалился на низком диванчике в углу и курил сигару. Перед ним стоял стакан, наполовину заполненный янтарной маслянистой жидкостью. Бармен протирает бокалы — он давно привык к утренним попойкам Люмеха. Из кухни слышалось звяканье посуды, шкворчало масло на сковороде, пахло яичницей с беконом.

Люмех выпустил дым, потянулся к стакану и в два глотка допил виски. Медленно выдохнул, занюхал рукавом и кивнул бармену: «Повтори». Тот откупорил бутылку и начал наливать в новый стакан. Официантка в наколке на черных волосах вынесла поднос с завтраком.

Входная дверь открылась, впусив холодный воздух, дневной свет и двух чужаков: один среднего роста, лысоватый, в костюме и золотых очках, второй пониже, с рыжей бородкой, в коричневом пиджаке.

Люмех с неудовольствием посмотрел на гостей.

Гости с таким же неудовольствием оглядели рекомендованного им «спеца» — обрюзгшего пятидесятилетнего пьяницу в полинялом камуфляже.

Люмех дернул за фартук глазевшую на непривычных посетителей официантку:

— Ставь уже!

И жадно набросился на яичницу. Лампа над столом медленно покачивалась от сквозняка, вместе с ней перемещался по столу круг света.

Гости направились к его столу. Официантка по знаку бармена убралась в кухню, но Люмех видел в щелке ее любопытный глаз. Лысый подвинул стул и сел.

— Олег, — коротко бросил он.

Второй, с бородкой, достал из нагрудного кармана шелковый платок, протер диван, повернулся к Люмеху.

— А меня зовут Дима, приятно познакомиться, — бодро начал он. — Нам рассказывали о вас много хорошего.

Люмех, набывчившись, уставился в тарелку.

— Я работаю только на правительство, — буркнул он. — Ваше предложение меня не интересует.

Заказчики переглянулись.

— Мы как раз, можно сказать, представляем правительство, — нежно и задушевно произнес бородатый.

— Ага. А я — папа римский! — хмыкнул Люмех. — Проваливайте, пиджаки! Я родиной не торгую!

Олег облокотился о стол и заговорил негромко, но весомо:

— Если вы нам не поможете, никакого правительства не останется. Проблема касается всей страны. Вы поможете не нам, а России.

— Что за проблема? — нахмурился Люмех. Он отодвинул тарелку с недоеденной, остывшей уже яичницей, взял из пепельницы сигару, раскурил.

Дима прижал обе руки к сердцу.

— Происходит какая-то мистика, чертовщина, — сказал он. — Вы, наверное, слышали о проблемах в Сибири, в Краснодарском крае, под Архангельском? О некоторых проблемах... кхм... одного рода?

— Я слышал, спецслужбы над этим работают. Каким боком тут вы, барыги?

— Мы представляем два самых крупных отечественных издательства, — сказал Олег, поправляя очки. — Три года назад мы начали печатать одну фантастическую серию, ставшую очень успешной.

— Хм, фантастика? Иногда я читаю че-нить... Но при чем тут...

— Сейчас дойдем, — подхватил Дима. Его нос слегка порозовел от запаха виски. — Это была очень, очень успешная серия. Лучший проект за много лет. Такая успешная, что и Олег, и мы запустили еще несколько серий под схожими названиями и с похожим оформлением. Одной из главных особенностей были... точки.

Люмех поднял бровь.

— И тут случилось *это*, — вступил Олег, скривившись, как от зубной боли. — Они стали появляться в любой серии. В каждой. Особенно если в книге хотя бы раз встречалось слово Зо...

— Тсс! — зашипел Дима. — Не произноси!

Олег сморщился.

— Террито... — он запнулся. — Ареа... Черт! В общем, слово, обозначающее участок местности с определенными, довольно загадочными свойствами.

— Более того, — продолжил Дима, — с появлением новой серии с *точками* — а такими стали теперь все книжные серии — такие зон... — он икнул, зажал рот и огляделся. Затем закончил, понизив голос: — Некие участки местности с загадочными свойствами... Они стали появляться на самом деле! Повсеместно в нашей стране. Те случаи, с которых мы начали разговор, — это они. Это те Зон... Террито... Ареа... участки. Они зарастают лесом, на них появляются анома... ээ, странные явления. Люди превращаются в мутан... в зверей. Но пока мы разобрались, что к чему, и перестали издавать новые книги, Зо... Террито... Ареа... участков стало очень, очень много. Теперь достаточно, чтобы кто-то из нас с Олегом произнес слово «Зо»... любое слово, обозначающее *участок* или то, что на нем происходит, — и они снова появляются! Вы должны это остановить.

Он вытащил из бокового кармана новый платок и тщательно протер вспотевший лоб.

Дима молитвенно сложил руки:

— Все знаки указывают на вас, как на лучшего сталке... ик! Ик! — он округлил глаза, в них плеснулся ужас. Олег перегнулся через стол и зажал ему рот.

— Черная кошка сдохла, гадалка потеряла карты, — пояснил он. — Кофе просыпался из банки и сложился в ваше имя. Сточкер, только вы можете спасти мир от превращения в огромную Зону!

Издатели в ужасе уставились друг на друга. Олег выпрямился, выпустив Диму, а тот медленно поднялся, поглаживая бородку. Оба произнесли, икая после каждой буквы, словно представляя точки:

— З!О!Н!А!

С грохотом и звоном разбился упавший из рук бармена бокал. Олег и Дима одинаковым движением достали из карманов пиджака противогазы. Надели, опустили на корточки, уперлись руками в пол. Дружно издали глухое уханье — и поскакали на улицу, как макаки.

— Что за ёдренафеня? — Люмех посмотрел на бармена.

Тот тоже изменился: в глазах появилось бешенство. Бармен выхватил из-под стойки блестящий от смазки «макаров», передернул затвор и с воплем ломанулся в кухню. Оттуда донеслись звуки выстрелов, женский визг, звон посуды — и стало тихо.

Люмех очумел. Он поднялся, разом протрезвев, прокрался к выходу из бара. За дверью, оставшейся полуоткрытой после бегства издателей, творилось невообразимое.

Московская улица на глазах зарастала деревьями и кустами, трава пробивала асфальт тут и там. Остановившиеся машины ржавели и превращались в голые остовы; стекла, лак и краска с кузова, салон — все испарялось на глазах. Водители и пешеходы разбегались, прятались в лесу. Из окон, полускрытых водопадами бурого плюща, вылезали люди и принимались скакать на корточках. Возле лестницы в бар двое дрались из-за противогаза. Услышав скрип двери, они кровожадно уставились на Люмеха. Тот поспешно закрыл дверь и на всякий случай заложил засов.

Он готов был поклясться, что раньше дверь запиралась безо всякого засова.

Хуже всего, что у него нестерпимо заныли колени и спина, понуждая согнуться и опуститься на корточки. С трудом подавляя неестественное желание, Люмех заглянул за стойку, надеясь, что «макаров» у бармена — не единственное оружие.

Он оказался прав: в стойке хранился целый арсенал. Рука сама потянулась к новенькому АК. Как только пальцы сомкнулись на прохладном цевье, спина выпрямилась, а колени перестали сгибаться под весом тела. Совсем другие чувства поднялись в душе: ненависть к мутантам и бандитам, страх перед чем-то неведомым... Что, Монолит всех поберет, происходит?!

Люмех взвесил оружие, перекинул кожаный ремень через голову. Взял с верхней полки пустой рюкзак и сгреб туда несколько упаковок патронов к «калашу». Теперь, когда Сточкер вооружился, к нему вернулась способность рассуждать.

Итак, его наняли, чтобы разобраться с этим, что бы оно ни было. Конечно, неплохо знать врага в лицо, но в текущей ситуации, кажется, придется разбираться по ходу дела. Информаторы спятили и ускакали, как мартышки, а задание само пришло к нему в виде всей той фигни на улице. К тому же у Люмеха появилось странное ощущение, что он очень даже сможет разобраться. Что он — часть этой головоломки, необходимый кусок пазла.

Держа «калаш» перед собой, Люмех снял засов и вышел наружу.

Город превратился в лес; ветер качал осины и ольху. Проспект стал просекой, заваленной полусгнившими бревнами. Дома осыпались, стекла в них отсутствовали, из окон и щелей росли молодые березки, а стены почти скрыл бурый колючий плющ. Между кустами на просеке двигался горячий воздух, что-то шипело и посверкивало. Небо затянуло низкими серыми тучами.

Люмех вышел в этот новый мир, вдохнул свежий воздух, напоенный запахами прелой листвы и озона. Кровь быстрее побежала по жилам. Он снова в деле!

Сточкер решительно двинулся через просеку, перешагивая бревна.

* * *

Орех и Калуга стояли возле столба, задрав головы.

— Как же она туда попала? — бормотал Орех, немолодой уже мужик с характерным алым носом в синюю прожилку.

— Мож, кто забросил? — предположил его напарник, высокий худой юноша с мышиного цвета волосами и в очках, одна дужка которых была замотана изолентой.

— Че, штуку баксов забросил, такой шутник? Да я тебе «калаш» в глотку вставлю за одну тока мысль! — огрызнулся Орех. Он вытащил из-за пазухи помятую металлическую фляжку, чтобы активизировать думалку. Скрутил крышечку — по лесу распространился запах дешевого самогона. Орех приложился к фляге, затем крепко закрутил ее, прикрываясь локтем. Калуга с жадностью посмотрел на флягу, но ничего не сказал, только отвернулся со вздохом.

— Как доставать будем? — спросил он.

— Ты молодой, ты и думай, я свое уже отмыслил, — велел Орех.

— Все я да я... мы же напарники... — безнадежно отозвался Калуга.

— Я тебя сюда привел, теперь ты поучаствуешь в операции, если хочешь свою долю получить. Лезь давай!

— А ржавые волосы как же?

— Ничего не знаю! Я свое дело сделал, могу и отдохнуть. Где мои ароматические палочки? — он вынул из нагрудного кармана помятую пачку «беломора».

Когда Люмех выбрался на поляну, он увидел заросший бурым колючим плющом фонарный столб, возле которого топтались двое.

— Эй, мужики! Дело есть! — Люмех миролюбиво замахал руками.

Орех с Калугой схватились за автоматы.

— Свой я, свой! — Люмех подошел, демонстрируя открытые ладони. «Калаш» он задвинул за спину, чтобы не нервировать аборигенов. — Чем занимаетесь, мужики?

Орех с Калугой переглянулись, первый пожал плечами.

— Да вон достать хотим, — он ткнул пальцем. Люмех задрал голову. На самом верху столба, окутанного бурым плющом, висела округлая штука, похожая на подсохший кусок сырого мяса, к которому прилипли сухие листья и травинки.

Люмех поплевал на ладони:

— Значит, так, мужики. Я вам достаю эту штуку, а вы мне доходчиво объясняете, что тут творится, идет?

Орех с Калугой опять переглянулись.

— А как же... — начал мямлить молодой, но Орех пнул его в голень.

— По рукам, — быстро сказал он.

Когда спецназовец начал карабкаться по столбу, обвив его ногами и цепляясь за побеги, оба раскрыли рты. Люмех с некоторым трудом отодрал штукину, от которой по руке разлилось тепло, и, немного спустившись, прыгнул.

— Держите и колитесь, — потребовал он, протягивая «мясо», на удивление невесомое. С виду не меньше полкила, должно быть, а реально и ста граммов нету. — Я смотрю, ребята, вы бывалые сталке...

— Тс, тихо! Не произноси этого слова всуе! А то набегут эти... ну, ты знаешь. — Орех вытащил из кармана брезентовую рукавицу и принял загадочную вещь. Калуга, так и не закрыв рот, раскрыл металлический контейнер, висящий у него на боку.

— Не знаю.

— Особо одаренные, — пояснил бывалый, удостоверившись, что «мясо» надежно заперто у напарника. — Ну, альтернативно устроенные. Знаешь, когти, зубы... железная шкура... противогаз, опять же. Никакие ароматические палочки не помогут.

— Кончайте уже экивоками говорить! Что тут происходит, едрена феня?

— Ты думаешь, мы знаем? — окрысился Калуга. — Сказали — писать, мы и...

— Шшш! — замахал на него Орех. — Ты чего коммерческие тайны выдаешь? А ты, парень, не слушай туда, ты сюда слушай. — Он нервно огляделся. — Слышь, на тебя ржавые волосы не действуют, что ли?

— Предпочитаю ржих, — на автомате ответил Люмех, пытаясь стряхнуть вцепившиеся в штаны бурые листья.

— Да я не о том. У тебя способности необычные есть?

— Эй, как тебя там, не увиливай от ответа, а то пристрелю, — ответил Люмех, передвигая автомат на грудь. — Я ре-

ально задолбался подрабатывать тут у вас Алисой в стране Чудес. Меня наняли вас спасти — я спасаю, а вы не сопротивляйтесь!

— Слышь, мужик, ты нарываешься, — Калуга неумело потянул из-за спины заляпанный грязью «калаш».

Орех вздохнул и положил ладонь на перетянутый изолентой ствол напарника.

— Мы тут на самом деле и сами подзадолбались. Сидели дома, пили коньяк, обсуждали хорошую литературу... вдруг — трах, бах, деревья, на шее у каждого по автомату, руки в ноги — и за хабаром. Что, куда, чего — никому не понятно.

— То есть вы сами ничего не понимаете?

— Да как сказать... идеи-то есть. Но одних идей мало, сам понимаешь.

— Объясняй, — потребовал Люмех. — А не то я твои ароматические палочки сам тебе куда надо засуну.

Орех направился к заросшей кустами скамейке рядом со столбом. Сел, сломав несколько веток, закурил «беломор», кивнул Люмеху, приглашая присоединяться.

— Ну слушай, что думает по этому поводу умный человек, — начал он. — Дело наверняка в ноосфере. Вся затея была на этом основана, значит, псевдособака тут и зарыта. Про ноосферу знаешь?

— Не, ну столько фантастики я не читал...

— Э, а туда же — спасать! Короче, это все мысли и идеи человечества, собранные в некое облако, скажем так, вокруг планеты. Невидимое, но действующее. Все изобретения или задумки картины или, там, книги, уже написанной или еще нет, — все там есть.

— Вроде большой библиотеки? — подозрительно спросил Люмех.

— Пусть будет библиотека, — вздохнул Орех. Калуга мялся рядом, ковыряясь в носу. — И вот в одном шкафу этой невидимой библиотеки собралось слишком много книг одной тематики. Вот этой, — немолодой обвел рукой окружающий лес. Глухо ухнула сова в дебрях. Из полускрытого деревьями окна блочной пятиэтажки выглянула харя в противогазе и тут же

скрылась. — И от этого изобилия мыслей и идей в одном месте образовалось пятно напряжения, от которого волны пошли по всей ноосфере, изменяя ее. Успеваешь?

— Я тебя!.. — Люмех вяло передернул затвор, обалдевший от объяснений.

Орех снова вздохнул:

— Сила есть, ума не надо... Ладно, продолжаю аналогию. Пол в библиотеке сильно прогнулся под шкафом с книгами, и остальные шкафы стали скатываться в эту дыру. Теперь понятнее? И книги там меняют название, в них точки появляются. Сечешь?

— А делать-то с этим что?

— Ну, парень, я думаю, тут обычные люди не помогут, надо искать кого-то из аутентичных существ.

— Кого?

— Болотного Географа в пальто!

* * *

Был вечер, почти стемнело. Деревья поредели, трава уступила мху. Люмех с Орехом и Калугой брели по колено в мутной черной жиже, воняющей тиной и тухлыми яйцами. Кругом ни звука, кроме хлюпанья жижи да назойливого писка комаров.

— Болотный? — нарушил молчание Люмех. — Он должен быть где-то рядом.

Калуга всхлипнул и вытер нос. Орех вздохнул:

— Не все так просто, парень. Вещи здесь не всегда то, чем они кажутся. Географ только называется Болотным, а живет он возле ЧАЭС. Такая, знаешь, огромная полосатая труба, видная отовсюду...

— А это что? — перебил Люмех.

Впереди, окруженная полусгнившим частоколом, стояла покосившаяся избушка, похожая на часовню. Окна приветливо светились, хотя одно и было заколочено крест-накрест толстыми балками. Приглядевшись, Люмех понял, что это крест, когда-то украшавший башенку часовни, от которой сейчас над крышей торчало только гнездо из разрозненных досок.

Болото плескалось уже выше колена, оставляя черные разводы на брезентовых штанах. За деревьями угадывалась улица.

— Я бы на твоём месте не торопился, — неуверенно сказал Орех.

Люмех уже шагнул к избушке, вытягивая ноги из густой жижи.

— Это несложно, — бросил он через плечо.

— Это-то меня и удивляет. И ржавые волосы тебя не берут, и через «трамплин» ты только что прошёл и даже не вздрогнул. Ты уверен, что не обладаешь никакими способностями?

Избушка выглядела древней, как мир.

— Может, ты просто не веришь во всё это? — вздохнул Орех и побрёл следом, увязая в грязи всё глубже. Калуга чавкал следом, меся сапогами покрытую ряской жижу. — Или не читал книг с точками?

Люмех погрузился уже по грудь. Он уперся ладонями в заросший травой берег и подтянулся, с трудом вытягивая тело из вонючей грязи. Болото нехотя, с протяжным хлюпом, отпустило его. Люмех выпрямился и взялся за ручку покосившейся двери.

— Говорила мне мама: не читай фантастику, классику читай, — вздохнул он.

* * *

Орех и Калуга замерли на пороге низкой длинной комнаты.

Их уже ждали: стоящий посередине деревянный стол был накрыт на четверых. Запотевшая бутылка водки возвышалась над алюминиевой кастрюлькой и миской с дымящейся вареной картошкой, густой запах сарделек плыл по комнате.

— О'кей — сказал Патрикей, — Люмех подсел к столу, взял одну из щербатых, серого фарфора тарелок, недрогнувшей рукой положил себе несколько картофелин, три сардельки, подвинул газету с помидорами, огурцами, зеленью.

— Лучшая похвала хозяину — отдать должное его трапезе, — прозвучал из угла ироничный голос.

— Присоединяйся, — буркнул Люмех с набитым ртом.

Из тени русской печки, занимающей полкомнаты, выступила фигура.

— Баба в Зоне? — воскликнул Орех, и они с Калугой переглянулись.

Высокая женщина в длинном расстегнутом пальто, под которым виднелся камуфляж, прихрамывая, подошла к бывалым и с разворота дала Ореху ногой в челюсть.

— Для вас — госпожа Инна Дмитриевна Ягель! — рявкнула она.

Голова Ореха мотнулась, сам он, вскрикнув, схватился за щеку, вылупившись на женщину. Нога Инны Дмитриевны от кончиков пальцев до колена была убрана в гипс.

Инна Дмитриевна вернулась к столу, подволакивая загипсованную ногу. У нее было смуглое морщинистое лицо с крючковатым носом, седые волосы зачесаны назад и собраны в аккуратный пучок на затылке.

— Садитесь, коли пришли, не маячьте там, — велела она бывалым. Мужики осторожно приблизились, стараясь держаться от хозяйки подальше.

— А мужик твой где, Географ-то? — спросил Люмех, вытирая руки о штаны. По бревенчатым стенам избы висели карты — физическая, политическая, топологические; большая часть их была покрыта карандашными пометками.

Инна Дмитриевна покачала головой, словно дивясь тупости вопроса.

— Я и есть Болотный Географ, — заявила она. — Всю жизнь занимаюсь изучением топологии аномальных явлений. У меня имеется диплом Французского Географического общества, между прочим. Вон висит.

Мужчины повернулись. Между окнами и впрямь висел прямоугольник пожелтевшей от времени бумаги, где выцветшими чернилами было написано что-то от руки, с вольными завитушками, по-французски. Может, и правда диплом. Но, судя по висевшей рядом черно-белой фотографии на металлической пластине, выдали его веке в девятнадцатом. Если не раньше...

— Внесите мои ароматические палочки, дагерротип! — сказал изумленный Орех, разглядывая фотографию.

Ягель удовлетворенно кивнула.

— Так вы знаете, что происходит? — волнуясь, спросил Калуга. Он взял половину картофелины и катал ее в ладонях, остужая. — Мы с Орехом считаем, что это в ноосфере...

— Какая, к чертовой бабушке, ноосфера? — нахмурилась Инна Дмитриевна. — Все намного хуже. Повреждено само дно реальности! Вам это о чем-нибудь говорит? Вижу, что нет. Я так и знала. Мужчины — расходный материал эволюции, чего от вас ждать. — Она махнула рукой. Наверное, такая рука могла быть у мумии — иссушенная до костей.

Люмех поднялся.

— Ладно, бабу... — он перехватил ее предостерегающий взгляд и поправился: — Инна Дмитриевна. Как нам добраться до этого дна? Вы поможете или мы еще кого поищем?

— Монолит... — начал Орех. Ягель неодобрительно посмотрела на него, поджав тонкие губы.

— Для чего я вас тут жду, по-твоему? — ворчливо ответила она. Подошла, прихрамывая, к закрывающей противоположную от входа стену занавеске. Подняла ее.

Взглядам Люмеха, Ореха и Калуги предстала маленькая темная комнатуха, скорее даже — кладовка.

Внутри было пусто, дощатый пол чисто выметен, но каждый угол затянут паутиной. Оттуда на людей пялились большие пауки, и крошечные глазки их поблескивали красным. Люмеха на ровном месте пробрал тихий, животный ужас. Он вдруг понял, что выйдет из избушки только этим путем. Но как?

В кладовке стоял старый полосатый холодильник. Черные горизонтальные полосы были нанесены на его некогда белую дверь через неравномерные промежутки.

— Вот дорога, — кивнула Ягель. — Только халат накинь.

Белый накрахмаленный халат висел на вбитом в бревно гвозде возле кладовки.

— Но это же гребаный холодильник, — возразил Люмех.

— Ты хочешь отсюда выбраться?

— Да, но это гребаный полосатый холодильник! — взвыл Люмех.

— Другого пути нет, — Инна Дмитриевна еще подождала, но спецназовец не трогался с места. Тогда она, пожав плечами, стала опускать руку, держащую занавеску.

Сточкер шестым чувством понял, что закрывается какой-то незримый выход из этого безумного мира, из чьей-то больной фантазии, и, если немедленно не решиться, будет капец.

— Погодь, — сказал он, останавливая ее руку. — Че делать?

Старуха пожала плечами:

— Да просто внутрь лезь.

— В гребаный холодильник?

— Открой и залезь! — рявкнула Ягель, выходя из себя. — Ты герой или кисель клюквенный?!

— Давай, парень! — Орех ободряюще хлопнул Сточкера по плечу. Калуга топтался сбоку, нервно облизывая губы. — Ароматические палочки тебе в помощь!

Люмех взял халат, накинул на плечи. Сделал два шага вперед, становясь перед полосатым уродцем, который едва доходил ему до груди. Холодильник низко, угрожающе гудел. Люмех взялся за изогнутую ручку, но в последний момент обернулся:

— А че мне там делать? Ну, когда я буду... на дне?

— Разберешься, — сказала старуха. — Орудие я тебе скину.

И Люмех открыл дверцу.

* * *

Его засосало, как пылесосом. Спецназовец заорал, замахал руками. Он стремительно летел вниз по беспросветно черной трубе. Падение все длилось, вызывая тошнотворное ощущение невесомости. Ни сосредоточиться, ни схватиться ни за что, ни осмотреться... Это длилось бесконечность.

На самом деле — секунд тридцать. По прошествии их Сточкер выскочил в огромную пещеру, как пробка из шампанского, и падение замедлилось. Его словно подхватил теплый воздух, идущий снизу вместе с голубым свечением. На миг испугавшись, что зависнет под потолком, Люмех задергался, но тут же понял, что медленно опускается.

Плавное, без толчков, приземление позволило ему оглядеться и увидеть *это*.

Дно реальности выглядело как бесконечная черная плита, края которой терялись в темноте. На плите были выжжены голубым пламенем огромные английские буквы, и после каждой полыхала точка — как маленький взрыв. Люмех закрутился, пытаясь прочитать слово, но разобрал только первые три буквы STA — остальные терялись вдали, сливаясь в одно мерцающее пятно.

И дно корежилось под холодным, мертвым огнем этих букв, плита вспухала вокруг них неровными буграми, и волны искажения расходились дальше, меняя мир непредсказуемым образом. Люмех почувствовал, как эти волны проходят сквозь него, скручивая руки и ноги, изгибая тело. Висящий на груди автомат зашевелился на ремне, металл поплыл; дуло изогнулось, как змеинный хвост, и завязалось узлом, приклад лопнул, острые щепки застыли лепестками деревянной лилии. Но нет — приглядевшись, Люмех понял, что лепестки слабо колышутся в невидимых волнах.

А искажение шло дальше, изменяя все вокруг. В том числе плотность воздуха: ближе к полу спецназовца начало прилично болтать.

Пещера, в которой оказался Люмех, располагалась глубоко под землей, с потолка свисали корни и торчали камни — но что это был за сюрреалистический пейзаж! Если бы пещеру увидел Сальвадор Дали, он бы разломал свои картины, сплел из холстов веревку и повесился бы на ней без мыла.

Мрачный этот пейзаж плавился, видоизменялся под действием расходящихся волн искажения и боли. Да, боли. Приземлившись, Люмех отчетливо ощутил, как стонет реальность, как трещит по швам сама ткань мира. Он коснулся подошвами пола и выпрямился.

Сточкер оказался возле начала буквы S, у самого верхнего хвостика. При ближайшем рассмотрении оказалось, что буквы нарисованы белой краской. Свечение пробивалось сквозь нее, плескалось над широкой белой поверхностью, как вода в ложе ручья. Люмех носком ботинка коснулся свечения — вверх рванул сноп голубых искр, ногу чуть трянуло, словно от удара током. Сточкер отдернул ногу.

Он еще раз огляделся, пытаясь сообразить, что делать. Колоссальная пещера, синее пламя букв — больше здесь ничего не было.

И чем он может здесь помочь? Где выключатель?

Люмех расставил ноги, поднял голову, приставил сложенные рупором ладони ко рту и заорал в темный потолок пещеры:

— Где мое оружие?! И что я должен делать, едрёнафеня?!

Раздался громкий свист рассекаемого воздуха, что-то мелькнуло над головой, и Люмех отпрыгнул. Длинный предмет свалился на то место, где он только что стоял.

Люмех нагнулся и замер, не веря своим глазам. Что это еще за ароматические палочки?! Он медленно выпрямился и заорал:

— Вы охренели?! Я вам кто?! Я, мля, мужик! Герой! А не кисель, едрёнафеня, клюквенный!!! Бабка, эй! Ягель! Э-эй! Я убью тебя!

Никто не отвечал. Было тихо, как в могиле, безмолвно переливалось голубое пламя да поскрипывала иногда плоть реальности, корежась в трансформирующих волнах. Люмех закрыл лицо ладонями и постоял, сгорая от стыда. Потом наклонился и поднял швабру. Сплюнул, закатал рукава и принялся оттирать буквы.

* * *

Люмех сидел на своем месте в баре и глушил воспоминания водкой. Бармен за стойкой с отсутствующим видом протирает бокалы; футболка на нем была другая, но в целом парень не изменился. Только над бровью появился неаккуратный рубец в форме трезубца — будто кто-то когтями полоснул по лбу. Из кухни доносилось шкворчание жира на сковороде, пахло жареным беконом.

Едва слышно скрипнула входная дверь, двое в костюмах спустились по лесенке и подошли к стойке.

— Две текилы, — сказал тот, что повыше, лысоватый, в золотых очках.

— Шабли и сырное плато, — заказал второй, в коричневом пиджаке и с рыжеватой бородкой.

Люмех положил руку на «калаш» на коленях.

Сделав заказ, оба сели за угловой столик, развалились на диванах. Лысоватый в очках достал из нагрудного кармана платок, промокнул высокий лоб и продолжил:

— Постапокалипсис больше не возбуждает читателя, надо придумать новую серию. Новый мир, новые цели, новые герои...

— Я так ее и назову: «Новые герои»! — оживился бородастый. Лысый огорчился, но не подал виду:

— Мыслите шире, коллега! Я предлагаю...

Люмех вскочил, вскидывая автомат, и втопил спусковой крючок. «Калаш» затрясся в его руках, выплевывая пули. Люмех держал крепко, вжимая приклад в живот, расстреливая издателей, бармена, бутылки, кухню, выскочившую на шум официантку... Бутылки лопались со звоном, плескало струями виски, воздух наполнился пьяным запахом крепкого алкоголя. Бородатый и очкастый упали на пол, бармен за стойку, официантка — в кухню.

Расстреляв рожок, Люмех повесил «калаш» на плечо и твердым шагом направился к выходу, давя осколки. «Больше никакой фантастики!» — твердо решил он.

Игорь Вардунас

РЕПОРТАЖ

Мертвый город укутывала густая пелена ядовитого дождя. Сырой воздух полнился тоскливыми всхлипами, стрекотанием и угрожающими подвываниями, не предвещавшими зазевавшемуся путнику ничего хорошего. На давно опустевших улицах разномастная живность хищно высматривала добычу прищуренными полосками тускло мерцающих глаз.

Вот на краю одной из площадей показался отделившийся от стены человек и, осторожно оглядевшись, стал торопливо пересекать открытое пространство, усеянное брошенными автомобилями, обглоданными кислотным дождем. Чу! — на середине пути путник встрепенулся, перехватывая ружье, и, изготовившись, шустро юркнул за вросший в землю оплывший остов, когда-то бывший грузовиком. Из сумрака широких, лишенных стекол витрин ближайшего супермаркета на одинокого странника не мигая смотрело *лицо*. И не просто лицо, а *огромная плоская физия* затаившегося неведомого исполина. Взгляд больших тусклых глаз гипнотизирующе манил и отпугивал одновременно.

Что за напасть...

Осторожно подняв голову над капотом и всмотревшись в прицел ружья, самоход-одиночка успокоился. Физиономия монстра оказалась давно выцветшим плакатом с изображением некогда известной актрисы. Из дыры в просевшем потолке лились жирные струи бурой воды, смешанной с ржавчиной и птичьим

пометом, которые словно слезы сбегали по щекам равнодушно взвизгивающей на разрушения губастой дивы.

Выдохнув в фильтры и поправив набитый драгоценным хабаром рюкзак, полуночник продолжил одному ему ведомый путь, не заметив, что из окна служившего ему укрытием грузовика следом выползло длинное сегментное тело, мягко перебирая по асфальту кончиками множества суставчатых лап.

Железобетонные конструкции, дома, дороги, скелеты автомобилей — все медленно таяло под натиском изменившейся природы, словно было вылеплено из воска.

Пробиравшийся через руины человек настороженно замер, присев за поваленный светофор. Улучив момент, семенящая следом сороконожка резко выбросилась вперед, воинственно запищав, и... тут же была расплюснута гусеницами вылетевшей из-за угла рычащей БМП. Овернувшийся на шум путник только удивленно хлопал глазами за стеклами противогаза, переводя взгляд с бьющейся в агонии хищницы, беспомощно щелкающей жвалами, на невесть откуда взявшийся механизм. Тот стремительно удалялся, волоча за собой большой восьмиколесный фургон-прицеп.

Повезло так повезло, братцы! Спасибо! А нечего зевать! Закинув на плечо ружье, самоход перелез через светофор, стремительно растворяясь в ночи.

* * *

— Вот мошки достали, — Саоб в очередной раз звонко хлопнул себя ладонью по открытому участку шеи. — Юка, закрой форточку!

— Дышать нечем...

— Засунь сигарету, знаешь куда. От этих гадов уже спасу нет.

В приплюснутом чреве гусеничного транспорта, куда с трудом набился небольшой хорошо вооруженный отряд, было жутко накурено. Ноздри Дрессировщицы пощипывала обрыдлая грибная махорка, голову то и дело мутило от едкого привкуса плескавшейся в канистрах под ногами солярки. На такой «комфорт» они с Бароном явно не договаривались. Да еще очкарик этот... Корреспондента только не хватало — будет под ногами

мельтешить. Ладно, если срастется, по возвращении стрясет с заказчика десятку сверху за лишние неудобства. А что — не нравится, так пушай сам побегает, жирок растрясет.

— Не хотите *о'де-колончику*? — сидящий рядом с Саобом толстяк шумно опрыскался из маленькой стеклянной склянки с мутновато-зеленым содержимым. — Очень помогает от насекомых, знаете ли.

По подпрыгивающему на ухабах десантному отсеку, грубо перебивая привкус курева, разлился едкий запах какой-то химии.

— Нет, спасибо, — приняхавшись, кто-то хрипло чихнул в кулак.

— Слышали, что с шапито Карабасыча приключилось? — отвлекаясь от назойливых насекомых, поинтересовался у соседей не способный долго молчать Саоб.

— Это когда во время Ярмарки он на переправе утоп, что ли? — живо откликнулся кто-то.

— Ну да.

— Да чего ж тут догадки строить, — усмехнулся сидящий напротив Саоба здоровяк, длинные волосы которого были собраны в приправленный серебряными прядями хвост. — Он всегда шибко побухать любил. А уж когда переберет — все, тушите свет да по углам ныкайтесь. Крышу напрочь рвало — найдет, три шкуры с задницы спустит. Уж я-то с его электроплетью знаком, два сезона батрачил. Зато одним конкурентом Барону меньше.

— Так-то оно так, Спок, — поскреб небритый подбородок Саоб. — Да только с танкеткой своей утоп он. И всей свитой в придачу. Нечисто это все.

— Жалко, — вздохнул жадно смолящий самокруткой долговязый снайпер Юка. — Отличная коляска была. Не чета этой.

— Эй, — пригрозил невидимый за перегородкой водитель. — Не нравится, сейчас пешком пойдешь.

— Лучше на дорогу смотри, — лениво отмахнулся зажатый между пальцами куревом снайпер. — Мимы, помню, там курей с хряками так драли, одно загляденье. А Циклопа кто-нибудь видел? Вообще умора! И чего их посреди ночи через Топь понесло?

— Поди теперь, разбери, — проворчал Саоб, удобнее поправляя между колен винтовку. — Я всегда говорил, что цирк — дело тонкое. Сколько лет по Аренам да Шатрам зад мозолю, а все каждый раз что-то новое попадает. А ты что-нибудь слышал про это, а? Француз?

Вопрос был адресован сидящему напротив низенькому коренастому мужичку с ярко-зеленым ирокезом — выданную армейскую каску чужеземец снял — духота в самоходке стояла невыносимая. Фигуру незнакомца закрывала могучая разгрузка с множеством карманов и торчащих из них замысловатых приспособлений непонятного назначения.

— О! Карабасич, — живо откликнулся тот, наморщив и без того испещренное шрамами лицо. — *Уи*, шапито рядом со старой мельниц. Тонуть в большой река со всей труппа, *уи се са!*

— Странные какие-то они, — сплюнув на дребезжащий пол бесформенную грибную жвачку, Спок лениво растер ее носком ботинка. — А чего твоя барышня молчит всю дорогу?

С этими словами он кивнул в сторону грузовой аппарели, где на канистрах, закинув ногу на ногу, вытянулась девушка в надвинутой на глаза старой ковбойской шляпе. Плотнo обтягивающий фигуру комбинезон из непонятного темно-синего материала исчезал под высокими сапогами с множеством крепко застегнутых ремешков. Рифленые подошвы были густо измазаны запекшейся глиной и еще чем-то бурым, сильно смахивающим на кровь. На поясе рядом с кобурой, из которой виднелась начищенная рукоятка «ГЛОКа», в такт монотонной тряске лениво покачивался туго смотанный хлыст.

Тот, кого называли Французом, не ответил.

— Вы про шатер у мельницы? Я кое-что знаю, — снова опрыскавшись *антимушинным* зельем, подал голос подпрыгивающий на скамье толстенький очкарик — специальный корреспондент модного обозревательного альманаха «Пять рентген». С одного плеча у него свисала кожаная сумка, набитая серебряными дагерротипами, с другого — кофры с объективами. К груди очкарик, для простоты окрещенный просто Журналистом, прижимал самодельный фотоаппарат на сложенной деревянной треноге. — Ходит слух, что у них кого-то из труппы прямо накануне представ-

ления похитили. Вот Карабасыч в погоню и рванул. У нас про это даже заметка была. Шатер позавчера на торги выставляли...

— Да брешут, — авторитетно цыкнул зубом Саоб. — Ви-дел у них охрана какая — угу-гу! Только идиоты сунутся.

Потеряв интерес к очкарику, который, не найдясь чем ответить и нахохлившись, стал промакивать залысины скомканным платком, солдат снова покосился на девушку.

— Толкуют, ее Барон лично нанял, — понизив голос, сообщил он напарнику и легонько кивнул в сторону крепыша с ирокезом. — Они с этим Жикаром три сезона с Большим французским цирком провели. Там к девке в помощники и прибил-ся. Дрессировщицей кличут.

— Видал я таких дрессировщиц, — еле слышно хмыкнул снайпер, украдкой косясь на хлыст. — Нас вон мужиков сколь-ко, а не боится, видать.

— Барон ей пятьдесят кредитов выкатил.

— Иди ты...

— Я б за такой баш сам к черту в пасть влез!

По салону прошелестел удивленный гомонок, и все трое, за исключением Жикара и фотографа, уже в открытую поглядели на девушку. Та не шелохнулась и даже не повернула головы.

Из-за низко надвинутой шляпы ее лица нельзя было разоб-реть. На виду оставался только вздернутый кончик носа и тон-кий абрис алых губ. Из-под расстегнутого чуть выше груди ком-бинезона, плавно огибая ключицу, вдоль шеи тянулась замыс-ловатая татуировка, исчезающая за небрежно остриженным каре иссиня-черных волос.

— А мы, выходит, за гроши нагибаться должны? — скри-вился Саоб.

— Мы, брат, так, свита, — с ухмылкой пожал плечами Спок. — Лишняя пара рук.

— Не нравится мне это.

— Так Барону и скажи, когда вернемся. А? Чего нос воро-тишь? Вот и сиди. Я из-за мозолей уже собственного зада не чувствую. Хоть какая-то работенка.

— Целых пятьдесят кредитов! Так-та-ак... — почуяв первую информацию, шумно выдохнул Журналист и, выгудив из карма-

на жилетки блокнот, что-то быстро нацарапал замусоленным огрызком карандаша.

— Отставить! — уловив движение, мгновенно нахмурился Спок. — Премии и гонорары не обсуждаются. Наше дело охотиться, твое дело карточки щелкать да вопросы по существу озвучивать. По существу, усек? А вы — рты на замок! За этими журналюгами глаз да глаз нужен.

Что-то обиженно пробурчав из серии «вечно все со своими закидонами» и демонстративно смяв вырванный из блокнота листок, с пыхтением развернувшийся толстяк начал приоткрывать небольшой люк в стенке позади себя.

— Слышь, только не в окно... — наблюдая за действиями корреспондента, с тревогой попытался предупредить Саоб, но было уже поздно.

Толстяк протолкнул бумажный комок в образовавшееся небольшое отверстие, вполне достаточное для того, чтобы впустить внутрь пару десятков воинственно жужжащих насекомых. Некоторое время салон оглашался звонкими шлепками ладоней по незащищенным участкам тел.

— Вот и ладушки, — одобрил Спок когда окошко, напоследок лизнув разопревшие лица острым ночным холодком, с лязгом захлопнулось. — Не заставляй меня делать двойную работу.

— Скажите, как давно вы охотитесь на волколаков? — с цепкой невозмутимостью снова нацелив в блокнот карандаш, поинтересовался толстяк.

— Давнее некуда, — беззлобно осклабился Саоб, легонько постучав прикладом винтовки по правой ноге сидящего напротив приятеля, — раздался глухой металлический звук. — Но сегодня речь не об этом. Слышь, покажи ему...

— Нашел время, — огрызнулся тот, но, все-таки задрав штанину, придирчиво оглядел ладно сработанный металлический придаток.

Увидев обнажившийся протез, Журналист испуганно охнул и постарался отодвинуться от соседа, упершись в украдкой прыснувшего снайпера Юку.

— Хороший протез. У Черных механиков делал? — раздался неожиданный вопрос впервые подавшей голос девушки.

Мужчины обернулись. Чуть приподняв голову, Дрессировщица цепкими серыми глазами с интересом рассматривала утопленный в зашнурованный ботинок смазанный механизм, опутанный клапанами и змеевиками.

В самоходке повисла напряженная тишина. Соратники Спока заинтересованно ждали, каков будет ответ, — утраченная нога была давней «натертой мозолью» напарника.

— А где же еще? — наконец буркнул тот, заправляя в ботинок штанину.

— Это... это вам за Забором откусили? — указывая на ногу соседа дрожащим пальцем-сарделькой, пролепетал Журналист.

— Нет, блин, дома за завтраком! — захохотал Саоб. — Что думал — в Лесу как в зоопарке, все по клеткам сидят, а? Чего поехал-то, раз поджилки трясутся?

— Ну, во-первых, нашим читателям интересно, как для цирков охота проводится, — авторитетно ответил Журналист и азартно похлопал по корпусу фотоаппарата. — А во-вторых, за живностью всякой побегать. Все равно ж с охраной, да, ребята?

— Лес — это место, где живность гоняется за тобой, — потеряв интерес к разговору, Дрессировщица отвернулась, вновь надвигая на лоб шляпу.

— К Блокпосту подъезжаем, — притормаживая, отозвался со своего места водитель. — Документы готовьте!

Дождь перестал. Шумно фыркнув гидравликой и перестав дребезжать гусеничными траками, самоходка остановилась перед громадной стеной, выложенной из различного металлолома и спрессованных, плотно подогнанных друг к другу ржавых остовов автомобилей. Разбитая асфальтовая дорога, из которой тут и там проглядывали мясистые выющиеся сорняки, упиралась в здоровенную, сваренную как попало высокую пластину ворот, по краям окаймленную рваными клочьями колючей проволоки. Створу украшал размашисто намалеванный белой краской приплюснутый скалящийся череп и лаконичная надпись:

«Не влезай — сожрет!»

Зловещее предупреждение старательно выводил кистью, сделанной из деревянной ручки и обрубка чьего-то лысеющего хвоста, человек в перепачканном белилами военном комбинезоне. Сторожевая будка нацелилась на подъехавший транспорт единственным глазом-прожектором, укрепленным на крыше. На шум двигателя из дверей вразвалочку вышел вооруженный солдат.

— Стой! Запретная зона! Дальше дороги нет! — вскинув руку с автоматом, зычно отчеканил он из-под металлического забрала, венчавшего надетый на голову внушительный штурмовой шлем.

— Мы по разрешению, — откинув железный люк и стараясь перекрыть рев вхолостую работающего двигателя, проорал в ответ водитель. — Пропуска в порядке! С нами корреспондент.

— Охотники, что ль? Погодите, ща лесничего позову, — дозорный обернулся и свистнул в сторону сторожки: — Эй, Михалыч!

— Че? — вопросительно откликнулись изнутри.

— Ходь сюды. Тут по твою душу пожаловали.

— Да еханий бабай, кого там еще на ночь глядя... — приглушенно завозились внутри, и через некоторое время на поляну, шурясь от слепящего луча прожектора, в котором густой тучей мельтешила полуночная мошкара, неохотно выполз породный уса́тый дядька в потасканном бронеко́стюме. — Неужто проверку проворонили? Так ведь не сезон. Во! Так лучше, — с этими словами он одобрил работу маляра у ворот. — Только побольше костей, Ваню! Еще больше! Чтоб за самую задницу пробирало, у-ух!

Он довольно осклабился и погрозил укреплению высоко поднятым кулаком.

— Ладно, что тут у вас?

— На охоту, по разрешению, — терпеливо откликнулись из пофыркивающей самоходки.

— Сейчас посмотрим. По разрешению у них, — заворчал, почесывая выпирающее из-под разгрузки пузо, приближающийся мужик. — Лес, это вам не прогулочная зона. А то повадились тут всякие. Браконьеров развелось... Ну-кась, поглядим.

Прогремев ботинками по салону, Дрессировщица передала через водителя документы, заблаговременно подготовленные Бароном.

— Сезон охоты закрыт, — подняв забрало тяжелого шлема, сторож внимательно оглядел смотрящую из-за плеча водителя девушку.

— Дай-ка сюда, — подошедший Михалыч, от которого разило кислым привкусом перегара, оттеснив напарника и пошлюнив мозолистый палец, стал привычными движениями разминать пропуск Дрессировщицы, из растопырившихся страничек которого неожиданно выскочило несколько свернутых банкнот, тут же ловко переправившихся к лесничему в карман.

— Хм. А что Барон в Лесу-то забыл? — глядя через плечо начальника, пробормотал ничего не заметивший дозорный, закидывая автомат за спину.

— Сказано ж, на *охоту*. Не егози, когда взрослые разбираются, — авторитетно осадил подчиненного лесничий. — А что за корреспондент там у вас?

— «Пять рентген», — в свою очередь подал голос Журналист, протягивая удостоверение. — Готовим репортаж о ловле волколака!

— А чего там готовить-то? — фыркнул начальник блокпоста. — Ловля, она и в Пустошах ловля. Вы б лучше ребусов там, да баек каких побольше. Рабочему люду, нам бишь, — все веселее.

— Это не ко мне, — толстяк с виноватой улыбкой развел руками. — Но могу передать начальству пожелания от читателей, так сказать.

— Передай, передай. Ну, добре. Оружие на досмотр.

— Но ведь документы в *порядке*, — выделив последнее слово, нахмурилась Дрессировщица.

— Так-то оно так, голуба, — вздохнул Михалыч, с виноватым видом протягивая пропуски. — Но отчетность по цинкам вести все-таки надо. Это ж заповедник. И у меня начальство есть.

Тягомотная, но обязательная процедура заняла у охотников добрых полчаса. Все это время вцепившийся в фотоаппарат

Журналист, задрал голову, с легкой дрожью предвкушения смотрел на возвышающуюся над забором и погруженную в сумрак мясистую зелень. В недрах ее что-то загадочно шуршало, слышались отдаленные не то стоны, не то подвывания. Всего в нескольких метрах от застывшего человека, отгороженный хлипкой заслонкой, жил и посапывал новый, неведомый мир, который через несколько мгновений примет их в свои объятия.

— Вот что. На самоходе не пуцу. Вы мне траками в один момент газон перепахаете, а там, на южных склонах, только новый мох народился, да ягода пошла, — категорически заявил Михалыч, когда с подсчетом стволов и автоматных рожков было, наконец, покончено и счета вместе с промасленной учетной тетрадью возвратились обратно в сторожку.

— Мы на БМП только через мост, чтобы соляру сэкономить. Дальше на этом, — вставив щелкнувшую обойму в «ГЛОК», Дрессировщица кивнула на большой восьмиколесный фургон-прицеп, темнеющий за ее спиной на фоне унылых городских развалин. — И быстрее, и шума меньше.

— Нонче Барон сама щедрость, — присвистнул лесничий, лягнув дверцей и заглядывая в густой сумрак фургона. — Фью! Не хило вас приодели!

Михалыч поставил ногу на подножку, намереваясь залезть внутрь, но подошедший Жикар предостерегающе замахал руками.

— Лучше не трогайте, — поспешно предупредила Дрессировщица. — Это специальный инвентарь.

— Ну, раз сам Барон бумажки *справил*, вопросов больше не имеем. Чужой бизнес потемки, — крикнул порядком подзамерзший на ночном воздухе Михалыч. — Куда вам координаты вбить?

Исчезнув в фургоне и с чем-то шумно повозившись, Дрессировщица вытащила наружу переносной радар с клавиатурой, от которого в сумрак прицепа змеилась пара толстых проводов.

— Есть тут один. Вожак, — морща лоб и деловито шевеля усами, защелкал по клавишам лесничий. — С неделю как от стаи отбился. Старый черт, поэтому не жалко, еле ноги представляет. Но брюхо отожрал — во! — вернув прибор, Миха-

лыч выставил перед собой растопыренные руки. — Или совсем с голодухи, видать, опух.

— Спасибо, — кивнула Дрессировщица, убирая запрограммированный на добычу радар обратно в фургон.

— Ваню, поднимай, давай! Потом домалюешь!

Когда все расселись по местам, металлическая перегородка, украшенная черепом и недорисованными костями, с визгом поползла вверх. Самоходка, утягивая за собой шуршащий резиной фургон, взрыкнула, вползая на широкий изогнутый мост, местами еще хранивший следы былой разметки, медленно растворяясь в таинственном сумраке чужих, неизведанных чащоб.

* * *

Никто не произнес ни звука, пока транспорт неторопливо пересекал подвесное дорожное полотно. Юка, сжав ствол пневматического ружья, выданного Жикаром, не мигая глядел перед собой, вслушиваясь в монотонный рокот, заглушающий урчание двигателя БМП. Где-то там, в нескольких метрах под ними, лениво тащила свои закручивающиеся, маслянистые воды река, уже много лет служившая природной границей, разделяющей берега двух миров. Последний рубеж, пока еще отгораживающий остатки людей от безжалостно надвигающейся природы. Лес, из дремучей чащобы которого мало кто возвращался. Отправляться туда можно было только с хорошо вооруженным отрядом. В одиночку — сущее безумие, присущее лишь отчаявшимся, надумавшим свести скорые счета с жизнью.

Дрессировщица оглядела партнеров, улавливая настроение группы. Воспользовавшись молчанием, Спок засунул в рот новый мякиш своей грибной отравы. Сидящие напротив него Сабоб и Юка, прикрыв глаза, казались обманчиво расслабленными, а отчаянно храбрящийся Журналист, как заведенный, шлифовал лысину мокрым платком. Девушке очень не нравились сумка и громоздкий фотоаппарат, сковывающие движения и превращавшие толстяка в неуклюжую приманку. Надо держать его при себе, а то останутся от печатника рожки да ножки. В лучшем случае. Не хватало еще с газетой разбираться...

Жикар, по обыкновению взяв с содержимым карманов разгрузки, добытым в качестве сувениров в заморских краях, чуть ухмылялся каким-то своим мыслям. Интересно, о чем он постоянно думает? Даже когда они, бывало, оставались наедине, Дрессировщица не решалась спросить напарника. Стеснялась? Или просто боялась услышать в ответ банальщину, мгновенно развеявшую бы ореол привлекательности? Скорее последнее. В мире и так почти не осталось тайн. Так пусть хоть у кого-то еще в заглавнике имеется пара сюрпризов.

Самоходку несильно мотнуло. Страхивая задумчивость, девушка кивнула перехватившему ее взгляд Споку. Вроде готовы. Дорогая спецтехника, шикарный аванс и четыре пары рук (все, на что расщедрился не вовремя развоевавшийся с очередным конкурентом Барон), не считая водителя, ее и газетчика. Негусто, но должно хватить. Посмотрим.

— Тормозим, — выглянув в окошечко, коротко скомандовала девушка, когда влекомый самоходкой фургон плавно сполз с моста на поглотившую дорогу поляну, словно куполом накрытую узловатыми кронами разросшихся деревьев. Саоб перегнулся в кабину и постучал водителя по каске металлическими набойками сжатой в кулак перчатки.

— Эй, Джерико, глуши драндулет!

БМП встала, клюнув носом, и сидящие в салоне по инерции навалились друг на друга. Грузовая аппарель со скрежетом опустилась, и лица сидящих жадно лизнул промозглый ночной ветерок. Резкий аромат гнилых листьев, смешанный с запахом хвои, щекотал ноздри. Ступив на остатки раскрошенного асфальта, Дрессировщица потянулась и, пожившись, застегнула комбинезон до подбородка. Чтоб тебя! Заморский термоустойчивый костюм в родных краях начинал сдавать уже в середине осени. Выдохнув густой клуб пара, девушка осмотрелась, зябко помассировав предплечья. Спустившийся следом Юка, заметив это, хотел проявить галантность, дав ей свою крутку, но, вновь обратив внимание на «ГЛОК» и хлыст, украшающие бедра наемницы, передумал — норов у дамочки был явно не из покладистых.

— Что дальше? — закинув винтовку на плечо, Спок посмотрел на девушку, сплюнув обесцвеченный грибной мякиш в траву.

— Пересаживаемся, — та кивнула Жикару, который шустро полез в фургон.

Из прицепа донеслась возня, что-то хлопнуло, и послышался размеренный рокот двигателя. Через мгновение на поляну, массивным задом вперед, стал выкатываться армейский «хам-ви», к приплюснутой крыше которого был приварен внушительный металлический бак с широким отверстием, от которого тянулся толстый рифленый шланг, смотанный в наружном креплении на пассажирской двери. Сдав немного назад, Жикар выкрутил руль и пристроил джип рядом с застывшей самоходкой, в кабине которой клевал носом водитель.

— Внимание... — сумрачную поляну на мгновение озарила тусклая вспышка, и обернувшиеся на команду охотники дружно зажмурились. Кисло запахло серой.

— Первый снимок — начало охоты! — азартно объявил толстяк, ловко меняя дагерротипы в расчехленном фотоаппарате. — И ветки у деревьев как арка получились. Думаю, заголовок будет таким: «В зеленом аду». — Он прищелкнул пальцами. — Или нет — «Герои атомных джунглей». Звучит, а? Теперь давайте групповое, на фоне машины...

— Значит, так, — быстро подошедшая к нему Дрессировщица сдвинула шляпу на затылок. — Пока я здесь — все слушаются и делают только то, что скажу я или Жикар, ясно? Никакого света, дыма и уж тем более — никаких громких разговоров и звуков без моего на то разрешения. Никто ничего не трогает, никуда не отходит. Все держимся только с подветренной стороны и пользуемся инвентарем, который выдал Жикар, ясно? Думаю, камеру придется оставить здесь.

— Вы с ума сошли? — побледнел Журналист, вцепившись в технику. — Репортаж без снимков?! Мне, между прочим, за работу вперед заплатили.

— Не тебе одному.

— Меня же из газеты турнут!

— Ладно, ладно, — видя неподдельный испуг коротышки, неохотно смиростивилась девушка. — Хочешь с ним таскаться, дело твое. Но огнестрельное оставляем здесь. Это всех касается.

— Какой смысл было тащить на охоту пушки, если мы все равно оставляем их здесь? — нахмурился Спок и поправил пенсне.

— В самом Лесу они не потребуются. Нашего оборудования хватит, — объяснила наемница.

— Я свою малышку здесь не оставлю, — заупрямился Са-об и, скинув винтовку с плеча, демонстративно прижал ее к груди.

— Оставишь, если захочешь жить, — невозмутимо парировала девушка и, подавая пример, первая вытащила из кобуры «ГЛОК».

— Думаешь, она не прикроет твой хорошенький зад? — с вызовом поинтересовался солдат.

— Может, и да. Но запах оружейной смазки, которую простой болотный вурдалак чует с расстояния десяти миль, сдаст нас с потрохами. И лично мне очень не хочется узнать, какая еще живность может за ним последовать, — легко выдержав взгляд солдата, Дрессировщица вскинула бровь и сделала приглашающий жест в сторону ближайших зарослей. — Поэтому желающих закатить тварям пир прошу не стесняться. Но пеняйте на себя, ясно?

Когда пауза затянулась, она с вызовом оглядела собравшихся.

— Ясно, спрашиваю?

— Да как скажете, босс, — нарушая молчание, за всех усмехнулся Спок. — Тут пока еще все жить хотят.

— Хорошо. Водитель остается караулить транспорт. Пока нас не будет, выходить не советую, — Дрессировщица глубоко вдохнула и огляделась. Высохшие камыши на краю поляны не приветливо шелестели в морозном воздухе. Сняв шляпу и бросив ее на пассажирское сиденье тихо рокочущего внедорожника, девушка вытащила из салона металлический чемоданчик, внутри которого оказался облегченный ПНВ.

— По местам, *силь ву пле!* — проследив, чтобы все разместились в просторном салоне «хамви», Жикар помог Журналисту устроить в ногах фотоаппарат.

— Ну-с, приступим, помолясь, — пробормотала устроившаяся рядом с водителем Дрессировщица, аккуратно надевая

драгоценный прибор на глаза. Послышался тихий писк. Сумрачное пространство за бронированным стеклом машины моментально стало ядовито-зеленым. Водрузив на колени радар с введенными лесничим координатами, девушка повернулась к напарнику: — Все проверил?

Тот рассеянно кивнул, вцепившись в баранку и ерзая на сиденье — Жикару явно не терпелось как можно скорее приступить к поимке неведомой дичи.

— Тогда начнем.

Мягко шелестя сырой листвой по корпусу, джип плавно поехал вперед.

* * *

Наваренный на морду автомобиля широкий экскаваторный ковш, хищно ошестинившийся двумя парами остро заточенных зубьев, с треском теснил растительность, прокладывая путь в чащобе. Обмотанные цепями широкие колеса на могучих рессорах размеренно месили напоенный дождевой влагой чавкающий дерн. Фары не включали, ориентируясь по приборам. Потрявоженный вторжением Лес на все лады откликался недовольными руладами своих разбуженных обитателей. Перед лобовым стеклом то и дело мелькали пестрые крыласто-клювастые силуэты. Излишний шум не заботил охотницу, но нервы были напряжены до предела. Хорошо же здесь разрослось!

Сосредоточившаяся Дрессировщица не заметила, как на краю экрана радара возникла бледная жирная точка, по которой через мгновение мазнула описывающая круг полоса. В салоне тихо пискнуло.

— Внимание! Приготовиться! — не оборачиваясь, негромко скомандовала девушка. — Входим в зону отлова.

Солдаты заерзали на сиденьях. Увидев это, оторвавшийся от наброска будущей статьи Журналист полез в сумку, в сотый раз ощупывая драгоценные дагерротипы.

— Уже? Начинается? — с надеждой пролепетал он

— Для начала нужно отыскать воду, — непонятно откликнулись спереди.

— Воду?

— Воду, воду, — с ноткой раздражения повторила Дресси-ровщица.

— Но зачем?

— Долго объяснять. Сам увидишь. Жикар, что там? Похоже на ручей. Давай туда...

Водитель выкрутил руль; «хамви» влетел в неширокий бурлящий поток, и от его массивных боков, словно крылья, веерами разошлись искрящиеся потоки воды.

— Запомни место.

Жикар с кивком включил дворники. Точка-ориентир на радаре неторопливо приближалась, и через некоторое время девушка почувствовала первый укол беспокойства. Цифры метража сокращались, уменьшая расстояние до объекта, а он до сих пор оставался неподвижным. Несмотря на то, что шум, производимый внедорожником, и какофония животного ора должны были давно обратить на себя внимание. Особенно учитывая габариты предполагаемой добычи.

Пятьсот метров. Триста. Двести пятьдесят...

— Тормози!

Машина остановилась. Жикар, со скрипом переключившись на нейтральную передачу и облокотившись на руль, вопросительно повернулся к напарнице, ожидая дальнейших распоряжений. Сдвинув ПНВ на лоб, девушка вглядывалась в застывшую точку на экране радара, который все еще лежал у нее на коленях. Лесничий Михалыч сказал, что вожак старый. Неужели изгнанный из стаи одиночка успел двинуть кони? Или стал легкой добычей каких-нибудь падалыщиков, которые в изобилии водились в здешних краях? Девушка подняла голову, посмотрев через стекло на Лес. Что же здесь не так?

— Выходим!

Последние метры продвигались пешком, вслед за Дресси-ровщицей, настороженно вслушиваясь в шевелящийся кругом Лес. Замыкал процессию джип с Жикаром, грузно разминающий лопающиеся под колесами ветки. Упрямо волокущий технику Журналист попытался сделать снимок, на него строго зашикали, и плетущийся перед напиравшим сзади ковшом толстяк ворчливо забормотал что-то про «профессиональную

этику» и «как всегда самое интересное». В этот момент идущая впереди девушка знаками приказала остановиться. Сделав еще несколько шагов и раздвинув ветки, она осторожно выглянула вперед.

На небольшой поляне, устланной мерцающими бутонами какой-то ядовитой дряни, распутившейся в ночи, спиной к ним неподвижным холмом лежал волколак.

— Юка, сюда, — охотница подозвала снайпера. — Все помнишь?

— Угу, — клацнул затвор, массивный приклад ушел в плечо, ствол пневморужья хищно нацелился в неподвижную тушу.

Раздался хлопок, словно чем-то упруго выплюнули из большой тростниковой трубки, и ярко оперенный дротик вонзился в густую свалывшуюся шерсть.

Через паузу второй. Потом третий.

— Стой! — девушка за ствол опустила пневморужье.

— Что за... — растерянно пробормотал Юка.

Неужели действительно сдох? Завалившаяся на бок громадная туша, из лопатки которой яркими бутонами торчали три дротика, не шевелилась. Даже не вздрогнула, приняв в себя львиную долю парализующей сыворотки. Девушка ощутила, как под тугим ремнем, опоясывающим бедра, заныло внизу живота. Охота с каждой секундой нравилась все меньше. Только зря ампулы перевели.

А время шло. Задерживаться надолго в ночном Лесу было смертельно опасно.

— Жикар! — окликнула она высунувшегося из кабины водителя. — Попробуем *«разрядник»*, на малой.

— Думаю, *их* здесь уже нет.

— Делай, что говорю.

— Манок?

— Пока не надо.

Соскочив в брызнувшую каплей траву, явно заскучавший ассистент ловко расчехлил закрепленное на боку «хамви» оружие, походившее на укороченный танковый ствол, раскрашенный в черно-желтую зебру. Из сужающегося нарезного дула торчал резиновый наконечник в форме присоски с двумя элек-

тромами в центре. Покончив с приготовлениями и забравшись в кабину, Жикар принялся орудовать изогнутыми рычагами, торчащими из приборной панели, регулируя повороты ствола.

— Все в машину! — скомандовала Дрессировщица, и члены отряда послушно полезли обратно в пахнущий резиной салон.

По-прежнему оставаясь в кустах, девушка прислушалась. Уже несколько минут ей не давали покоя странные звуки — то ли ворчание, то ли шевеление, — исходящие со стороны неподвижной туши. Подойти поближе? Опасно.

Охотница мешкала.

Как бы там ни было, сыворотка уже должна была подействовать. Повернувшись к машине, где выжидающе замер Жикар с остальными членами команды, Дрессировщица подняла руку и, выдержав паузу, резко махнула вниз:

— Давай!

Раздался короткий свист, щеку девушки лизнул поток влажного воздуха, и резиновая присоска, соединенная с джипом кабелем, чавкнув, впилась в волколака.

Положив ладонь на рукоять хлыста, девушка неотрывно следила за поляной, в любой момент готовая пружинисто сорваться назад. Но ничего не произошло. Только слышалось размеренное гудение — в пронзившее плоть «жало» поступало электричество из специальных аккумуляторов в багажнике машины.

Что, если надравшийся лесничий просто ее обманул, спихнув давно оприходованный падальщиками трупак? Подшутил над девчонкой, легкомысленно расставшейся со внушительной взяткой, заранее приготовленной Бароном? В бессильной злобе Дрессировщица скрипнула зубами, вообразив, как в усатую красную рожу глубоко погружается кулак с острым кастетом. Мужики...

— Увеличь до пятнадцати! — обернувшись, хрипло приказала она.

Гудение электричества стало сильнее, в воздухе отчетливо запахло шерстью и паленым мясом. А потом что-то зашевелилось... и в следующую секунду отчаявшаяся было Дрессировщица застыла, чувствуя, как предательски опускается челюсть.

Волколак действительно был мертв. Только это был не во-жак, а пожилая измотанная самка, на закате своего существования успевшая породить на свет заросшее густым рыжеватым пухом четвероногое дитя размером с хороший трактор. Разбуженный волчонок, встав передними лапами на спину матери, моргнул большими подслеповатыми глазищами со спицами ресниц и широко зевнул, явив двойную галерею длиннющих, заточенных как кинжалы зубов.

Так вот что там шевелилось! Теперь ясно, почему «разряднику» не удалось никого расшевелить. Все обитатели иссушенной старостью матери уже наверняка перебрались к сынку. Уголки губ девушки невольно дернулись вверх. Лесничий не обманул, а спяну просто перепутал беременную самку с «пузатым» самцом. Что ж, так даже легче. Работать с детенышами она умела. Главное, его не...

Открывшая для команды рот девушка развернулась к машине и тут же предупреждающе замахала руками, увидев нацеленный на поляну фотоаппарат.

— Стой!..

В следующий миг ее ослепила яркая вспышка, и высунувшийся из окна вместе с облачком серы Журналист принялся быстро менять пластины.

— Мне свой кусок отрабатывать надо, — орудия дагерротипами, деловито констатировал он.

— Придурок! Ты...

Со стороны поляны донесся угрожающий рев. Детеныш, на холке которого шерсть стала дыбом, перепрыгнул через мать и понесся в их сторону, на ходу клацая громадной раззявленной пастью, из которой ошметками вылетали прозрачные нити слюны.

— Черт!

В несколько прыжков оказавшись возле «хамви», Дрессировщица запрыгнула в салон.

— Что случилось? — поинтересовался Жикар, наблюдая, как развернувшаяся на сиденье партнерша вцепилась в фотографа.

— Там мертвая самка и щенок. Ты напугал его, идиот! Я же сказала...

По ночному Лесу прокатился вибрирующий протяжный вой, от которого даже у издавшей виды охотницы онемели ноги. Девушка толкнула Жикара.

— Быстрей! Отцепляй *«разрядник»*!

Напарник заскрипел рычагами. Трос с жужжанием стал наматываться на барабан, шустро притягивая выдернутое из волчицы «жало». Достигнувший края поляны хищник стремительно приближался.

— Назад, назад, назад!

Лязгнула коробка передач, завизжали вязнущие в дерне колеса, и пятящийся внедорожник, набирая скорость, натужно попер через Лес. Болтающаяся на сиденье девушка неотрывно следила за волочащимся следом «жалом». Только бы ни за что не зацепилось... Просить напарника вести аккуратнее было бессмысленно — высунувшийся из кабины Жикар и так делал все что мог, сноровисто управляя машиной задом наперед.

— Давай к ручью!

Водитель не откликнулся, но расслышал — джип резко забрал в сторону.

— Надо его завалить! — проорал подскочивший на кочке Спок, с носа которого слетело пенсне.

— Чем, а? — заматерился Саоб. — Мы ж все стволы у переправы оставили...

Четырехногое чудовище нагоняло. Из-под когтистых лап ритмично вылетали клочья вспоротого дерна, глаза — каждый с человеческую голову — налились кровью и полыхали страшным, первобытным огнем.

— Ручей! — проорал вслепую крутящий баранку Жикар. Его ирокез, потерявший форму от росы со стегающих встречных веток, болтался над исцарапанным черепом зеленым конским хвостом.

— Юка! Как окажемся на той стороне, сразу стреляй, понял? — обернулась в салон Дрессировщица. — Стреляй сразу же за ручьем!

Трос продолжал вбираться. Волочащееся по земле «жало», налетающее на кусты, взрывающиеся гудящими тучами насеко-

мых, отделяло от капота всего метров семь. Засунув новый дротик в патронник пневморужья, Юка высунулся из окна и прицелился, стараясь освоиться с болтанкой. На долю секунды ему удалось поймать на мушку глаз монстра, но в следующий миг снайпер получил хлесткий подзатыльник от налетевшей сзади ветви и чуть не выронил ружье.

— ?!! — встряхнувшись, оглушенный стрелок полез обратно в салон.

В этот момент несущийся задом автомобиль на полной скорости вкатился в бурлящий поток и неожиданно резко подался вперед, отчего Дрессировщица с размаху приложила лбом о торпеду. Хрустнули стекла слетевшего с головы ПНВ. Движение прекратилось.

— Что еще за хрень? — взвыл Саоб.

«Хамви», вращая колесами, поднимал фонтаны брызг, удерживаемый тросом от застрявшего в зубах щенка «жала». Застонал лебедочный барабан.

— Жахните его током!

— Кругом вода, хочешь поджариться?

— Держитесь! — рванув передачу, Жикар с силой вдавил педаль газа в пол.

Распробовав внезапно подвернувшуюся игрушку, щенок с урчанием замотал одутловатой башкой и, пытаясь, стал подпрыгивать на передних лапах, натягивая трос на себя. Застрявший посреди ручья многотонный внедорожник, вхолостую полоща колесами, рывками пополз обратно. Сражающийся с управлением Жикар выругался и врубил фары в надежде ослепить животное. Но яркое освещение, наоборот, только раздрадило сильнее замахавшего обрубок-хвостом детеныша.

— Сбрасывай трос!

— Барабан заело...

— Юка, да стреляй же, твою мать!

— Замрите, пожалуйста!.. — кабину осветила фотоаппаратная вспышка, и Жикар, отпустив баранку, зажал глаза

— Да уберите вы чертову камеру!!! — заорала перехватившая руль девушка — ослепленный напарник продолжал давить на педаль.

Саоб со Споком навалились на брыкающегося Журналиста. Тем временем высунувшийся из окна Юка выстрелил, и усыпляющий дротик угодил прямо в азартно раздувающийся нос волчонка. Тот, с жалобным визгом приземлившись на зад, выпустил «жало». Резко освободившийся «хамви» толкнуло обратно в ручей.

— Давай еще! — скомандовала Дрессировщица.

Вторая игла угодила чуть выше правого уха, и детеныш, покачнувшись, мягко завалился в прибрежные цветы. Рассчитанная на взрослую особь, парализующая сыворотка оказалась для него слишком сильна. Выскочив на берег ручья, внедорожник круто развернулся и застыл. Небольшой отряд выбрался на прибрежную гальку.

— Ты что, гад, делаешь? — мгновенно накинулся на Журналиста Саоб. — Сказали же — без спроса не телепаться. А ты... Тварям на корм решил всех пустить?

— Мне обещали охоту на волколака... вот я... — беспомощно болтался в крепкой солдатской хватке Журналист.

— Отстань от него, — одернула солдата девушка и посмотрела на противоположный берег, где невозмутимо похрапывал усыпленный щенок. — Потом разберетесь. У нас много работы, а время идет. Мы и так отстаем от графика. Жикар, устанавливайте манок.

При помощи Юки и Спока Жикар выволок на гальку извлеченное из багажника нечто громоздкое, напоминающее большую смятую шубу.

— Фу! Что это за вонь? — скривившись, Саоб зажал нос ладонью.

— Экстракт железы волколака, — деловито пояснил Жикар.

Дружно засопело несколько автомобильных насосов, и через некоторое время над землей стало неторопливо расправляться скроенное кое-как, но, тем не менее, весьма похожее на оригинал шерстяное чучело волколака.

— Ну, хоть теперь-то можно снимать? — заинтригованный происходящим, взмолился Журналист.

— Можно, — устало разрешила следящая за приготовлениями охотница.

Пока фотоаппарат деловито шелкал, на морде чучела расправилась пара выпученных глаз — футбольных мячей, наклеенные зрачки которых забавно уставились в разные стороны. Из раскрывшейся пасти с фальшивыми зубами вывалился длинный язык, сшитый из разноцветных лоскутов, сильно напоминающих российский триколор. Когда волколак был надут и Спок с Юкой отсоединили насосы, Жикар размотал шланг от бака на крыше «хамви».

— Что это такое? — оторвавшись от съемки, почесал макушку обескураженный репортер, наблюдая, как ассистент Дрессировщицы втыкает конец шланга в отверстие под хвостом чучела.

— Манок.

— Для кого?

— Снимать больше нельзя.

— Но...

— Я сказала. Профессиональный секрет.

Девушка вошла в воду, помогая мужчинам перенести конструкцию на другой берег и осторожно опустить ее в цветы неподалеку от щенка.

— Готовы? — спросила она, когда все вернулись к джипу и Жикар зарядил стреляющую «жалом» пушку. — Никуда не отходить, бить, только если переберутся на этот берег, помните? Тогда давай!

Неторопливо прицелившись, Жикар выстрелил. Ощетинившаяся электродами присоска со свистом воткнулась в бок мутанта, и послышалось привычное гудение электричества. Но в этот раз шерсть на неподвижном теле животного пришла в движение, хотя под куполом из переплетенных зарослей Леса не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Люди на противоположном берегу напряглись, расхватав приготовленное заранее оружие — кто металлические прутья, кто сачки.

Сначала тихо, а потом все явственнее и громче в сгустившейся ночной тишине стало различимо злое стрекотание и пощелкивание — словно догорали угли в затухавшем костре. Туша щенка заметно обмякла, и рядом с ней один за другим задергались стебли, через мгновение окружившие храпящего детеныша мерцающим кругом колышущихся цветов.

— Блохи! — одними губами выдохнул Журналист.

Надутый муляж-манок покачнулся, и на берегу ручья показалась встревоженная электрическим импульсом стрекоучащая масса иссиня-черных насекомых размером с булыжник. Тут и там угрожающе щелкали жвала. Достигнув кромки воды, членистоногие в нерешительности остановились. Иные, повинаясь инстинкту самосохранения, привлеченные знакомым запахом, один за другим исчезали в искусственном чреве волколака-манка. Некоторые, наоборот, ретиво отталкиваясь многочисленными лапами и высоко подпрыгивая, помогали себе куцыми крыльями, перелетая на другой берег, где натыкались на ожесточенный отпор размахивающих сачками и прутьями людей.

— В машину! — коротко рявкнула Журналисту Дрессировщица, сдергивая с ремня упруго распрямившийся хлыст.

— Так вы не за волколаком... — замешкался фоторгаф.

— Назад, я сказала!

Хлыст несколько раз рассек воздух, на лету разрубая воинственно стрекоучущих насекомых. Послушно забившийся в джип Журналист принялся шустро орудовать карандашом, через поднятое стекло во все глаза наблюдая за происходящим.

Выждав момент, когда на чучеле собралось наибольшее количество гонимых электричеством насекомых, Жикар потянул рычаг на корпусе «хамви». Протянутый к муляжу шланг заворачивался, и облепившие ткань паразиты один за другим стали засасываться в специальные отверстия на поверхности манка. Влекомые воздухом, они заполняли чрево закрепленного на крыше автомобиля бака.

— Давайте, еще чуть-чуть! — подбодрила суetsyющуюся команду Дрессировщица.

Наконец, когда бак, играющий роль пылесоса, был полон и поток насекомых постепенно иссяк, люди на берегу с облегчением опустили оружие.

— Все закончилось, — скорее констатируя, чем спрашивая, заключил опасливо выбирающийся из джипа Журналист.

— Как видишь, — устало откликнулась Дрессировщица, наматывая на запястье перепачканный густой слизью хлыст.

— А что с ним? — фотограф кивнул на другой берег ручья, где продолжал отсыпаться щенок.

— Очуается, почувствует себя намного лучше. Скажем лесничему и можем убраться домой.

— Отличненько! — с присущей журналистской братии невозмутимостью откликнулся корреспондент, перелистывая исписанную страницу блокнота. — В таком случае, извольте на коротенькое интервью.

* * *

Команда была измотана до предела.

— Чего написал-то? Интересно хоть? — сняв пенсне, сидящий напротив Журналиста Спок устало потер глаза. — Или опять ваши газетные побасенки, как всегда?

— Учитывая специфичность темы... конечно, есть пробелы, — посасывая карандаш, неохотно отозвался тот. — Но уже вырисовывается цельный рассказ. Добавим снимки, причешем стиль...

— Дай-ка!

Выдернув у толстяка блокнот и водрузив пенсне обратно на нос, Спок бегло прочитал несколько строк.

— ...потревоженные мощными разрядами электричества. Но наш отряд во главе с отчаянной Дрессировщицей сумел дать отпор полчищу прожорливых тварей, по сравнению с охотой на которых поимка волколака выглядит сущей безделицей. И теперь каждый сможет собственными глазами увидеть укрощенных насекомых в захватывающем представлении Северного Шатра под названием «Блошиный цирк», — наконец усмехнулся он. — Да, лихо закручено, брат.

— Раскроешь технологию — из-под земли достану, — веско напомнила со своего места Дрессировщица. — И никаких имен!

— Отдайте, полработы не показывают, — обиженно нахотился фотограф. — Это жанр. Здесь не все должно быть абсолютно документальным.

— Конечно, конечно, — иронично усмехнулся Спок, возвращая записки.

— Эй, гляньте-ка! Еще осталась, — Журналист спрятал блокнот и, желая сменить тему, вытащил из сумки последнюю серебряную пластину. — Ну, что. Как говорится, на посошок?

Осунувшиеся от бессонной ночи лица солдат медленно растянулись в нацелившийся объектив. Получились вымученные ухмылки. Жикар же, наоборот, не стесняясь, храпел во весь рот, уронив голову на плечо клевавшего носом снайпера.

За мгновение до вспышки сидящая на канистрах Дрессировщица успела прикрыть шляпой верхнюю часть лица. Свое дело она сделала. А меньше светишься — дольше работаешь (или живешь — как хотите). Цирк — бизнес рисковый.

Увлекая за собой фургон с «хамви», внутри бака которого приглушенно гудели отловленные насекомые, БМП катила по пустынным городским развалинам к Северному Шатру, репертуар которого вскоре обещал пополниться новым захватывающим представлением.

Зотов

СУМЕРКИ БОГОВ

— ...**Н**ет, мутант мне точно не подойдет. Ты соображаешь, что будет, если я приду, соберу людей на площади Грозы и скажу: отныне и навеки, ваш бог — этот мужик с головой слона? И не думай уговаривать. Мутанты — угроза обществу. Позавчера бабы в лес пошли, наткнулись на пару тигромедведей — те ананас объедали... еле-еле бегством спаслись. Даже если я цистерну спирта с собой привезу, чудовищу поклоняться не станут.

Жрец не изменился в лице. Он привык к придиричивой клиентуре.

— Напрасно. Это мощный бог. Его звали Ганеша, в Индии он считался покровителем счастливых желаний... ему даже цветы жертвовали. Индусов знаешь? Тьфу ты, о чем я... Короче, была такая нация — миллиард человек, специфичные танцы, неплохая кухня... Они вымерли, когда мир поглотило Солнце-Людоед. Может, передумаешь?

Клиент отрицательно качнул головой. Жрец по-прежнему остался невозмутим. Сгорбленный старец, обустроивший свое логово в чудом уцелевшем бетонном бункере посреди Великого Леса, он внушал уважение одним своим видом — морщинистое лицо раскрашено синей краской, на лбу нарисован третий глаз, а окладистая борода достигла колен. Легенды лесов гласили, что Жрец очень стар — ему никак не меньше сорока лет.

Он внимательно посмотрел на гостя.

Кажется, его племя прозвали... ой, да какая разница? Парень сказал — они кочуют среди руин Семи Холмов, а там пруд пруди всяких стойбищ. Обычный абориген: по самый нос замотан в шкуры блиноволков, на лбу — повязка из выцветшей ткани, на ногах — полусгнившие армейские ботинки, явно с разграбленного склада. Левый глаз отсутствует — племени, как пить дать, довелось побывать в переделках. За спиной болтается ржавый автомат с круглым диском — местные умельцы переделывают их под стрельбу гвоздями.

Забавно было бы узнать — где они достают порох?

— Хорошо, — молвил жрец, воззрившись в фиолетовое небо. — Тогда не мог бы ты доступно объяснить, чего именно тебе хочется? Я уже предлагал назаретянство — ты наотрез отказался. Почему? Исключительно популярная в прошлом религия. Фанатов ничуть не меньше, чем у Ганеши: их лидер превращал воду в вино и загонял демонов в свиней. Имеются приятные бонусы — в праздники хоть упейся самогоном из папоротника, сколько душевнее угодно. Не содержит кровавых жертв и прочих экстремальных добавок.

— Вот если бы он воду в бензин превращал, — кисло ответил одноглазый. — Который месяц машины заправить не можем, ржавеют под дождем. То, что ты мне объяснил, — даже краешком не цепляет. Офигеть, только на одной бабе разрешают жениться... это что ж, мне теперь со своими восемью женами разойтись? Развод у нас простой — отводим к бывшему торговому центру, запираем на всю ночь в отделе женской одежды... пока они все там перемеряют, к утру с ума сойдут. И в чем вкратце смысл назаретянства? Значит, на небесах сидит суровый бородатый мужик, и он же тебя любит, наблюдает за тобой круглые сутки, не велит весной жрать мясо, убивать и красть? Привези я этот тотем, добрые люди моего стойбища меня на вилы поднимут. Кроме того, ты сам указывал — жрецы назаретян обязаны весить двести килограммов, и еще на двести носить золотых браслетов. Нам подобную религию экономически не потянуть. Есть что поскромнее?

Из дождевого леса донеслось хрюканье — кажется, вышел на охоту гибрид цапли и суслика: отвратительный болотный му-тант с кожистыми крыльями и длинным клювом, обожающий

жить в норке. Оба собеседника, однако, не обратили на эти звуки внимания.

— Ладушки, будь по-твоему, — хмыкнул Жрец, почесав полную вшей седую бороду. — Откровенно говоря, я тоже не фанат назаретян. Что ж, бери нирванизм — обещаю, не пожалеешь. Абсолютно овощная религия. Сиди себе да медитируй — проваливаешься в собственные мысли и видишь в глубине сознания яркие философские миры, где...

— Оооооооо, — заинтересовался клиент. — Видать, хорошая штука. Обычно для созерцания миров у нас в Семи Холмах трут мухомор, набивают порошок в трубку, сверху радиоактивный мох... такая чума грезится, что диву даешься. А тут, стало быть, на мухоморе экономия? Общество оценит. Только один вопрос: есть ли в наличии боги войны, насколько они кровожадны и какие жертвы следует им приносить? У нас мало живности... разводим только кур, но они рождаются в форме бублика... редкая мутация...

— Ну... — замялся Жрец. — Богов войны не предусмотрено.

— Совсем?!

— Да. Натуральный пофигизм, типа... вот будь что будет. Надо мирно воспринимать зло. Тебе дали в морду, а ты так улыбаешься и вежливо говоришь: «Спасибо». Трахнули твою жену, а ты спрашиваешь: «Еще разок не хочешь?» Отобрали золото, а ты волнуешься: как враг слитки домой донесет, ему тяжело! А после впадаешь в нирвану и гредишь...

У клиента отвисла челюсть:

— И много племен придерживалось этого... нирванизма?

— Полно. И в Китае, и на азиатских островах, растворенных Плутоновым морем...

— Ужас какой! Не-не, и даром не надо... в задницу философские миры.

— Не торопись с выводами, — мягко возразил Жрец. — Ты же еще не все узнал, верно? Оцени сюрприз: по правилам нирванизма, если ты умираешь, то как бы не насовсем. Твоя душа переселится в другого человека — а может, и в животное. Или даже в бабочку. И это не предел. Позволяется стать хоть деревом — стоишь тихонько в чаще, листвой колышешься...

Клиент вытер холодный пот, в страхе глядя на Жреца.

— Да они в своем Плутоновом море совсем с ума посходили! Как после такого жить? То есть, выхожу я ночью охотиться на крысокабана — а это, может быть, мой родной папа? Заваляю его в темечко парой гвоздей — он лежит, светится в темноте и смотрит на меня с укором всеми семью глазами — как же так, сынок? Помнишь, мы с тобой у Зловонного океана бы-колягушек шмаляли из снайперки? А потом кровь хлынет ручьем из пасти, и...

Глаз клиента моргнул, и на щеку скатилась слеза.

— Утомил уже себя жалеть! — безжалостно прервал трагическую речь Жрец. — Что ты сразу папу вспомнил? Ведь точно таким же образом можно и бывшую тещу завалить. А если она после смерти в крокодила переродится — так, извини меня, вдвойне приятно.

— Да им и перерождаться не надо! — с ненавистью прохрипел клиент. — Нет, наши не поймут. Комара хлопнешь — считай, соседа убил. Птероиндея зарезал, так мясо в рот не полезет — вдруг это тот самый мужик из соседнего вигвама: лишь месяц назад с тобой самогон хлестал, а сегодня ты его филе лопаешь? При эдаком раскладе и экономия на мухоморах не утешит. Сделай милость... может, откопаешь что другое в закромах?

Жрец ухмыльнулся, показав обломки сгнивших зубов. Изумительно! Восемьдесят семь лет минуло после взрыва Солнца-Людоеда — в пламени сгорели города, в пыль обратились почти все люди, населявшие тогдашнюю Землю. Выжило не больше сотни тысяч, и первое время никто не думал о богах — каждого волновало, как он переживет ядерную зиму, чем отобьется от полчищ зомби-муравьедов и почему на каждой руке вдруг выросло еще по шесть пальцев. С тех пор немного изменилось. Племена Семи Холмов до сих пор на грани выживания... но теперь им понадобились боги. И как можно скорее!

— Ты проделал долгий путь, — развел руками Жрец. — Я постараюсь помочь. Послушай притчу. В стародавние времена, на одном маленьком острове близ пляжей Утонувшей Империи Счастья, туземцы поклонялись мертвым. У меня имеются картинки культа: их бог носил маску-череп, появлялся во фраке и цилиндре... кажется, религия называлась «муду». Островитяне верили, что духи мертвых находятся среди нас. Ту-

земные жрецы были способны воскрешать мертвецов и повелевать ими. Представь: у вождя твоего племени возникнет армия мертвых солдат, жаждущих сожрать ваших врагов. Это ли не счастье?

Клиент машинально поправил ремень автомата. Мозг разрывала злость, а руки откровенно чесались пристрелить Жреца прямо здесь, у бункера. Старик что, издевается над ним?! От убийства останавливало лишь одно — страх. Одноглазый прекрасно понимал — если дедушка поддерживает связи с таким количеством богов, кто-то из них обязательно за него вступится. Проще не связываться, иначе выйдет себе дороже. Родись потом кротомурлом — так сам пойдешь на кактусе удавишься.

Но... неужели он НЕ ПОНИМАЕТ?

— Великий Хранитель, — поклонился клиент, давя позыв обложить Жреца матом. — На хрена мне в племени сдались мертвецы? Похорон у нас нет — растворил труп в ядерно-кислотном болоте, и всего делов. Но теперь? Живым-то жрать нечего, а тут еще мертвые воскресают, суки. И бабушка, и прабабушка, и дядя Рогонд, убитый в бою с племенем южноморцев. Таким макаром в стойбище покойников станет больше, чем живых. Ты знаешь, кто изобрел муду? Посоветуй подлецу засунуть его ТУДА и затем в то же место воткнуть ствол своей винтовки. Так, для верности. Да сожрет этот остров стадо кобылозябликов!

Жрец тяжело вздохнул. В сердце теплилась слабая надежда.

— У меня в запасе не так много осталось, — сообщил он чиновничьим тоном. — Имей в виду — ты рискуешь уйти с пустыми руками! Итак, рассмотрим парочку запасных. Первая религия — аравиянство, дивно шикарная вещь. Да, молиться требуют пять раз в день, зато жен заводи — сколько хочешь. Всегда есть повод для войны с другим племенем, если оно отказывается перейти в аравиянство. Из минусов — жрецы не позволяют употреблять самогон из папоротника и ветчину крысокабанов. Кстати, согласно древним преданиям, именно из-за аравиян нас расплавил Солнце-Людоед. Они что-то там взорвали, и...

Клиент сорвал с плеча автомат.

Жрец не успел опомниться — щелкнул выстрел: к ногам, сломав крылья, упал ослохавчик — хищная ночная птица. Впервые за время разговора клиент улыбнулся. Ослохавчик в конвульсиях скреб когтями землю, на поверхность выступили капли ядерного топлива. Да... недаром жителей Семи Холмов не любят в других племенах. Во-первых, у них самые богатые запасы вяленой кенгурятины, а во-вторых — они сначала стреляют, а потом спрашивают, в чем дело. Запихнув ослохавчика в мешок, клиент скривил рот.

— Без самогона нам никак, — твердо заявил он, став светел лицом. — Вот что хочешь, а это — НЕЛЬЗЯ. На том наше племя стоит, мы им младенцев выпаиваем... Если самогона не станет — это как второе Солнце-Людоед. Умолкни, Жрец. Ты святое оскорбляешь.

— Извини, чужеземец, — спешно поправился Жрец. — Я не нарочно. Что ж, осталась последняя религия. По слухам, она стартовала как самая главная религия на Земле. Ее приверженцы сначала были рабами, а после их таскали сорок лет взад-вперед по пустыне — я, правда, так и не понял, зачем. Однако крысокабанов им тоже есть нельзя: и не проси у меня объяснений, в чем у этих людей вкупе с аравиянцами провинились бедные крысокабаны. Самогон вполне доступен, но первоначально бутыль должен благословить жрец. Крайне важное условие — в шестой день недели строжайше запрещено работать.

— Слушай, о великий, — задумчиво сказал клиент. — А нет ли такой религии, чтобы можно было не работать и во все остальные дни недели? Я бы очень охотно ее принял.

— За такой религией, молодой человек, ко мне бы круглосуточно в бункер ломались, — отрезал Жрец. — Если тебе и это не подходит — я не понимаю, зачем ты сюда пришел?

Клиент потупился, рассматривая пурпурно-черную траву.

— Мой прадед перед смертью успел поведать — раньше люди поклонялись различным богам... он сам не помнил их имен. Им молились, чтобы на столе была еда, просили о дожде и ставили огоньки за удачу. Если что-нибудь не удавалось — говорили, это наказание за несправедную жизнь. В случае везения каждый считал, что ему помог бог. Увы, мы напрочь позабыли всех земных божеств, и никто не расскажет, как они вы-

глядели. Ты — единственный в мире Хранитель Древних Книг, потому все племена приходят к тебе с подобными просьбами. Нынешние джунгли скудеют крысокабанами, а посевы бульбощавеля бьет засуха. Нам остается надеяться только на бога... а его-то у нас и нет. Помоги, Жрец, прошу. Я не могу вернуться в руины Семи Холмов с пустыми руками.

Бородач потрепал одноглазого по плечу.

— Ты достучался до моего сердца. Обожди здесь минуту... я вернусь.

Действительно, Жрец появился из бункера весьма быстро: в руках у старика была плюшевая игрушка — розовый кролик. Улыбнувшись, он буквально впихнул ее обалдевшему клиенту.

— Держи! Этот вариант я не предлагал никому. Самая универсальная религия, которую ты только способен представить. Идол исполняет целую кучу желаний: если, конечно, ты этого заслужишь. Крайне могущественен. Может наказать любого твоего врага. Усердно молись ему, чтобы третья жена не узнала о внеочередном сексе с восьмой. Жертв не требуется — достаточно лишь содержать его в чистоте и регулярно сушить от сырости.

— Могущественен? — в смятении переспросил клиент. — А что он умеет делать?

— Все! — бестрепетно заявил Жрец.

— Супер! — вскричал клиент. — Я хочу... хочу... хочу сейчас же получить гранатомет, способный одним выстрелом прибить стадо слономамонтов! Такой, за который просят тысячу девственниц на невольничьем рынке у развалин шопинг-центра «Кошан!».

Он не успел договорить — гранатомет свалился прямо ему на голову.

— Охренеть! — прошептал одноглазый, потирая синяк на лбу. — О! И пусть дадут...

— Хватит! — простер к нему руку Жрец. — Ты можешь просить только изредка, если кролик благоволит к тебе. Иначе он разгневается и пожрет твое племя. Неси идола домой, радуйся его великой милости. Это мощнейший бог, когда-либо существовавший на Земле. Да смотри, будь осторожен — другие

племена не должны узнать о вашем счастье. Иначе они отберут кролика — какой дурак откажется, чтобы гранатометы валились к нему с небес?

— Спасибо! — клиент склонился так, что едва не коснулся лбом земли. — Твои услуги баснословно дороги, но они стоят туши редчайшего бабочкового бегемота, чье мясо, как известно, на вкус будто пепел кондитерской фабрики. Завтра мои воины доставят тушу в бункер, о Жрец, — и я буду молить кролика о даровании тебе вечной жизни. Прости, что сердился на тебя. Я вознагражден — у племени руин Семи Холмов появился истинный бог!

* * *

Попрощавшись, Жрец спустился в бункер — на три этажа вниз, почти не различая в темноте ступеней. Неспешно подойдя к шкафу, где в ряд стояло с десятков розовых кроликов, он наклонился к груде их длинноухих собратьев на полу: выбрал наугад одного и втиснул на полку — на освободившееся место. Черты лица старика внезапно расплылись, меняясь. За пару секунд из сгорбленного седого бородача он превратился в крепко сбитого молодчика со щегольскими усиками, крючковатым носом и блестящими в полумраке глазами. Из темноты навстречу к нему выступил другой человек — лет тридцати, одетый в белоснежный хитон. Длинные волосы рассыпались у него по плечам.

— Ты отлично сегодня выступил, — улыбнулся Иисус.

— Да какой, на хрен, отлично! — с горечью сказал Дьявол. — Ведь опять же взяли зайца!

— Они всегда берут зайцев, — скучно заметил Иисус. — Примитивно, я согласен. Но ведь на прежней Земле люди тоже поклонялись богам с головой шакала и туловищем крокодила? Наверное, следует дать им чуть времени, пока они дойдут своим умом.

— Уверен? Мы честно предлагаем все религии на выбор — и всякий раз беседа кончается зайцем, — скептически оценил обстановку Дьявол. — Сотворишь гранатомет — и сразу вера безоговорочная. Может, тебе не маскироваться, а выйти к народу и столь же эффектно, как в Кане Галилейской, превратить воду в вино? В прошлый раз все просто очумели.

— Заколебало, — отмахнулся Иисус. — Знаешь, утомляет штамповать чудеса.

— Да неужели? — с издевкой поинтересовался Дьявол. — Но именно так ты и начинал!

— И каков результат? — парировал Иисус. — Взойдя на вершину человеческого развития, они перебили друг друга — устроили Апокалипсис сами себе, даже нас с тобой не подождав. Значит, использовать прежние чудеса суть опасно. И, если уж так рассуждать, мне любопытно — выберет ли меня хоть одно племя Семи Холмов без сотворения гранатомета?

— Забавная игра, — согласился Дьявол. — Но что мы станем делать, когда кончатся зайцы?

— Я сотворю еще пару тысяч, — флегматично сообщил Иисус. — В чем проблема? Давай запасемся терпением. В итоге выжившие поймут: их души спасет лишь искренняя вера.

Пол бункера задрожал — началось вечернее землетрясение.

— О, вот тогда-то мы и вступим в битву за право владеть миром! — потер копыта Дьявол. — Я, конечно, не из тех, кто играет по правилам... но что ж такого я натворил, дабы обрести леса, полные мутантов, и руины, источающие радиацию? Гадство! Я хочу гламурный Апокалипсис — с водами, что стали горьки, как полынь, с саранчой и с морями, что превратились в кровь. А не гребаную ядерную войну! Неужели я так много прошу?!

В ночной чаще, переступая через овцегадюк и огибая питающиеся плотью пальмы, шагал по-настоящему счастливый человек. На вытянутых руках он бережно нес розового кролика.

Андрей Левицкий

**КАРБОН.
МАШИНЫ АРМАГЕДДОНА**

Отряхивая с плеча осколки стекла, я выглянул из гондолы дирижабля.

Хорошо, что реактивная ракета не попала в баллон, — лавина, вызванная взрывом газа, завалила бы эту низину с ее уходящей за поворот каменистой дорогой и развалинами.

Но теперь передняя часть баллона крепко застряла в расщелине невысоко над землей. Корма гондолы была раздроблена взрывом, лопасти винта сломаны. Повезло, что дизельный двигатель не взорвался.

Я присел на дне гондолы, сунул в ножны армейский нож и осмотрел свою руку. По запястью текла кровь — рана неглубокая, но болезненная. Выпрямившись, поверх искореженной взрывом внутренней переборки заглянул в носовую часть гондолы. Там возле рулевых рычагов лежали двое. У одного голова треснула, как яйцо, у второго шея свернута набок. В небольших дирижаблях-разведчиках, принадлежащих автокефальной корпорации Святая Церковь Господня, обычно находится пара пилотов: один контролирует курс, второй следит за тангажем, крутит штурвал, меняя угол наклона летающей машины.

Снова высунувшись в пробоину, я окинул взглядом окрестности. Когда-то в низине стоял городок, покинутый после Большой войны. Скорее всего, с дырявой крыши одной из развалюх и выстрелили реактивной ракетой.

Вокруг шелестела желтая листва, жужжали насекомые, ду-
ющий порывами ветер был сухим и жарким. Горы купались в
летнем зное. Услышав приглушенный шум мотора, я расстегнул
кобуру и положил руку на большой шестизарядный пистолет.

Из-за поворота дороги, лежавшей между склоном и ущель-
ем с руинами, показалась армейская машина («мобиль», как их
называли в Святой Церкви) с открытой кабиной. Впереди си-
дели двое, за их спинами виднелся третий — все в коротких
черных полурясах, вооружены короткоствольными автоматами
с длинными прямыми магазинами.

Я пригляделся. У того, что находился слева от водителя, на
груди была нашивка: два золотистых пшеничных колоска и два
пузатых колокола. У меня такая же, только на один колокол боль-
ше... Значит, в мобиле старший лейтенант с двумя рядовыми.

Машина поехала быстрее. Лейтенант ткнул пальцем в сто-
рону дирижабля, и рядовой сзади привстал, направив на меня
автомат.

Я сел на краю пролома, поднял руки, показывая пустые ла-
дони. Потом, глубоко вдохнув, соскользнул вниз. Упав в кусты,
сразу вскочил, выдрался из зарослей и, пригибаясь, бросился
навстречу машине. Та была почти рядом. Водитель резко вы-
вернул руль, встал поперек дороги, правым бортом ко мне,
угольно-черный дым плеснулся из выхлопной трубы. Три авто-
мата уставились мне в грудь.

— Осторожно! — громко, но так, чтобы не было слышно
в развалинах, предупредил я. — В нас выстрелили оттуда!

Лейтенант оглядел меня с ног до головы. Он был молодой,
лицо одутловатое, тонкие усики, вялый подбородок. На груди его
висел большой железный крест: Иисус-Воитель широко расста-
вил руки, в левой — огромный дробовик, в правой — тесак.

— Вас сбили ракетой? Мы слышали взрыв... Еще кто-то
выжил?

— Нас было трое. Оба пилота мертвы. Лейтенант, безбож-
ник в ущелье, у него «реактивник». Думаю, есть и стрелковое
оружие.

— Безбожник? — повторил он слегка растерянно. Для ко-
мандира мобильного патруля все происходило слишком быстро
и неожиданно.

— Да, агент Карбона. Он сожжет нас вместе с машиной, а потом добьет контрольными выстрелами.

Тут, наконец, до них дошло, что в любой момент они могут отправиться к праотцам, и лейтенант приказал водителю:

— Развернись! Встань за ту глыбу у обочины!

Загудел мотор, и мобиль проехал по крутой дуге, обратившись багажником к застрявшему дирижаблю. Я подбежал к камню, за которым он притормозил, опустился на корточки возле заднего колеса.

— Кто ты такой? — спросил лейтенант.

Я представился по форме:

— Майор Захар Самосудов, оперативно-разведывательный отдел Священного Синода автокефальной корпорации Святая Церковь Господня.

Он слегка охренел, услышав это. Опять смерил меня взглядом заплывших красноватых глазок.

— Ты из СС?! — Посмотрев на дирижабль, лейтенант приказал стрелку: «Ильяс, контролируй ущелье», после чего выскользнул из кабины и растянулся на камнях под прикрытием колючего куста.

— Ранен, брат-майор?

— Ерунда, слегка контузило. — Я прижал ладонь к уху и громко сглотнул. — До вечера пройдет.

— У тебя кровь на руке. А другие в дирижабле точно мертвы?

— Там спасти некого. Лейтенант...

— Ипатий Брюч, — представился он. Повернул голову к водителю и добавил: — Будь готов быстро уезжать.

Тот крепче вцепился в руль. Стрелок, которого лейтенант Брюч назвал Ильясом, поставил колено на заднее сиденье и, упершись локтями в багажник, медленно водил стволом вдоль ущелья. Там было тихо, никого не видно. Большая война, начавшаяся после оскуднения запасов нефти и превратившая треть планеты в ядерную пустыню, лишь слегка коснулась гор, но и этого хватило. От городка, когда-то стоявшего в низине, остались лишь покосившиеся стены и дырявые крыши. Посреди всего этого торчала накренившаяся, вся затянута плющом церковная башенка с потускневшим колоколом, в котором зиял темный пролом.

Крыши построек невысоко выступали над краем ущелья: безбожному диверсанту удобно было выпустить ракету по дирижаблю, но вот вести прицельный огонь по людям, прячущимся за валуном, сложно — слишком острый угол, цель почти не видна.

Судя по выражению лица лейтенанта Брюча, он размышлял примерно так же. А еще думал о том, что нам идти на поиски безбожника, не вычислив его позицию, не менее проблематично, чем тому сейчас подстрелить нас. То есть пойти-то мы можем, но вот выжить при этом...

— Нужно его уничтожить во имя Иисуса-Воителя, — пробормотал лейтенант не слишком уверенно. — Но лучше — взять живым. Откуда он здесь взялся? Если в Карбоне знают, где наша база...

— Не знают, — перебил я. — Пока еще нет. Лейтенант, разведка безбожников получила информацию о примерном положении Чистого ключа. Мы в Синоде вычислили крысу, но слишком поздно. Теперь они задействовали своего агента в этом районе, опасного диверсанта, истинное исчадие ада. В рядах святых бойцов о его нечестивых деяниях ходят легенды, в нашем отделе его оперативный псевдоним — Богобой.

Брюч вздрогнул, услышав это, и машинально коснулся пальцами головы железного Иисуса на груди, а после, на миг смежив веки, — своего чела. Я продолжал:

— Богобой знал, что я вылетел к вам, знал маршрут, но где точно находится Чистый исток, у него пока сведений нет. Если мы сейчас же уедем...

— А зачем ты летел к нам, брат-майор?

— Меня прислали с указаниями из Синода. А как иначе, вы же отрезаны от всех, соблюдаете радиомолчание.

— В задницу к нечистому всё! — выдохнул лейтенант, обдав меня запахом перегара, и опухшее лицо его исказилось. — Говорил же Георгию Иванычу, что рано или поздно нас накроют!

— Еще не накрыли, брат-лейтенант. Но теперь могут и...

Тут Ильяс выстрелил — короткоствольный АК-Х, созданный оружейниками Святой Церкви на основе старого оружия, дал короткую очередь, и от церковного купола возле пролома разлетелась труха.

— Там! — выдохнул рядовой. — Видел, кажется... В проломе!

— Так видел или нет?! — гаркнул лейтенант.

— Видел, клянусь десницей Господней! Мелькнул кто-то и сразу спрятался!

— Это Богобой, — кивнул я. — Ильяс, не дай ему накрыть нас ракетой!

Я присел рядом с Ипатием Брючем, низко пригнувшись, втянув голову в плечи и сжимая раненую кисть. Отсюда была видна радиостанция, вмонтированная в приборную панель справа от почти улегшегося на руль водителя, скрученный спиралью провод и висящая в зажиме большая черная трубка.

Рядовой Ильяс, не моргая, целился в колокол, на лбу его серебрился пот.

— Надо связаться с базой, — решил Брюч и пополз обратно к машине.

— Брат-лейтенант, нельзя выходить в эфир. Соблюдай радиомолчание.

— Да что вообще происходит?! — повысил он голос, забираясь в кабину. — Обмен по внутренним каналам никто не отменял, у нас все шифруется!

— Я же сказал: в Карбоне узнали о Чистом истоке. Главное, они знают о той работе, которую ведет у вас Ростислав Франц. И они не хотят допустить, чтобы Святая Церковь вывела «Апостолов» в массовое производство. Специфика расположения Чистого истока не позволяет засечь его, но... Любые радиопереговоры обнаружат базу. Сейчас эта часть Карпат под постоянным радионаблюдением.

— Мы в Истоке и так сидим, как мыши в норе! А теперь ты мне говоришь, брат-майор, что даже экстренный вызов по внутреннему каналу связи послать нельзя?

— Нельзя. Ваши частоты вскрыты безбожниками, данные дешифруются. Тишина должна быть полной. До штатного сеанса связи осталось... сколько?

— Сейчас четверть третьего. Значит, сорок пять минут до обмена радиосообщениями между патрулями.

— Раз так, нам надо на базу, — я привстал. — Хотел попытаться вместе с вами уничтожить диверсанта, но... Получа-

ется, нужно как можно быстрее предупредить вашего командира. Ночью через Босфор в Черное море вошел «Могучий Язычник», военное судно Карбона. Как только вас засекут, поднимут в воздух бомберы. Они прилетят сюда очень быстро, понимаешь?

Судя по напрягшемуся лицу, лейтенант Ипатий Брюч наконец-то сполна осознал смертельную опасность ситуации. Громко вдохнув, он стал отдавать приказы:

— Майор — в машину. Ильяс — следить за ущельем. — Брюч толкнул водителя в плечо. — Возвращаемся, гони!

Водитель только и ждал приказа — не успел я запрыгнуть на заднее сиденье, как мобиль рванул вдоль склона, прочь от дирижабля с двумя мертвецами внутри, подминая кусты и тяжело качаясь на особо больших камнях. Вытащив пистолет, я обернулся и прокричал, чтобы перекрыть шум мотора:

— Ильяс, внимание на церковь!

Мы покинули низину в считанные секунды — Богобой не успел выпустить по нам реактивную ракету. Когда ущелье осталось далеко позади, водитель сбавил скорость: слишком крутые повороты были у горной дороги, мобиль мог запросто слететь с нее.

Брюч, вытащив из бардачка аптечку, обернулся:

— Брат-майор, дайте руку...

— На базе перевяжем, — отмахнулся я.

— Давайте.

Он вынул бинт, нож, чтобы распороть рукав. Я спросил:

— До базы далеко? Надо спешить.

— Сидите спокойно, скоро приедем.

Дорога пошла под уклон, склоны по сторонам стали выше и отвеснее, небо превратилось в широкую полосу далеко над головой. Впереди блеснул ручей, и вскоре мобиль свернул под каменную арку. Под высоким покатым сводом гулким эхом разнесся звук дизеля.

Теперь мы ехали вдоль ручья, журчащего по дну тоннеля, насквозь пробившего основание горы. Похоже, здесь когда-то текла река, но она обмелела — причем, недавно. Далеко впереди тоннель сужался, свод становился ниже, но здесь он был высоко над головой.

— Не крутись, брат-майор, — попросил Брюч, стягивающий эластичным жгутом мою руку. — Уже заканчиваю.

Тоннель перегораживала ограда с колючей проволокой поверху. Вот он, въезд на самую секретную базу Святой Церкви...

Лейтенант закончил с моей рукой и отвернулся к лобовому стеклу. Схватившись за спинку переднего сиденья, я привстал, внимательно глядя вперед. А ведь этот тоннель — естественного происхождения, скорее всего, его за тысячелетия проделала горная река, которая теперь превратилась в весело журчащий ручеек, ныряющий под ограду. Он снабжал базу водой.

Многометровый слой камня не позволял противнику обнаружить Чистый источник. Его почти невозможно уничтожить снаружи, даже если сбросить бомбы и завалить выходы тоннеля, внутри все уцелеет.

Донеслось гудение. Над оградой поднялся темный дым, остро запахло соляжкой, и броневые плиты перед нами раздвинулись. Мобиль вкатил в крытый шлюз, остановился. С гудением створки сомкнулись позади. Где-то вверху раздались голоса, загудели дизели, позади лязгнуло, и все стихло.

Только сейчас сидящие со мной в машине братья немного расслабились — Ильяс, все время контролировавший дорогу позади, сел ровно и опустил автомат, водитель подул на вспотевшие ладони. Брюч, оглянувшись, сказал:

— Ты легко отделался, брат-майор: контузия и рана на руке... Это потому, что находился в задней части гондолы.

— Так и было, — кивнул я. — Что теперь, брат-лейтенант?

— Сейчас будет проверка, без нее обратно не впускают даже нас. Надеюсь, твои данные есть в нашей счетной машине.

Я молча кивнул. Для безопасности это место отрезано от коммуникаций, у него нет связи даже с постоянно обновляемой базой данных Синода — в счетной машине местного командования просто содержится информация на людей, которые допускаются внутрь. Два периметра защиты, курьеры Синода имеют право проходить за первую линию безопасности. Но я-то не курьер... то есть все же курьер, но — особый.

Впереди клацнуло, вновь загудели дизели. Водитель включил фары и медленно тронулся с места, направив машину в открывшийся проем. Проехал метров десять и остановился,

заглушил двигатель, чихнувший напоследок клубом черного дыма.

Мы оказались примерно на середине тоннеля. Освещение здесь было тусклое, прямые солнечные лучи никогда не попадали сюда. Прохладно, сыро... В дальнем конце свод становился ниже, и в конце концов тоннель превращался в каменную трубу не более двух метров высотой, полностью перегороженную стальной плитой. Скорее всего, с другой стороны ее покрывают маскировочные панели «под камень». Под ногами мелкий щебень, раскатанный в более-менее ровную поверхность. Справа доносилось журчание воды, слева под каменной стеной стояла сколоченная из бревен коробка с окнами — стандартный блок, включающий служебные отсеки центра управления базой и жилые комнаты. Рядом был еще один, складской, без окон, за ним к стене примыкала казарма.

Тихо. Потому что каждый при деле. Мобильных патрульных групп, разъезжающих по округе, три, ну, четыре от силы; два солдата в шлюзе, трое на боевом дежурстве в центре управления базой. Еще двое в наряде по столовой — втянув носом сырой воздух, я ощутил запах вареного мяса.

Гарнизон базы человек пятьдесят максимум. Не густо, но и не мало, учитывая выгодность позиции. Безбожным диверсантам сюда не пробраться, да и массированную атаку Карбона легко отразить, ведь контролировать придется лишь одно место, через которое мы въехали на территорию. Пошарив взглядом по стенам, я не смог найти вход в мастерскую Ростислава Франца, которая пряталась в естественных пещерах возле тоннеля. Хотя, возможно, она между жилыми блоками, торцами почти примыкавшими к стене? То место отсюда видно не было.

— Вылезай, брат-майор, — Брюч выпрыгнул из машины, одернул форму.

Дверь командно-жилого блока распахнулась, и на пороге показался высокий седовласый человек.

Полковник Георгий Иванович Победоносцев — его легко узнать по шраму на щеке. Я видел фотоснимки. Старый, закаленный боями воин Святой Церкви, наверняка недовольный тем, что сидит в этой дыре, когда другие сражаются с отрядами Карбона лицом к лицу. Что-то он там натворил в прошлом — ка-

жется, высказал генералу Грюгеру из Синода все, что о том думает, и загремел в командировку в научную базу, где время тянется как резина, все окружение — несколько десятков бойцов, связи с внешним миром почти нет, врага нет...

На Победоносцеве была ряса, подпоясанная черным кожаным ремнем, массивный золотой крест на груди, на ремне — кобура с пистолетом и кортик. Под рясой снизу виднелось черное галифе с ярко-желтыми лампасами.

Позади полковника в дверях возник плечистый молодой офицер в бледно-зеленой форменной рубашке и тщательно выглаженных брюках-галифе с зелеными лампасами, заправленных в сверкающие лаком сапоги. На коротко стриженной голове — пилотка с крестом вместо кокарды, на ремне пистолет.

— В чем дело, Брюч? — Победоносцев быстро подошел к мобиле. Движения у него были порывистые и резкие, а лицо — сухое, со впалыми щеками. — Почему нарушил инструкции?

— Брат-лейтенант действовал, исходя из сложившейся ситуации, — я шагнул навстречу полковнику. — Майор Захар Самосудов, оперативно-разведывательный отдел СС автокефальной корпорации Святая Церковь Господня.

Полковник смерил меня взглядом:

— Молод для майора.

— В разведке быстро делают карьеру во славу Господа нашего. — Я оглянулся на ворота. — Полковник, нам нельзя терять время. Дирижабль, на котором...

Он махнул рукой, оборвав меня, и обратился к Брючу:

— Докладывай, лейтенант.

Тот пересказал случившееся, как меня нашли, упомянул судно Карбона в Черном море. Я заметил, что стоящий в дверях отутюженный офицер не спускает с меня глаз и держит ладонь на кобуре. Кто он, особист или дежурный по базе?

Победоносцев слушал внимательно, лицо его ничего не выражало. Когда Брюч закончил, он лишь сказал «за мной» и зашагал обратно. Мы поспешили следом.

Все-таки особист, решил я, когда отутюженный посторонился, пропуская нас, и пошел рядом. Дежурный не покинет пост управления. Начальник особого отдела базы был тщательно выбрит, подтянут... как-то слишком уж тщательно выбрит и че-

ресчур подтянут — вид из-за этого у него был немного показушный, будто на парад собрался, не хватало только наградных планок на груди и белых перчаток.

Сапоги полковника, особиста и лейтенанта громко скрипели, когда мы вошли в кабинет. Победоносцев сразу открыл сейф, вынул поблескивающую металлическую карточку и вставил в прорезь счетной машины, стоящей на стойке у стены.

— Майор, ты знаешь, что делать.

Я шагнул к стойке и замер, обратив лицо к широкому круглому объективу счетной машины. Тот мигнул светом, раздался щелчок. Машина — большая, кубическая, с хромовыми панелями и большими круглыми кнопками — погудела, потрещала... Я ощутил на себе пристальный взгляд особиста. Раздался щелчок — приемное устройство выбросило вставленную в него карточку.

Полковник молча присел на круглый табурет перед компьютером.

За спиной у него была железная дверь. Я прикинул, где вход в кабинет, как идет коридор, по которому мы попали сюда... Получается, за этой дверью должна быть каменная стена... То есть — проход в стене. Куда он может вести? В мастерскую Ростислава Франца, больше некуда.

Над дверью висели большие громко тикающие часы, они показывали: 14.35.

Победоносцев сцепил пальцы, глядя на счетную машину. Та щелкала и гудела, на боковой панели медленно вращались металлические кольца с нанесенными на них цифрами и буквами, ползла планка с прорезью...

— Ключ, — бросил Победоносцев.

— Что? — не понял я.

— Твой ключ, майор.

— Ключ-пластина, — требовательно подсказал особист Лавр. — Идентификатор.

Я машинально хлопнул себя по нагрудному карману, полез в боковой на плече, но там рукав был распорот Брючем, когда он занимался моей раной.

— Остался в дирижабле, — сказал я.

Секунду полковник в упор смотрел на меня, потом встал и прошел к столу.

— Лейтенант, позовите сюда рядового. Изолируйте майора, пока не найдем его идентификатор.

— Полковник! — я шагнул следом. — Чистый исток под угрозой. Я должен немедленно увидеть Ростислава Франца, иначе...

— Молчать! — выдохнул Лавр. Он стоял в полуметре за моим левым плечом, и я ощущал идущий от него запах дорогого одеколona. — Брюч, выполняйте приказ!

Лейтенант помедлил — он-то видел сбитый дирижабль, хорошо помнил, в каких обстоятельствах нашел меня, и воспринимал ситуацию иначе, чем эти двое, — переступил с ноги на ногу и вышел в коридор.

— Полковник, вы неверно оцениваете ситуацию, — вновь заговорил я, игнорируя Лавра. — Я повторяю: ваша база под прямой и непосредственной угрозой. Если Карбон...

— Как вас сбили? — перебил он.

— Из реактивника. У нас есть достоверные сведения: в Карпатах действует опытейший диверсант Карбона. Его цель — вскрыть местоположение базы.

— Диверсант? — повторил с сомнением Лавр.

— Оперативный псевдоним — Богобой.

— В горах одному делать нечего, — сказал Победоносцев. — Разве что группа... Я отдам приказ, и патрули осмотрят район, соблюдая тишину в эфире. Но до прояснения ситуации вы будете задержаны, майор.

Этот салдофон мог все испортить! Я шагнул ближе к столу:

— Полковник, поймите...

— Стойте на месте! — Лавр схватил меня за локоть.

Сработали рефлексy — я развернулся, ударом сверху сбил его руку. Он выбросил перед собой вторую, пытаюсь взять мою шею в захват. Я нырнул в сторону, перехватил запястье, вывернув его, сделал подсечку — и Лавр растянулся на полу. Прежде чем он успел совершить еще какую-то глупость, я выдернул пистолет из его кобуры и быстро отступил к столу.

Победоносцев даже не сделал попытки встать — сидел, холодно глядя на меня. Выругавшись, Лавр вскочил, на его выглаженной рубашке появилось темное пятно.

Я бросил пистолет на стол, достал из кобуры свой, положил рядом и встал вполоборота к полковнику с особистом. Увидев, что я остался без оружия, Лавр, чье самодовольное лицо исказила гримаса ярости, кинулся на меня, но Победоносцев рывкнул:

— Стоять! Смирно!

В его голосе было столько железной власти, что мы оба вытянулись, вскинув подбородки.

В коридоре застучали шаги, и в комнату вбежал рядовой Ильяс, с ходу сориентировавшись, нацелил на меня автомат.

— Полковник... — снова начал я.

Он хлопнул ладонью по столу.

— Арестовать! Отправить патрульную группу к месту аварии дирижабля, искать идентификатор! Прочесать местность! Соблюдать режим радиомолчания!

Я оттолкнул шагнувшего ко мне Ильяса, не обращая внимания на ввалившегося в кабинет с пистолетом в руке Брюча, быстро заговорил:

— Георгий Иванович, моя информация предназначена лишь для Ростислава Франца, но... Я нарушу секретность и скажу сейчас: базе в первую очередь угрожают изнутри, а не извне. Дело не в диверсантах Карбона, который рыщет снаружи, дело в том, что уже попало сюда. В три часа дня оно сработает.

Лейтенант, рядовой, особист, полковник — все уставились на меня.

— Что ты имеешь в виду, майор? — спросил Победоносцев.

— Что мне необходимо немедленно поговорить с Францем. В вашем присутствии, если желаете. Сейчас уже четырнадцать сорок, скоро будет поздно.

— У тебя нет ключа для допуска во второй пояс секретности.

— Он остался в дирижабле! Нас атаковали, машина упала на камни, я получил ранение... Полковник, это вопрос жизни и смерти для всех вас. Нет, теперь уже для всех нас. Совершенно необходимо поговорить с Францем. А вы должны соблюдать режим радиомолчания. Стоит связаться с патрулями, и Богобой начнет действовать.

Повисла напряженная тишина. Победоносцев сверлил меня колючим взглядом.

— Арестовать, — наконец повторил он.

Брюч с Ильясом схватили меня за плечи, вывернув руки, развернули лицом к стене.

— Полковник, — бросил я через плечо, — чистый исток уничтожат из-за вас.

— Руки за спину! — гаркнул Лавр, и между лопаток мне ткнулся ствол пистолета, который он схватил со стола. — Не шевелиться!

Меня обыскали, затем особист приказал:

— Наружу!

Он снова ткнул оружием в спину.

— Останься, Лавр, — приказал Победоносцев.

— Лучше делай, что тебе приказывают, брат-майор, — сказал лейтенант Брюч уже в коридоре. В голосе его мне почудились сочувствие.

Свет замигал, в комнатах за дверями раздались звуки тревожных зуммеров, донеслись отрывистые команды. Я криво улыбнулся: Победоносцев хотя бы догадался объявить тревогу. Они тут и правда все отупели от рутины, безделья и отсутствия событий. Мне не удалось убедить полковника — что теперь делать? Надо проникнуть к Францу любой ценой...

— Стой! — скомандовал Брюч. — К стене!

Захлопали двери, раздался топот ног, зазвучали приказы. За спиной пробежал, шелестя полурысой, один боец, потом еще несколько. Когда зуммеры стихли и свет перестал мигать, в коридоре снова остались только я и лейтенант с Ильясом.

— На выход, — приказал Брюч.

Я повернулся, но не к двери, а к нему. Ильяс находился у лейтенанта за спиной — коридор командно-жилого блока был узкий, двое с трудом разминутся. Схватив Брюча за кисть, я наступил ему на сапог, рывком вывернул пистолет из руки и сильно толкнул в грудь.

В маленьких заплавленных глазах лейтенанта плеснулись страх и растерянность. Ильяс тоже был не готов к такому повороту событий. Я шагнул мимо Брюча, оттеснив его к стене, ударил пистолетной рукояткой по лицу и врезал локтем в плечо рядового. Из носа Брюча брызнула кровь, он осел на Ильяса, помешав тому вскинуть автомат.

Рядовой мог закричать, но я не позволил — ткнул ему пистолетом в рот, клацнув стволом о зубы, и прошипел:

— Не дергайся, во имя Господа нашего!

Снял с его плеча автомат. Немного отступил.

Брюч чуть не клюнул носом в пол, но пришел в себя и, хватаясь за стену, попытался выпрямиться.

— Вы оба не пострадаете, — тихо заговорил я. — Никто не пострадает, если я успею поговорить со Францем. Вы видели дирижабль, что от него осталось, представляете ситуацию иначе, чем Лавр с полковником. Не мешайте, слышите? Брюч, опомнись! Ты же понимаешь, кто прав! В три часа базе придет конец!

Я боком сместился к кабинету полковника, нацелив на Ильяса пистолет. Обезоруженный рядовой напрягся, готовый броситься на меня.

— Ильяс, стой, — сказал Брюч.

Тот удивленно посмотрел на него. Лейтенант, вытерев ладонью кровь с подбородка, обратился ко мне:

— Почему в три, майор? Если патрули в условный час выйдут на связь и база не ответит — а она не ответит, полковник ведь послушался вас в этом, — то патрульные просто отключатся и спешно поедут назад. Такова инструкция.

— В три Чистый исток сам себя засветит. Скоро все поймешь.

Я повернулся к двери в кабинет Победоносцева. И вовремя — особист как раз шагнул в коридор. Получил ногой в живот и ввалился обратно. Прыгнув за ним, я захлопнул дверь, дернул к себе стоящий под стеной стул и подпер им ручку.

— Полковник, вы не оставляете мне выбора.

Часы показывали 14.42. Победоносцев сидел за столом и с прищуром смотрел на меня. Лавр, постанывая, пытался встать — врезал я ему сильно, лицо его побледнело, пилотка отлетела к стене.

— Я должен попасть к Ростиславу Францу. Пойдем вместе: вы, я и Лавр... — Не спуская глаз с полковника, я шагнул к скорчившемуся на полу особисту и снова отобрал у него пистолет.

— Каким образом? — процедил полковник. — Вход в мастерскую снаружи, но если мы выйдем, мои люди уничтожат вас.

Из коридора за спиной доносились громкие возгласы, топот ног. Я дважды выстрелил в потолок, чтобы привлечь внимание солдат, и крикнул:

— Не пытайтесь проникнуть в кабинет! Брюч, объясни им ситуацию! А вы вставайте, — я дернул за локоть особиста. — Полковник, вас это тоже касается. Откройте вон ту дверь. Думаете, непонятно, куда она ведет?

Победоносцев не шелохнулся.

Тогда я подтащил Лавра к столу, навел на него пистолет, подумав, сместился в сторону и прицелился Победоносцеву в ногу.

— Пуля разmozжит вам сустав. Наверняка за свою карьеру вы видели солдат с похожими ранениями... Адская боль. Потом я сниму с вашей шеи ключ-пластину, открою дверь, пройду в мастерскую с Лавром, встречу с Францем, объясню ему ситуацию. Опасность кроется внутри «Апостола». Победоносцев, вы будете выглядеть полным идиотом, когда в Синоде узнают подробности случившегося. А я отражу их в рапорте, обещаю.

Уголок его рта едва заметно дернулся. Я перехватил руку особиста, сильнее вывернул ее за спину и глянул на часы.

— Полковник, мне надоело повторять одно и то же. Источник опасности находится внутри базы, нужно срочно попасть в мастерскую и устранить его. У нас осталось пятнадцать минут.

В коридоре за дверью раздавались шорохи, сопение, шепот. Особист что-то замычал, задержался, пытаюсь вырваться, и я стукнул его рукоятью пистолета по затылку — не слишком сильно, чтобы не вырубить полностью.

— Открывайте, Победоносцев, — я кивнул на дверь за его спиной. — Не хочу в вас стрелять, но вы меня сами вынуждаете.

Я взвел курок. Победоносцев еще несколько секунд молча смотрел на меня, потом выпрямился, снял с шеи ключ-карту на шнурке и вставил в прорезь замка.

Загудело, залязгало, и дверь бесшумно поползла в сторону, открывая каменный коридор, освещенный тусклыми лампами.

— Вперед! — Я толкнул Лавра в проем.

Когда мы пересекли коридор, взгляду открылась большая пещера со стеллажами вдоль стен. Слева — высокие железные ворота с раздвижными створками на рельсах, рядом бытовка

техперсонала с раскрытой дверью. На стеллажах покоились ящики с оборудованием, под сводом пещеры шли кран-балки, свисали тросы, цепи, по цементному полу змеились провода. Их концы сходились на «Апостоле».

Вот она, боевая машина нового поколения. Высотой в три человеческих роста, угловатая, массивная. Две механические ступни толщиной с опоры башенного крана, манипуляторы-руки с блоками вооружения, между ними кабина, закрытая тусклым бронированным фонарем. Корпус облеплен контейнерами активной защиты, над левым манипулятором торчат патрубки дымовых гранатометов. Дизельные установки были на спине, прикрытые броней.

«Апостол» напоминал ШМ — то есть Шагающую Машину — модели «Разин», которая состояла на вооружении у Карбона, главного врага автокефальной корпорации Святая Церковь. Многие узлы и агрегаты «Апостола» были скопированы с «Разина», некоторые сняты с захваченных вражеских ШМ... И очень многое улучшено стараниями Ростислава Франца — гениального техника-ученого, найденного Святой Церковью где-то в Сибири, похищенного из тамошнего научного центра и привезенного сюда.

Главное, что сумел сделать механик, это оснастить «Апостол» новейшей системой управления.

— Что теперь? — спросил Победоносцев.

— Франц! — крикнул я.

Освещенная яркими лампами машина стояла на середине мастерской, кабиной к воротам, к нам боком. Между нею и бытовой на полу был металлический квадрат. Из центра его торчал угловатый пульт с клавиатурой — терминал ШМ.

Раздались шаги, из-за «Апостола» вышли двое техников в синих, заляпанных машинным маслом полурясах, один нес какой-то инструмент. Они удивленно заговорили разом, но смолкли, когда из кабины выбрался молодой лаборант. Соскользнув по лестнице вдоль механической ноги, он тоже повернулся к нам, а из кабины появилась взлохмаченная голова. В свете ламп блеснули очки с выпуклыми стеклами, и профессор Ростислав Франц вылез на броню. Это был высокий курчавый мужчина в гражданской одежде.

— Что случилось? — крикнул он, ступив на оснащенный пушкой правый манипулятор «Апостола». Взялся за трос, прикрепленный для страховки к верхней части ШМ. В другой руке у профессора был планшет.

— Вы все — в бытовку! — крикнул я. — Все, кроме Франца, быстро! Полковник, прикажите им!

Помедлив, Победоносцев отдал приказание. Ему пришлось повторить, прежде чем растерянные техники с лаборантом подчинились. Они закрыли за собой дверь, щелкнул замок — заперлись изнутри. По крайней мере, не будут мешаться под ногами...

— Франц, спускайтесь! Быстрее! — я подтолкнул полковника с особистом вперед. — Нужно отключить машину от всех коммуникаций и запустить боевые системы.

— Кто вы такой? — Стоя на манипуляторе, тот сдвинул очки на лоб. Говорил он чисто, с очень легким акцентом. — Победоносцев, вы объясните, что происходит?

— Отключайте «Апостола»! — Я толкнул в плечо Лавра. — А ты иди к терминалу и введи коды.

Когда мы приблизились к ШМ, ученый слез с нее по приставной лестнице. Я уже собрался объяснить ситуацию, но тут загудели приводы ворот. Створки немного разошлись, и в проем один за другим забежали, скрипя сапогами, несколько солдат во главе с лейтенантом Брючом.

— Полковник, прикажите солдатам покинуть мастерскую, — быстро заговорил я. — Если выйдут — узнаете подробности, не выйдут — уничтожите и себя, и базу...

— Солдаты, огонь! — вдруг закричал Лавр срывающимся голосом.

Я врзал ему кулаком по печени. Придержал за плечо — иначе он свалился бы на пол — и зарычал:

— Победоносцев, у нас почти не осталось времени! Сейчас без десяти три, вы вот-вот раскроетесь перед безбожниками!

Франц непонимающе крутил головой, поблескивая очками, из окошка бытовки выглядывали недоуменные лица. Солдаты по приказу Брюча встали шеренгой, нацелив на нас автоматы. От них меня закрывали особист и полковник. Последний, не поворачивая головы, сказал:

— Как в Карбоне узнают про базу? Диверсант снаружи, на связь мы не выйдем...

— Их агент уже здесь. Вы сами говорили о группе... Один работает снаружи, другой внутри. Может быть, он среди тех солдат. Или это один из техников. Или лаборант. Не знаю!

— Я... — впервые в голосе Победоносцева появилась неуверенность. — Майор, ты так и не сказал, что произойдет.

— Я расскажу все. Уберите людей!

— Брюч, уведи солдат, — приказал Победоносцев, помедлив.

— Радиомолчание, — напомнил я. — Оставлять доклады патрулей без ответа.

— Соблюдать радиомолчание! — повысил голос полковник. — Всем выйти! Бегом!

— Это ошибка, — заговорил Лавр, но смолк, когда ему в затылок ткнулся ствол пистолета.

Брюч, отдав приказ, вслед за солдатами поспешил наружу. Когда ни одного не осталось в мастерской, я смахнул с лица испарину.

— Может, все-таки объясните, что произошло? — не успевавший за событиями Франц по-прежнему стоял возле ШМ и растерянно смотрел то на полковника с особистом, то на меня, точнее, на оружие в моих руках, направленное на офицеров. — В конце концов, что это за человек?

— Я из Синода. — Схватив особиста за локоть, я потащил его к терминалу запуска «Апостола». — Франц, у нас мало времени, поэтому думайте быстро и отвечайте четко. Победоносцев, прикажите ему отвечать на вопросы.

— Выполняйте, Франц, — раздалось за спиной.

Я подвел бледного особиста к терминалу и приказал:

— Набери пароль запуска.

Затем повернулся к Францу:

— Профессор, когда вы загружали боевые системы «Апостола», происходило что-то необычное? Были ли серьезные отклонения в работе оборудования, особенно того, что так или иначе связано с внешними коммуникациями, связью?

— Нет, — отозвался он. — Хотя... кое-какие флуктуации имели место. Но это естественно при использовании такого

сложного оборудования, различные контуры могут конфликтовать. Однако, к чему это...

— К тому, что в «Апостоле» есть модуль, подключенный к одной из наружных антенн базы, которые замаскированы на склоне. Так?

— Это для связи, мы проверяли настройки по внутренним каналам. Данные занесены...

— Через семь минут один из модулей активируется и передаст несанкционированный сигнал через эту антенну. После этого база будет обнаружена. Теперь отсоедините от «Апостола» все кабели резервного питания, тросы... вообще все. Надо изолировать машину от любой возможной связи с внешним оборудованием. Полностью освободите ее от всего подключенного к ней хлама, вы поняли?

— Позвольте, молодой человек! Но вы не ученый, откуда вы...

— Я оперативник, разбирающийся в механике и читавший ваши отчеты в Синоде. Я тот, кто выдал положительное заключение к патенту на кокон управления.

Франц удивленно вскинул брови, развел руками и подошел к Апостолу. Достал отвертку из кармана халата.

Победоносцев внимательно слушал нас. Лавр замер перед терминалом, я посмотрел на металлические кольца с цифрами — они провернулись так, что в прорези на железной планке возникли два слова: «пароль неверен».

— Соберись, Лавр! — приказал я. — У нас не больше пяти минут. Введи правильный пароль, иначе я пристрелю тебя.

Особист побледнел еще сильнее, оглянулся на полковника и сказал:

— Нет. Я этого не сделаю. Ты... Я отказываюсь!

Я перевел взгляд с него на Победоносцева, опустил пистолет.

— Включение всех систем «Апостола» необходимо, чтобы выявить шпионский модуль. Я хочу, чтобы все четко поняли: в этой машине есть устройство, захваченное у Карбона, но не поврежденное в бою. Недавно разведка установила, что его нам подсунули намеренно. Безбожники знали о наших разработках в области шагающих машин... Сейчас при переключке систем мы сможем выявить источник основных флуктуаций — им будет тот самый модуль. Почему ты не хочешь включить систему?

Лавр сглотнул.

— Полковник, он давно служит у вас? — начал я. — Так может, он и есть...

— Я не работаю на Карбон! — закричал Лавр, и лицо его пошло красными пятнами. — Я не безбожник! Как ты посмел предположить такое?!

Позабыв про пистолет в моей руке, он шагнул ко мне, сжимая кулаки.

— Лавр! — голос Победоносцева был таким же, как в кабине, когда он гаркнул на нас двоих. Из рук Франца, отсоединявшего кабеля, выпала отвертка, а особист отшатнулся.

— Если ты не шпион Карбона — введи пароль, — приказал полковник.

Лавр вдруг стал как-то меньше ростом — сгорбился, руки безвольно повисли вдоль тела, подбородок ткнулся в грудь. Из него словно выпустили весь воздух вместе с жизненной силой. На подгибающихся ногах он повернулся к терминалу, коснулся пальцами клавиш. Железные кольца начали медленно вращаться, щелкая, в прорези одна за другой выстраивались цифры и буквы пароля.

— Франц! — позвал я, подходя к машине. — Кокон, считающий движения пилота, — думаю, шпионский узел вмонтирован в него.

Ученый, выдергивающий из гнезда последний кабель, оглянулся на меня. Перехватывая скобы одной рукой — в другой был пистолет, — я полез на «Апостола». Надо было отсоединить страховочный трос, который, провисая, тянулся от массивной кран-балки к задней части машины.

— Полковник, который час?

— Без трех минут три.

— Нельзя позволить, чтобы узел включился и дал сигнал. Лавр, ты ввел пароль?

Он не успел ответить — в кабине ШМ на приборной доске замигали лампочки. Донесся писк, тихие щелчки: началась перекличка систем.

— Франц, вы закончили? Хорошо, теперь помогите мне.

Я забрался в кабину. По сути, вся она представляла собой один большой кокон управления, внутри была паутина ремней,

подвешенных на анкеры и рычаги... Я просунул ноги в подвесную систему пилота, затянул ремни, руки продел в эластичные петли. Повиснув в них, словно парашютист, взялся за ребристые слегка вибрирующие рукоятки управления манипуляторами. Глянул на стекло над головой, но тут его заслонил Франц.

— Что мы конкретно ищем? — спросил он. — Отклонений в работе систем предостаточно. Нужно сузить диапазон, чтобы снять показания и...

Громко загудели мощные дизели за спиной, выпустив к высокому своду пещеры струи черного дыма. Шагающая Боевая Машина «Апостол-1» вошла в боевой режим.

Если на основе первого, удачного образца таких машин сделать десятки, сотни... С ними Святая Церковь сможет разбить Карбон, сровнять с землей вражеские бункеры и цитадели — тогда власть корпорации воцарится во всей Европе! Золотые купола церквей, статуи Иисуса-Воителя, стройные ряды «Апостолов», гордые воины в черных полурясах и начищенных до блеска сапогах, с крестами на груди и верой в сердце, с автоматами в руках и стальным блеском в глазах... Дисциплина и самопожертвование во имя Господа, жесткое распределение ресурсов, общественная собственность, коммуны, молебны и песнопения, и тень от длани Святого Синода, распростершаяся над всем континентом! И длинные вереницы закованных в кандалы безбожников.

Вот что я видел, когда смотрел сквозь бронированное стекло кабины.

А еще сквозь стекло было видно, как Лавр, отойдя от терминала, что-то доказывает Победоносцеву, и как полковник, не слушая, глядит на меня, висящего на ремнях в центре кабины...

И как на лице его медленно появляется понимание.

Нашупав ногами колодки, дублирующие движения механических конечностей при ходьбе, я сильнее подтянул ремни и сказал:

— Пригнитесь, Франц, не вижу, что впереди.

Ученый подался в кабину.

Это был момент истины. Та самая секунда, ради которой я проделал все это. Та, ради которой я заставил их отключить ШМ от всего, что помешало бы ей двигаться, ради которой

уловками и силой вынудил Лавра — единственного на базе, кто имел соответствующий доступ, — ввести пароль и включить боевой режим.

Я был внутри работающего «Апостола». Работающего и готового к бою. И гениальный ученый, создавший эту машину Нового Апокалипсиса, это чудо техники корпорации Святая Церковь Господня, находился рядом со мной.

Схватив Франца за плечо, я рванул его в кабину. Расстояния между приборной панелью и мной, висящим на ремнях, как раз хватило, чтобы он провалился вниз, на дно.

Потом я вдавил желтую клавишу, опустив стекло. Повернул рукоять — вибрация стала сильнее, позади громче загудели мощные дизели.

Победоносцев бросился вперед. Полковник не отличался умом, но надо отдать ему должное — он был смел. Лавр вскинул голову, лицо его исказилось. Рот раскрылся: особист закричал, но я не слышал голоса за гулом двигателей «Апостола».

В широкую щель между створками ворот начали вбегать солдаты, среди них был Брюч. Победоносцев оказался перед машиной, когда я шагнул вперед, — массивная покатая ступня ударила полковника в грудь, отбросила куда-то вбок.

Лавр орал, размахивая руками. Солдаты открыли огонь. Вот только пуля не берет броню ШМ, тут нужно оружие помощнее.

Я шагнул дальше, двигая руками, приноравливаясь к управлению. Внизу что-то замычал похищенный ученый, пришлось снять ногу с колодки и двинуть его по голове, после чего Франц затих.

Когда я поднял взгляд, Лавра впереди не было. Солдаты стреляли, пули щелкали по стеклу, звонко барабанили по корпусу.

Ну что, майор, посмотрим, на что способна машина Святого Легиона? Аналитики утверждали, что мощность дизелей позволяет крепить на манипуляторы тридцатимиллиметровые пушки. На «Разилах» ставят калибр поменьше — техники не могут избавиться от резонанса, возникающего из-за стрельбы. Ничего, теперь Франц поможет им...

Откинув большим пальцем предохранитель на ребристой рукояти, я вдавил красную кнопку. Хриплое гудение перекрыло

гул дизелей, и снаряд пронесся над головами солдат, ударил по воротам, едва не пролетев в щель между створками.

Приближаясь к воротам, я непрерывно стрелял по ним, методично расширяя проем. Вскоре одна створка не выдержала, от края к потолку пробежала изломанная трещина. Я плавно поднял руку, сжимая рукоять, — манипулятор мягко повторил движение. Створка лопнула, как пенопласт, открыв выход из мастерской. Я сделал шаг и...

Машина вздрогнула, качнулась назад, будто ее схватил равный по силе соперник. Взыли моторы, на приборной панели замигали красные лампочки, предупреждая о перегреве узлов.

И тут на стекло передо мной опустилась ладонь.

Показалось перекошенное от ярости лицо Лавра. Он подцепил нас сзади страховочным тросом!

Пытаясь сбить особиста, я взмахнул манипулятором. Лавр прижался к верхней части кабины. Одна его рука была на виду, другая опущена... кажется, пытается открыть колпак! Крутанувшись внутри ИВ-кокона, я закачался в ремнях. Взревели моторы, и «Апостол» повернулся на месте. Тогда я вдавил гашетку — и срезал выстрелами трос. Снова повернулся. Особист съехал по стеклу, заслонив обзор.

Прилип, как пиявка. Надо избавиться от него.

Шагнув в пробитый пушками проем, я глянул вниз. Франц, кажется, надолго потерял сознание. Стало светлее, «Апостол» вышел в каменный туннель. Лавр висел на стекле, орудуя правой рукой где-то под колпаком.

Под машиной мелькнула распластавшаяся фигура — я узнал Брюча. Кажется, он получил по голове одним из обломков и не мог встать. Пытаясь подняться, лейтенант машинально заслонился рукой от механической ступни, которая почти опустилась на него.

Я качнулся вперед, вдавливая ногу в колодку, нажимая что есть сил... и машина перешагнула через лейтенанта.

Несколько солдат бежали по сторонам, стреляя на ходу. Искаженное лицо особиста было прямо напротив моего, мешало обзору. Я повернул, чтобы пройти между казармами, к впадине на краю туннеля, по которой тек ручей, и вдавил клавишу на приборной панели. Стекло пошло вверх. Не ожидавший такого

особист съехал, дергая ногами. Отпустив один манипулятор, я выхватил пистолет, наставил на него, но тут машина качнулась — зацепилась ступней за ящик. Пришлось сгруппироваться, выпустив оружие.

Удержаться в вертикальном положении удалось, но спрыгнуть в ручей там, где я планировал, не вышло. Крыша кабины зацепила каменный свод, донесся скрежет, каменное крошево застучало по броне. Лавр вскрикнул — и, в отчаянной попытке забросить одну ногу в кабину, заехал мне носком в челюсть. Извернулся, хватаясь за выступы на корпусе, пытаюсь влезть внутрь целиком.

К гудению дизелей «Апостола» добавилось журчание воды. Главное теперь не поскользнуться. Пытаясь одной рукой вытолкнуть Лавра наружу, другой я старался удержать манипулятор прижатым к корпусу, чтобы не зацепить стену тоннеля и не выворотить ствол пушки из крепления.

Солдаты бежали рядом, стреляя, пули проносились мимо кабины, били в нее сбоку. Особист что-то хрипел над самым ухом, толкал меня, я качался на ремнях — вести машину становилось все труднее, системы откликались на мои движения надсадным ревом моторов, дерганьем и судорожными рывками манипуляторов.

Лавр держался за нижний край, свесив одну ногу в кабину, и все норовил ударить мне в подбородок носком ботинка. Один раз у него получилось. Я отклонил голову, Лавр качнул ногой сильнее — и угодил по клавише, управляющей колпаком. Стекло пошло вниз. Особист закричал, сорвался наружу, повиснув на согнутой ноге. Я схватил его за голень, рывком распрямил ногу — он упал за миг до того, как стекло окончательно закрыло кабину.

Снизу донесся крик, и больше я Лавра не видел. Не знаю, раздавил ли его «Апостол» или нет, мне было не до того. Впереди забрезжил солнечный свет, показалась ограда Чистого истока, и я вновь задействовал пушки. Самое сложное еще только предстоит: внутри базы солдаты не решались использовать тяжелое вооружение, а вот снаружи Победоносцев постарается остановить меня любой ценой.

Теперь главное — оказаться на дороге к базе первым.

Я быстро прошагал по руслу ручья, сквозь дымящуюся дыру в ограде, мимо крытого шлюза. Тоннель остался позади... Пора!

Пробежав пальцами по панели, я активировал блок управления связью и отправил короткий пакет данных. Спустя несколько секунд пришел ответный сигнал с «Могучего Язычника»: они подтвердили координаты места встречи.

Вскоре там будет конвертоплан и звено прикрытия, четыре бомбера.

На дороге я все-таки оказался первым, но патрульные мобили уже ехали сзади.

Эта штука может двигаться быстрее? Я стал энергичнее сокращать мышцы ног, ИВ-кокон исправно передал сигналы... И «Апостол» побежал.

Хороший режим. В «Разине» такого нет.

Я собрался оглянуться, движение было чисто машинальным, хорошо, что вовремя опомнился. Есть у машин этого класса недостаток: нужно разворачиваться, чтобы посмотреть назад. Уходя от погони, так лучше не делать. Пришлось глядеть в зеркало, закрепленное над колпаком: там отражались мобили.

Впереди показался поворот дороги. Бегом приблизившись к нему, я до предела поднял манипулятор и выстрелил. Снаряд врезался в склон, полетели камни. «Апостол» успел пробежать под ними, сзади они запрыгали по дороге, скатываясь с нее, одна глыба угодила в кабину первого мобиля, он резко вильнул — и улетел за обочину.

Но вторая машина, где были Брюч и три бойца с реактивником, несколько раз круто свернув, смогла избежать аварии и продолжала погоню.

Дальше дорога шла ровно. Франц внизу застонал, но встать пока не пытался. Мобиль нагонял. В зеркало я увидел, как Брюч взмахнул рукой и один рядовой поднял на плечо гранатомет. Я перекинул тумблер средств внешней защиты и отстрелил дымовые шашки. За спиной раздался хлопок, тут же второй — сработала активная броня. Пламя взрыва окутало кабину, лизнуло колпак, по корпусу забарабанили осколки гранаты. Хорошо, что она не достигла цели, столкнувшись в воздухе с тепловой ловушкой.

До точки остался километр. Я набрал на клавиатуре радиостанции нужную частоту и произнес:

— «Эскорт»! «Эскорт», я — «Гонец», ответьте!

— Слышу тебя, «Гонец», — откликнулись динамики в кабине. — Буду в точке через две минуты.

— Принял, «Эскорт», следую по графику. — Я взглянул на часы в углу пульта — на самом деле мы опережали график почти на минуту.

Еще два поворота, и дорога вывела нас к знакомому ущелью, где росли акации и висел застрявший в расселине дирижабль. Сбоку мелькнула глыба, за которой мы с Брючом прятались от мнимого диверсанта. Хотя, почему «мнимого»? Он — то есть я — там действительно был. Сначала атаковал дирижабль, потом забрался в гондолу. Пришлось даже порезать себе руку, чтобы больше походить на человека после аварии, а затем старательно сглатывать, трогать уши и морщиться, изображая последствия контузии.

Мобиль, немного приотставший на поворотах, снова догнал. Вбежав в ложбину, я развернул «Апостола», поднял манипулятор, целясь в глыбу, и дважды выстрелил из пушки. Мобиль как раз появился из-за поворота.

Водитель резко вывернул руль, машина пошла юзом, чиркнула о глыбу, колеса с одной стороны оторвались от дороги. Мобиль катился ко мне, все больше кренясь на левый борт. В открытый проем из него выпал один солдат, другой, машина проехала еще немного и встала набок, замерев перед «Апостолом».

В воздухе разлился гул винтов. Я снова вызвал по радио эскорт, сказал, чтобы не стреляли по машине, а отбомбились по базе и сразу возвращались назад. Бомберы низко прошли над ущельем в сторону Чистого истока. Конвертоплан — массивный, прямоугольный, с четырьмя тяжело рокочущими винтами — завис надо мной, сбросив тросы с магнитными захватами, подцепил ШМ за манипуляторы.

Когда «Апостол», покачиваясь, начал подниматься, из мобиля выбрался Брюч. Грязный, в порванной рясе, он стоял на четвереньках, задрав голову. Немного ослабив ремни и накренившись вперед, я отсалютовал ему. Он не пошевелился, все так же смотрел вверх, обратив ко мне растерянное красное лицо.

Конвертоплан начал поворачивать, ушедшие вниз горы ползли вбок, и каменная дорога с машиной и дирижаблем пропала из виду. Набирая высоту, мы летели в сторону моря. Скорость увеличилась, за колпаком засвистел ветер. Теперь конвертоплан несясь высоко над Карпатами, и горы, похожие на пятнистое серо-зеленое одеяло в складках и вздутиях, ползли под нами. Я внимательно глядел вниз.

Разбитые купола церквей, взорванные статуи Иисуса-Вои-теля, наемники-безбожники, спекуляция ресурсами, свободная торговля, рынок, коммерция... Шагающие Машины сомнут Святую Церковь, распространив власть Карбона, корпорации безбожников, по всему континенту.

Вот что я видел, когда смотрел сквозь бронированное стекло кабины.

Франц снова застонал и вдруг сел на дне кабины, поджав ноги. Сжимая виски, поднял голову.

— Через тридцать минут будем на месте, — сказал я.

Несколько секунд он смотрел на меня пустыми глазами, потом взгляд механика стал осмысленнее, и он прохрипел:

— Кто вы такой?

Я скупно улыбнулся ему.

— Майор Захар Самосудов, как и было сказано. Диверсионный отдел Балканского дивизиона корпорации Карбон. За эту операцию мне заплатят семь тысяч. И еще три — если помимо машины доставлю на борт «Могучего Язычника» вас, в целости и сохранности. Поэтому, будьте добры, не дергайтесь, просто сидите там до конца полета. Работа на Карбон вам понравится, гарантирую. Я, во всяком случае, получаю от нее громадное удовольствие.

СОДЕРЖАНИЕ

Страшно смешная сказка на ночь	5
Александр Бачило НАСТОЯЩИК	7
Лев Жаков ЗОМБИ ПО ВЫЗОВУ	31
Сергей Малицкий РЕКОНСТРУКЦИЯ	66
Александр Шакилов ТРУСАРМИЯ	69
Сергей Палий ДВА ДРОВОСЕКА	76
Николай Желунов ГЕНЕРАЛ ЧЕБУРАШКА	89
Виктор Глумов ТАЙНА СОЗДАТЕЛЕЙ	92
Генри Лайон Олди NEVERMORE	110
Сергей Малицкий БАЙКИ ИЗ БУНКЕРА	114
Андрей Гребенщиков МУТАНТЫ УЧАТСЯ ЛЕТАТЬ	148
Антон Фарб, Нина Цюрупа ДАР СВАЛКЕРА	157
Вячеслав Шторм ТРЕНД СМЕНИЛСЯ, или ВАМПИР, КОТОРОГО НИКТО НЕ ХОТЕЛ	168
Олег Бондарев СЫГРАЙ В ЯЩИК, ГИЛ	185
Роман Куликов ЛУЧШЕЕ РЕШЕНИЕ	195

Александр Шакилов	
МУХА НА СТЕКЛЕ	206
Виктор Ночкин	
ДРОИДЫ ПРОТИВ ВАМПИРОВ	212
Юлия Зонис	
НЕ ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ	241
Лев Жаков	
ЛЮМЕХ СТОЧКЕР СНОВА В ДЕЛЕ	303
Игорь Вардунас	
РЕПОРТАЖ	319
Зотов	
СУМЕРКИ БОГОВ	345
Андрей Левицкий	
КАРБОН. МАШИНЫ АРМАГЕДДОНА	354

Литературно-художественное издание

Составитель
Никита Аверин

S.W.A.L.K.E.R.:
БАЙКИ ИЗ БУНКЕРА

Фантастические повести, рассказы

Зав. редакцией *М.С. Сергеева*
Ответственный редактор *В.А. Бакулин*
Художественный редактор *М.Г. Мельникова*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Ю.Б. Анищенко*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

Издание подготовлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции. harvest@anilex.by

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
ЛП № 02330/0150496 от 11.03.2009.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

**НИКИТА ПАВЕРИН
ИГОРЬ ВАРДУНАС**

ХРОНОС

ДВЕ ВОЙНЫ. ОДНА ИСТОРИЯ.

Костры инквизиции, печи Освенцима, Зверь из Живодана,
похищение детей во французских Альпах, трагедия 11-го
сентября и последняя миссия на Марс.

Что объединяет эти события, кроме учебников истории?

Кто эти загадочные люди, работающие
на корпорацию «Хронос»?

Какие цели преследует таинственный орден Каменщиков
и можно ли изменить историю
или это уже произошло?

Все разгадки в самом непредсказуемом литературном
проекте современной российской фантастики.

2013

Составитель
Никита Аверин

Зотов
Александр Бачило
Олег Бондарев
Игорь Вардунас
Виктор Глумов
Андрей Гребенщиков
Лев Жаков
Николай Желунов
Юлия Зонис
Роман Куликов
Андрей Левицкий
Сергей Малицкий
Виктор Ночкин
Генри Лайон Олди
Сергей Палий
Антон Фарб
Нина Цюрупа
Александр Шакилов
Вячеслав Шторм

ISBN 978-5-271-45251-2

9 785271 452512

НОЧЬ ТЕМНА...
И ПОЛНА СМЕХА!